

Что должен делать благородный человек в соприкосновении со злом? Покориться злу, или войти с ним в выгодный союз, или оказать сопротивление? Такой вопрос вынесен на обложку книги «Охотник», написанной под именем «Эндрю Макдоналд» знаменитым американским расовым мыслителем Уильямом Пирсом. Враг при жизни признал его «наиболее опасным представителем Белого сопротивления» за рубежом, а в день его смерти выразил надежду, что за отсутствием достойных последователей «все Белое Движение последует за Пирсом в могилу».

Когда Оскар подъехал к месту на стоянке у края огромной заасфальтированной парковки, пустая банка из под пива хрустнула под одним из передних колес. Он выключил фары и огляделся. Да, это было хорошее место: он прекрасно видел каждый автомобиль, сворачивающий с единственной подъездной дороги к стоянке, где ему приходилось тормозить и почти останавливаться под слепящим светом ртутной лампы на столбе. Отсюда ему также было хорошо видно, в каком ряду стоянки в конечном счете оказывалась каждая машина. Он поднял повыше воротник пальто, включил радио, нашел ФМ-станцию, которая передавала его любимую сонату Шуберта, и приготовился ждать.

Прошло почти 20 минут, пока он не заметил то, чего ждал. Коричневый спортивный фургон въехал на стоянку, почти не притормаживая и подпрыгнув на наклонном въезде. Шины фургона завизжали, пока он делал поворот наверху. На мгновение Оскар увидел лица двух пассажиров: водителя, мулата с лохматой папуасской причёской «афро» из мелких завитков и женщину рядом, темноволосую и с довольно широким носом, но явно Белую.

По высокой антенне фургона с оранжевым пинг-понговым шариком на верхушке Оскар без труда следил за движением фургона, когда тот свернул на четвертую полосу от того места, где стоял его собственный автомобиль.

Оскар подождал, пока фургон остановится, запустил двигатель и тихо двинулся со своего места, следуя по пути другой машины. Он хотел ещё раз взглянуть на эту пару прежде, чем они войдут в универсам, для уверенности. Затем он выбрал бы другое место на стоянке, как можно ближе к фургону, и подождал бы их возвращения.

В то время как Оскар осторожно катил между двумя рядами припаркованных автомобилей, он не мог видеть пару в свете своих фар, пока не оказался почти напротив их фургона. Оба стояли с пассажирской стороны машины и, очевидно, о чем-то спорили.

Внезапное дерзкое желание охватило Оскара: почему бы не сделать это теперь и не ждать, пока они пойдут в магазин, а потом вернуться? В поле зрения не было ни других машин, двигающихся по полосе, ни других пешеходов, кроме тех, в дальнем конце стоянки у входа в магазин. Но, довольно некстати, коричневый фургон и эта пара были справа, а стекло в машине Оскара с пассажирской стороны было поднято. Ему показалось слишком трудным наклоняться через сиденье и опускать стекло вниз под их взглядами.

Успеет ли он развернуть машину и вернуться на полосу раньше, чем появится ещё кто-нибудь, или эта пара уйдёт? Возможно, теперь ему стоит выйти из машины и выстрелить в них стоя. Его ладони вспотели, он почувствовал, что его мускулы напряглись, пока мысли, как молнии, пролетали в его сознании.

Но как раз в том миг, когда он поравнялся с фургоном, он заметил свободное место через три машины, тоже справа. Отлично! Он остановится там. Если никто не появится, он даст задний ход и опустится вниз по полосе в противоположном направлении, а фургон на сей раз окажется у него слева.

Несмотря на холодный вечерний воздух, пот градом катил по его щекам, пока он старался успокоить свои нервы. Так с ним бывало всегда перед боевой операцией. Даже во Вьетнаме, каждый раз, когда он должен был лететь на своем «Фантоме Ф4» под смертельный зенитный огонь над Севером, ему приходилось бороться с этим нервным, потным чувством. Как только он попадал в гущу событий, страх исчезал; но перед этим всегда был скверный промежуток - время, когда еще можно было отступить.

Он судорожно сжал рулевое колесо, и машина задержалась, пока он маневрировал на месте стоянки. Быстрый взгляд назад, и включив задний ход, он быстро развернул машину.

Через пять секунд он снова был напротив пары. Резко остановил машину, непроизвольно заглушив двигатель. Проклятье! В зеркале заднего вида он увидел толстую женщину с двумя пакетами продуктов в руках и маленького ребенка, тащившегося за ней, которые уходили с проезжей полосы на расстоянии примерно 60 метров. Заросший мулат и его довольно плотная подруга с одутловатым лицом замолчали и обернулись, глядя прямо на него. Они были примерно в трех метрах от открытого окна машины.

Мгновенное спокойствие охватило Оскара, то спокойствие, которого он ждал. Плавным движением, ни слишком быстрым, ни слишком медленным, но точным и рассчитанным, он вынул винтовку из-под одеяла на заднем сиденье, поднял ее к плечу, и уперев левый локоть в дверь, дважды нажал на курок.

Эхо от выстрелов, разрывающее уши, прокатилось по огромной стоянке. Оскар спокойно положил винтовку, снова завел двигатель и, набирая скорость, плавно покатыл к наклонному выезду. Когда он поворачивал в конце полосы, то притормозил, чтобы взглянуть назад на фургон. Тело мулата валялось у дороги, а женщина, очевидно, упала назад к фургону, и ее не было видно. Оба выстрела были в голову, и Оскар был совершенно уверен, что и мужчина и женщина были мертвы. Он видел, что их черепа буквально взорвались фонтаном кусков костей, мозгов и крови, когда в них с огромной скоростью ударили пули.

Ледяное спокойствие не оставляло Оскара до самого дома. Только поставив машину в гараж, войдя в дом и снял пальто, он поддался радостному возбуждению, которое всегда чувствовал позже. Он довольно насвистывал, пока быстро чистил винтовку, а потом вернулся в гараж. Ему потребовалось всего две минуты, чтобы снять поддельные номерные знаки и заменить их настоящими.

Он тщательно проверил приклеенные пластиковые буквы и цифры на выпрямленных пластинах. Его беспокоило, что клей может не удержать толстые пластмассовые детали на металле, особенно при такой холодной погоде. Он мягко поддел букву с краю лезвием карманного ножа. Клей сначала держался, а потом постепенно поддался, так что можно было вставить лезвие между пластмассой и металлом и, через несколько секунд усилий полностью отделить всю букву. Это успокаивало, но он все еще помнил, как несколько дней назад, приехав домой обнаружил, что цифры полностью отвалились от пластины! После этого он перепробовал различные клеи. Потребовалось почти двадцать минут, чтобы отделить все пластмассовые детали и перестроить их на сей раз в новой комбинации, но он не жалел о потраченном времени.

Как удачно, подумал он, выключая свет в гараже, что его машина была самой обычной модели. В столичной области Вашингтона должно быть не менее десяти тысяч золотистых седанов марки «Форд», практически неотличимых от его машины. Однако он испытывал свою удачу, продолжая использовать тот же самый *modus operandi* - почерк. Шесть раз за немногим более чем три недели - точнее, за 22 дня, - на той же машине, с той же винтовкой, по той же «программе», только на разных стоянках автомобилей и с разными номерными знаками, - это уже действительно многовато, подумал он про себя.

Однако более двух недель назад он решил, что он не будет менять свой почерк, пока средства массовой информации не прервут свое молчание в отношении убийств. После первого двойного убийства три недели назад поднялся большой шум в новостях. «Расово-смешанная пара расстреляна около автостоянки!» - кричал заголовок в «Вашингтон Пост», и другие средства массовой информации также подчеркивали, что жертвы были черным мужчиной и Белой женщиной, хотя корреспонденты тогда никак не могли знать, что стрелок действует по расовым мотивам. Порочность такого намерения, которое он мог иметь, очевидно, была для них слишком возбуждающей, чтобы не поддаться искушению предположить это.

Когда четыре дня спустя произошло второе двойное убийство, о нем лишь кратко упомянули на внутренних страницах «Вашингтон Пост» и затем просто замолчали. О третьей, четвертой и пятой застреленных парах СМИ молчали, как будто набрали воды в рот. Причина была очевидной: через некоторое время между вторыми и третьими отстрелами до людей из СМИ наконец дошло, что эти убийства действительно имели расовую подоплеку, и осознание этого их испугало. Они не хотели поощрять возможных подражателей, или даже дать надежду многим американцам, которые приветствовали бы любого, кто начнет отстрел расово смешанных пар.

«До сих пор эти писаки действительно должны были лезть из кожи вон стараясь удержать крышку на котле, - усмехаясь, думал Оскар. Но дольше тянуть они не смогут». Он подозревал, даже был почти уверен, что его вечерняя работа просто взорвет этих ублюдков.

В проходе между гаражом и домом Оскар заколебался. У него была кое-какая бумажная работа, которую следовало закончить, чтобы его новое контрактное предложение было готово к встрече с полковником Эрикссоном в четверг. Но он не мог заставить себя заниматься бумагами сегодня вечером, а звонить Аделаиде было уже поздно. Он решил перед сном провести несколько часов в своей мастерской. Довольный решением, он щелкнул пальцами и снова начал насвистывать, спускаясь вниз по лестнице в подвал.

Оскар Егер по профессии был инженером-консультантом, а по наклонности - мастером на все руки и, временами - изобретателем. После увольнения из Военно-воздушных сил в 1976 году, он вернулся в институт и получил дипломы инженера по электротехнике и вычислительной технике. Он начал наниматься консультантом еще до окончания дипломной работы в Университете Колорадо. Затем он открыл своё предприятие в области Сан-Франциско и через знакомого в ВВС по Вьетнаму, теперь офицера по размещению заказов в Пентагоне, получил ряд договоров на проектирование. Именно эти контракты заставили его перебраться в Вашингтон четыре года назад.

По существу, Оскар мог вообще не работать: выплаты за использование одного из его патентов на антенны, были достаточными, чтобы удовлетворять его довольно скромные потребности. Он работал, не столько потому, что стремился накопить побольше денег в банке, а потому что считал хорошей идеей поддерживать свои навыки. Кроме того, дополнительные доходы позволяли ему постепенно пополнять свое лабораторное оборудование, которое было чертовски дорогим. Так или иначе, работа чудесно совпадала с его собственными наклонностями любителя мастерить, так что он всё делал по собственному графику, причем почти никогда не тратил на всё больше 20 часов в неделю.

Оскар легко передвигался между стойками электронной аппаратуры, стараясь не наступать на соединительные кабели и пробираясь в угол, где тихо жужжал и чирикал компьютер. Он просмотрел сложенную гармошкой распечатку, которую принтер медленно извергал весь вечер и с удовлетворением отметил, что расчеты новой антенны почти закончены. Если дела и дальше пойдут хорошо, он сможет выполнить всю работу, под которую он старался получить следующий контракт ВВС ещё до его подписания в четверг.

Конечно, он не скажет Эрикссону об этом. Он будет постепенно выдавать результаты следующие шесть месяцев. Министерство ВВС будет довольно, и у Оскара будет достаточно возможностей заработать на новый спектроанализатор, о котором он мечтал.

Оскар считал, что если бы не проклятое заполнение бумаг, работа по этому правительственному договору была бы идеалом. Но каждый контракт требовал заполнения буквально сотен страниц абсолютно idiotских бланков, инструкции к которым были невыносимо тупыми. «Какой процент Ваших поставщиков и субподрядчиков в течение последних трех лет составляли чернокожие?» - хотело знать правительство. «Сколько из них имели испанские фамилии? Сколько было американских индейцев, азиатов или жителей Алеутских островов? Равнялись ли проценты в каждом из вышеупомянутых случаев, по крайней мере, долям соответствующих меньшинств в рабочей силе округа или муниципалитета, в которых выполнялась работа по данному договору? Использовали ли Вы когда-либо преднамеренно средства договора для оплаты поставок у компании, которая не выполняет инструкции 148 с. (4) или 156 а. (1) Комиссии по равным возможностям найма на работу? Если да, то почему? Дайте полные сведения». И так далее, и тому подобное.

И ведь эти сволочи действительно проверяли ответы! Однажды Оскар попробовал сократить писанину, небрежно написав «не применяется» поперек целой страницы вопросов о том, какой процент рекламного бюджета подрядчика пошел в СМИ, специально ориентирующиеся на рынки национальных меньшинств, использует ли в своей рекламе подрядчик иллюстративный или фотোগрафический материал, демонстрирующий служащих и/или клиентов подрядчика, как представителей разных рас (и если не использует, то почему?) и т.п.

Бланки вернулись обратно с сопроводительным письмом на восьми страницах от одного из чиновников по вопросам соблюдения правил из Отдела равных возможности при приеме на работу в Пентагоне, полным елейного ханжества о важнейшем характере программы правительства по соблюдению «расовой справедливости» и требований полностью ответить на каждый вопрос. В конце концов, Оскар был вынужден представить копии своих бухгалтерских отчетов с разбивкой по статьям, чтобы убедить этого лицемерного осла, что он ничего не рекламирует и не имеет ни служащих, ни клиентов, и поэтому не следует ожидать от него объяснений, почему в его несуществующих иллюстрированных рекламных объявлениях нет улыбающихся черных, коричневых, восточных и белых лиц как его «служащих/клиентов» в требуемой расовой пропорции.

Он почувствовал, как у него закипает кровь от раздражения, когда вспомнил о бумажной писанине, ожидающей его по новому договору. Ну, наверное, ему удастся упрощить Аделаиду сделать всё это завтра вечером. И он выбросил мысль о бумагах из головы, включая свет в своей мастерской. Оскар переделал весь подвал, который раньше состоял из двух спален, комнаты для отдыха и ванной, под свои специфические потребности. Компьютер и лаборатория электроники расположились в бывшей комнате для отдыха, химическая лаборатория - в одной из спален, а небольшая, но хорошо оборудованная механическая мастерская была в другой, а ванная также выполняла роль фотолaborатории. В общем, там было установлено больше чем на полмиллиона долларов современных научных приборов и станков, и они хорошо служили ему в работе и развлечениях, причем граница между этими двумя видами деятельности часто была очень размытой.

Сегодня вечером, например, он намеревался завершить проект, который не имел никакого отношения к его работе по контракту с Военно-воздушными силами или с любым другим предприятием, приносящим прибыль. И все же это едва ли развлечение, подумал Оскар, открывая шкаф. Он вынул трубчатое металлическое устройство и тщательно осмотрел резьбу на его конце. Удовлетворенный, он положил устройство на рабочий стол около меньшего из двух высокоточных токарных станков для обработки металлов.

Потом он выдвинул ящик в нижней части шкафа и вынул предмет, обернутый в промасленную тряпку. Когда Оскар снял тряпку, в его руках оказался новый полуавтоматический пистолет калибра 5,56 мм с длинным цилиндрическим стволом. Быстро и умело разобрав пистолет, он вернул все детали, кроме ствола, в ящик.

Полтора часа спустя Оскар с удовлетворением усмехнулся, сдув последнюю металлическую стружку сжатым воздухом из шланга, а затем плавно наверхнул трубчатое устройство на новую резьбу с внешней стороны ствола пистолета: идеальная подгонка! Конец трубки из алюминиевого сплава с резьбой плотно вошел в выступ на стальном стволе, когда шариковый фиксатор защелкнулся на месте. Он не смог найти никаких зазоров между стволом и глушителем, когда внимательно посмотрел сквозь отверстие в стволе. Теперь – испытания.

Оскар повторно собрал и зарядил пистолет и вернулся в лабораторию электроники. Нажатие секретной кнопки над дверной коробкой заставило часть дальней стены шириной больше метра плавно повернуться под прямым углом. Щелчок выключателем в открывшейся нише, и дальний конец длинного, горизонтального туннеля, выложенного секциями 70-сантиметровой канализационной трубы, залила широкая полоса света. Оскар подвел мишень по проводу в конец туннеля и удобно устроился за подозрительной трубой для корректировки огня на пристрелочном стенде. Это подвальное стрельбище, которое он построил своими руками, было известно только ему одному. При закрытой потайной двери в обрете стены он мог стрелять даже из самых мощных своих винтовок, и ни звука не было слышно в доме наверху или во дворе его ничего не подозревающего соседа, под которым пули попадали в мишень.

Сегодня вечером, однако, шум не представлял никакой проблемы, и он оставил дверь открытой. Он сделал десять выстрелов, и звук каждого из них напоминал хлопок при раскупоривании бутылки шампанского, но даже вполнину не такой громкий. Пули кучно легли в семи-сантиметровый круг мишени, почти так же как это было до переделки пистолета. Оскар был доволен: теперь он мог изменить свой почерк.

Сообщения о выстрелах прошлой ночью еще не успели попасть в утренние газеты, но зато теленовости были уже полны ими в то время, когда Оскар готовил себе завтрак. Как он и предполагал, хозяева СМИ, наконец, решили прервать заговор молчания, которым они окружили его прежние ночные акции на стоянках автомобилей. Диктор взволнованно выкрикивал подробности: «...известно о 12 жертвах безумного убийцы ... очевидны расовые мотивы стрельбы ... более 200 агентов ФБР работают над этим делом последние две недели... в качестве подозреваемого разыскивается высокий блондин ...».

Последние слова заставили Оскара задуматься. Видимо, кто-то его заметил; это могло произойти во время четвертой стрельбы, когда он вышел из машины и стрелял стоя. Он побрел в ванную и придирчиво всмотрелся в свое отражение в зеркале: глубоко посаженные серые глаза, резкие линии выступающего носа и подбородка, желтая щетина на широком, тяжелом подбородке, несколько великоватые уши, тонкий шрам, пересекающий наискосок левую щеку – следствие несчастного случая во время катания на горных лыжах несколько лет назад, – высокий, гладкий лоб под растрепанными золотистыми волосами. К сожалению, с таким лицом трудно затеряться в толпе.

Конечно, почти наверняка никто не смог хорошо разглядеть его лицо, иначе было бы более подробное описание, возможно, даже фоторобот. Однако, в будущем он должен быть намного осторожнее. Первые несколько раз он был почти намеренно беспечен. Это был и вызов властям, и отвращение, которое он испытывал к существам, которые выбрал своими мишенями. Был и другой повод, размышлял Оскар, значащий по крайней мере столько же, сколько и другие: так сказать, терапевтическая потребность «вылечить» чувство душевного разлада, который все больше и больше охватывал его в последние годы.

Как это началось? Оскар попытался вспомнить. Случилось ли это после того, как он переехал в Вашингтон, или ещё раньше? Наверное, раньше. Он подумал, что следы зарождения этого состояния уходят во Вьетнам. Просто в Вашингтоне ему всё стало намного яснее.

Во Вьетнаме его в основном раздражали сами вьетнамцы. Попав в эту страну без особых предубеждений, Оскар быстро почувствовал сильное отвращение к вьетнамцам независимо от их пола и возраста. Ему не нравились ни внешний вид «косоглазых», ни их запах, ни ценности, ни поведение, ни их общество. Он не видел ни малейшей разницы в том, правит ли косоглазыми банда коммунистов из Ханоя или банда капиталистов из Сайгона. Он был бы просто счастлив,

если бы южных и северных вьетнамцев оставили в покое, чтобы они могли убивать друг друга до бесконечности.

Оскар определенно не был пацифистом; в принципе, он не возражал ни против войн вообще, ни вьетнамской «полицейской операции» в частности. Он считал свою работу во Вьетнаме опасной, но также требующей напряжения сил и возбуждающей. Однако, существовали некоторые вещи, которые начали беспокоить его, некоторые надоедливые мысли.

Одна из них заключалась в вопиющем лицемерии и фальши американского правительства. Южновьетнамцы предположительно были «союзниками» Америки, и американские войска находились там, выполняя свои «союзнические обязательства». Но то была чистая ерунда. Косоглазые не были существами, которых можно было брать в союзники; и если бы Америка попала в переplet и нуждалась в военной помощи, никто в этой части света не шевельнулся бы, чтобы помочь ей.

Чем лучше он узнавал вьетнамцев, тем больше действовал ему на нервы самонадеянный треп Вашингтона о «помощи в защите свободы» в Юго-Восточной Азии. Косоглазых меньше всего заботила «свобода», но даже если это было не так, то их свобода не стоила жизни даже одного его боевого товарища. Примерно такие мысли приходили в голову Оскара каждый раз, когда кто-нибудь из летчиков его эскадрильи не возвращался с боевого вылета, или когда он видел, как из вертолета выгружали резиновые мешки с телами убитых солдат.

Если бы правительство заявило всем и каждому, что действия во Вьетнаме - просто военная игра, вроде обычая в древнегреческой Спарте, дабы держать в форме военную машину США, а все фальшивые ограничения в выборе целей, которыми были связаны американские войска, просто часть этой игры, для Оскара было бы легче примириться со всем этим. Но поддерживать отговорку, что они сражаются за жизненно важные национальные интересы, и в то же время делать все возможное, чтобы избежать военной победы, которой можно было добиться: от всего этого Оскара тошнило, и наполняло глубоко унынием в отношении политических деятелей, хозяев управляемых средств массовой информации и всех остальных, кто дома составлял «Систему».

Ещё одна вещь, которую принес Оскару вьетнамский опыт, состояла в том, что он стал больше ценить таких же, как он сам Белых людей. Все летчики в его части были Белыми - по существу, они были тщательно отобранной группой Белых, элитой - и Оскар не мог удержаться от противопоставления их южновьетнамским войскам и черным американским военнослужащим в расово перемешанных американских сухопутных войсках. Это была не только его подсознательная нелюбовь к чужакам, как ответ на различия во внешности и речи; это было нечто более глубокое и фундаментальное. Это было внутреннее ощущение чуждости.

Черные чувствуют это, и они используют слово «душа» для выражения такого состояния: душа - хорошее слово, означающее духовную связь личности со всеми прошлыми и будущими поколениями своего народа, расы. Из этих корней произрастает все: физическое, умственное и духовное. Корни определяют не только, как человек выглядит, и то, как он думает и ведет себя, но равно и его общее отношение к миру.

Взять, например слово «гордость», также часто используемое черными. В нем отражаются совершенно разные мироощущения различных рас. Для Оскара и других летчиков это слово означало, по существу, чувство собственного достоинства, которое основывалось на чувстве личных достижений и успехов и больше всего - на достижении владения самим собой; оно пронизывало всё как аура достоинства, или, можно даже сказать, чести.

Для черных же «гордость» означала своего рода наглую дерзость, драчливое стремление бросить вызов любому «Беляку». Это проявлялось у них в иерархии скотного двора. Что касается вьетнамцев, то трудно сказать, есть ли вообще в их языке слово для выражения такого понятия. Вероятно, наиболее близкое существующее у них понятие переводится как «лицо». Как и у черных, это, прежде всего, социальное понятие, зависящее от отношений с другими личностями, в то время как для Белых это намного более частное, внутреннее дело.

Лично Оскару нравились не все его сослуживцы - Белые летчики; пару из них он вообще не слишком уважал. Он видел личные недостатки своих товарищей: слабости, глупости, подлость - военная жизнь обнажает истинную природу человека как ничто другое - однако они образовывали естественное сообщество. Оскар понимал их, а они понимали его. И они могли работать вместе над общей задачей и чувствовали себя хорошо, несмотря на свои индивидуальные различия. С черными и вьетнамцами ни Оскар, ни его товарищи никогда не могли образовать такое естественное сообщество.

Когда Оскар был во Вьетнаме, он не испытывал ненависти ни к вьетнамцам, ни к черным, но в нем развилось сознание того, что они представляют собой совершенно различные породы людей. Он осознал их врожденные различия, так же как различия образов жизни. Он увидел, что их обычаи и взаимоотношения есть выражение расовых душ, совершенно чуждых его собственной, и это придало ему большее чувство расового самосознания, чем прежде.

Он многое прочитал в промежутках между боевыми вылетами, пытаясь лучше понять значение своего недавно обострившегося расового сознания и пытаясь посмотреть на всё

происходящее с исторической точки зрения. То, что появилось во Вьетнаме и более полно сложилось во время его научной подготовки после того, как он уволился из Военно-воздушных сил, было осознанием расовой основы истории и всего развития человечества. До этого Оскар смотрел на историю как простую последовательность событий - сражений, революций, технических достижений, связанных с датами и именами, и он имел нечеткое представление о прогрессе как своего рода цепочке событий, когда одно политическое событие ведет к другому, а достижения изобретателя или художника основываются на работах предшественников. Его новое мироощущение расставило события в их человеческой связи, все мелкие детали которого были существенны для понимания значения той связи.

Возьмем войну во Вьетнаме в качестве примера. Оскар представил себя студентом истории, читающем об этой войне в 25-м веке. Книга по истории, если она будет написана как и большинство подобных книг, рассказала бы о двух странах, одной - богатой и мощной, и другой - бедной и отсталой, старающейся сохранить независимость перед лицом внутренней подрывной деятельности и внешней агрессии. В ней был бы описан ряд политических и военных событий в бедной стране, и то, как богатая страна направила свои войска, чтобы помочь бедной справиться с ее врагами, была бы отражена политическая реакция внутри богатой страны на эти события и исследованы способы, благодаря которым эти политические силы воспрепятствовали богатой стране эффективно использовать ее солдат, чтобы помочь бедной стране, так что, в конечном счете, богатая страна была вынуждена вывести все свои войска до последнего солдата и оставить бедную страну на растерзание врагам. Всё - даты и места главных сражений, число использованных войск и имена лидеров различных политических фракций в обеих странах - могли быть приведены без ошибок или упущений. И все же общее содержание книги было бы по сути совершенно бессмысленным.

Студент истории 25-го века, возможно, не смог бы понять войну во Вьетнаме, не зная, как выглядели вьетнамцы и американцы; не узнав о ценностях, поведении, отношениях и образе жизни вьетнамцев как это удалось Оскару; если бы он не получил полного представления о разложении американской политической жизни в 20-ом веке: лицемерии, ханжеской риторики, скрытых мотивах, полной безответственности руководства, общем невежестве и отчуждении граждан, роли СМИ, влиянии движения за гражданские права на военную мораль и ряд других вещей.

История - это летопись мыслей и действий людей не только как отдельных политических лидеров, художников и изобретателей, но и как членов сообществ - расовых, культурных, и религиозных - с которыми они разделяют ценности и побуждения, отношения и устремления, способности и склонности, определенные силы и слабости. Поэтому история является летописью развития и взаимодействия различных человеческих типов: и в первую очередь рас и этнических групп. Эти исторические записи имеют значение только тогда, когда они читаются со всесторонним, подробным знанием физических и психических характеристик тех или иных типов людей, творящих историю.

С момента, когда Оскар понял эту простую истину, тревожащие вещи, которые происходили вокруг него после возвращения из Вьетнама, начали обретать смысл. Растущее потребление наркотиков Белой молодежью, выставление напоказ гомосексуального поведения все большим числом извращенцев с благословения новостей и развлекательных СМИ; появление на публике все большего количества межрасовых пар - все эти вещи начали вписываться в картину, которую Оскар мог понять. Осознание, что цивилизация, частью которой он себя чувствовал, теряет свои отличительные черты и способность сохранить самоё себя, не только тревожило и удручало Оскара, но и глубоко подавляло его, потому что он хотел что-нибудь сделать с этим.

Если бы Оскар был более склонен к занятиям политикой, он, возможно, подумал бы о выборах на общественную должность и даже о создании новой политической партии. Но у него душа не лежала заниматься подобными вещами. Он чувствовал глубокую внутреннюю ненависть к всему демократическому политическому процессу, как и к каждому политику, с которым он когда-либо встречался лично или видел на телевизионном экране. Он не мог, без отвращения, представить себя закоренелым лжецом и делающим другие постыдные вещи, которые требуются для завоевания симпатий у испорченной и невежественной публики и развращенных СМИ, чтобы победить на выборах и получить возможность попытаться преобразовать Строй изнутри.

Он также не считал себя способным стать писакой, чтобы нападать на строй извне Оскар был не только немногословным человеком, он был человеком действия. Он предпочитал сделать что-нибудь в сложной ситуации, а не рассуждать о ней.

И когда он наконец решил действовать, то начал отстреливать расово-смешанные пары на стоянках автомобилей у торговых центров. Нельзя сказать, что он мало думал над этим вопросом: сначала он взвесил множество вариантов - от использования своего опыта в области электроники, чтобы «прорваться» в коммерческое телевидение с пиратским передатчиком и передать собственное обращение, до найма самолета в близлежащем аэропорту с тем, чтобы разбомбить здание Капитолия во время заседания Конгресса.

Он остановился на отстрелах по трём причинам. Во-первых, они ярко символизировали болезнь Америки и опасность, угрожающую его расе. Любой человек мгновенно понял бы их значение и подоплеку. Во-вторых, эти прямые действия против врага несли Оскару большее облегчение по сравнению с достаточно безличным ударом, направленным против Строя. Третьей, и наиболее важной причиной было то, что эти действия могли легко найти подражателей.. Единицы были способны работать на пиратском передатчике или провести бомбежку Капитолия с воздуха, но подстрелить расово смешанную пару на улице могли многие.

Хозяева СМИ, очевидно, учитывали это третье соображение, что и было причиной их первоначального замалчивания его действий. Теперь, когда замалчивание сообщений прервалось, они пытались предупредить любых возможных подражателей, неистово брызжа словесным ядом. Ещё не закончив завтрак, Оскар услышал, что корреспонденты на трех каналах представляют эти отстрелы как наиболее порочные и предосудительные преступления, какие только можно было вообразить. Он скривился, услышав, как четвертый комментатор мрачно описывал стрелка как «очевидно очень больного человека». Было ясно, что на этом деле большой славы он не заработает.

Аделаида все еще деловито стучала по клавиатуре компьютера в углу гостиной комнаты, когда Оскар вернулся из подвала. Он на секунду остановился позади нее, восхищаясь плавной прелестью ее шеи и плеч. Он подумал, что Аделаида оказалась одним из самых чудесных итогов его отношений с Военно-воздушными силами. Он встретил ее четыре месяца назад в Пентагоне, в офисе Карла Перкинса, своего приятеля по Вьетнаму, где она работала гражданским аналитиком. Аделаида выросла в крошечном городке в штате Айова, получила диплом математика в Государственном университете штата Айова и работала в Вашингтоне чуть более года.

Хотя в свои 23 года она была на 17 лет моложе Оскара, их обоих так потянуло друг к другу, что он пригласил ее на свидание еще при первой встрече. Отношения их складывались чудесно, и в последнее время она и Оскар встречались по три-четыре раза в неделю. Красивая, щедрая и сердечная, всегда жизнерадостная - она была настоящим противоядием от склонности Оскара к мрачным настроениям.

Пришло время просить ее переехать к нему - и она, конечно, ждала его просьбы - но Оскар никак не мог согласовать свои действия против Строя с таким итогом их отношений; как он мог надеяться сохранить в тайне от жены такие вещи? Ему уже сейчас было неудобно объяснять ей, почему его иногда нет дома.

В порыве Оскар склонился над ней, и в его ладони, скользнувшие под ее руками, как в чаши, легли её полные груди. Она продолжала печатать, но откинулась к нему всем телом, когда он начал мягко сжимать ее соски. Сквозь ткань блузки он почувствовал, как они отвердели.

- Эй, ты хочешь, чтобы я закончила для тебя эту заявку, или нет? - Аделаида засмеялась, все еще отчаянно пытаясь печатать, но уже начала вызывающе прижиматься к Оскару головой.

- Что?! - с чувством ответил Оскар, улыбаясь. - Уже девять часов, а я мечтал о тебе весь день. Я не смогу терпеть дольше. Оставайся у меня сегодня, а завтра мы встанем пораньше, чтобы ты закончила последнюю страницу перед тем, как поедешь на работу. - Он подхватил ее под руки и поднял ее со стула.

Встав на ноги, она повернулась и плавно скользнула в его объятия. Оскар начал жадно целовать ее в губы, шею, уши, и снова в губы. Его руки быстро расправились с кнопкой и молнией сбоку юбки, и та упала на пол под ноги. Обе его руки тут же оказались в ее трусиках.

Она прижалась к нему и прошептала в ухо: «Погоди, а нам не надо закрыть шторы или пойти в спальню?»

- Ох! Я и забыл про шторы. - Оскар смутился и побежал к окну, а Аделаида, подхватив юбку, исчезла в коридоре.

Только после полуночи Оскар снова взглянул на часы. На мгновение он остановился в дверях ванной, и его рука замерла на выключателе. Обнаженная Аделаида спала на кровати, лежа наполовину на спине и наполовину на боку, и свет, падающий из-за плеч Оскара из ванной комнаты, рельефно обрисовывал мягкие черты ее тела. Она была прекрасна - одна из красивейших женщин, которых он когда-либо встречал в жизни, высокая и изящная, гибкая, с нежной кожей, стройными бедрами, оттеняемыми длинными густыми волосами каштанового цвета, плоским животом, великолепной грудью, изящной длинной шеей и лицом столь прелестным, чистым, так по-детски мирным и невинным, что при взгляде на нее, уютно спящую на подушке, наполовину в тени ее длинных, золотисто-рыжих волос, его сердце замирало от восторга, примерно также, когда он смотрел на фантастический закат в пустыне или набредал на чудесный вид в горах. «Аделаида - истинное чудо природы», - подумал он.

Не выключая свет, Оскар подошёл к кровати, осторожно отвел в сторону ее волосы и, стараясь не разбудить, нежно поцеловал ее в губы. Несмотря на его осторожность, глаза

Аделаиды широко открылись, как только губы Оскара коснулись ее губ. Одно мгновение он молча и пристально глядел в ясную, синюю глубину её глаз, и вдруг почувствовал, как её руки притягивают его к себе. Он полюбил ее снова, в этот раз более страстно, чем прежде, почти жестоко, затем повернулся и лег на подушку, а она свернулась калачиком в его объятиях и снова заснула, положив головку на его плечо. Свет в ванной продолжал гореть.

Теперь Оскару очень хотелось спать, но он еще несколько минут размышлял. Аделаида была светлым пятном в его жизни, и он глубоко полюбил ее. Но она значила для него больше, чем любимая женщина. Она олицетворяла всё, что действительно было дорого Оскару. Аделаида была сама красота и невинность, - воплощенное человеческое совершенство. Она была образцом женщины его народа и расы. И она стала высшим оправданием Оскара в его личной войне со Строем.

Он считал, что нет ничего более важного, чем добиться, чтобы в мире всегда существовали такие женщины, как Аделаида. Всё, что угрожает такой возможности, должно быть уничтожено.

Оскар задумался об отличии его собственной системы ценностей и той, что, казалось, была нормой, или, по крайней мере, так внушали представители СМИ. Они говорят о правах человека, равенстве и святости жизни. Плосконосая, грязнокожая полукровка, с волосами похожими на проволоку, рожденная одной из таких расово смешанных пар, которые он подстрелил, так же дорога этим людям, как и золотоволосая, голубоглазая маленькая девочка, которая может вырасти и стать второй Аделаидой. На самом деле, даже более дорога. Оскару было ясно, что, несмотря на болтовню СМИ о «равенстве», в будущем, о котором они мечтают, грязнокожие полукровки унаследуют землю. Он невольно содрогнулся.

Оскар вспомнил случай, свидетелем которому был в Вашингтоне несколько лет назад, во время, когда толпы Белых студентов, христианских священнослужителей, черных активистов, персон из шоу-бизнеса и политических деятелей почти каждый день собирались у посольства Южной Африки, чтобы носить плакаты и выкрикивать речевки против апартеида. Случайно он проходил мимо посольства, когда две южноафриканских женщины, которые там работали, входили в здание. Они остановились, чтобы показать пропуска одному из полицейских, которые образовали оцепление на тротуаре, держа демонстрантов подальше от входа. Одна из женщин была высокая, поразительной скандинавской красоты, другая - довольно невыразительная брюнетка среднего роста. Несколько демонстрантов протолкались вперед, чтобы осыпать оскорблениями этих двух женщин. Оскар особенно запомнил одну молодую белую женщину, видимо, студентку университета и при нормальных обстоятельствах, наверное, довольно привлекательную, с лицом, искаженным ненавистью, которая беспрерывно выкрикивала: «Расистская сука! Расистская сука! Расистская сука!» Было заметно, что ее злость была направлена именно на высокую блондинку, как будто именно эта женщина, больше чем ее коротенькая и темноволосая спутница, представляла все то, что демонстрантку учили ненавидеть. Белый священник, стоящий поодаль в нескольких метрах, одобрительно усмехался. Священник держал плакат с надписью: «Все дети Бога, черные и белые, равны». Но некоторые явно были равнее других!

Точно также люди из СМИ лили слезы по жертвам Оскара. Они болтали и трещали о святости каждой человеческой жизни, и о том, что никто не имеет права судить другого и отнимать у него жизнь. Оскар подумал о том, как мало слез у этих комментаторов находится для жертв уголовных преступников - насильников, грабителей, вооруженных бандитов, которые каждый день убивают множество людей в Соединенных Штатах. В действительности некоторые жертвы заботили их гораздо больше, чем другие. Например, Оскар был уверен, что все они с удовольствием посмотрели бы, как его разорвут на части или зажарят на медленном огне.

Разумеется, совершенно нормально заботиться о некоторых людях больше, чем о других, стремиться защитить некоторых из них и уничтожить других. Различие между Оскаром и этими людьми состояло в том, что он не пытался отрицать этот факт, он хотел защитить своих собратьев и уничтожить тех, кто им угрожал, тогда как они, казалось, ненавидели своих собственных сородичей и любили тех, кто в корне отличался от них самих.

Он прочитал достаточно литературы 18-го и 19-го веков, и даже первой половины 20-го века, чтобы быть совершенно уверенным в том, что его собственные ценности тогда были нормой. Как же произошла эта подмена ценностей и устоев на ложные? Оскар сонно потрянул головой. Этого он никогда не сможет понять, даже если хорошо выспится. Что ж, ответ может ждать. Он знал, что должен делать, и завтра намеревался нанести следующий удар.

- Ещё кофе, сэр?

- Да, пожалуйста, - ответил Оскар официанту, оставляя ему деньги на подносе и мысленно вздрагивая от величины счета. Он откинулся назад на стуле и продолжал наблюдать за другими столами ресторана в то время как уборщик посуды подошёл, чтобы унести последнее из блюд. Оскар выбрал свой стол очень удачно. Он находился в затененной и отгороженной части зала, частично заслоняемой от главного обеденного помещения большим декоративным растением в

горшке, так что Оскар мог наблюдать за другими, сам оставаясь незамеченным. Ресторан был вычурным, модным и всего в пяти кварталах от Капитолия, поэтому его часто посещали как соискатели власти, так и приличное число ее действительных обладателей: законодателей, чиновников высшего ранга, адвокатов, корреспондентов и лоббистов.

Во время обеда Оскар наметил несколько интересных кандидатов, сидевших за другими столами. Он узнал конгрессмена Стивена Горовица в возбужденной, шумной группе всего через два стола от себя. Горовица в последнее время очень часто показывали по телевидению, так как его комитет проводил слушания по новому законопроекту, разрешающему въезд в Соединенные Штаты ста тысяч иммигрантов с Гаити в год. Во взволнованной речи неделю назад он осудил тех, кто выступил против его законопроекта, как тех же самых «расистов», которые возражали против его более раннего законопроекта, с тех пор ставшего законом, запрещающего иммиграцию в США Белых южноафриканцев. «Какой отвратительно уродливый карлик», - подумал Оскар, чувствуя отчетливый зуд в указательном пальце на спусковом крючке, рассматривая крысиное лицо законодателя, с бегающими, близко посаженными черными глазками-бусинками и широким кривым ртом. Но, честно говоря, пуля была бы подарком для Горовица. Оскар предпочел бы дождаться возможности застать этого человечка одного и неспешно обработать его ледорубом.

Кроме того, он все ещё не хотел так резко менять свои «объекты»; ему хотелось некоторое время продолжать отстреливать расово смешанные пары, с той разницей, что теперь он намеревался выбирать их из более состоятельных слоёв, чтобы добиться еще большей шумихи в средствах массовой информации. Превосходный кандидат для этого сидел за столом в другой стороне зала, за которым Оскар скромно следил последние полчаса: высокий, светлокожий мулат с двумя белыми женщинами, которые, похоже, находились с ним в близких отношениях. Оскар понятия не имел, кем были эти женщины, но несколько раз он видел мулата в телевизионных новостях - однажды, причем с Горовицем, на пресс-конференции, проведенной на улице перед южноафриканским посольством. Он возглавлял организацию, которая лоббировала за законодательство о введении санкций против Южной Африки и оказании экономической помощи африканским странам, управляемых самими черными. Возможно, женщины были служащими его организации или только поклонницами известных политиков - разновидностью слишком обычной в Вашингтоне.

Наконец, мулат заплатил по счету, затем неторопливо приблизился к столу Горовица, чтобы выразить ему свое уважение, причем на каждой его руке висело по бабе. Оскар поднялся и вышел из ресторана, больше не взглянув на намеченные жертвы. Снаружи он остановился у газетного автомата и купил «Вашингтон Пост». Краем глаза он видел, как мулат и его белые спутницы вышли из ресторана и свернули налево, на усаженный деревьями и плохо освещенный тротуар. Оскар следовал за ними примерно в тридцати шагах.

Как только Оскар оказался вне ярко освещенного пространства перед рестораном, он переложил из пальто свой пистолет с глушителем и теперь держал в его правой руке завернутым в газету. Троица перед ним свернула за угол. Когда Оскар достиг угла, они уже садились в белый Кадиллак последней модели, оставленный у обочины. Он быстро оглянулся и оценил обстановку, чувствуя знакомую напряженность мышц и ледяной пот под мышками. Хотя по улице, где находился ресторан, время от времени проезжали машины, в переулке не было никакого движения. Самых ближайших пешеходов, группу из пяти человек, направлявшихся к ресторану, он только что миновал, и теперь они находились спиной к нему на расстоянии не менее тридцати метров.

Оскар ускорил шаги и поравнялся с Кадиллаком, когда мулат закрыл переднюю пассажирскую дверь за этими женщинами. Оскар резко шагнул вправо и перекрыл ему путь на обочине за автомобилем. Пока мулат с удивлением и раздражением смотрел на большого Белого мужчину, внезапно выросшего у него на пути, Оскар поднял пистолет, все еще закрытый газетой, и выстрелил ему промеж глаз. Мулат без звука тяжело откинулся на машину, а затем свалился в канаву. Тщательно прицелившись, Оскар выпустил ему в голову ещё две пули, затем шагнул вперед и рывком распахнул дверь Кадиллака. Женщины не поняли, что случилось, и Оскар быстро и точно выстрелил каждой из них в голову, потом ещё дважды. Потом повернулся и быстрыми шагами пошёл назад к главной улице.

Оскар поглядел на часы, когда переехал через Потомак обратно в Вирджинию. Было всего восемь часов и ещё не слишком поздно для встречи с Аделаидой. Оскару пришлось сказать ей, что вечером он должен пообедать с офицерами, занимающимися контрактами на Авиационной базе Эндрюс ВВС и что он позвонит, если освободится пораньше. Ему было больно лгать ей, но он не видел другого способа справиться со сложившейся ситуацией. Аделаида была умной девушкой, в общем, в основном, они думали одинаково, но он совершенно не хотел, чтобы она знала о его личной войне и неизбежным чувством ответственности за это. У неё не было его вьетнамского опыта, и она не прошла его длительную переоценку ценностей, чтобы понимать значение многих вещей, происходящих вокруг них, например, расового смешения. Оскар совершенно не был уверен, что сможет заставить ее принять нравственную необходимость его действий. Подобно всем женщинам, она, скорее всего, сосредоточится на личных аспектах - на

том, что случилось с теми, кто стал жертвами Оскара, а не на безличном оправдании таких поступков и их значения для будущего Белой расы.

Сегодня вечером Оскару пришлось собрать всю свою решимость, чтобы убить тех двух девушек. У него не было никаких сомнений в правильности того, что он сделал, но что-то внутри него мешало ему причинять вред женщинам его расы, даже когда они явно этого заслуживали. На стоянках около универсамов было легче. Все те женщины явно относились к самым низам - ничего не стоящие белые сучки, которые вышли замуж за чернокожих, поскольку не имели никаких шансов у мужчин собственной расы. Но девушки сегодня вечером были довольно привлекательные, даже классные. Как хреново!

Что касается мулата, то его убийство Оскару определенно принесло больше удовлетворения по сравнению с уничтожением других черных. Отчасти потому, что мулат открыто проявил себя врагом Белой расы своими действиями против Белых Южной Африки, и отчасти потому, что он был таким высокомерным, надутым, нахальным черномазым. Возможно также, не будь мулата, те девушки могли бы кое-что представлять из себя. В любом случае, Оскар предполагал, что его большему удовлетворению скоро будут соответствовать увеличенные страдания в рядах противника.

Его предположение подтвердилось позже в тот же вечер. Оскар и Аделаида сидели в постели, собираясь вместе посмотреть 11-часовые новости, как они часто это делали. В этот вечер передача была какой-то неровной и неорганизованной, очевидно из-за того, что редакция новостей, получила пленку с сенсацией дня слишком поздно, чтобы успеть её отредактировать. Без какого-либо вступления диктор произнёс: «Похоже, убийца-расист снова нанес удар!»

Оскар завороженно смотрел, как камера показывала место, где он был всего три часа назад, которое теперь кишело полицейскими в форме, агентами ФБР, корреспондентами и зеваками. По словам диктора, агенты ФБР уже арестовали и допрашивали подозреваемого. Это вызвало невольную улыбку на губах Оскара.

Основное внимание новостей было сосредоточено на мулате Тироне Джонсе, которого убил Оскар. О двух белых женщинах упомянули лишь вскользь, а затем последовала длинная хвалебная речь о Джонсе и его роли в «борьбе за свободу и равенство в Южной Африке». Сенатор Горовиц дал краткое интервью, упомянув, что он виделся с Джонсом всего за несколько минут до того, как последний был застрелен, и что он потерял «дорогого, дорогого друга». Горовиц добавил, что он намерен призвать к расследованию в конгрессе США убийства Джонса и других расстрелов расово-смешанных пар. Потом он склонился к камере с мерзким злым выражением лица: «Все, кто думают, что смогут этими убийствами остановить прогресс, которого мы добиваемся в отношениях между расами, и наши усилия сломать старые барьеры ненависти и предрассудков, разделяющие расы, страшно ошибается. Мы используем все возможности нашего правительства и постараемся найти большого убийцу или убийц, ответственных за эти попытки. Америка продолжит свое движение к полностью смешанному обществу и никому не позволит встать на своём пути».

Затем на пять секунд показали обезумевших от горя родителей одной из застреленных девушек. Аделаида сочувственно покачала головой и прошептала: «Какой ужас!»

- Если она была с этой тварью Джонсом, то заслужила пулю, - ответил Оскар.

- Ох, Оскар! Как ты можешь так говорить? Это же ужасно.

Оскар вздохнул и ничего не сказал, но про себя подумал, что необходимо поговорить с Аделаидой о некоторых вещах, и поскорее.

Оскар аккуратно отложил в сторону пачку газетных вырезок, которые он держал на коленях, потянулся, зевнул, полностью откинулся назад в мягком кресле и закрыл глаза. Это была трудная неделя, и ему требовалось время, чтобы кое-что обдумать. Он был почти рад, что мать Аделаиды приболела, и Аделаида улетела в штат Айова, чтобы побыть с матерью в выходные. Сам он провел все это тихое субботнее утро, читая новости и редакционные комментарии в пачке журналов и газет, которые он набрал в газетном киоске вчера вечером, после того, как отвёз Аделаиду в аэропорт.

Большая часть новостей и комментариев касалась его лично и того, что он натворил.

В новостях за последние десять дней едва ли обсуждалось что-нибудь другое. Спустя два дня после убийства Джонса - в среду прошлой недели - СМИ сообщили о взрыве бомбы в доме расово-смешанной пары в Буффало и автоматном обстреле из проезжавшего автомобиля расово-смешанной группы людей, стоявших в очереди на дискотеку в Сан-Франциско, известную своей своими разномастными посетителями. В последнем случае семь человек были убиты и более десятка ранено, а полиция арестовала двух Белых подозреваемых. По взрыву бомбы в Буффало не было никаких предположений.

В четверг, почти затерявшиеся в продолжающемся гвалте СМИ по поводу стрельбы в Сан-Франциско, промелькнули сообщения об убийстве в Чикаго двух белых женщин-сестер,

предположительно живших с черными, и жестоком избиении расово смешанной пары в своем доме в Филадельфии.

Затем плотину прорвало. В пятницу появились сообщения о 19 серьезных нападениях по всей стране на расово смешанные пары или группы. Впервые СМИ признали, что это были дела множества разных борцов, хотя в каждом случае делалась ссылка на «Вашингтонского убийцу - ненавистника», а случаи за пределами Вашингтона описывались как работа «подражателей». Более чем в половине случаев были произведены аресты.

Оскар, читая подробности, недоверчиво качал головой. Большинство из тех, кто подражал ему, похоже, действовали с поразительной неосторожностью. Казалось, будто все они были старые добрые ребята, которые сидели за пивком, смотрели по телевизору передачи об одном из подвигов Оскара, а потом сказали: «Ого, чистая работа! Я думаю, что сделаю то же самое». И они пошли и сделали это, но по-детски, без всякой подготовки и плана. Остались ли вообще в Америке серьезные люди?

Более обнадеживающими были бритоголовые ребята - «скины» - которые подхватили знамя Оскара с истинным энтузиазмом. Скинов было много, они были очень заметны и без всяких колебаний врезались в расово смешанную толпу с бейсбольными битами, велосипедными цепями и кирпичами. И конечно, всё, что они делали, было совершенно незапланировано, и чаще несмертельно, хотя в одном случае несколько бритоголовых прирезали насмерть смешанную пару на улице в Кливленде. В целом, расосмесители, похоже, больше опасались встреч с бродячими бандами бритоголовых, чем убийц-одиночек.

Беспокойство действительно возросло настолько, что смешанные пары откровенно заговорили о своем страхе появляться на людях. Один общественно-политический журнал сообщил, что некоторые белые женщины в районе Лос-Анджелеса, которые раньше брали своих детей-полукровок с собою за покупками, теперь стали оставлять их с соседями. В одном интервью владелец ресторана в Вашингтоне подсчитал, что с тех пор как СМИ начали сообщать о нападениях, число посетителей - смешанных пар снизилось у него в заведении более чем на восемьдесят процентов.

Ответ Строя был неистовым, злобным и массирующим. Оскар был удивлен. Он, конечно, ожидал большого шума в СМИ и крупных полицейских мероприятий, но совершенно не мог представить таких водопадов гнева и ненависти. Некоторые выступления по телевидению политических деятелей, церковников, педагогов и других лиц были совершенно бессвязными от выражаемых чувств. Один христианин-евангелист неудержимо сотрясался, но не от горя, а от гнева, осуждая нападения на расово-смешанные пары как дьявольскую попытку сорвать «Божий план для Америки». Раввин с подобными же чувствами буквально завывал с пеной у рта. Президент Йельского университета Болдуин Джаккомо заплакал, признаваясь, как ему «стыдно, что я - белый ... [и] моя кожа того же цвета, что у этих больных, сумасшедших существ», которые осуществили эти расовые нападения.

Следя за этим последним выступлением, Оскар задавался праздным вопросом, как этот добрый ученый ответил бы, если предположить, что некоторые из нападений могли быть делом черных сепаратистов, скажем, мусульман Луиса Фаррахана, которые по тем же самым причинам, что и расово-сознательные Белые, выступают против расового смешения.

В то же время Оскар сознавал, что в том, чему он является свидетелем, здравый смысл не играет никакой роли. В некотором смысле слова всех этих выразителей общественного мнения мотивировались религиозными чувствами, даже притом, что некоторые из них могли считать себя агностиками или атеистами. Они следовали религиозному убеждению, что расово-смешанная Америка лучше, чем Белая Америка, что ребенок мулата лучше Белого ребенка, а Белая женщина, которая выбрала черного спутника, лучше той, которая выбрала Белого. Оскар знал, что эти деятели будут отрицать, если такой вопрос задать им прямо; они будут увильживать от ответа и ходить вокруг да около, говоря о «человеческом достоинстве», «равенстве» и тому подобном, но было совершенно ясно, во что они верят в действительности.

Каким-то образом Оскар всегда знал, как на самом деле обстоят дела. Он опять подумал о ненависти, которую видел тогда перед посольством Южной Африки на лице молодой женщины-демонстрантки и одобрительный взгляд стоящего рядом священника. И всё же это его по-прежнему удивляло. Он знал, что Америка насквозь прогнила, что ее разложение пустило глубокие корни, и многие слои населения страны питаются от этих корней, и будут сопротивляться любым попыткам их выкорчевать. Но реакция на его нападения на кровосмесителей была гораздо большим, чем просто защита своих корыстных интересов. Оскар тряхнул головой от удивления. Совершенно ясно, что между ним и этими людьми лежала непроходимая пропасть, и не просто из-за различных интересов, но и ввиду непохожего восприятия действительности и духовных расхождений.

Комментарии в печати были более последовательными, чем заявления по телевидению, но такими же злобными. Передовые статьи призывали к принятию нового федерального закона, вводящего автоматическую смертную казнь любого осужденного за преступление на расовой

почве, причём одна из наиболее эмоциональных статей вышла из под пера автора, который в течение многих лет выступал против смертной казни вообще.

Директор Американского союза борьбы за гражданские свободы в пространном письме редактору газеты «Нью-Йорк Таймс» доказывал, что общие гражданские права подозреваемого в преступлении должны временно отменяться, если Белый обвиняется в нападении на небелого на расовой почве. Третий автор, законодатель из штата Массачусетс, предложил, что из-за трудностей в доказательстве мотивов, всякий раз, когда подозревается Белый, а его жертва - относится к другой расе, то бремя доказательства невинности должно быть переложено на подозреваемого и он сам должен будет доказать, что его действия не имели расового мотива, дабы избежать особых наказаний, предусмотренных за совершение «преступлений на почве ненависти».

Однако приз за злобу был взят постоянным ведущим рубрики в газете «Вашингтон Пост», Дэвидом Джейкобсом. В своей колонке за прошлую пятницу он утверждал, что судья по почерку убийства в районе Вашингтона и нападения на расово смешанные пары в других местах, были совершены сексуально озабоченными Белыми мужчинами, которые завидуют большей сексуальной привлекательности черных мужчин для Белых женщин. Он даже сделал экскурс в историю, приписав тот же мотив сексуальной несостоятельности Белым, которые линчевали черных в начале века. Затем Джейкобс сделал вывод, что весь Белый расизм коренится в сексуальной зависти. И в заключение он написал, что Белый расизм будет оставаться величайшим злом, угрожающим всему миру до тех пор, пока Белая раса не исчезнет с лица земли, а правительство, чтобы приблизить этот день, должно еще больше поощрять межрасовые браки. По его мнению, налоговые льготы для смешанных пар были бы хорошим шагом в этом направлении.

Эта колонка привела Оскара в бешенство, когда он впервые прочёл ее восемь дней назад. Перечитывая её сегодня, он старался понять, что собой представляют люди вроде Джейкобса. Что ими движет? Джейкобс, похоже, относился к иному сорту, нежели пришибленный виной президент Йельского университета или оскорбленные священники и политические деятели. Из слов его статьи сквозила неприкрытая, холодная ненависть. Для него Белые были подобны особо опасным бактериям-спирохетам, для избавления от которых следует разработать антибиотик.

По крайней мере, с большим удовлетворением подумал Оскар, этот Джейкобс больше ничего не напишет для «Вашингтон Пост». Оскар принял решение позаботиться об этом на прошлой неделе, как только прочёл писания Джейкобса. И он выполнил своё решение в течение нескольких часов.

К несчастью для Джейкобса, его заметка была не единственным местом в газете за прошлую пятницу, где упоминалось его имя. В разделе газеты под названием «Стиль» сообщалось об «издательской вечеринке» в связи с появлением новой книги другого автора «Вашингтон Пост». Хозяином вечеринки, упоминаемой в статье из «Стиля» оказался коллега автора, Дэвид Джейкобс, который принимал гостей в своей роскошной квартире в Джонс Корт. Статья привлекла внимание Оскара только потому, что он заметил мерзкий взгляд конгрессмена Горовица на фотографии среди гостей на вечеринке у Джейкобса.

Короткий звонок в «Вашингтон Пост» позволил установить, что Джейкобс обычно не появляется в своем офисе раньше 2 часов дня. На карте Вашингтона Джонс Корт оказался длинной тупиковой улицей, тянущейся целый квартал. Как оказалось, на улице было только одно здание, которое выглядело подходящим для размещения шикарных квартир, и когда Оскар заехал в оставленную без присмотра подвальную стоянку сразу после полудня, он тут же заметил автомобиль с пропуском для сотрудников «Вашингтон Пост» на ветровом стекле.

Когда полчаса спустя Джейкобс спустился вниз, чтобы сесть в свою машину, он так никогда и не узнал, что отравило его на тот свет.

Вспоминая потом, как он убил Джейкобса, Оскар едва мог поверить, насколько легко это произошло. Не было даже нервозности и пота, которые предшествовали каждой из его более ранних операций. Он сделал все настолько спокойно - можно было даже сказать, «непринужденно» - как будто доставил по адресу пиццу, а не совершил убийство среди бела дня. Несомненно, отчасти это произошло из-за счастливого стечения обстоятельств: находки ключа к адресу Джейкобса сразу после прочтения его колонки, его привычки поздно появляться на работе, оставленного без присмотра гаража, пропусков для сотрудников на ветровом стекле, скорого и удачного появления Джейкобса в то время, когда не было свидетелей...

Стремительность, с которой работа была закончена, доставила Оскару чувство гордости. Он улыбнулся, подумав, как эта стремительность возмездия, должно быть, расстроила коллег Джейкобса. Но гордость Оскара была умерена беспокойством: он должен принять меры против самонадеянности и небрежности. Раньше он никогда так опрометчиво не направился бы к своей мишени среди бела дня.

Когда Оскар разбирался в событиях последних недель, его несколько раздражало еще кое-что, некое чувство бессмысленности. Куда он движется? Какого итога своих действий он

добивается? Должна ли его деятельность оставаться своего рода оздоравливающим увлечением? Или теперь, когда он достиг своей начальной цели, вызвав массовый ответ на свои нападения на смешанные пары и обрел некоторое число подражателей по всей стране, ему, возможно, следует достойно уйти и жениться на Аделаиде?

Он вздохнул от таких видов на будущее. Он знал, что не сможет уйти. Его захватил бы прежний недуг. Оскар был не из тех людей, кто может стоять в стороне и наблюдать за уничтожением своей расы и цивилизации как непричастный свидетель. Он должен был действовать. «Достаточно ли выбирать цели случайно», - спрашивал он себя, - Дэвида Джейкобса, Тирона Джонса или, возможно, Стивена Горовица?» Хватит ли их, чтобы успокоить его совесть и в то же время более или менее благополучно жить с Аделаидой?

Оскар не был полностью убежден, что это возможно. Вместе с тем его не слишком тянуло продолжать отстрел межрасовых пар каждые три-четыре дня. Теперь это казалось неоправданным риском. Если ему все же предстояло играть с судьбой, то он склонялся к тому, чтобы поднять ставки и отправиться за более крупной добычей. Но кто следующий? И почему? Какой, вообще должен быть замысел?

У Оскара не было ответов. Он снова вздохнул и повернулся в кресле. Равнодушно поглядел на стопку газет и журналов на столе перед собой, и его глаз снова упал на фотографию гостей на вечеринке у Джейкобса в «Вашингтон Пост» за прошлую пятницу. Он взял газету и внимательно целую минуту смотрел на лицо конгрессмена Стивена Горовица. Какое уродство! Какое крайнее воплощение зла! Слабое, мрачное подобие улыбки медленно мелькнуло на его губах, и он пробормотал про себя: «Вопросов не задавай; сделай иль умирай».

Оскар отложил газету в сторону. По крайней мере, одно решение он принял.

Хотя Оскар не мог избавиться от ощущения бессмысленности своих действий, но он твердо решил устранить всякую небрежность. Он готовился ликвидировать конгрессмена Горовица, и очень тщательно. Напряженно думая, он долго расхаживал взад и вперед. Ударяя кулаком по ладони другой руки, Оскар все более и более возбужденно перебирал в голове различные решения и намечал планы.

Зазвонил телефон. Это была Аделаида.

- Привет, любовь моя. Моя мама разболелась, и тут такой беспорядок. Я думаю, мне лучше остаться, по крайней мере, до вторника. Ты не возражаешь?

- Конечно, я против, малыш. Но делай всё, что считаешь нужным.

Аделаида попросила Оскара позвонить в ее офис в понедельник утром и сказать, что она заболела гриппом и слишком плохо себя чувствует, чтобы подойти к телефону.

- Как же ты объяснишь своё обычное великолепное, яркое и веселое появление в офисе в среду? После гриппа ты должна выглядеть бледной, утомленной и вялой.

- Я рассчитываю на тебя, чтобы произвести желательный эффект, если ты замучаешь меня до полусмерти во вторник ночью, дружок, - шаловливо засмеялась она.

- Ну, ласточка, ты знаешь, что я сделаю для тебя всё, что в моих силах. Но ты от этого только расцветашь! Чем чаще мы занимаемся любовью ночью, тем лучше ты выглядишь на следующее утро, и тем бледнее я. Полное воздержание - единственный способ заставить тебя выглядеть бледной.

Звонок Аделаиды несколько изменил планы Оскара. Хотя он не хотел ускорять выполнение операции с Горовицем, было бы прекрасно, если бы ему удалось закончить все до возвращения Аделаиды. Ему становилось все труднее делать вечернюю работу, не возбуждая любопытство Аделаиды, когда она была в городе.

Горовиц, насколько знал Оскар, был ночным существом, «совой». В прошлом году Оскар не раз замечал его фотографию в разделе «Стиль», и встречал конгрессмена раньше в том же самом ресторане на Капитолийском холме, из которого он вышел следом за Джонсом. В первый раз он пригласил Аделаиду в это заведение на обед, когда хотел произвести на неё впечатление. Но он не считал, что будет разумно ходить туда постоянно. Трудно было предположить, сколько времени пройдет, пока Горовиц появится там снова. Кроме того, это было такое место, где каждый оглядывается кругом, чтобы посмотреть, кто сидит за другими столами. Один Оскар в прошлый раз чувствовал себя там бросающимся в глаза, даже сидя за растением. Ему нужен был какой-нибудь способ заранее узнать, где Горовиц будет в нужный вечер.

Стоило мелькнуть этому вопросу в голове Оскара, как ответ нашелся. Карл Перкинс давно приглашал Оскара сходить с ним на один из приемов, которые кто-нибудь из крупных оборонных подрядчиков и столичных консалтинговых фирм, как казалось, почти каждый вечер устраивал для своих друзей из правительства. «Это даст тебе шанс встретить некоторых из наших лидеров Конгресса, - шутил Карл, зная стойкую неприязнь Оскара к политикам. - Там их всегда крутится с десяток».

То, что Оскар был трезвенником, было лишь одной из причин, почему он никогда не принимал приглашений Карла. Но теперь он вспомнил последнее из приглашений, которое Карл

сделал во время их телефонного разговора в прошлую среду. Речь шла о компании «Дженерал Дайнемикс», получившей новый контракт в миллиард долларов, и отмечающей в понедельник это событие. «Это будет большой пир, - сказал Карл. - Там будет вся верхушка. И Оскар знал, что конгрессмен Стивен Горовиц, демократ от штата Нью-Йорк и, между прочим, председатель Комитета по делам вооруженных сил конгресса США, почти наверняка также там будет.

Оскар позвонил Карлу домой. Когда они закончили обсуждать детали документов по текущему контракту Оскара, что было предлогом для звонка, он сказал:

- Хорошо, я надеюсь получить кое-какие предварительные результаты по новому образцу антенны к понедельнику. Может нам перекусить вместе в понедельник вечером, и я покажу тебе, что получится?

- Спасибо, дружище, но я не могу. Я должен быть в понедельник на пьянке «Дженерал Дайнемикс». Почему ты не разрешаешь мне пригласить вас с Аделаидой как своих гостей?

- Где это будет? - неуверенно ответил Оскар, как будто обдумывая, не принять ли это приглашение.

- Зал для приемов, бельэтаж в отеле «Шорхэм». Начало в восемь часов.

- Спасибо за приглашение, Карл, но думаю, лучше не надо. Ты знаешь, что я - не любитель вечеринок.

- Ты должен иногда давать Аделаиде передохнуть и выводить ее на люди. Она слишком симпатичная, чтобы ты держал ее взаперти для одного себя.

- По правде говоря, Аделаида тоже не любит ходить по вечеринкам. Потом у нее сегодня страшно болит голова, и она боится свалиться с гриппом.

- Ох, Оскар! Лучше попроси ее не ходить на работу, пока все не пройдет. Сейчас я не могу позволить себе заболеть гриппом. Я буду слишком занят, пока мы благополучно не проведем новый финансовый законопроект через Конгресс. Я планирую провести большую часть следующей недели, выступая в Комитете по делам вооруженных сил.

Оскар улыбнулся. Карл не мог знать, что Оскар собирался сильно изменить его планы.

После завтрака Оскар поехал к отелю «Шорхэм», чтобы оценить обстановку на месте. Перспектива атаки снаружи выглядела призрачной. Дорожное движение у отеля было очень оживленным. Можно было слишком легко застрять, пытаясь скрыться с места нападения на автомобиле. Весь тротуар перед отелем был открытым пространством, и всё кругом залито светом. Не было никаких теней, чтобы болтаться вечером. Оскар насчитал шесть полицейских патрульных машин в пределах 100 метров от главного входа. В этом отеле все время слишком много важных шишек, и слишком строгая система охраны. В любом случае Горовица, которого всегда сопровождал шофер-телохранитель, несомненно, привезут прямо к главному входу и заберут на том же самом месте. Там нет никаких шансов, за исключением атаки смертника.

Внутри обстановка казалась немного более обнадеживающей. Главный вход в зал для приемов на бельэтаже находился в боковом коридоре. Оскар проскользнул в затемненную комнату, которая не была заперта, включил свет и осмотрел выходы. Было несколько служебных дверей, но ни одной, отмеченной буквами «Ж» или «М». Это означало, что гости должны будут использовать туалетные комнаты в дальнем конце бокового коридора.

Какова вероятность, что Горовиц захочет пойти «пи-пи» в течение вечера? Оскар задумался. По крайней мере, вечером будет оживленное движение между танцзалом и туалетными комнатами, и будет гораздо легче пробраться внутрь без приглашения. А если бы Оскар сможет войти в зал, то, видимо, сможет подобраться к Горовицу, настолько близко, насколько захочет. И что тогда? Попробовать подлить что-нибудь в бокал Горовица?

Оскар скривился. Это больше похоже на сказку. Кроме того, он слишком рисковал, входя в зал: Карл или еще какой-нибудь знакомый из Пентагона могли опознать его, а Оскар не хотел, чтобы там вообще знали о его присутствии. Если Горовиц будет убит, полиция обязательно тщательно проверит каждого участника приема.

Он выключил свет и прошел к мужскому туалету в конце коридора. Он был роскошно оборудован: раковины установлены в широких, мраморных тумбах, и имелась даже машинка для чистки обуви. В отгороженной части туалетной комнаты находился также двойной ряд металлических шкафчиков; возможно, комната служила раздевалкой для мужского персонала отеля, и в этих шкафчиках хранилась уличная одежда. Место позади шкафчиков было слабо освещено и очевидно могло использоваться как укрытие, но Оскар отбросил эту мысль. Любой посетитель туалета мог заглянуть за шкафчики просто из праздного любопытства.

В противоположном от входа конце туалетной комнаты была еще одна дверь, вероятно, в кладовую. Оскар подергал ручку. Было заперто. Замки были коньком Оскара. Он вынул из кармана пиджака маленькую пластмассовую коробочку, выбрал инструмент, и через 15 секунд дверь была открыта. Это была кладовая, довольно большая, но пустая, с толстым слоем пыли на полках.

Это уже было интересно! Так как кладовая не использовалась, было очень маловероятно, что сотрудник отеля откроет её перед или во время приёма. Оскар вошёл внутрь и закрыл дверь. Через жалюзи вентиляции в верхней панели двери ему было видно полтора метра пола,

покрытого плиткой, прямо перед дверью туалета. Он попробовал согнуть внутренний край створки жалюзи, чтобы увеличить обзор, но металл был слишком твердым для его пальцев.

Он открыл дверь, чтобы стало немного светлее, и разглядел крюк вешалки, ввернутый в заднюю стену кладовой: такой тяжелый, старомодный, отлитый из стали. Оскар отвинтил крюк, затем просунул его конец между двумя створками жалюзи и налёг всем телом. Потом закрыл дверь и посмотрел изнутри снова. На сей раз он четко просматривал большую часть туалета, а на жалюзи с внешней стороны двери не осталось никаких следов его ручной работы. Прежде чем он уйдет, Оскар вырвал чистую страницу из карманной записной книжки, свернул её в плотный валик, и втиснул его в отверстие для фиксирующей пластины в косяке двери. Он отрегулировал положение валика так, чтобы дверь была заперта, но могла быть открыта сильным толчком.

Оскар снова задержался у входа в зал приемов заглянул в него, чтобы ещё раз осмотреть. Ему не нравилось, что придется зависеть от желания Горовица воспользоваться туалетом - и ещё от того, останется ли он в туалете один хотя бы на несколько секунд, однако мысль быть замеченным на приеме нравилась ему ещё меньше. Лучше, подумал он, ждать Горовица в туалете и рискнуть упустить его, чем рисковать быть увиденным. Если Горовиц не появится, то позже его можно будет подкараулить где-нибудь еще.

На пути вниз к фойе Оскар обдумал ещё одну возможность: подложить бомбу в зал и взорвать всех участников приема. Это был небольшой квадратный зал со стороной около пятнадцати метров и подвесным потолком из плит. Он мог проникнуть сюда вечером с несколькими чемоданами, полными взрывчатки, и за пять минут установить где-нибудь на потолке бомбу с радиоуправляемым детонатором. Незнакомец, вносящий пару чемоданов в гостиницу в любое время дня, не должен вызвать никакого любопытства.

Он продумал мысль о бомбе, пока ехал домой, и, в конце концов, отверг её. С одной стороны, у него не было под рукой никакой взрывчатки, и чтобы достать её по обычным каналам могло потребоваться больше двух дней. Он не хотел делать дело в спешке. Оскару также была не по душе массовая бойня, в которой, возможно, погибнет Карл и другие невинные люди. Хотя было бы неплохо на будущее иметь в запасе взрывчатку. Оскар решил обдумать это позже, когда будет время.

В понедельник Оскар ходил за покупками. В двух театральных магазинах он купил парик, пару очков с простыми стеклами, набор грима и различные детали для маскировки из волос: бородки-эспаньолки, усы, бакенбарды, длинные бачки и так далее.

Дома Оскар убедился, что надетый парик превращает его из блондина в настоящего брюнета. Завершило превращение небольшое количество краски из гримерного набора, которую он нанес на свои брови, изменив их цвет. Очки с простыми стеклами изменили его внешность ещё больше. Изучая маскировку в зеркале, Оскар был удовлетворен всем кроме одной детали: шрам на левой щеке остался таким же заметным, как и раньше, а ведь это именно та деталь, которую обязательно запомнят свидетели.

Он приклеил длинные бакенбарды и бачки. Они удачно закрывали шрам, но контраст был слишком резким, особенно из-за пронзительных серых глаз, сверкающих из темных волос. Оскар оторвал бакенбарды и начал пробовать другие материалы из гримерного набора. Наконец, он остановился на большом пластике - бородавке и нескольких поддельных прыщах. Они не закрывали шрам полностью, но достаточно нарушали его так, что случайный свидетель увидел бы лишь очень плохой цвет лица, а не шрам.

Оскар был почти уверен, что любой полицейский фоторобот, составленный по показаниям свидетелей, будет достаточно далеким от оригинала и, значит, безопасным. С другой стороны не было никакого способа, которым он мог делать себя действительно неузнаваемым для тех, кто его знал, по крайней мере, не так быстро. Форма его головы, размер и положение ушей, фигура и осанка были так характерны, что друзья не раз узнавали его издали в толпе, увидев спину. «Очень плохо, - подумал Оскар, - что я не один из тех невыразительных, неприметных маленьких человечков, которых никто никогда не замечает».

Своё оружие он подготовил днём раньше. Во-первых, это была гаррота - удавка, которую он смастерил сам из части стального тросика, такого же прочного, как струна для фортепьяно, но более гибкого, с деревянными ручками и скользящим замком, который удерживал петлю сжатой, пока захват не отпускался. Он собирался использовать гарроту, если бы подкараулил Горовица в туалете одного. Её преимуществом была полная бесшумность.

Другим его оружием был пружинный шприц для подкожного впрыскивания в корпусе от шариковой ручки. По внешнему виду ручка была совершенно обычной, но при нажатии кнопки с одного конца, с другого конца на сантиметр выскакивала тонкая медицинская игла, и мощная пружина через иглу впрыскивала содержание шприца под кожу объекта. Оскар зарядил шприц миллилитром концентрированного раствора синкурина, быстродействующего мышечного релаксанта.

Если незаметно ткнуть этой ручкой в ногу, ягодицы или спину человека в переполненной комнате, жертва почувствует укол иглы и жжение препарата, и, вероятно, вскрикнет и обернется, чтобы посмотреть, что случилось, или шлёпнет по месту укола, как при укусе насекомого, но ноги

у него отнимутся, и он беспомощно упадет на землю через десять секунд, а уже через тридцать секунд наступит полный паралич. Затем от удушья неизбежно наступает смерть. Если убийца сохранит хладнокровие и притворится, что он ни при чём, свидетели, возможно, даже не заметят ручку в его руке.

Оскар хотел использовать ручку, если бы он не смог остаться с Горовицем один на один, но удалось бы подобраться к нему поближе в толпе.

Последнее, что Оскар сделал перед отъездом из дому - нанес на пальцы обеих рук прозрачный, быстросохнущий лак из распылителя. От лака его пальцы казались жесткими и сухими, но он не боялся оставить отпечатки пальцев при случайном прикосновении к чему-либо. Лак хорошо держался несколько часов. Он использовал лак и перед субботней разведкой в отеле.

Когда Оскар доехал до отеля «Шорхэм», то почувствовал знакомую напряженность и холодный пот и обрадовался: его беспокоило отсутствие этих старых знакомых перед тем, как он пристрелил Джейкобса, и Оскар боялся, что без них станет слишком неосторожным. Вероятно, подумал он, разница была в том, что он действовал против Джейкобса в приступе ярости, тогда как все другие его действия - и это также - были намного более обдуманными.

Ко времени, когда Оскар оказался на уровне бельэтажа в отеле, вскоре после восьми часов, его напряженность и нервозность сменились обычным ледяным спокойствием. Около десятка человек стояли в коридоре у входа в зал приемов, и у некоторых из них в руках были бокалы с выпивкой. Оскар быстро отметил, что у всех людей с бокалами на лацканах пиджаков прикреплены таблички с фамилией. Два человека, стоящие в дверях, похоже, следили за порядком, а когда он миновал открытый дверной проем, то увидел регистрационный стол рядом с входом, где проверялись приглашения и раздавались таблички с фамилиями. Не было никаких шансов попасть внутрь в данный момент, но обстановка немного позже к вечеру могла измениться. Оскар пошёл дальше по коридору к туалетной комнате.

Когда Оскар вошёл, в туалетной комнате было два человека. Он занял место у одного из писсуаров и стал ждать, чтобы люди ушли, и он смог войти в кладовую. К несчастью для Оскара, посетители постоянно входили и выходили из туалета. Он пять минут простоял у писсуара, и все еще не было никакой возможности войти в кладовую. Оскару начало казаться, что на него обращают внимание. Он отошёл от писсуара и занял кабинку.

Под дверью кабинки он видел достаточную площадь пола, чтобы контролировать большую часть туалета. Однако еще через 20 минут он начал отчаиваться, что можно остаться одному в комнате, не говоря уже о том, чтобы оказаться только вдвоем с Горовицем. Он не мог избавиться от мрачного подозрения, что каждый участник приема перед приездом в отель целый вечер пил пиво.

Наконец, в поле зрения Оскара не осталось никаких ног. Он встал и оглядел комнату. Дверь кабинки в дальнем конце ряда кабинок была закрыта, но сама туалетная комната была пуста. Оскар быстро подошёл к кладовой и уже положил руку на ручку двери, когда входная дверь туалета снова со стуком открылась позади него. Проклятье! Он обернулся, готовясь вернуться на свой пост в кабинке.

Человек, идущий к писсуарам, посмотрел ему прямо в глаза, и сердце Оскара на секунду замерло. Это был конгрессмен Стивен Горовиц. Оскар старался не дать волнению отразиться на лице, когда он и Горовиц проходили мимо друг друга. Сколько у него есть времени, пока кто-нибудь еще не войдёт в комнату, или, наконец, выйдет человек из кабинки? Десять секунд? Он был бы счастлив иметь пять секунд. Теперь или никогда!

Оскар бесшумно развернулся на каблуке, когда Горовиц дошел до писсуаров и начал возиться с ширинкой. Одним плавным движением Оскар выдернул гарроту из-под пиджака, накиннул петлю на шею Горовица и рванул ручки в стороны.

Когда руки Горовица инстинктивно устремились к горлу, Оскар натянул ручки изо всей силы, которая только была в нем. Проволочная удавка оторвала маленького человечка от пола, и его ноги дико забились в воздухе. Не ожидая, пока Горовиц перестанет сопротивляться, Оскар свирепо дернул гарроту к себе и швырнул его в ближайшую кабинку. Удерживая все еще бьющегося Горовица одной рукой, Оскар запер дверь кабинки как раз в тот момент, когда дверь туалета, открываясь, стукнула еще раз. Он вдавил Горовица в унитаз, а затем всем телом уселся на него сверху. Он надеялся, что никто не заметит две пары ног под дверью кабинки.

Хотя казалось, что прошло много времени, но вряд ли больше чем через десять секунд по телу Горовица пробежала последняя конвульсивная дрожь, и его борьба за воздух и жизнь прекратилась. Оскар увидел лужу мочи, расплывающейся по полу кабинки, когда опорожился мочевой пузырь его жертвы. Оскар держал Горовица еще две-три минуты, а затем прощупал его пульс. Пульса не было. Потом взялся за голову человека и с трудом освободил замок гарроты. С тросика, который глубоко врезался в шею Горовица, закапала кровь, и Оскар торопливо вытер её комком туалетной бумаги.

Со стороны раковин слышались звуки льющейся воды, но Оскар не мог разглядеть никаких ног рядом со своей кабинкой. Стараясь не ступить в мочу Горовица, он проскользнул под

перегородкой в соседнюю кабинку, оставив Горовица сильно отклонившимся к стене, но все же сидящим на унитазе. Перед выходом из своей кабинки Оскар для видимости спустил воду в туалете, затем пошел к раковинам, чтобы помыть руки и проверить свой парик.

Пока Оскар стоял перед зеркалом, поправляя галстук, и незаметно проталкивая гарроту в более надежное место в пиджаке, еще двое мужчин вошли в туалетную комнату. Один направился прямо к писсуарам, но другой стал осматривать комнату, как будто искал кого-то, а затем встал у противоположной стены напротив кабинок и сложил руки на груди. Оскар никогда раньше не видел этого человека, но был уверен, что это телохранитель Горовица.

Пока Оскар сушил руки, он заметил, что лужа мочи из кабинки Горовица явно распространилась на плитки за дверью. Когда он выходил из туалета, то услышал, как в туалете, наконец, раздались звуки спускаемой воды в другой занятой кабинке. Сейчас начнется представление!

Сворачивая за угол в конце коридора и оставляя за спиной завсегдаев вечеринок, Оскар быстро взглянул на часы. Он пробыл в туалете всего тридцать две минуты, из них последние пять - с Горовицем.

- Оскар, я хочу познакомить тебя с Гарри Келлером. Он поможет тебе разобраться с оформлением новых документов, подтверждающих соответствие контракта программе борьбы с расовой дискриминацией. Он - наш эксперт. И он - мой единственный знакомый, который еще больший расист, чем ты. - Карл усмехнулся, представляя большого, крепко сколоченного темноволосого мужчину с огромными, грубыми руками.

- Ты шутишь, - ответил Оскар, протягивая руку незнакомому человеку, вошедшему в кабинет Карла. - Все ваши люди в отделе позитивных действий, с которыми я до сих пор имел какие-либо отношения, просто влюблены в пидоров и черномазых.

- Оскар! - охнула Аделаида. Оскар забежал в кабинет Карла специально, чтобы забрать Аделаиду, машина которой была в ремонте, но воспользовался возможностью, чтобы пожаловаться Карлу на новую пачку бланков, которые ему прислали из Пентагона.

Гарри засмеялся, а Карл сказал:

- На прошлой неделе после того, как Гарри услышал новость о Горовице, он на следующий день раздавал сигары в офисе, хотя все остальные приспустили флаги в знак траура.

- Ты тоже? Вопрос Оскара был обращен к Карлу.

- Ради приличий, Оскар, ради приличий. В конце концов, этот тип был главой Комитета вооруженных сил Конгресса, и все наши зарплаты зависели от него.

- Для некоторых людей здесь это было большим, чем соблюдение приличий, - возразил Гарри. - Одно ничтожество в моем отделе, по имени Мак-Ганн, на самом деле прослезился и засопел во время хвалебной речи в память Горовица, которую передавали по местному радио во вторник. Когда госсекретарь дошел в своей речи до места о том, как много сделал Горовиц для продвижения расового равноправия в вооруженных силах, Мак-Ганн действительно зарыдал. Так что у нас есть человек, который действительно сочувствует нашим цветным собратьям.

Оскар щелкнул пальцами, кое-что вспоминая:

- Мак-Ганн! Это же имя того человека, который прислал мне в прошлом году лицемерное письмо, когда я не заполнил все пустые места в анкете отдела по борьбе за расовое равноправие.

- Это на него похоже, - ответил Гарри. - Он любит изучать ответы в этих анкетах с лупой в руках, стремясь отыскать малейший признак плохого отношения к мерам правительства, защищающим меньшинства.

- Человек просто старается выполнять свою работу и продвинуться, - заметил Карл. - Он знает то, что здесь требуется для продвижения, и это больше, чем может быть сказано тебе.

- Ты знаешь, что отмочил этот парень? - Карл показал большим пальцем на Гарри и повернулся к Оскару. - На прошлой неделе ФБРовцы рыскали по всему Пентагону, потому что на приеме, когда был убит Горовиц, было очень много наших парней. В то время как другие люди отнеслись к расследованию очень серьезно и старались изо всех сил отвечать на вопросы ФБР, Гарри донимал всех в офисе шуточками про черных. И умудрился схлопотать себе официальный выговор от руководителя своего отдела.

Гарри на это ответил вопросом:

- Скажите, Оскар, Вы знаете, какие три самых счастливых года в жизни черномазого?

- Жаль, но боюсь, что я не знаю.

- Пока он сидит во втором классе.

Все засмеялись, даже Аделаида. Но потом Карл понизил голос и сказал:

- Ради бога, Гарри, говори потише, когда ты рассказываешь здесь анекдоты про черных. Мне не хочется тоже получить выговор в личное дело.

- Честно говоря, для тебя, Карл, уже поздно. Теперь я могу признаться. Моя настоящая работа здесь состоит в том, чтобы рассказывать анекдоты на расовые темы, а потом отмечать фамилии всех, кто смеялся. После того, как я отправлю свой последний доклад, единственными Белыми служащими, которых оставят, будут Мак-Ганн и я сам.

Все снова засмеялись.

Оскар и Аделаида отвезли Гарри Келлера домой в ответ на его приглашение пообедать с ним и его женой, пока он прочитает Оскару краткую лекцию о том, как заполнять новые бланки Пентагона. Колин, жена Гарри, оказалась приятной, спокойной женщиной лет сорока. Она, похоже, не возражала против обеда с неожиданными гостями, хотя сама только что вернулась домой с работы.

После обеда все сидели за кофе и беседовали.

- Как случилось, что вы с вашими настроениями участвуете в программе борьбы с расовой дискриминацией? - спросил Оскар у Гарри.

- Настроения здесь ни при чем. На государственной службе вы просто берете то, что дают, хотя тот факт, что я имел опыт преподавания социологии в колледже общественных отношений, вы знаете, в местном колледже Северной Вирджинии - НВСС, возможно, подсказал им идею назначить меня в отдел позитивных действий. Профессора социологии имеют известную репутацию. Во всяком случае, в течение нескольких лет до того, как я начал работать в Министерстве обороны, я проводил всё своё время в дороге, продавая радиотелевизионное оборудование и посещая клиентов, и мы с Колин слишком часто подолгу не виделись, хотя именно из-за этой работы я встретился с ней в первый раз. Она работает у одного из моих клиентов в Вашингтоне. Так что я подал заявление о приеме на государственную службу, и меня направили в отдел по вопросам соблюдения контрактов в Пентагоне. Я все еще работаю по совместительству в моей старой компании, но теперь только по телефону.

- Почему вы поменяли преподавание на торговлю? - спросил Оскар.

- Преподавать стало слишком тяжело для моей совести. Я просто подошел к той черте, когда уже не мог больше непрерывно врать и скрывать правду, как от меня требовалось. Вы не поверите, какая идеологическая смиренная рубашка душит каждого преподавателя общественных наук в наше время. Достаточно одного слова, которое может оскорбить какого-нибудь сверхчувствительного представителя национальных меньшинств, и вас вышвырнут за порог.

- Судя по тому, что говорит Карл, вы можете очень скоро снова оказаться на дороге, - заметил Оскар. - Мой опыт общения с этими типами, проповедующими «возлюби черномазого», с которыми вам теперь приходится работать, показывает, что они сами совершенно нетерпимо относятся к любому, кто не разделяет их нездоровые взгляды на мир.

- О, Карл преувеличивает. На самом деле в офисе я умею держать язык за зубами. Просто я был очень доволен, когда этот мерзавец Горовиц получил по заслугам, и не смог сдержаться.

- Но я не понимаю, как вы в состоянии вообще работать в такой обстановке. Я могу понять, как кто-нибудь, вроде Карла, выносит все это, ведь он - наименее чувствительный человек, из всех, кого я знаю. Но должно быть очень трудно для вас держать при себе свои чувства и не иметь возможности что-нибудь сделать или высказаться. У людей с чувствами есть потребность выражать их.

- Полностью с вами согласен, Оскар. Я тоже самовыражаюсь. Только не на работе, или, по крайней мере, не настолько, как бы мне хотелось. В дополнение к моей службе в Пентагоне и подработке я еще тружусь в Национальной Лиге.

- В Национальной Лиге? Я что-то о ней слышал, кажется это - неонацистская группа. Это верно?

- Это зависит от того, что понимать под словом «неонацистская». Это - один из ярлыков вроде «фашиста» или «либерала», которые люди навешивают тому против кого или чего они враждебно настроены. Средства массовой информации называют нас «неонацистами», и, несомненно, там вы и услышали этот термин. Для большинства людей это подразумевает военную форму, знамена со свастикой и крики «зиг хайль». Но это вообще не о нас. Я не имею ничего против военной формы и флагов, но мы их не используем.

- Какими же делами вы занимаетесь?

- Всем, чем угодно, что помогает нашему делу.

- Какому делу?

Гарри немного подумал, а потом медленно начал говорить:

- Наше дело - безопасное и лучшее будущее для нашей расы. Мы хотим, чтобы в один прекрасный день появился Белый мир - Белый мир, который сознает себя и свое назначение; мир, управляемый египетскими принципами; мир, в котором целью, как семей, так и правительств является улучшение нашей расы; более чистый, более зеленый мир, с меньшим числом, но более совершенных людей, живущих ближе к природе; мир, в котором качество снова преобладает над количеством, в котором жизни людей имеют цель и в котором красота, совершенство и честь снова имеют значение и ценность.

Прежде, чем Оскар смог ответить, вмешалась Аделаида:

- Гарри, вы говорите точно так же, как мой дедушка. Он - расист в нашей семье. Он думает, что целый мир покатился в тартарары после второй мировой войны, и говорит, что, если бы он знал тогда, что знает теперь, то уехал бы в Германию и пошел бы добровольцем в войска СС вместо того, чтобы воевать в армии Рузвельта.

- Ты должна больше слушать своего дедушку, солнышко, - сказал Оскар. И потом добавил: - Мне нравится ваше дело, Гарри. Вы говорите, что делаете все во имя его успеха. Вы можете рассказать мне об этом подробнее?

- Да, сегодня основные наши усилия направлены на просвещение, а не политику. Мы стремимся пробудить расовую сознательность людей, а затем работать и направлять тех из них, на сознательность которых мы действительно оказываем некоторое влияние. Поэтому мы издаем много материалов с расовым содержанием: книги, журналы, видеоматериалы.. Большинство наших членов - профессионалы, которые могут в какой-то степени участвовать в этой борьбе. Например, я перевожу на английский язык множество материалов с немецкого для нашего издательского отдела и обслуживаю аппаратуру в нашей видеостудии.

- Гарри слишком скромничает, - вставила замечание Колин. - Он создал видеостудию с нуля и достал всю аппаратуру. Всякий раз, когда что-нибудь записывается на пленку, он работает в студии как инженер, ставя освещение, звук, камеры и все остальное. А потом помогает редактировать видеозаписи.

Гарри скромно пожал плечами.

- Это для меня естественная работа. После того, как я начал продавать студийную аппаратуру, мне пришлось изучить, как она работает, и как ее ремонтировать. Когда мы решили, что нужна студия, я смог достать много хорошего, подержанного оборудования для организации студии почти даром.

Сменив предмет разговора, он продолжил:

- Да, а вот Колин - первоклассный снабженец. Всю неделю она работает помощником генерального директора на «KZR-TV», а по выходным занимается офисом отделения Лиги в Северной Вирджинии: покупками, оплатой счетов, банком, связью с членами перед собраниями и всем остальным.

- Вы сказали также, что переводите с немецкого. Ваши родители из Германии? - спросил Оскар. Его немного беспокоил неонацистский ярлык, и он искал связь с образами, которые хранил в подсознании из сотен телевизионных кинофильмов, которые видел подростком: людей с жестокими лицами в черных униформах, зловещий отблеск их моноклей, когда они рявкали приказы с гортанным акцентом, и их подчиненных, натравливающих огромных, свирепых собак на испуганных евреев. Не то, чтобы он верил в реальность этих образов, но, тем не менее, они его беспокоили. Оскара всегда отталкивала жестокость по отношению к людям или животным.

Гарри ответил на вопрос Оскара:

- И да, и нет. Они были из тех мест, что сегодня называются Чехословакией. Они были уроженцами города Пилзен из семьи изготовителей музыкальных инструментов, живших там больше ста лет, а затем переехали в Прагу и жили там до конца второй мировой войны. Я родился там в 1945 году. Моего отца и старших сестер линчевали некоторые горячие сторонники г. Рузвельта из чешского населения, я думаю, после ужасных издевательств. Моя мать никогда не смогла собраться с духом, чтобы рассказать мне подробности, но этот кошмар преследовал ее до конца жизни. В общем, она бежала со мной в Германию, а потом мы переехали в США, когда мне было пять лет. - Так что вы - чех?

- Нет, немец. Разве это не ясно по моей фамилии? Она немецкая, как и ваша.

Оскар покраснел. Он думал, что его фамилия - английская, и это так и было. Но он знал, что она также была немецкой. Единственное различие состояло в том, что по-английски она писалась с буквы «у», а по-немецки - с буквы «j». Она означала «охотник». Он также понял, что Келлер - это немецкая фамилия, теперь, когда подумал об этом. И он знал, что немец, рожденный в Чехословакии, был не больше чехом, чем еврей, рожденный в Польше, был поляком или швед, рожденный в Китае, был китайцем. Англичане, немцы и шведы были частью одной семьи - германцами, независимо от того, где им привелось родиться, так же как евреи оставались евреями, а китайцы - китайцами, независимо от места рождения или страны, гражданами которой они являлись.

Все это были факты, которые он уяснил себе очень давно. И всё-таки иногда, если он был неосторожен, то сбивался на старый образ мыслей, который внушался ему течение многих лет идеологической обработки в школе, вузе и сфере развлечений. Подстегнутый замечанием Гарри, он подумал и понял, что все грязные ассоциации с «неонацизмом», приложимы к нему также, как и к Гарри. От осознания этого ему стало не по себе, но в то же самое время обострило его желание больше узнать о Гарри и Колин, и их Национальной Лиге.

Он снова сменил тему разговора:

- Вы сказали, что ваша группа хочет добиться безопасного и лучшего, прогрессивного будущего для нашей расы. Нет ли противоречия между этими двумя вещами?

Гарри рассмеялся.

- Было много споров на этот счет. Ясно, что на долгом пути, то есть в течение миллионов и сотен миллионов лет, прогресс являлся результатом борьбы, лишений, бедствий, жестокой «обрезки» и «прополки» материала методом жесткого естественного отбора; другими словами, он был следствием недостаточной безопасности. Те, кто находятся в безопасности, загнивают, а те, кто в опасности - ведут борьбу и развиваются, прогрессируют.

- С другой стороны, - продолжил он, - расам свойственно вымирать. Иногда условия становятся настолько небезопасными, что целая раса погибает. Сегодня условия таковы, что наша раса рискует погибнуть, частично потому что мы размножаемся медленнее других рас в той же самой экологической нише, и частично, потому что мы вступаем в расово-смешанные браки, ведущие к смерти нашей расы. Ясно, что сейчас мы в слишком большой опасности.

- Но, - возразил Оскар, - мы не должны отказываться от общего принципа только потому, что он теперь, похоже, работает против нас. Если мы не можем справиться с существующей опасностью, а другие расы могут, то разве из этого не следует вывод, что делу прогресса лучше послужит их выживание, а не наше?

- Конечно, нет, - слегка раздраженно ответил Гарри. - Прогресс достигается, когда все соперники в игре борются за выживание, и побеждают самые достойные. Наша раса не борется. Она лежит и умирает. Наша работа - пробудить ее. Когда она попытается выжить, то победит все другие расы даже со связанными за спиной руками.

- Безусловно, приспособленность - это более тонкое понятие, чем можно подумать на первый взгляд. Часть приспособленности заключается не только в способности, но и в воле выжить; больше того, в воле, не склонной, чтобы ее усыпил умный и вводящий в заблуждение конкурент. В этом корень проблемы. Нас обманули. Но теперь мы собираемся пробудить самих себя. Это и есть задача Лиги.

- Вопрос о совместимости между безопасностью и прогрессом действительно возникает только после решения проблемы расового выживания. Вот когда у нас появится свой Белый мир, тогда вопрос будет состоять в том, как нам избежать застоя. Есть много способов, ответить на него, и некоторые из наших теоретиков обсуждают эту проблему между собой.

- Но это действительно совершенно другая тема. Возможно, я мог бы несколько больше прояснить вопрос с самого начала, сказав, что мы сначала хотим гарантировать выживание нашей расы, пробудив её и вновь разжечь её естественный боевой дух, а затем переориентировать ее ценности и метод воспринимать вещи так, чтобы раса стремилась продолжать улучшать себя вместо того, чтобы расслабиться, как только конкурентоспособная борьба рас будет выиграна. Частично метод, с помощью которого мы попробуем обеспечить прогресс, несомненно, будет заключаться в изменении наших условий жизни, так же как и наших отношений, так, чтобы мы не могли расслабиться, даже если бы захотели. Как я сказал, у теоретиков есть много разных мыслей по этому поводу.

На Оскара произвела впечатление ясность мышления Гарри. Этот человек мог бы показаться просто старым добрым парнем, с его грубоватой наружностью и манерой шутить, но у него была светлая голова, и он прояснил несколько вопросов, которые Оскар все еще представлял себе довольно смутно. Он сказал:

- Извините, Гарри. Мне кажется, что я спорил скорее ради ясности, когда я задал этот вопрос. На самом деле я не спорю ни с чем, что вы сказали.

- Так-так, вы - старый неонацист, - усмехнулся Гарри - теперь, когда вы раскрыли себя, почему бы вам не поехать на одно из наших собраний и не встретиться с некоторыми другими людьми, с которыми захотите?

Это заинтересовало Оскара, но он все же был осторожен. С учетом своих последних дел, он действительно не мог себе позволить быть связанным с какой-либо группой, за которой могло следить правительство. Он дал Гарри уклончивый ответ:

- Спасибо за приглашение, но я - неактивный человек. Все равно, я хотел бы подумать о некоторых вещах, о которых вы сказали сегодня вечером прежде, чем вы засыпаете меня новыми идеями. Ваша мощная логика немного загнала меня в угол. Я все еще не могу понять одного: почему люди из СМИ приклеили вам ярлык «неонацистов» только за то, что вы хотите добиться выживания расы? В конце концов, они тоже Белые.

Гарри и Колин заговорили одновременно.

- Они ни в коем случае не Белые! - первой выпалила Колин. - Буквально все средства массовой информации контролируются евреями, и они же задают тон для всех остальных СМИ. Уничтожение нашей расы - основная задача в их планах.

Видя озадаченное выражение на лице Оскара, Гарри вмешался:

- Сначала, Оскар, позвольте мне исправить ваше впечатление, что я являюсь могучим логиком. Факты, о которых я рассказал вам сегодня вечером - это все, о чем мы в Лиге размышляли в течение долгого времени. Это не значит, что мы умнее всех; просто мы постоянно осознаем некоторые вещи, которые, по нашему мнению, очень важны, и о которых большинство других людей не очень задумывается. Если бы они это сделали, то были бы способны спорить об

этих проблемах точно так же, как это делаем мы. Самая большая польза моего членства в Лиге состоит в её влиянии на мое понимание фактов: я смотрю в правильном направлении и предупрежден о вещах в жизни, которые действительно имеют значение.

- Во-вторых, Колин абсолютно права. Новостные и развлекательные СМИ жестко контролируются евреями, а евреи - не Белые. Некоторые из них могут выглядеть как Белые, но ни один расово сознательный еврей не думает о себе как о Белом, а евреи, как группа - наиболее расово сознательные люди на нашей планете, так сказать, с большим преимуществом. Евреи называют своих врагов, а к ним они относят всех, кем не могут управлять, «неонацистами», потому что им стоило больших усилий сделать этот ярлык позорным; они вложили в это слово тяжкий груз чувств и ощущений так, чтобы большинство людей реагировали на него отрицательно, не имея ясного представления о том, что это означает.

Аделаида, которая слушала, не проронив ни слова, прервала свое молчание еще раз:

- Вы опять говорите точно как мой дедушка. Он часами говорил мне о евреях, но я никогда всего не понимала.

Оскар встал. Ему не понравилось направление, в котором развивалась беседа. Одно дело была его борьба против расового смешения, но он не видел никакого смысла в антисемитизме. Он знал, что многие люди не любят евреев, но до сих он считал, что они Белые, и знал пару евреев, которые не любили черных не меньше, чем он сам. Он вспомнил Дэна Левина, одного из своих сокурсников - аспирантов в Колорадо. Ему лично никогда не нравился Левин, который вызвал у него чувство омерзения, но аспирант точно был евреем, и всегда рассказывал анекдоты о черных, даже больше, чем Гарри.

- Гарри и Колин, спасибо вам за обед. Аделаида и я должны бежать. И еще раз благодарю за приглашение, посетить одно из ваших собраний, Гарри. Я подумаю и перезвоню вам позже.

Оскар действительно намеревался подумать о том, что рассказали Гарри и Колин, но случилось так, что он уже на следующий день оказался крайне занят другими делами. Прошло больше двух недель, прежде чем его мысли вернулись к их беседе. В это время его интерес был прикован к продолжающемуся негодованием по поводу его кампании против расового смешения и убийства Горовица. Прошел уже почти месяц, с тех пор как он убил расово смешанную пару - Тирона Джонса и двух его подруг - а средства массовой информации все еще буквально бились в истерике.

Он все еще не мог понять, отчего это безумие было таким неистовым и долгим. Банды, связанные с наркотиками, каждые два-три дня убивали на улицах нескольких больших городов Америки столько же людей, сколько он убил за всю свою кампанию. Кроме того жертвы этой войны с наркотиками почти все были небелыми и потому пользовались особой любовью СМИ. Несмотря на то, что в недавней перестрелке в Вашингтоне, связанной с наркотиками, было убито пять черных и колумбийский метис, эта история даже не попала на первую страницу выпуска «Вашингтон Пост» следующего дня, который был почти полностью занят сообщениями о расстреле еще одной межрасовой пары в Чикаго, особо охраняемой полицией публичной демонстрации в Манхэттене, устроенной межрасовыми и гомосексуальными парами, требующими большей защиты полиции, и последним заявлениям ФБР о расследовании убийства Горовица. Оскар подозревал, что если через неделю вспыхнет эпидемия чумы и унесет миллион жизней, в средствах массовой информации не будет такого же освещения этого события, по сравнению с шумихой, вызванной его убийством Горовица.

Он пришёл к выводу, что частично всё это объясняется особой порочностью людей, которые избрали журналистику своим занятием. Но помимо роли самих СМИ в раздувании истерии, очевидно, были задеты чьи-то явные интересы, интересы людей, которые почувствовали угрозу или оскорбление в действиях Оскара. Он с удивлением узнал о множестве организованных групп расово-смешанных пар, и даже одной группы, состоящей исключительно из белых мужчин с женами-филиппинками. Когда Оскар прочитал о существовании такой специфической группы, то пожалел, что не посвятил ее членам одну из своих ночных операций.

Потом были гомосексуалисты, которые, несмотря на их общее отвращение к разнополым парам, казалось, испытывали привязанность к расосмесителям, даже в «традиционном» варианте. Группы феминисток, похоже, также были особенно разгневаны его нападениями на смешанные пары. Он не мог понять, какая здесь связь. Получалось, что все духовно обделенные люди, независимо от их болезни, чувствовали, что их интересы совпадают?

Однако церкви, безусловно, оказались наиболее шумными из всех горячих сторонников расосмесителей. Все до единой церкви, от примитивных харизматиков неотёсанного фундаментализма и вкрадчивых унитариев, до самых передовых последователей епископальной церкви, кричали о своем одобрении расового смешения и своей солидарности с теми, кто в него вовлечен. Почти ежедневно группы пасторов и священников проводили на ступенях Капитолия зауспокойные службы в память то одной, то другой пары, которых подстрелил Оскар. Если и были

группы христиан, которые не шли в ногу с остальными, то ими оказались одна-две небольших православных церкви, паства которых состояла главным образом из пожилых беженцев из Восточной Европы.

Теперь церкви даже официально выступали сообща с группами расосмесителей, гомосексуалистами и остальными вырожденцами. В газете «Вашингтон Пост» появилось объявление на целую страницу о массовом марше на Капитолий для выражения общественной поддержки нового пакета законов, обсуждаемого в конгрессе. Марш, намеченный на середину следующего месяца, подготавливался свежееиспеченным объединением руководителей тридцати или сорока групп. Его назвали «Народным комитетом против ненависти», и в объявлении в «Вашингтон Пост» приводились имена нескольких десятков его членов. Список был переполнен именами епископов, кардиналов, раввинов и священников правого направления.

Законодательство, которое они поддерживали, было подготовлено Горовицем, и он лично представил бы его конгрессу, если бы гаррота Оскара не оборвала его карьеру законодателя. Этот ключевой законопроект назвали законопроектом Горовица в его честь. В нем предлагалось объявить вне закона все организации, которые не принимали в свои члены представителей других рас. Также запрещались все книги, периодические издания и другие печатные материалы, которые могли «разжигать расовую ненависть», и предусматривалось учреждение Федерального издательского совета для изучения и контроля над любыми публикациями, против которых подавались жалобы. Любой человек, заявивший в присутствии свидетелей что-нибудь порочащее о представителе другой расы или враждебно отозвавшийся о членах собственной расы, которые связаны с другими расами, подлежал тюремному заключению на срок до десяти лет.

Средства массовой информации три-четыре раза в неделю проводили опросы общественного мнения и взволнованно сообщали о растущей поддержке общественностью принятия законопроекта Горовица и дополняющего его законодательства. Согласно последнему опросу за это выступали почти 60 процентов опрошенных. Оскару оставалось только качать головой от удивления, с какой легкостью СМИ воздействовали на американский народ. Казалось, им достаточно убедить население, что все выступают в пользу чего-то, и люди, сбивая друг друга, как бараны, бросаются присоединяться к большинству.

Оскар заметил, что Народный комитет размещался в Конгрегационалистской церкви на Коннектикут-Авеню прямо к северу от столичного предместья Джорджтаун. Собрания проходили там практически каждый день, с участием в качестве приглашенных докладчиков религиозных лидеров, членов конгресса, звезд Голливуда и других общественных деятелей. Насколько мог понять Оскар, основная цель этих собраний состояла в том, чтобы обеспечивать постоянный выход на СМИ. Все телевизионные программы новостей показывали отрывки с каждого собрания.

Когда Оскар обдумывал нападение на Народный комитет, он задумался над тем, что убийство им Горовица совершенно не остановило приверженцев расового смешения и их сторонников. Это убийство больше что-либо иное придало им сил в их кампании по переманиванию на свою сторону общественности по принятию массового ограничения гражданских свобод, которое было основной идеей законопроекта Горовица. Он был совершенно уверен, что, если бы застрелил одного - двух самых видных лидеров Народного комитета или взорвал их штаб, средства массовой информации сумели бы превратить это событие в еще один довод в пользу принятия законопроекта Горовица.

Оскар признал, что он - не стратег. Частично причиной этому было слишком большое число переменных, влияющих на принятие им своих решений. Он просто не имел времени или источников информации, необходимых для изучения каждой ситуации и предсказания вероятного исхода своего конкретного действия. Для этого Оскару был нужен генеральный штаб. Ему также требовался руководящий принцип, программа, ясно определенная цель, так, чтобы его индивидуальные действия усиливали друг друга. А потому он действовал на основе инстинкта, нюха, внутреннего побуждения или как это ещё можно назвать.

Да, с этим дело обстояло очень плохо! В данное время он просто должен был руководствоваться своей совестью и, как говорили летчики, лететь, чуя задницей. Разум подсказывал Оскару, что его усилия были бы полезнее, пойдя он против покровителей расового смешения, а не его непосредственных участников. У него было такое хорошее ощущение после убийства Горовица, что теперь он действительно очень хотел уничтожить какого-нибудь сенатора, епископа или ректора университета. Это совпадало с общим умозаключением Оскара, что он должен продолжать наращивать конфликт и оставить работу более низкого уровня своим подражателям.

А они в последнее время делали эту работу довольно плохо. Их активность, похоже, достигла пика примерно две недели назад, во время его теракта против Горовица. Теперь газеты сообщали только о четырех-пяти серьезных нападениях в день на смешанные пары по всей стране. Частично спад, наверное, произошел из-за первоначально высокой волны арестов, когда полиция под чрезвычайным давлением СМИ бросила все свои силы на расследование

нападений на межрасовые пары. Очевидно, запас необузданных мужчин, которым запала в головы мысль убить парочку расовых предателей по примеру Оскара, и которые побежали это делать без промедления, – запас таких людей иссяк. Активисты, все еще остающиеся на свободе, стали более осторожными. Кто-то в Чикаго – возможно, это даже были несколько человек – казалось, действовал достаточно хорошо, и кроме того, была еще вереница из шести нераскрытых двойных убийств в районе Сиэтла, совершенных одинаковым почерком, но в других местах таких ободряющих примеров было немного.

Другой, и более обнадеживающей причиной снижения числа нападений, очевидно, было то, что несмотря на недавнюю демонстрацию в Манхэттене, расосмесители в некоторой степени попрятались; поэтому на улице просто было не так много целей как раньше. СМИ отчаянно старались противостоять этой тенденции. Журналы у каждой кассы в магазинах самообслуживания пестрели снимками во всю страницу, изображавшими расово-смешанные пары знаменитостей, и так неделя за неделей: то стареющая Элизабет Тейлор со своим последним черным дружкой, то звезда баскетбола – черный Клеон Браун – в окружении стайки восхищенных белокурых студенток-болельщиц. Телевизионные сети выгребли из своих фильмотек все фильмы расово-смесительного содержания и крутили их с утра до вечера. Каждый выпуск новостей сделал гвоздем программы беседу по крайней мере с одной расово-смешанной парой, и любые другие гости на телевидении были едва заметны. Но совершенно очевидно, что большая часть расосмесителей была испугана и старалась не привлекать к себе внимания.

Конгрегационалистская церковь на Коннектикут-Авеню представляла из себя большой комплекс связанных переходами каменных зданий за старомодной железной оградой с острыми пиками. Оскар дважды проехал мимо ее фасада и сделал несколько снимков фотоаппаратом Полароид. Он заметил двух полицейских в форме, стоящих сверху каменной лестницы, ведущей к главному входу основного здания и предположил, что внутри их еще больше. Потом он медленно проехал по аллее за церковью. Ограда высотой более двух метров также проходила с той стороны комплекса, но вдоль нее рос густой высокий кустарник, и казалось, что ночью будет нетрудно незаметно перебраться с аллеи на ту сторону ограды.

Дома Оскар изучил фотографии церковного комплекса. Он заметил стальные решетки на всех окнах нижних этажей, эту неотъемлемую особенность любого здания в округе Колумбия в наши дни. И почти наверняка каждое окно и дверь были подключены к охранной системе сигнализации. Оскар не знал, проводит ли Народный комитет свои полуоткрытые собрания в главном храме или в отдельной аудитории. В любом случае, только два здания комплекса были достаточно велики для этой цели, и он сразу решил, что в одном из них почти наверняка проходят только занятия воскресной школы. Значит это должно быть главное здание, действительно массивное сооружение. Есть ли какая-нибудь возможность пронести бомбу в здание?

Служебные ворота в ограде на аллее вели к стоянке за зданием пристройки. На двери была надпись «Доставка грузов». Если даже сделать вид, что он привез груз для офиса, то все равно, доставить бомбу дальше пристройки, не вызывая подозрений, не удалось бы. У главного здания, очевидно, был полный подвальный этаж, на что указывала лестница, спускающаяся к двери в подвал сзади, и колодцы для подвальных окон по бокам здания. И снова, решетки и охранная система, похоже, делали проникновение в подвал не более легким, чем на первый этаж. Может, стоило забраться на крышу, а потом войти через неохраемый чердачный вход?

Оскар ещё раз сходил на разведку, теперь уже вечером. Собрание было в полном разгаре, и по картине освещенных и неосвещенных окон было видно, что оно проходит в храме, на его первом этаже. Три подвальных окна ближе к фасаду здания были освещены, но остальные были темными. Прожекторы на карнизах вокруг здания широкими полосами света более или менее равномерно освещали боковые стороны, и над подвальной дверью был виден яркий фонарь. Однако несколько участков густого кустарника находились по бокам здания в его задней части, и, судя по общему расположению окон в здании, почти наверняка подвальное окно находилось за одной группой кустов.

Он проехал один квартал за церковью, остановил машину в переулке, и пошел назад к аллее, которая проходила за церковным комплексом. В точке, где ограда была сильно затенена высокими кустами, Оскар перелез через нее и затем незаметно пробрался к другой группе кустов поближе к зданию. Присев к земле, он пролез через кустарник и, как и подозревал, оказался рядом с колодцем подвального окна. Проведя рукой между прутьями решетки и ощутив раму окна пальцами, он отметил, что переплет сделан из дерева, а не из металла.

Он приложил фонарик к оконному стеклу и на секунду осветил подвальную комнату, в которую оно открывалось. Это была отделанная комната, с картинами в рамках на одной стене, но на полу и на стальных полках вдоль дальней стены было видно множество картонных коробок. Очевидно, комната использовалась как склад. Это была довольно большая комната, около восьми метров от передней до задней стены, расширяющаяся больше чем вдвое на

ширину храма. Дальний конец комнаты, вероятно, находился прямо под кафедрой проповедника. В трех стенах были двери, но все они были закрыты.

Вернувшись в машину, Оскар снова взглянул на часы и с грустью вспомнил, что он планировал поужинать с Аделаидой. Пока он ехал к ней домой, он придумал план нападения на церковь.

- Малыш, я уверен, что у тебя лучшая грудь на Восточном побережье, - восхищенно сказал Оскар, наблюдая, как Аделаида наклоняется над столом, чтобы налить ему чашку кофе, а свет свечи подчеркивает линии и ямки ее обнаженного тела. Никто из них не подумал накинуть на себя одежду, после того, как они занимались любовью.

- О, ты проводил исследование?

Прежде, чем Оскар смог придумать остроумный ответ, Аделаида продолжила:

- Вечерами ты, должно быть, занимаешься чем-то действительно интересным. Если это не обследование груди, тогда что? Ты понимаешь, что заставил меня ждать тебя до девяти часов три вечера подряд? Ты сказал, что сегодня вечером мы пойдём ужинать, и даже если бы работа задержала тебя, ты был бы здесь самое позднее в восемь. Сейчас десять часов, и я снова разогреваю твой ужин. Я знаю, что тебя не было дома, потому что звонила тебе за час до того, как ты добрался сюда.

- Прости меня, малыш, - сокрушенно ответил Оскар. - В последние дни была большая суматоха. Я весь день провёл за компьютером, работая над новым контрактом, и затем накопилось несколько дел по хозяйству, которые пришлось сделать сегодня вечером.

- Ну хорошо, милый. Я не думаю, что ты был с другой женщиной, потому что ты действительно был ужасно страстным, когда приехал ко мне. Мне только жаль, что ты не можешь организовать свой распорядок работы так, чтобы мы могли проводить больше времени вместе. Я начинаю сама себя жалеть, когда вечер за вечером сижу здесь одна в квартире. Почему ты не можешь сделать свои хозяйственные дела, пока я работаю? Я прекрасно знаю ВВС и уверена, что никакой твой контракт с ними не может заставить тебя так напряженно работать, как иногда мне это кажется.

Оскар действительно хотел бы сказать Аделаиде правду. Вместо этого он ответил:

- Я постараюсь устроить всё лучше, детка. Честное слово. А как у тебя дела?

Аделаида говорила с ним из кухни, продолжая готовить ужин. Оскар иногда вставлял свое замечание или отвечал, но его мысли были заняты более серьезной проблемой отношений между ними двумя. Был ли вообще способ поделиться с нею его чувствами и тревогами?

Он вспомнил споры, которые вел с другими летчиками еще во Вьетнаме. В то время средства массовой информации начали усиленно пропагандировать планы и предложения об усилении роли женщин в вооруженных силах. Сначала сторонниками этой идеи выступили феминистки и их друзья слева, позиция которых заключалась в том, что женщины отличаются от мужчин только устройством своих половых органов и могут делать буквально всё, что и мужчины, включая участие в воздушных боях, и нисколько не хуже. Единственной причиной, что они ещё не добились этого, было подавление со стороны общества - «дискриминация по полу», которое, с одной стороны, установило барьеры традиций и законов, направленных против женщин, а, с другой стороны, принижает их возможности и промывает мозги, чтобы навязать традиционные женские роли. Если изменить законы и воспитывать маленьких девочек точно так же, как маленьких мальчиков, дав им бейсбольные биты и пистолеты с пистонами вместо кукол, они будут способны, как и мужчины, стать зелеными беретками или боевыми летчиками.

Противниками этой идеи выступали люди, чей единственный аргумент состоял в том, что «общество ещё не готово, чтобы женщины участвовали в боевых действиях». По крайней мере, они были единственными противниками этих планов, кто допускался на форум СМИ, создававшими впечатление, что выступающие против участия женщин в боях не могут отстоять свою точку зрения. Так что прошло немного времени как в США модные политики и бюрократы, и даже кое-кто из военных руководителей с политическими амбициями, тоже подхватили флаг феминисток.

Общее мнение авиаторов - товарищей Оскара - было таково, что позиция феминисток совершенно необоснованна. Были одно-два исключения, но это были ограниченные люди с упрямым характером, от которых всегда можно было ожидать защиты любого противоестественного дела, и чем оно было чуднее, тем лучше. Оскар был уверен, что ни один человек, который участвовал в воздушных боях, действительно не мог считать, что женщина может стать хорошим боевым летчиком, независимо от того, как быстра ее реакция, совершенна координация и насколько остро зрение.

Феминистки утверждали, что мужчины имеют преимущество как бойцы только потому, что у них больше мускулов, но что это преимущество исчезает в тех боевых ситуациях, где мускулы не являются решающими, например, в воздушном бою. Оскар же считал, что мужчины были лучшими бойцами не потому, что имели больше мускулов, нет, мужчины имели больше

мускулов, потому, что это давало им преимущество в их естественной роли бойцов. У женщин, хотя они могли быть превосходными атлетами, отсутствовали гормоны воинственности, и более того: инстинкт борьбы, врожденные микронавыки борьбы, отточенные миллионами поколений развития приматов, когда мужчины были охотниками и бойцами, а женщинами - «кормилицами».

Умышленно непорядочный способ освещения этой темы средствами массовой информации, ещё больше укрепил у Оскара стойкое недоверие к журналистской профессии. Но эти споры заинтересовали его и заставили задуматься о психических различиях между мужчинами и женщинами и глубокими корнями этих различий, скрытыми в эволюционном прошлом расы.

Аделаида была умной девушкой, одной из самых умных, которых он когда-либо встречал, и это ему нравилось. Она могла со знанием дела обсуждать с ним некоторые детали его работы над конструкцией антенны, причем даже предложила лучший алгоритм по сравнению с тем, что он использовал в одной серии расчетов излучения. Она также была остроумна и хорошо начитана для своего возраста, и, разговаривая с нею, он мог пользоваться историческими сравнениями, чтобы пояснить свою точку зрения, а она могла ответить на равных. Ум Аделаиды сделал ее лучшим собеседником.

И всё-таки её ум работал не так, как его, и он видел эти различия, которые могли показаться менее пронизательному наблюдателю мелкими и незначительными. С одной стороны, её духовный мир был меньше, а кругозор - уже. Реальностью для неё было происходящее здесь и сейчас; а прошлое и будущее, как и широкая картина настоящего, интересовали ее гораздо меньше. Она была прекрасным практическим работником при выполнении небольших проектов, но картины мировых исторических процессов и их изменение казались для нее нереальными.

Кроме того, Аделаида не умела обобщать. Она видела деревья, а не лес. Она относилась к людям, как к личностям. Он, конечно, тоже видел их таковыми, но, кроме того, люди воспринимались им и как члены более крупных категорий: как представители своих рас, общественных классов, религий и групп интересов. Чтобы понять человека, нужно учесть, кем он был, откуда его корни, его жизненные пристрастия, кем он сам себя считает, а не только его индивидуальные черты характера.

Конечно, житейская мудрость была на ее стороне. Каждый, как считалось, должен видеть в других именно обособленные личности. Но он был совершенно уверен, что она не просто приспосабливается к придуманному правилу. Аделаида была не из притворщиц; как раз наоборот. Она не любила создавать ложное впечатление или условности. Ее совершенно не затронули все эти бурные потоки политических и общественных течений.

Оскар вспомнил реакцию Аделаиды, когда два явных «гомика» зашли в ресторан, где они однажды сидели, сели за соседний стол и, держась за руки, стали изучать меню. Хотя модные гомики наслаждались, это зрелище вызвало у Аделаиды чувство непритворного отвращения. Она смеялась над анекдотами о неграх или евреях, если они были действительно смешными. Когда Оскар однажды прочитал ей лекцию о различиях в интеллекте между неграми и Белыми, и шире, о различиях в мыслительных механизмах двух рас, она посчитала его анализ убедительным.

Но когда была убита расово-смешанная пара, она увидела двух убитых людей, а не удар против расового смешения. Он был уверен, что ее реакция была естественной и женской, а не навязанной пропагандой. И еще он отметил такую же общую картину и у других женщин. Все это не означало, что Аделаиду нельзя было убедить принять и, возможно, даже одобрить то, что он делал, только это не могло быть простым делом. И Оскар решил взяться за решение этой задачи.

- Дорогая, представь, что мы не знакомы, и один из черных в Пентагоне приглашает тебя на свидание, скажем, тот капитан, который пялится на тебя всякий раз, когда входит в офис Карла, как бы ты поступила?

Аделаида ответила, когда поставила последние блюда на стол и села:

- Вообще-то он пристал ко мне с этим в первую же неделю, когда я там появилась. А я ему очень любезно ответила: «Спасибо, но я сначала должна провериться у моего доктора, всё ли в порядке. У меня нашли СПИД, но я не знаю, в заразной ли он стадии или ещё нет». Я думаю, что слух об этом прошел, потому что черные больше не делали мне своих гнусных предложений уже больше года. К другим Белым девушкам они пристают все время.

- Ты никогда не говорила мне об этом. Я поражен, как удачно ты отбила у него охоту.

- Это - мой обычный ответ озабоченным черным. Первое, что я узнала в колледже, что ответ вроде этого - единственная вещь, которая на них действует. Они просто не считают отказом вежливое «нет». Это должно быть или «отвали, черномазый!» или что-то вроде моего ответа про СПИД. Первый год в университете штата Айова черные были для меня настоящей проблемой. Я была совершенно не готова к этому. В моей средней школе вообще не было никаких черных - ни одного в целом округе, где я выросла. А в университете их было множество, в основном, из других штатов. Негры от меня просто не отходили, и я чувствовала себя как сучка во время течки. Я не хотела быть грубой, и чтобы меня считали расисткой. И мне также не хотелось встречаться ни с одним из них. Они просто были мне неинтересны. И потом все кругом знали, что

девушек, которые соглашались встретиться с неграми, они обычно насильовали, если девушки сами не соглашались. Это называли «изнасилованием во время свидания», но это всё равно было изнасилование, и очень часто групповое. Администрация университета не оказывала девушкам никакой поддержки. Они даже не признавали, что такая проблема вообще существует. К счастью, моя соседка по комнате была в курсе происходящего, и она помогла мне справиться.

- Разве в университетском городке не было никаких групп поддержки Белых девушек? Например, церковных кружков?

- Ты это серьезно, Оскар? Церковные кружки были хуже всего. Они думали, что их задача состоит в том, чтобы спасти девушек, вроде меня, от расизма, а не от изнасилования. Они всегда организовывали танцы и другие общественные мероприятия, и больше всего беспокоились, чтобы на каждом мероприятии можно было найти пару для Белых женщин и черных мужчин. Белым мужчинам, которые появлялись, давали понять, что им там делать нечего. Это было совершенно очевидно! Единственными организованными группами в университетском городке, которые открыто говорили о проблеме насилия, были феминистки, но они, конечно, совершенно не касались расовой стороны проблемы.

- Конечно. Но я уверен, что расовые взаимоотношения в университетском городке помогали им привлекать новых членов.

- Видимо, да. Многие женщины, у которых был плохой опыт общения с мужчинами, особенно с черными, были в ярости, что никто им не посочувствовал и не помог, поэтому они пришли к феминисткам.

- Как же ты сумела не попасть в когти феминисток и не превратилась в мужененавистницу? - Полушутя спросил Оскар.

- У меня был соблазн стать членом одной из групп феминисток в то время, когда я, как первокурсница, чувствовала себя наиболее неуверенно, но только для моральной поддержки. И я наверное стала бы феминисткой, но их программа, даже у наименее воинственных групп, шла гораздо дальше оказания моральной поддержки женщинам. Большинство из них злило не просто отношение к женщинам; они были сердиты, что родились женщинами, а не мужчинами, хотя никогда не признавали этого. Феминистки вели кампанию против изнасилований, но стоило познакомиться с ними поближе, и ты понимала, что, на самом деле, их гнев вызывается тем, что они, как женщины, вынуждены находиться внизу. Грубо выражаясь, они хотели быть насильниками, а не жертвами, кобелями, а не сучками. И так как я всегда была счастлива находиться внизу, когда сверху есть хороший мужчина, я не могла разделять их взгляды.

- Я благодарен тебе за это, малыш. Для нашей расы была бы большая потеря, если бы ты стала лесбиянкой.

- Ну, я надеюсь, что, по крайней мере, для тебя, - улыбнулась она. - Я не думаю, что сделала так уж много хорошего для своей расы.

- Да... Верно. Мы должны сделать кое-что в этом плане. И серьезно подумать о том, чтобы ты забеременела. Это настоящее преступление против природы для тебя с твоими генами, не иметь пять-шесть детишек.

- Я готова выслушать твои предложения.

- Похоже, что я снова попал в затруднительное положение, - улыбнулся Оскар. Потом он нахмурился. - Ты знаешь, малыш, мне надо навести кое-какой порядок в делах. С моим нынешним планом работ мы действительно не можем вести домашнюю жизнь вместе. Я надеюсь, что смогу решить некоторые вопросы за следующую пару месяцев, что позволит мне стать мужем и отцом с чистой совестью.

- Дорогой, твой распорядок иногда действительно меня огорчает. Но ведь во всем мире мужья с женами воспитывают детей и в худших условиях.

- Спасибо за гибкость, малыш. Одна из причин, почему я люблю тебя - ты кажешься мне способной без жалоб преодолевать почти все трудности, которые могут возникнуть. Но я считаю, что действительно близок к тому, чтобы сделать некоторые изменения, которые пойдут на пользу нам обоим и нашим детям. Я должен сосредоточить свою энергию на этих вопросах еще некоторое время.

Оскар заметил разочарование и боль в глазах Аделаиды, и его душа сжалась от боли. Он не хотел лгать ей, но именно это он и делал. Потому что он действительно не имел никакой ясности в том, что его ждёт впереди. Что он надеялся решить за несколько месяцев? Если он продолжит расширять свою войну против Системы, то за это время, возможно, будет убит или окажется в тюрьме. С другой стороны, было трудно вообразить, как он мог обострить войну после того, что он планировал сделать с Народным комитетом против ненависти. Единственная возможность, казалось, состояла в том, чтобы найти способ продолжить войну легальными или, по крайней мере, менее опасными методами. Но как? Он ни к чему не приходил каждый раз, когда пробовал думать об этом.

Он не знал, что еще сказать Аделаиде. Не было абсолютно никакого смысла рассказывать ей, чем он занимается. Даже если бы Ади идеологически и эмоционально была готова выдержать это знание, она никак не могла помочь; она только испугалась бы и стала

волноваться. Все же он чувствовал, что должен кое-что сказать ей. Он не хотел, чтобы она думала, будто он уваливает, потому что не хочет жениться на ней. И он отчаянно захотел, чтобы она поняла его мотивы и разделила его убеждение в том, что он должен бороться со злом, которое угрожает смыслу всего их существования.

Он начал снова, и его голос был серьезен и, вначале, нерешителен:

- Любимая, ты знаешь, как я отношусь ко многим изменениям, которые происходят в нашей стране. Я говорил тебе о многих из них несколько раз: Усиление расового смешения, поток небелых иммигрантов, заполняющий города, все более очевидную нечестность и безответственность политиков, разрушительный настрой в подаче новостей в СМИ и средствах развлечения, разложение нравственности в стране, всеобщее падение дисциплины и стандартов, потеря расового или культурного самосознания со стороны уменьшающегося Белого большинства. Я думаю, что большинство людей более толстокожие, чем я, и их эти вещи не беспокоят. Но они действительно беспокоят меня - и очень сильно. Так сильно, что для меня трудно более серьезно отнестись к чему-нибудь, кроме них. Моя работа стала для меня только способом зарабатывать деньги на жизнь. Она меня не волнует, когда я вижу, что происходит так много других событий - более важных вещей, ужасных вещей, которые требуют моего вмешательства. Трудно планировать на будущее, думать о карьере, когда это будущее все больше приобретает такой вид, что я не хотел бы жить там, или чтобы наши дети жили в таком будущем. Я хочу бороться с этим, малыш. Я чувствую, что я должен бороться с этим. Ничто иное не кажется мне реальным или заслуживающим внимания кроме этой борьбы. Ничто, кроме тебя, конечно. Когда я с тобой, я могу выбросить все остальное из моей головы на нескольких часов. Я могу думать о нас с тобой, здесь и сейчас. Я могу видеть тебя, чувствовать тебя, слушать тебя, обнять тебя. Я могу наслаждаться твоей красотой, твоей мягкостью, твоей женственностью, твоей сексуальностью, твоей любовью. Но когда мы говорим о браке и детях, тогда я должен думать о большем, чем происходящее только здесь и сейчас. Я должен понять, как смогу бороться и одновременно быть надежным мужем и отцом. Это - моя проблема, любимая, и я попытаюсь её решить.

В течение долгих мгновений стояла тишина, и двое смотрели в глаза друг другу. Потом Аделаида сказала:

- Дорогой, ты - необыкновенный мужчина. Ты не похож ни на одного из мужчин, которых я когда-нибудь знала. Но твой подход кажется мне дон-кихотством. Мне самой не нравятся многие вещи, которые происходят сегодня. Мне не по душе некоторые направления, в которых развивается мир, и я хотела бы изменить их, если бы могла. Но я не могу, и ты не можешь. Мы ничего не можем сделать. Так или иначе, наша ответственность не состоит в том, чтобы думать о мире, а в том, чтобы заботиться о нас самих, насколько это в наших силах. Кругом много грязи, и мы не можем изменить это. Но мы можем жить чистой собственной жизнью, и сделать чистыми жизни наших детей. Это всё, что мы можем сделать.

- Возможно, что даже это много, малыш. Конечно, я уверен, что мы с тобой сможем жить чисто. Но всё здесь разваливается довольно быстро, и я абсолютно не уверен, что мы сможем гарантировать чистую жизнь для наших детей. Они будут расти в стране, в которой их собственная раса едва-едва будет большинством, и страшно раздробленным и расколотым большинством, в то время как меньшинства, по крайней мере, знают, как держаться вместе и сплоченно выражать свои взгляды. Думаю, что если бы я был хладнокровным игроком, я не поставил бы ни цента своих денег на то, что мы сможем сделать что-нибудь, чтобы помешать катастрофе. Но я все еще до конца не уверен, как ты, что ничего уже нельзя сделать. Возможно, я наивный идеалист, но для меня пока есть жизнь, есть и надежда. И я должен попробовать. Мне жаль, что я не могу объяснить тебе, что я чувствую необходимость сделать всё, что в наших силах, независимо от шансов.

Оскар на мгновение задумался, а потом продолжил:

- Я полагаю, ты знаешь о многочисленных групповых изнасилованиях Белых девушек бандами молодых черномазых. Обычно средства массовой информации не очень хотят сообщать об этом, но это преступление действительно становится всё более распространенным. На прошлой неделе, например, произошло изнасилование бегуньи в парке Рок Крик, когда более 20 чёрных подростков схватили девушку и почти два часа много раз насиловали ее прямо на дорожке для бега. Потом они перерезали ей горло и оставили умирать. Эта история не наделала бы такого шума в СМИ, если бы девушка не оказалась племянницей сенатора. Представь, что мы с тобой идём через парк и оказываемся на этом месте, когда происходит изнасилование. Предположим, что я не вооружен, а до ближайшего телефона больше километра. Некоторые мужчины, я думаю, могут сказать себе, что ничего нельзя сделать, только бежать к телефону в надежде, что полицейские приедут через 20-30 минут. Но для меня не будет никакого выбора. Если это девушка моей расы, я должен броситься на этих чёрных тварей и сделать всё, что в человеческих силах, чтобы спасти ее. Если бы я убежал, я не смог бы после этого жить в ладу с самим собой. Я чувствовал бы себя после этого оскверненным и навсегда обесчещенным. Тоже самое происходит для меня с моим миром. Это - мой мир, мир моей расы, и его насилует банда

преступников. Я буду чувствовать себя обесчещенным, и не смогу жить в мире с самим собой, если я не сделаю всё, что я могу - даже при том, что выполнение этого может оказаться между нами камнем преткновения.

Аделаида улыбнулась.

- «Я потому тебя люблю, Что дорога мне честь», - продекламировала она.

- Именно, моя прекрасная Лукаста, именно так, - ответил Оскар.

- Но, дорогой, я все же уверена, что ты - идеалист и абсолютно ничего не сможешь сделать, чтобы изменить ход истории. Но я хочу, чтобы ты знал, - и тут голос Аделаиды стал низким и хрипловатым, - что раз ты решил воевать со всем миром, я буду твоей соратницей, если ты берёшь меня с собой. И если ты, безоружный, бросишься прямо в ворота ада, я побегу за тобой изо всех сил, если буду верить, что ты еще любишь меня.

Слезы блеснули в глазах Аделаиды, а Оскар почувствовал такой комок в горле, что не смог сказать ни слова. Он смог только неловко наклониться над столом и сжать её руку. Он задел один из подсвечников, свеча зашипела и погасла. Тогда он резко встал со стула, шагнул к Аделаиде на её сторону стола, пока она сама она вставала, и сильно сжал её в своих объятиях.

Они так и стояли, молча и неподвижно, как скульптура из затененной, сверкающей плоти, освещенная мерцающим светом оставшейся свечи.

Через два дня к вечеру Оскар был готов к действиям против Народного комитета. Он подготовил инструменты и запасы, да и погода была подходящая: непрерывный дождь загонит людей в помещение и приглушит любой шум, который он мог бы произвести по неосторожности.

Кроме того, группа дала специальную рекламу о своем вечернем заседании. Губернаторы штатов Массачусетс и Висконсин должны были там представить решения государственных собраний своих штатов с призывом к конгрессу принять закон Горовица. Основными докладчиками были заявлены кардинал О'Рурк и раввин Розен из Национального иудейско-христианского межконфессионального совета, наряду с Барри Шапиро из какой-то организации под названием Антиклеветническая Лига при Б'най Б'рит, который к тому же должен был вести заседание. Ожидалось участие и нескольких конгрессменов.

Представителей СМИ тоже будет предостаточно, и это - замечательно. Чем больше этих гнусных сукиных детей он отправит к чертовой матери, тем лучше. К сожалению, сегодня вечером очень вероятно будет присутствие усиленной полицейской охраны. Но единственно, что действительно беспокоило Оскара - это возможность обходов полицейскими аллеи за церковь.

Сначала он проехал по переулку к северу от церковного комплекса. Когда Оскар подъехал к въезду в аллею, его сердце дрогнуло: полицейская машина уже стояла там, закрывая проезд, носом к пешеходной дорожке. Он объехал вокруг квартала. Другой конец аллеи был свободен. Глядя с этого конца аллеи сквозь дождь, который к этому времени усилился, Оскар вообще не смог разглядеть полицейскую машину. Он нашел место для стоянки всего метрах в пятнадцати за аллеей, с другой стороны улицы, и это была просто удача, учитывая большой наплыв участников заседания в церкви. Оскар не нашел других свободных мест поблизости и боялся, что ему придется тащить свой тяжелый и объемистый груз несколько кварталов.

Прежде, чем выйти из машины, он проверил карманы своего плаща: все мелкие вещи, которые были нужны, находились на месте. Потом он подошел к пассажирской двери, просунул веревку с толстой подкладкой под плащ на шею и плечи и осторожно вытащил из пассажирского салона два сорокакилограммовых баллона с ацетиленом, каждый из которых был прикреплен за один конец к веревке. Когда он встал, два баллона свисали до его колен и были прикрыты плащом. Однако он стал вдвое шире в поясе, и даже случайный взгляд с расстояния ближе пятидесяти метров вызвал бы немедленное подозрение. Еще хуже было то, что он совершенно не мог идти нормально. Лучшее, на что он был способен с таким грузом, это неуклюже ковылять.

Он почти выдохся ко времени, когда добрался до нужного места у железной ограды, проковыляв по аллее не меньше сотни метров. К счастью, полицейская машина была все еще достаточно далеко, и он видел только ее очертания в свете фар изредка проезжавших по переулку автомашин. Пока полицейские оставались в машине, они, конечно, не могли его заметить.

Он выскользнул из своей «сбруи» и затем протолкнул баллоны по одному через ограду. Баллоны пролезали с трудом, и один застрял на полпути. Оскару пришлось приложить всю свою силу, чтобы выгнуть пики ограды на ширину, достаточную, чтобы освободить баллон. Потом он сам перебрался через ограду, несколько более неуклюже, чем в первый раз, но зато ничего не выронив из карманов. Сидя на корточках во влажной темноте кустов, он передохнул пару минут перед тем, как снова натянуть веревку на плечи и проползти оставшиеся до здания двадцать пять метров.

Лишь пробравшись через кусты, скрывающие колодец подвального окна, и прижавшись к стене рядом с окном, Оскар смог расслабиться. Теперь осталось сделать пару пустяков. Если бы

здесь не было так сыро и холодно, Оскару, пожалуй, было бы даже забавно. Первым делом он вынул из правого кармана свою аккумуляторную дрель, и сверло сантиметровой толщины с отогнутым стержнем. Закрепив сверло в зажимном патроне, он уронил ключ и нащупывал его в грязи и темноте почти минуту, пока не нашел. Пластиковая пленка на пальцах сделала их неловкими и малочувствительными.

Просверлить дырку в деревянной раме окна было делом пары секунд. Потом Оскар протолкнул в отверстие конец пластиковой трубки сантиметровой толщины. Другой ее конец был соединен с одним из ацетиленовых баллонов, который в свою очередь был соединен с другим баллоном метровым резиновым шлангом. Он широко открыл клапаны на обоих баллонах и напрягся, когда газ заревел, вырываясь через трубку в подвал. Для Оскара звук показался таким же громким, как шум грузового поезда, мчащегося на высокой скорости, но он говорил себе, что, наверное, его едва слышно из-за шума дождя в аллее или в храме выше, где проходила встреча.

Он намеревался убрать дрель и установить часовой взрыватель, пока газ выходил из баллонов, но сила потока заставляла пластмассовую трубу извиваться и крутиться настолько яростно, что приходилось ее удерживать в раме окна. Только минут через пять давление в баллонах упало настолько, чтобы он смог без опаски отпустить трубку.

По прикидке Оскара содержание ацетилена в воздухе большой подвальной комнаты уже должно было достичь 10 процентов. Для взрыва достаточно чуть больше 2,5 процентов. К моменту, когда баллоны опустеют, содержание ацетилена в воздухе комнаты должно достичь 12 процентов, при условии, что утечка через двери в остальную часть подвала не будет слишком большой. Во время первой разведки Оскар заметил, что котельная всего церковного комплекса расположена в пристройке, по крайней мере, дымовая труба была лишь у того здания. Поэтому он не слишком опасался преждевременного взрыва газа, просочившегося в часть подвала, где могла находиться печь. Однако, Оскар не хотел задерживаться здесь дольше, чем необходимо, потому что газ просачивался в другие части подвала, и любая искра могла вызвать взрыв.

Он вынул из кармана взрыватель и хотел установить его с задержкой на 30 минут. Взрыватель Оскар сделал сам, скопировав его устройство с взрывателей, виденных им во Вьетнаме. Это была металлическая трубка длиной 15 сантиметров и диаметром в сантиметр. Когда он отвинтил защитный колпачок с одного конца, открылся торчащий винт с внутренним шестигранником. Оскар заранее прикрепил к взрывателю торцовый ключ, чтобы не нащупывать его в кармане. Шариковый фиксатор позволял поворачивать винт на требуемое время: пять минут на каждый «щелчок». Ноль щелчков был рассчитан на мгновенный подрыв, но практически это означало примерно 30 секунд. Установив винт в нужное положение, надо было сильно ударить взрывателем по любой твердой поверхности, чтобы в трубке разбилась крошечная ампула с кислотой, и начался отсчет времени до взрыва.

Оскар как раз вставлял ключ в гнездо, полностью полагаясь на свое сильно ухудшившееся осязание, когда в подвале внезапно зажегся свет. Он в ужасе замер, ожидая взрыва. Однако в тот же миг он понял, что если бы взрыв произошел от включения света, было бы уже поздно. Видимо, выключатель света был современным бесшумным устройством, с ртутным контактом в герметичной стеклянной трубочке. Если бы это был более старый механический выключатель, теперь его, наверняка, уже не было бы в живых: взрывчатая смесь в подвале взорвалась бы от искры при замыкании контактов.

Все эти мысли пронеслись у него его голове в долю секунды. Теперь надо было действовать быстро. Очевидно, кто-то открыл дверь в подвал. Возможно, запах ацетилена проник наверх, или кто-то услышал звук ревающего газа. В любом случае, вот-вот мог зазвучать сигнал тревоги, и начаться эвакуация церкви. Кроме того, при открытой двери, нельзя было рассчитывать, что концентрация газа в комнате останется на взрывоопасном уровне больше минуты.

Не медля ни секунды, он бросил ключ и хлопнул торцом взрывателя по каменной стене. Потом выдернул ацетиленовую трубку из отверстия в раме и протолкнул взрыватель в отверстие. В миг, когда Оскар вскочил на ноги, взрыватель звякнул по полу подвала. Времени, чтобы забрать почти пустые ацетиленовые баллоны, уже не было. Оскар бросил их в кустах и изо всех сил рванул к ограде.

Он перескочил через ограду и был уже на полпути к машине, когда почва дрогнула под его ногами. Миг спустя ударная волна со страшным гулом качнула воздух. Оскару показалось, что прошло меньше 30 секунд, после того, как он бросил взрыватель. Только добравшись до машины, он обернулся и взглянул на церковь. Здание по-прежнему стояло на месте, но было почти закрыто огромной пеленой черного дыма. Огня не было видно, но густой, черный дым валил из окон церкви, что позволяло думать, что взрыв, должен был, по меньшей мере, проделать значительное отверстие в полу.

Когда промокший, но счастливый Оскар ехал домой, первые машины скорой помощи, с воем сирен пронеслись мимо него в противоположном направлении. Однако лишь на следующее утро он смог услышать в новостях более-менее точные сообщения о результатах взрыва. Он узнал, что не только кафедра проповедника, но и сцена за ней, полная ораторов, была выброшена взрывом прямо через крышу церкви. Все знаменитости, находившиеся на сцене, погибли: два

губернатора, три конгрессмена, один сенатор, кардинал, два епископа, известный раввин, ведущий телевизионного ток-шоу, две звезды из Голливуда, широко разрекламированная автор-феминистка, глава организации по защите прав гомосексуалистов, президент Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, Шапиро из Б'най Б'рит и четверо других неназванных. Части некоторых из них все еще отскребали от стропил церкви. Кроме того, среди аудитории и представителей СМИ насчитали 41 погибшего, больше всего от отравления дымом. Были найдены пустые баллоны от ацетилена, брошенные Оскаром, и взрыв бомбы уже клеймился как «преступление ненависти столетия».

Этот ярлык озадачил Оскара. Что же еще мог он сделать, чтобы затмить уничтожение Народного комитета? У него было время поразмыслить над этим вопросом, потому что в тот же самый день он слег с простудой, вызванной, по его мнению, хотя бы частично, ливнем и напряжением предыдущего вечера.

Была суббота, и Аделаида приехала пораньше. Когда она увидела состояние Оскара, то заставила его остаться дома и провести большую часть выходных в постели под ее присмотром. Он без возражений подчинился, довольный отдыхом и тем, как она возится с ним. С такой медсестрой как Аделаида, простуда была почти наслаждением.

Больше чем прежде Оскару хотелось наладить свою жизнь, чтобы Аделаида была под его защитой, счастлива и родила ему детей. Но еще сильнее, чем когда-либо он чувствовал себя вынужденным продолжать свою войну с силами зла, которые уничтожали сами основы будущего для таких, как она. Он пытался разрешить эту дилемму почти всю следующую неделю, мысленно перебирая любые возможности, которые могли помочь найти решение.

Одна из мыслей, которые постоянно преследовали Оскара, заключалась в том, что все, сделанное им до сих пор, походило на отсечение голов гидры. Он не мог нанести чудовищу смертельную рану, и чем сильнее был его удар, тем громднее оно становилось. Последним подтверждением этого стало требование нескольких членов Конгресса, в ответ на взрыв бомбы на прошлой неделе как можно скорее поставить на голосование законопроект Горовица. Оказалось, что людей, которых он должен был уничтожить, было намного больше, чем он мог когда-либо надеяться проделать это в одиночку. Если ему вскоре не удастся найти и поразить жизненно важный орган, все его усилия пропадут впустую или даже ухудшат положение.

Но что это за жизненно важный орган? Конгресс? Нет, он казался не более чем простым инструментом сил разложения, а не их центром. И потом, он мог убить сотни политиков, а Конгресс все равно продолжил бы свою разрушительную деятельность. То же самое относилось и к средствам массовой информации: сколько бы журналистов он ни уничтожил, печать и телевизионные сети не изменят свой смертоносный образ действий.

Но если он не может уничтожить жизненный центр, возможно, существует способ управлять им. Газеты и даже телевизионные сети можно покупать и продавать. Трудность состояла в немыслимой величине требуемых денег: газеты больших городов меняли хозяев за сотню и более миллионов долларов, а телесети - за миллиарды. Он мог бы 50 лет успешно грабить банки или печатать фальшивые деньги, но все равно не собрал бы достаточно средств, чтобы купить газету «Вашингтон Пост».

К четвергу Оскар все еще не нашел ответа. Следующий понедельник у Аделаиды был нерабочим, и он обещал взять ее на три дня в горы покататься на лыжах. Завтра днем они должны были уехать на лыжный курорт, и утром Оскару надо будет закончить несколько работ. Сегодня вечером он должен был срочно выдать дополнительные результаты для Карла. А днем пришлось отдавать машину на техобслуживание - выставление развала колес и настройку двигателя. Из-за машины он не смог добраться домой до семи часов вечера.

Оскар повесил пиджак в шкаф в прихожей и пошел на кухню налить себе стакан апельсинового сока, перед тем как засесть за позднюю работу. Не дойдя до кухни, он почувствовал что-то неладное за мгновение прежде, чем услышал голос.

- Стоять, Егер! ФБР! Подними руки над головой и повернись к стене. Теперь шаг назад, наклонись и обопрись руками о стену.

Оскар остолбенел. Долю секунды он подумал о контратаке. Мужчина сзади немедленно почувствовал это и прорычал:

- Только попробуй, Егер, и ты труп.

Мужчина умело обыскал его и забрал пистолет «Смит энд Вессон Эйрвейт» калибра 9,6 мм, который Оскар всегда носил за поясом.

- Ладно, Егер, теперь можешь повернуться, медленно. Сядь на тот стул. У нас будет приятный, долгий разговор.

Оскар только сейчас увидел человека, который его разоружил. Это был ладно скроенный и крепко сбитый, седоволосый мужчина лет пятидесяти пяти, сантиметров на 10 ниже Оскара, с

голубыми глазами, отливающими сталью. Он был в строгом костюме и твердо держал в руке револьвер, нацеленный на Оскара. Он выглядел как агент ФБР, но Оскар уже понял, что это не похоже на обычный арест. Почему агент только один? ФБР никогда так не действовало. Но Оскару не пришлось долго ждать ответа на свой вопрос.

- Хорошо, Егер, давай перейдем прямо к делу. Я знаю все, что ты сделал. Я узнал это уже две недели назад, еще до того, как ты поджарил жидка Шапиро и его прихвостней в церкви на Коннектикут-Авеню. Ей богу, это была чистая работа! - Мужчина одобрительно усмехнулся, но его револьвер по-прежнему был направлен в грудь Оскара.

- Ты, наверное, был бы арестован, как только я установил тебя по отпечаткам пальцев, которые ты оставил в сортире отеля «Шорхэм», когда ты прикончил Горовица. Единственная причина того, что мы сейчас сидим здесь, состоит в том, что мне нравится твой почерк, Егер. И у меня есть для тебя кое-какая работа - настоящая мужская работа, а не детские игры, на которые ты тратишь свое время.

- Вы хотите сказать мне, - спросил Оскар, не в силах скрыть своего недоверия, - что ФБР одобряет все то, что, по вашим утверждениям, я натворил?

- Нет, черт побери, Егер! Если бы кто-либо еще в Бюро узнал то, что знаю я, ты сейчас сидел бы прикованным к стене в одной из наших камер особо строгого режима в подвале «Гувер Билдинга» - нашей главной конторы. Дело в том, что я никому не сказал об этом деле. Я придержал информацию, касающуюся тебя, для себя лично. Чистая удача, что все потенциальные улики, которые мы собрали в отеле «Шорхэм», я отдал на проверку другим агентам, а себе оставил только один пункт, который куда-то вел, а именно, отпечаток твоего правого большого пальца на странице из твоей записной книжки, которую ты свернул в трубочку и заткнул в замок от кладовой в сортире, где поджидал Горовица. Я пропустил отпечаток через наш Отдел отпечатков пальцев и получил твое имя и опознавательный номер в Военно-воздушных силах. В тот момент единственной моей мыслью была дикая догадка, что, возможно, только возможно, ты и есть тот самый парень, которого мы разыскиваем, и что уже не нужно делить славу твоей поимки ни с кем другим. Так что я сделал тебя своим собственным особым проектом, в то время как остальные еще работали в других направлениях, которые вели в никуда. Однажды вечером я проник в твой дом, когда ты остался в квартире своей милашки и взглянул на твое оборудование в подвале. Тогда я все понял. В тот момент я должен был арестовать тебя с помощью одной из наших групп захвата, в присутствии операторов всех трех телевизионных сетей и с готовым заявлением для печати. Моя зарплата сразу выросла бы на три ступени. Вместо этого я в течение двух недель узнавал о тебе все, что только можно: все места, где ты жил в детстве, что думали о тебе преподаватели в средней школе, твое личное дело в Военно-воздушных силах, твой диплом в университете Колорадо. Я побеседовал с двумя девушками, с которыми ты там встречался, и сказал им, что это проверка службы безопасности. Теперь я знаю тебя лучше, чем твоя родная мать. И я оставался у тебя на хвосте и наблюдал, как ты проделал работу с Народным комитетом против ненависти этого Шапиро.

- Почему? - спросил Оскар.

- Хорошо, попробую кое-что объяснить. - На мгновение старший мужчина отклонился на стуле. Он все еще держал револьвер в руке, но теперь тот лежал у него на коленях, а не был нацелен в грудь Оскара. Он вздохнул.

- Я проработал в Бюро 33 года. Последние девять лет я был заместителем руководителя нашего Антитеррористического отдела. Моя карьера началась в те дни, когда я гордился тем, что я - агент ФБР. Ты знаешь, что мой отец проработал в Бюро двадцать шесть лет еще до того, как я стал особым агентом? Мы семь лет проработали в Бюро вместе, пока он не ушел в отставку. Два года назад он умер.

- Теперь я узнал вас, - заметил Оскар, оцепенение которого прошло. - Я видел вас в вечерних новостях Си-Би-Эс в прошлом году, когда ФБР арестовывало людей из Ку-клукс-клана. Вы отвечали за оперативную группу ФБР. Ваше имя - Райан, Уильям Райан.

Райан не ответил Оскару прямо. Он сделал паузу, чтобы собраться с мыслями, а затем заговорил снова, но более горячо:

- Я видел, как Бюро превращалось из первоклассного правоохранительного агентства в политизированную, третьесортную бюрократическую тайную полицию, напигованную полукровками, с моралью и качеством работы достойными Панама или Никарагуа. За прошлые пятнадцать лет евреи захватили нашу организацию и разрушили ее. Ты не найдешь их на улицах, сражающихся с мафией или под пулями колумбийских торговцев наркотиками, как остальные. Нет, они слишком заняты, внедряя курсы «расового понимания», обязательные для всех агентов. И руководством нашего офиса правовой защиты интересов нацменьшинств. Они также стремятся пролезть в Отдел контрразведки, чтобы мы не поймали слишком много их соплеменников из Израиля, крадущих американские военные секреты. Изменения в правительстве происходят постепенно. Изо дня в день вы не замечаете больших различий. Но они накапливаются. Все привыкли, что нечестный агент - редкость. Гувер выгнал бы из Бюро любого лишь за попытку обжаловать штраф за неправильную автомобильную стоянку или

выписать неверный чек. А только за прошлые два года девятнадцать наших агентов были обвинены в различных уголовных преступлениях, от продажи наркотиков и сутенерства, до шпионажа в пользу Советского Союза. Восемь других сумели опровергнуть обвинения в свой адрес, а четверо все еще продолжают работать в Бюро!

- Да, я читал о нескольких таких случаях в газетах, - сухо заметил Оскар.

- Черт, даже десятая часть этих дел не попала в газеты! - взорвался Райан. - Мы смогли замаять большую часть этих грязных дел. Знаешь, что я видел не далее как на прошлой неделе? Я спустился в нашу аналитическую лабораторию, чтобы узнать о результатах проверки одного материала с места преступления. В лаборатории никого не было, но мне послышался какой-то шум из складского помещения. Я открыл дверь и увидел, как один из наших особых агентов - черных разложил белую лаборантку прямо на столе! И знаешь что? Ни хрена я не мог сделать никому из них! Конечно, я подал рапорт, но в наши дни такое происшествие считается бюрократией чем-то вроде докладной о бездельнике, вечно ошивающемся у бачка с холодной водой.

Райан снова замолчал и с минуту изучал лицо Оскара, а потом продолжил.

- То, что происходит в Бюро, только отражение того, что происходит повсюду. Когда Америка начала разлагаться, Бюро не могло избежать той же самой судьбы. Если я правильно понял тебя, Егер, у тебя та же самая реакция на общее разложение, что и у меня на разложение в Бюро. Разница между нами в том, что ты кое-что сделал против этого, а я - нет. Я просто вынужден был выдерживать все это, год за годом, а давление нарастало.

- Так в ФБР все еще есть порядочные люди?! - удивленно воскликнул Оскар. - Я думал, что вы, мужики, все перебежали на другую сторону.

- Да, у нас они есть, Егер, действительно есть, поверь! Просто ты не понимаешь психологии тайной полиции, - усмехнулся Райан. - Упаси тебя бог, когда-нибудь поверить, что можно доверять кому-нибудь в ФБР. Многие из нас в Бюро, особенно ветераны, это люди, которые внутренне ненавидят ту же самую гниль, что и ты, и хотели бы, чтобы их дети росли в таком же мире, который ты желаешь своим детям. Но мы работаем на того, кто платит нам зарплату, и мы бросимся на любого, кто поднимет руку на Систему, частью которой мы сами являемся. Мы можем втайне радоваться, когда ты прикончишь какого-нибудь расосмесителя на автомобильной стоянке, но вылезем из кожи вон, чтобы первыми сцапать тебя за это. Мы - наемники евреев, и отрабатываем наш хлеб. Мало того, мы считаем личным оскорблением, когда какой-нибудь сукин сын, вроде тебя, бросает нам вызов.

Оскар секунду подумал, а затем ответил:

- Другими словами, вы схватили больше стапятидесяти куклуксклановцев, осужденных в прошлом году по обвинению в организации заговора в нарушении гражданских прав черных, потому что это работа, за которую вам платят, но на самом деле вам это не настолько нравилось, как вы изображали, когда рассказывали о следствии и арестах по теле.

- Неправильно! - прервал его Райан. - Ты все еще не понимаешь психологии тайной полиции. Я с удовольствием арестовал это дерьмо, с большим удовольствием, чем получил от всей своей работы в Бюро. Я вообще не притворялся, когда назвал их «отбросами общества». Я знаю, что ты думаешь, Егер. Ты думаешь, что в душе эти клансмены были правы, и что они просто по-своему делали то, что ты делаешь по-своему. Но они - идиоты, неудачники. Они - тупицы. И они ошиблись, думая, что они умнее нас. Они бросили нам вызов. Они трясли своими членами перед нашими лицами. За это мы оторвали им яйца.

- Хорошо. Я думаю, что тоже бросил вам вызов. И что вы теперь намерены делать, Райан?

- Это зависит от тебя, Егер. Если ты - разумный человек, который понимает, когда его держат за одно место, и принимает это за факт, то, возможно, мы сможем сработаться. С другой стороны, если ты захочешь строить из себя твердый орешек, я тебя уничтожу. Я прямо сейчас позвоню в СМИ и разрешу им показать меня в последних вечерних новостях, выводящего тебя отсюда в наручниках.

- Я считаю себя разумным человеком. Какую работу вы имеете в виду?

- Вот ответ, который я хотел услышать - просиял Райан. - Не беспокойся о работе. Тебе она понравится. Работа будет в основном такой же, как та, в которой ты так хорошо себя показал. За исключением того, что с этого времени выбирать цели для тебя буду я сам. Он на мгновение сделал паузу, и из его глаз исчез блеск. Когда он продолжил, его голос стал резким и холодным. - Прежде, чем мы обсудим в детали, я хочу внушить тебе, что я - осторожный человек, Егер, очень осторожный человек. И у тебя нет никакого выбора, кроме как точно выполнять мои задания. Если ты когда-нибудь попробуешь надуть меня, это кончится для тебя не наручниками, а холодным столом в море. И даже не мечтай попытаться прикончить меня. Это не решит твоих проблем. Никто в Бюро не знает того, что я теперь знаю о тебе, но я предпринял меры, чтобы гарантировать, что они скоро все узнают, если со мной что-нибудь случится.

И опять наступила тишина, потому что Райан замолчал, собираясь с мыслями. Лицо Оскара осталось невозмутимым, но его мозг лихорадочно работал. Он сомневался в последних словах Райана: было непохоже, чтобы этот человек напрасно тратил время на посмертную месть. Он

вряд ли оставил какие-нибудь улики в кабинете в Бюро, где другие могли бы преждевременно найти их, потому что это создаст проблемы как для него самого, так и для Оскара. Если он действительно принял какие-то меры, то должен был подробно рассказать о них Оскару. Они могли служить действенным средством устрашения, только если заслуживали доверия.

Предположим, что Райан оставил запечатанный конверт своей жене. Что в нем может быть такое, что выдержит разбирательство в суде, если Оскар однажды просто спрячет концы в воду и избавится от некоторых опасных вещей, вроде своего оружия? Один-единственный отпечаток большого пальца не изобличит его. При мысли об этом отпечатке большого пальца он опять чертыхнулся в свой собственный адрес. Он всегда был таким осторожным и старался не оставлять отпечатков, когда шел на операцию! И вот оставил отпечаток во время разведки! А ведь той кладовой в туалете он даже не воспользовался!

Снова сосредоточившись на Райане, Оскар решил, что если тот ослабит свою бдительность на долю секунды, он может броситься на него, потом избавиться от тела и принять некоторые срочные меры, чтобы защитить себя от последующего следствия, если оно вообще будет. Если ничего не произойдет в течение месяца - двух, он сможет возобновить свою прежнюю деятельность.

Этот образ действий привлекал его намного больше, чем работа личным наемным убийцей Райана. Он постарался, чтобы напряжение мышц не выдало его нового намерения. Напасть на Райана будет нелегко. Это должно стать для него полной неожиданностью.

- Я думаю, что сначала позволю тебе убрать Каплана, - вновь задумчиво заговорил Райан, будто размышляя вслух. - Этот коротышка - еврейчик Дэвид Каплан - человек номер три в моем собственном отделе. Остальное жидовье, работающее в Бюро, подготавливает почву, чтобы Каплан мог перепрыгнуть через мою голову и стать главой Антитеррористического отдела, когда нынешнего шефа уволят из-за неспособности поймать тебя.

- Поэтому вы хотите избавиться от него? - спросил Оскар, позволив себе чуть улыбнуться. - Вы хотите сами занять это место?

- Ты низко ценишь меня, Егер. Я хочу, чтобы ты убрал его не только потому, что он мешает моей карьере. Ты думаешь, что я такое ничтожество? В его голосе чувствовалось раздражение. - Он - еврей, черт побери! Он - один из жидов, захватывающих Бюро.

Оскар задумался, и на его лице отразилось замешательство.

- Вы два-три раза упомянули евреев. Что вы имеете против них?

Теперь уже Райан выглядел озадаченным.

- Что ты имеешь в виду, спрашивая, что я имею против них? Я ненавижу их по тем же самым причинам, что и ты. А теперь хватит молоть чепуху, и перейдем к делу. Возьми со стола вон тот блокнот, медленно и осторожно. Я намерен дать тебе полную личную установку на Каплана, физические данные, график работы, ежедневный маршрут, личные привычки, и хочу, чтобы ты сделал заметки.

Оскар поднял руку.

- Минутку, Райан. Если я должен убивать людей для вас, то сначала хотел бы получить от вас объяснение причин, по крайней мере, общее. Я - один из тех неприятных типов, кто должен знать, почему, прежде чем выполнит задание. А в этом случае я совершенно ничего не понимаю. Мне кажется, вы полагаете, что я знаю некоторые вещи, о которых я на самом деле не имею представления. С одной стороны, я никогда не любил евреев как группу, но действительно не испытываю к ним ненависти и не понимаю ваших намеков на захват ими ФБР. Зачем им это надо?

Пока Оскар говорил, озадаченное выражение на лице Райана сменилось чрезвычайным изумлением. Он смотрел на Оскара, широко раскрыв глаза.

- Боже мой! Я не могу в это поверить! Я не верю своим ушам! Ты говоришь как какой-нибудь примитивный гой, для которого источником всех знаний выступает телевизор. Ты говоришь как типичный американский избиратель. Но ты же не можешь быть таким идиотом. Ты же убил конгрессмена Горовица не просто за то, что он был таким уродом. Ты взорвал босса Б'най Б'рит Шапиро, не потому, что у него воняло изо рта. И ты шлепнул этого комментатора-жида Джейкобса, из «Вашингтон Пост», не потому, что его взгляды были слишком либеральными на твой вкус. Ты же не хочешь сказать мне, что просто совпадение, что они все оказались евреями? Брось валять дурака, Егер!

Забыв на мгновение о своем решении при первой возможности броситься на Райана и дать выход своему гневу, Оскар наклонился вперед на стуле и ткнул в него пальцем.

- По правде говоря, это действительно совпадение. Я даже не знал, что Джейкобс был евреем. Я пристрелил его просто за то, что он был самым гнусным автором, пишущим на расовые темы в «Вашингтон Пост». Я действительно не метил в Шапиро, когда взрывал Народный комитет; он просто оказался одним из гостей на сцене, когда я их взорвал. И я казнил

Горовица не потому, что он был евреем; я удавил его за то, что он был лидером фракции расосмесителей в Конгрессе.

- Верно! Как и сенатор Мандельбаум - глава фракции расосмесителей в Сенате. Возможно, ты не заметил, что он, совершенно случайно, тоже жид, - издевательски фыркнул Райан.

- Ну и что с того, что он - еврей? Что это доказывает? Есть много расосмесителей - неевреев, - несколько неуверенно ответил Оскар.

- О, боже, а я-то думал, что это серьезный человек, - простонал Райан, хлопая себя свободной рукой по голове и закатывая глаза. - Я думаю, что ты также не догадывался, что Шапиро с самого начала дергал за все ниточки в Народном комитете против ненависти, и что все эти проповедники, актеры и пидоры в Комитете просто служили вывеской?

Оскар не ответил, но напрягся, готовый броситься на человека напротив. Но прежде, чем он смог шевельнуться, Райан снова посмотрел прямо на него. И хотя правая рука Райана все еще небрежно лежала на его ноге, дуло его пистолета по-прежнему твердо смотрело в грудь Оскара.

- Возможно я переоценил тебя, Егер. Возможно, ты недостаточно умен для того, что я имею в виду: возможно, ты - хороший тактик, но стратег абсолютно никудышный, - размышлял Райан. - Хотя, хороший тактик - это все, что мне действительно нужно. Я сам буду стратегом. Тебе не надо понимать причин того, что ты будешь делать.

- Испытайте меня, - ответил Оскар. - Вы говорите мне о значении того факта, что евреи гораздо активнее, чем члены других религиозных групп, стремятся вбить кровосмешение в горло Америки. Объясните мне тогда, какое это имеет отношение к Каплану и еврейскому заговору по захвату ФБР. Я послушаю. Возможно, даже пойму.

Райан поглядел на часы и вздохнул.

- Егер, если ты сумел прожить 40 лет и все еще считаешь, что евреи - просто религиозная группа, у меня нет никакой возможности заставить тебя прозреть сегодня вечером. Нужно потратить неделю только на то, чтобы ты начал хоть что-нибудь понимать в евреях. Я полагал, что ты уже их знаешь, но думаю, что был неправ. - Райан печально покачал головой.

На мгновение он оставался в нерешительности, потом вздохнул снова, откинулся назад на стуле и начал:

- Хорошо, Егер, ты заметил, что евреи гораздо сильнее других выступают за расовое смешение. Ты также заметил их присутствие в развлекательных и новостных СМИ?

Оскар покраснел, чувствуя себя, как плохой ученик.

- Да, конечно. Все знают, что в СМИ множество евреев. Это - их сильная сторона.

- Да, это - их сильная сторона, все верно. Форт без «е». (forte - сильная сторона; fort - крепость, форт, укрепление - прим.перев.) Это - их крепость, их цитадель, их стратегический штаб кампании уничтожения, которую они ведут против нашего народа, - резко ответил Райан. - Мне кажется, ты считаешь причиной того, что евреи владеют всем и вся в Голливуде и в других бастионах индустрии развлечений, - это то, что у них есть особые способности к шоу-бизнесу. Так? И подозреваю, ты думаешь, что, евреи, как религиозная группа, приобрели эти навыки, посещая синагогу. Или, возможно, это связано с их кошерной пищей. Верно?

Румянец у Оскара выступил еще ярче.

- Ну, к тому же они всегда были хорошими бизнесменами. Некоторые семьи добились успеха в определенных видах бизнеса, а затем их потомки с каждым поколением все больше развивали успех, как Круппы в производстве оружия, а Вандербильдты - в строительстве железных дорог, - неуверенно ответил Оскар.

- Теплее, мой мальчик, теплее. Для сына - вполне естественно продолжить семейный бизнес отца. Ничего дурного в этом нет. Но когда все сыновья в семье стремятся к другим видам бизнеса - другим видам бизнеса в одной и той же отрасли - принадлежащих семьям, весьма отличным от их собственных, и начинают выкупать и одурачивать их, и помогать своим соплеменникам делать то же самое, тогда нужно, по крайней мере, предположить, что эта особая семья хочет управлять именно этой отраслью. А когда видно, что и другие семьи, которые некоторым особым образом связаны с первой семьей, скажем, все они относятся к этническому меньшинству, проделывают то же самое в одной отрасли, нужно проявить еще большую настороженность.

- Конечно, евреи - не единственное меньшинство в нашей стране, которое ведет себя более или менее похоже. Есть индусы и их гостиничный бизнес, например, или цыгане в бизнесе подержанных машин. Но и тогда владение мотелем или даже сетью мотелей не придает человеку такое же влияние, как обладание большой кинокомпанией в Голливуде или газетой «Нью-Йорк Таймс», верно?

- Действительно, Егер, просто подумай вот о чем: я знаю, что ты не принадлежишь ни к какой церкви, но мне также известно, что твоя семья была лютеранской. Теперь давай пофантазируем. На минуту забудем о реальном мире и вообразим, что все лютеране Европы, твои собственные предки, представляют собой действительно сплоченное, хорошо организованное меньшинство, и что нелютеранское большинство презирает и ненавидит их до глубины души после веков горького опыта взаимодействия с ними. И предположим, что примерно сто лет назад в нашей

стране была только горстка лютеран - несколько разведчиков или уполномоченных, так сказать, и что эти уполномоченные тогда послали весточку назад в Европу остальной части лютеранской общины, что в Соединенных Штатах можно хорошо пожить, что действительно грязная работа борьбы с индейцами и освоение дикой природы окончены, и настало время приехать и захватить лучшие места.

И вообрази, что примерно лет за тридцать, три-четыре миллиона твоих соплеменников хлынули в нашу страну, оставаясь так же сильно связанными друг с другом, как и в Европе, принесли сюда ту же самую жгучую ненависть к остальной части человеческого рода и решили любыми способами захватить верх над остальными жителями. Конечно, первое, что они должны были сделать, это зацепиться. Так что они занялись всем, что было доступно, торговали с тележками, были старьевщиками, открыли ломбарды, и потом продвинулись в более прибыльные области, вроде швейной промышленности, мехового бизнеса, сети магазинов и оптовую торговлю. Так, в конечном счете, они утвердились в нашей стране, поднакопили немало денег, узнали местные народные нравы, примелькались, как они это умеют делать, и нашли слабые места. Как они могли сделать это? Как бы ты сделал это? Сняв угол на рынке пуговиц? Мертвой хваткой вцепившись в профессию проктологов?

Оскар молчал, и Райан продолжил:

- Нет, конечно. И ты, Егер, знаешь ответ, также как и я. Они начали бы захватывать средства массовой информации. В Европе они осуществляли свое господство с помощью денег и через банки. Они действовали сверху вниз, став незаменимыми для правителей в качестве ростовщиков. Здесь все по-другому, более демократично. Здесь человек, который управляет общественным мнением, обладает большей властью, чем банкир. Конечно, лютеране и здесь не постеснялись бы захватить контроль над ростовщичеством. Но если их цель состояла не только в том, чтобы приобрести для себя богатство, но и добиться господства над нелютеранским большинством, среди которого они жили, а затем уничтожить его, то, прежде всего, они постарались бы овладеть всеми сферами развлечения и информации, до которых только смогли дотянуться их жадные руки. Они устремились бы в Голливуд. Прибрали бы к рукам Бродвей. Они хлынули бы на радио. Постарались бы захватить газеты и журналы, комиксы и книгоиздательства. И, конечно, когда позднее появилось телевидение, они также постарались бы взять его под свой контроль.

- Хорошо, я признаю, что еврейского народа в Голливуде как на собаке блох, но...

Райан перебил его, взорвавшись:

- Ради бога, Егер! Брось ты это дерьмо про «еврейский народ», пока меня не стошнило.

- Хорошо. Итак, евреи владеют Голливудом. Правда и то, что тот вид развлечений, который Голливуд производит в наши дни, кажется предназначенным для поощрения расового смешения и других форм вырождения. Но...

- Ничего не «кажется», Егер, - снова прервал его Райан.

- Я не понимаю, почему вы так уверены в этом. Мафия распространяет наркотики, которые конечно являются разрушительными для нашего общества. Но я считаю совершенно ясным, что цель мафии состоит в том, чтобы просто заработать деньги, а не уничтожить общество. Они просто используют в своих интересах порок, который уже существовал. Откуда вы знаете, что у евреев не такие же намерения?

Прежде, чем Райан смог ответить, Оскар продолжил:

- Честно говоря, я не должен позволять вам издеваться надо мной, твердя «евреи, евреи». Часть евреев использует в своих интересах недостатки нашего общества, чтобы делать деньги. Но большинство евреев так не поступают. Я думаю, что мой зубной врач, доктор Стейнберг - еврей. Владелец газетного киоска, где я покупаю журналы, тоже еврей. Один из специалистов по контрактам, с которыми я имею дело в Пентагоне, иудей, извините, еврей, как и один из моих лучших профессоров в Колорадо. Я просто не могу поверить в теорию, что они все являются участниками какого-то чудовищного заговора по уничтожению нашей расы. Мне кажется, что многие ваши предположения необоснованны. Наша раса, конечно, гибнет. Но это мы сами - ее убийцы. Мы сами встали на путь упадка. Мы потеряли чувство нашего единства и цели. Мы купаемся в своих собственных пороках. Любой на планете может нас эксплуатировать. Если вам хочется возложить вину на более определенную группу, то можете обвинить ваших собственных хозяев - жадных, трусливых, лживых политиков и бюрократов, которые управляют прогнившим и безответственным правительством, на которое вы работаете.

Райан пожал плечами.

- Егер, я вынужден согласиться с большей частью того, что ты сказал. Американский народ в упадке. Политические деятели бесчестны, и поверь мне, я видел намного больше надежных доказательств этого, чем ты можешь себе вообразить в самых диких фантазиях. Правительство прогнило. И мы обязаны винить самих себя во многих наших нынешних бедах. Но я - не тот человек, чтобы делать необоснованные или ненужные предположения. В этом отношении я - верный ученик философа Оккама. Потом я не добился бы своего нынешнего положения в Бюро, если бы был чокнутым теоретиком. Есть твердые, неопровержимые, однозначные

доказательства всего того, что я говорил о евреях, и их великое множество, хотя может быть придется немного покопаться, чтобы найти их все. Я вижу по книгам в твоём книжном шкафу, что ты кое-что прочел по истории. Хотя, видимо, мне не следует удивляться, что тебе удалось не слишком много узнать о евреях. Тебе следует научиться читать между строк большинства книг по истории, написанных за прошлые 50 лет, чтобы заметить еврейский след. Это - запретная тема, табу. Есть много старых книг с открытой информацией о них, но ты можешь найти большинство из этих книг только в больших университетских библиотеках, но только не в книжных магазинах. Если интересно, я как-нибудь дам тебе список их названий. Между прочим, ты знаешь, что у меня ученая степень магистра истории из Джорджтаунского университета? Действительно, я - не просто тупой полицаи, Егер.

Райан на секунду помедлил и затем продолжил:

- Конечно, ты прав, когда говоришь, что твой зубной врач и еврей - владелец соседнего газетного киоска - не участники заговора по нашему уничтожению. Я уверен, что большинство евреев в нашей стране по уши заняты оплатой своих квартир и обучения своих детей на стоматологов и гинекологов. У них нет времени на большие заговоры. Но ты все же неправ. Все зависит от того, как на это посмотреть. Я приведу тебе один пример. Некоторое время назад Соединенные Штаты вели войну против Германии. Это была кровавая, тяжелая война. Это была смертельно важная война. Американцам говорили, что Германия - наш враг. Немцам говорили, что Америка - их враг. Мы убили миллионы немцев, а они - сотни тысяч американцев. Теперь ты легко убедишь меня, что было много немецких зубных врачей, хозяев газетных киосков и университетских профессоров, которые не питали ненависти к американцам и не плели против нас заговоры. Они были просто обычными немцами, полностью занятыми добыванием средств на жизнь и своими семьями. Некоторые из них, возможно, даже были против политики своего правительства. Справедливо ли считать, что все эти немцы были нашими врагами?

Райан выразительно приостановился и затем ответил на собственный вопрос:

- Конечно, да. Они были нашими врагами, потому что платили налоги, которые шли на изготовление пуль для немецких солдат, которыми они стреляли в наших солдат. Даже если они не сидели в окопах и танках, они, так или иначе, держали внутренний фронт. Они считали себя представителями немецкого государства, а мы вели войну с немецким государством. Тебе понятна моя мысль, Егер? Твой еврей - стоматолог также платит налоги в виде взносов в «Объединенный Еврейский Призыв». Он не может быть на передовой с товарищами из Б'най Б'рит («Сынов Завета»), но будь уверен, что он ведет свою борьбу на внутреннем фронте множеством малых дел. Он выбирает политических деятелей, которые голосуют так, чтобы твои налоги шли на помощь Израилю. Он пишет соответствующие письма редактору «Вашингтон Пост». Он, вероятно, очень активный гражданин, работающий в родительском комитете, где он может следить за преподавателями, нанятыми советом школы; входит в правление библиотеки округа, где может оказывать некоторое влияние на приобретение книг библиотекой; он действует как меценат местного художественного музея или театра, где поддержит приобретение музеем нескольких резных африканских масок и тамтамов или исполнение некоторых действительно странных спектаклей в поддержку утвердительных действий против расовой дискриминации.

Или возможно, что твой зубной врач - действительно один из тех редких евреев, кто совершенно не обращает внимания на то, что твердит ему Б'най Б'рит и даже не покупает облигации Израиля. И все же он считает себя частью еврейского народа, но будь уверен: еврейский народ, еврейская нация, еврейская раса, неважно, называй, как тебе угодно это порождение ада, ведет войну с нашим народом.

Я достаточно долго пробыл на передовой одной малой части этой войны, чтобы совершенно ясно осознавать это. В действительности я начал кое-что понимать еще до того, как попал в Бюро. Мой отец имел привычку говорить с нами за обедом о своей работе во время второй мировой войны и вскоре после ее окончания. Он занимался, в основном, расследованием внутренней подрывной деятельности, пока не началась война, и его не перевели в отдел контрразведки. Именно тогда он осознал, что в действительности представляют собой евреи.

В наши дни всякий раз, когда люди слышат о шпионаже во время войны, они думают о немецких лазутчиках с картами военных объектов, высаживавшихся с подводных лодок, или японцах с секретными радиопередатчиками и тому подобное. На самом деле во время войны у контрразведчиков в Бюро лишь десятая часть времени уходила на ловлю нацистских и японских шпионов, потому что девяносто процентов времени у них уходило на то, чтобы помешать евреям выкрасть все наши военные секреты и передать их Советскому Союзу. Мой отец никогда не мог смириться с фактом, что мы воевали прежде всего за интересы евреев, а они в знак благодарности продавали нас красным.

- Если ты хоть что-нибудь понял из этих книг по истории, - и Райан махнул в сторону книжных полок, - то знаешь, что Рузвельт в 1940 и 1941 годах делал все, что мог, чтобы заставить немцев объявить нам войну. Он приказал Бюро указывать немецких агентов в нашей стране британцам, которые, конечно, уже воевали с немцами с сентября 1939 года, а затем прикидывался

дурачком, когда этих агентов убивали. Он обязал наш военно-морской флот следить за немецкими судами и сообщать их координаты британцам, чтобы они их топили. Он позволил своему министру финансов, еврей Моргентау, захватить немецкие активы в нашей стране. Наконец, он приказал нашему военно-морскому флоту расстреливать немецкие суда при встрече. Однако Гитлер не поддался на провокацию. В конце концов, Рузвельту пришлось втянуть нас в войну «через черный ход», подстроив «внезапное» нападение японцев на Перл-Харбор. И все это время клика евреев - «советников» - Моргентау, Барух, Франкфуртер, Розенман, Коэн - диктовала ему, что и когда надо делать. А они в свою очередь каждый день говорили по телефону с главными евреями в Нью-Йорке, Лондоне и Москве. Гувер прослушивал половину телефонов в Вашингтоне и знал все, что происходит.

После того, как немцы напали на Советский Союз в июне 1941 года, евреи в каждой из наших военных организаций начали «умыкать» секретные документы и передавать их Советам. Гувер доложил об этом Рузвельту, но тот не позволил ему арестовать предателей. Все, что мог сделать Гувер, это негласно предупредить некоторых высших военных и крупных промышленников, выполняющих оборонные заказы вооруженных сил, чтобы они перевели своих подчиненных евреев на менее важные должности, не связанные с доступом к государственным секретам и усилили режим секретности. Конечно, после Перл-Харбора Советский Союз официально стал нашим «союзником». Но хотя Рузвельт продолжал защищать евреев, Гувер держал Бюро в курсе всего, что происходило, собирая улики и выжидая, когда наступит его время.

Наконец, когда в начале 1945 года Рузвельт умер, Гувер «спустил собак» на жидов. Бюро арестовало сотни евреев, которые шпионили в пользу Советов. Именно тогда мой отец узнал, как евреи организованы, как они сотрудничают и поддерживают друг друга. На Гувера было оказано страшное давление, чтобы он прекратил аресты евреев за шпионаж. И падение Гувера было предрешиено, если бы он годами не собирал компромат для своей защиты. У него имелись конфиденциальные досье на большинство главных политиков. Когда кому-то из них звонил разъяренный Моргентау или другой еврейский лидер, требуя что-нибудь сделать для обуздания ФБР, и политик в свою очередь звонил Гуверу, то последний приглашал его заскочить в Бюро для дружеской беседы. При встрече Гувер показывал политику подборку из его личного досье. После чего политик немедленно прекращал все попытки давления на Гувера по части еврейских шпионских дел.

Тем не менее, в конечном счете, Гувер был вынужден пойти на компромисс с евреями. Но несколько десятков из них, схваченных на месте преступления, особенно Розенберги и их сообщники, были преданы суду и осуждены.

Следственные дела на сотни других еврейских шпионов были негласно закрыты. И с этого времени евреи решили захватить Бюро в свои руки. Но пока Гувер был жив, они не смогли многого добиться. И он создал внутри структуры ФБР множество бюрократических барьеров, которые мешали евреям даже после его смерти в 1972 году.

Но они - настойчивые ублюдки и далеко продвинулись по пути окончательного захвата Бюро. А после того, как это случится, неважно, кто будет назначен Директором, ведь евреи будут управлять всеми делами внутри Бюро и творить все, что им заблагорассудится. Я боролся с ними изо всех своих сил. Но у меня семья, и я не стремлюсь попасть в мученики. Все, что я делал, находилось в рамках правил бюрократической борьбы. Я соблюдал внутренние инструкции.

Но к счастью есть всевидящий Бог на небе, и он послал тебя в мои руки. Ты будешь делать то, что я хотел сделать, но не мог. А теперь записывай, Егер. Я не хочу провести здесь всю ночь.

Убрать Каплана оказалось несложным делом. Вооруженный подробным знанием его привычек и еженедельного распорядка дня, описанием его машины и множеством других личных данных, Оскар быстро разработал план действий.

Райан рассказал, что Каплан помешан на порнографии. В своем столе он держал пачку фотографий всевозможных сексуальных извращений и регулярно показывал их повсюду в офисе другим агентам, несмотря на то, что большинство из них не разделяли его навязчивых идей и время от времени смотрели эти снимки только из нездорового любопытства узнать, над какими странными новыми извращениями этот агент-еврей пускает слюни. С выражением явного отвращения Райан сказал, что Каплан настолько одержим этой дрянью, что каждую среду вечером по пути домой останавливается у порнографического магазина всего в четырех кварталах от здания Гувера, поскольку по средам в этом магазине обычно появляются новые поступления.

У Оскара возникла мысль использовать эту слабость Каплана для его устранения. Однако сам порномагазин казался неподходящим местом для этой операции. Он представлял собой узкий пенал посередине очень оживленного квартала, причем без обычной стоянки. К тому же Каплан заезжал в магазин после работы, что вынуждало Оскара проводить эту операцию днем.

Однако он решил побывать в магазине в предполагаемое время следующего появления Каплана.

За полчаса до того, как Каплан должен был уехать из офиса, Оскар вошел в магазин «Новые книги и фотографии Химана» в том же самом парике, фальшивых очках с обычными стеклами, но в другом гриме, чем в отеле «Шорхэм», с новеньким бесшумным пистолетом в наплечной кобуре под пиджаком и с таким же глушителем, накрученным на дуло - из точно такого пистолета он уничтожил Джонса и Джейкобса. Машину пришлось оставить дальше чем за шесть кварталов от магазина. Оскар не мог понять, почему Каплан выбрал именно этот порномагазин. В том же самом квартале было три других, больших, ярче освещенных и с лучшим выбором. Возможно, привлекательность этого места состояла в том, что это был довольно маленький магазин, так что покупатель, который не хотел быть замеченным в таком заведении, чувствовал себя спокойнее, или, возможно, в нем была какая-то особенная гадость, отсутствующая в других порномагазинах.

Просматривая полки, Оскар увидел набор, наверное, любых видов извращений какие только можно вообразить: садизм, садомазохизм, гомосексуализм, скотоложство, межрасовый секс и различные другие способы сексуального удовлетворения, которые казались ему настолько дикими, что было трудно вообразить человека, получающего от них удовольствие. Единственное, что, похоже, отсутствовало, - это обычные сокоупления между мужчинами и женщинами одной расы.

Мужчина за прилавком, чрезвычайно толстый, темнокожий, сальный тип с сигарой во рту, уставился на Оскара. Оскар посмотрел на часы, неторопливо вышел из магазина и занял пост через две двери от входа в магазин, сделав вид, что изучает названия книг в переполненной витрине, но по-прежнему следя за входом в магазин Химана.

Он заметил Каплана почти за квартал, когда тот вышел из машины, которую, спокойно нарушая правила, остановил перед пожарным гидрантом. Если придется стрелять в Каплана, когда тот вернется к машине, будет много свидетелей.

Оскар быстро принял решение. В магазин Химана редко кто заходил, и Оскар знал, что в тот момент там не было посетителей, причем вряд ли кто-либо еще мог войти в следующую минуту. Так что Оскар быстро вернулся в магазин примерно за 15 секунд перед появлением Каплана.

Еще входя в дверь, он поднял пистолет и с ходу, с расстояния в метр выпустил две пули в лоб владельцу. Тот свалился набок со своего стула в темное, узкое пространство за прилавком. Шум падающего на пол тела показался громче хлопков выстрелов из бесшумного пистолета, но Оскар был уверен, что никто на оживленном, шумном тротуаре не слышал ни звука.

Он сделал десяток шагов по единственному проходу узкого магазина, затем быстро повернулся как раз за проволочной стойкой с выставленными книгами в мягкой обложке, которых было достаточно, чтобы скрыть его руку с пистолетом. Голова Оскара была наклонена к стойке, как будто он рассматривал книги, но поверх очков он следил за Капланом, который уже входил в магазин.

Каплан с удивлением взглянул на оставленный без присмотра прилавок и на мгновение остановился, перед тем как неуверенно пройти далее во внутрь, по направлению к Оскару. Когда Каплан оказался на расстоянии двух метров, Оскар поднял руку и шесть раз быстро выстрелил ему в грудь и голову. Каплан упал ничком, и Оскар, склонившись над телом, сделал еще два выстрела ему в затылок.

Оскар извлек пустую обойму из пистолета и вставил полную, затем наклонился над прилавком и сделал еще четыре выстрела в ухо и голову владельца, перед тем как вложить оружие в кобуру. Под конец он вынул из кармана пиджака два маленьких пластиковых пакетика с белым порошком, встал на колени около труп Каплана, и несколько раз сжал пакетики его мертвыми пальцами, перед тем как опустить их в карман пиджака трупа. Машинально он забрал бумажник Каплана.

Кокаин - и задумку, и сами пакетики - подсказал Райан, который считал, что неплохо немного замутить воду, подбросив след о возможной связи убийства Каплана со случайной сделкой с наркотиком, а не с его основной работой. В среднем в Вашингтоне в день совершались два убийства, связанные с наркотиками, так что этот след должен был выглядеть достаточно правдоподобно.

Оскар застегнул пиджак и вышел на тротуар. Свернув за угол в конце квартала, он бросил взгляд назад. У входа в магазин Химана никого не было видно. В машине он отметил, что прошло меньше часа, с тех пор как он уехал из дому. До встречи с Аделаидой у него оставалось еще одно дело, и надо было его закончить к 7:30, крайнему сроку, позднее которого он обещал не задерживаться.

Его следующей остановкой была Библиотека Конгресса, где его поджидала удивительная удача - место для стоянки всего в двух кварталах от входа. Оскар хотел получить некоторые из книг, которые он искал в пригородных библиотеках, но, как и предсказывал Райан, их там не оказалось. Он надеялся, что здесь его поиски окажутся более удачными.

Первые четыре дня после встречи с Райаном Оскар просто пытался уяснить свое изменившееся положение, продумывая различные возможности, открывающиеся перед ним. Ко

всему этому надо было привыкнуть. Поездка с Аделаидой на лыжный курорт помогла ему прийти в себя. Он проговорил с ней несколько часов о расе и качестве человеческой породы, о расе и истории, о расовых условиях в Америке, о будущем - с расовой точки зрения, и о своей внутренней потребности бороться против зловещего геноцида, который происходит на глазах, - но при всем том без каких-либо намеков на свою деятельность.

Одновременно он ломал голову над новым участником в своем миропредставлении: евреями. Выслушав все, что Райан наговорил о евреях, Оскар сначала хотел отбросить его замечания как крайний антисемитизм, так же, как он раньше отверг взгляды Келлера на роль евреев. Он достаточно посмотрел на этот тип бессмысленного фанатизма, и совершенно не выносил его. Райан, с его старомодным, ирландско-католическим консерватизмом, вероятно, впитал неприязнь к евреям от какого-нибудь ископаемого иезуита-преподавателя в приходской школе, который все еще учил, что евреи «убили Христа», несмотря на новую линию Ватикана. А Келлер был связан с какой-то неонацистской группой, что объясняло его взгляды на евреев.

Единственная вещь, которая мешала Оскару выбросить эту проблему из головы, заключалась в том, что ни Райан, ни Келлер не соответствовали его представлению о религиозных фанатиках. Оба эти человека, очевидно, были весьма умны и начитаны. Келлер был квалифицированным преподавателем, и даже Райана можно было считать интеллектуалом; конечно, сотрудник ФБР не выказывал той религиозной ограниченности и суеверий, с которыми Оскар сталкивался среди более примитивных христиан, протестантов и католиков. А Келлер даже не признавал христианства. Особенно Келлер с его непринужденными, доброжелательными манерами совершенно не походил на озлобленного нервного «ненавистника», каким по представлению Оскара должен был быть антисемит.

Помимо этих соображений, было некое правдоподобие в том, что утверждали оба этих человека, и это действительно его беспокоило. Он был уверен, что есть какая-то «хитрость», и что очевидный смысл их утверждений развалится при более тщательном изучении. Однако, до сих пор, перебирая в голове их доводы и обращаясь к книгам в собственной библиотеке, он не мог найти, в чем они ошибаются. У Оскара был список из десятка изданий, которые он хотел просмотреть в Библиотеке Конгресса, чтобы решить этот вопрос.

Во время долгой поездки домой с лыжного курорта в понедельник ночью, когда Аделаида уснула, положив голову Оскару на колени, он впервые смог поразмыслить над причинами, почему его так беспокоит антисемитизм Келлера и Райана. Больше чем отрицательный стереотип евреев-ненавистников, который он слепо воспринял из средств массовой информации, его беспокоило противоречие с его собственными идеями, касающимися расы и истории, которые нелегко ему дали, и от которых ему было непросто отказаться.

Он осознал, что в прошлом был склонен к некоторой одномерности в своих размышлениях на эту тему. Этой одномерностью был интеллект. В представлении Оскара человеческие расы различались просто по умственным способностям. Конечно, люди между собой отличались, но в среднем можно было с приемлемой точностью оценить интеллект расы, отмечая их исторические достижения, или изучая показатели достаточно большого числа людей в выборке. По любому стандарту чернокожие были низшей расой, и скрещивание между ними и Белыми только ухудшало породу последних. С другой стороны, евреи, очевидно, обладали такими же умственными способностями, как и любые другие Белые - возможно, даже более высокими, если судить по их нынешним показателям, а не историческим достижениям, которые, он должен был признать, были довольно ограниченными, несмотря на их собственное тщеславное хвастовство тем, что они изобрели единобожие и веками служили моральным светочем для народов во всем мире.

Чем больше он размышлял над своей расовой схемой, тем больше видел ее несоответствия. Она действительно была слишком упрощенной. Имелось слишком много фактов, которые в ней не учитывались. Жители Востока, например, явно, и физически и психически, отличаются от Белых, но можно ли с уверенностью утверждать, что они отсталые? Конечно не на основе интеллекта, измеряемого с помощью стандартных тестов. Каково же в таком случае их место в его расовой иерархии?

Ясно, что действительность расовых различий была многомерной. Средний интеллект был только одной из многих, многих черт, которые различались от расы к расе. На самом деле то, что он считал «интеллектом» несомненно, было сложной характеристикой, которая должна разделяться на множество составных частей: некоторые расы казались более умными в одном отношении, тогда как другие - в другом.

Чернокожие, например, имели способности к речевому и поведенческому подражательству, которое часто скрывало реальные недостатки их познавательного интеллекта. Эта защитная окраска черных была знакома Оскару по университету, где он встречал множество черных с замечательно развитыми общественными навыками, которые были в состоянии прекрасно вращаться в кругах белых и создавали впечатление толковых и способных. Они говорили и одевались как Белые; они отделили себя от основной части своей расы и казались более

похожими на Белых, чем на черных, если не обращать внимания на очевидные физические различия.

Однако во время тестов ни один из них не мог достичь умственного уровня Белых. Большинство из них, казалось, сами знали об этом, и поэтому избегали ситуаций, когда они могли подвергнуться испытаниям. Они как чумы избегали точных дисциплин, концентрируясь на общественных дисциплинах, а те очень немногие, кто действительно изучал математику, технику или научные дисциплины, показывали одинаково заурядные результаты.

Так что, если оценивать расы на основе способностей, требуемых, чтобы хорошо выступать на сцене, черные получают намного более высокую относительную оценку, чем, если оценивать их по способности иметь дело с отвлеченными понятиями и решать на их основе соответствующие задачи. Поэтому следует быть очень осторожным в оценках «отсталости» и «превосходства». Они имеют смысл, только когда относятся к определенной, ясно обозначенной характеристике. Раса, оцениваемая как низшая по одной мерке, может оказаться более развитой, исходя из другой.

Ну и прекрасно. Ему придется значительно пересмотреть свои взгляды. В прошлом он подходил ко всему слишком упрощенно. Вместо того чтобы тщательно и беспристрастно анализировать факты, он горячо реагировал на очевидное мошенничество в новостях и развлекательных СМИ, которые стремились убедить всех и каждого, что черные «равны» Белым по интеллекту, творческим способностям, оригинальности и предприимчивости: что их чувства, склонности и мышление точно такие же, как у Белых, или что у Белых были бы совершенно одинаковые характеристики с черными, окажись те в той же самой среде, что и черные. И в своей реакции он сосредоточился на самом легко опровержимом элементе мошенничества: а именно, что у черных, в среднем, такие же познавательные способности, что и у Белых.

И каковы же могут быть выводы из более близкого к действительности многомерного представления о расовых различиях? Как это отразит роль евреев в его схеме фактов? Ни Келлер ни Райан не согласились с его предположением, что евреи относятся к Белой расе. Несколько книг, которые он искал, описывали расовую историю евреев. Он хотел сначала ознакомиться с фактами, а затем подумать об их значении.

А что, если ближневосточное происхождение евреев и последующая история наградили их значительными генетическими различиями по сравнению с Белыми европейского происхождения? Келлер и Райан утверждали, что евреи обладают особым видом врожденной недоброжелательности, генетически обусловленной ненавистью к миру, которая выражается во всеобъемлющей, хотя и умно замаскированной, кампании против их Белых соседей. Для Оскара это казалось фантастикой.

Более определенными были некоторые заявления Келлера и Райана о еврейском контроле над новостными и развлекательными СМИ, и целях использования этого контроля. Если эти утверждения окажутся верны, то косвенно поддержат все их обвинения против евреев. Если же это неправда, Оскар сможет с легким сердцем отвергнуть их идеи. Несколько книг, которые он искал в Библиотеке Конгресса, касались людей, управляющих средствами массовой информации.

То, что представлялось Оскару небольшой и простой научно-исследовательской работой - проверкой нескольких десятков фактов и, возможно, чтением одной-двух книг - оказалось и долгим, и сложным делом. Целых десять дней он проводил в среднем по шесть часов в день, детально изучая более трехсот страниц копий, сделанных им в среду предыдущей недели в Библиотеке Конгресса и не менее двух десятков книг, к которым привели его эти материалы, причем эти книги он получил по межбиблиотечному обмену через арлингтонскую библиотеку. Уже наступила суббота, и Оскар волновался. Мало того, что ему не удалось опровергнуть предвзятость Райана и Келлера в отношении евреев, напротив, он убедился, что они были, по крайней мере отчасти, правы.

То есть, он проверил некоторые из их заявлений о том, чем евреи занимаются в настоящее время и чем занимались в прошлом; однако он все еще не готов был полностью согласиться с их утверждением, что евреи, как единая группа, постоянно были в сговоре и действовали заодно, или что их общим стремлением является уничтожение Белой расы. Он даже обнаружил несколько случаев, когда казалось, что евреи четко были разделены на группы, не ладящие друг с другом. И в истории были длительные периоды, в течение которых евреи в той или другой стране были весьма могущественны, но, очевидно, не предпринимали никаких усилий уничтожить там своих хозяев.

Одной темой, на которой сосредоточился Оскар, была роль евреев в средствах массовой информации, потому что это был вопрос критической важности и потому, что собрать доказательства было довольно легко. Теперь он осознал, что евреи заправляют не только всем Голливудом, но и практически всей сферой развлечений. Какую бы область развлечений он ни

исследовал - кино, радио- и телевидение, журналы широкого спроса, массово изданные книги в мягкой обложке - еврейское присутствие было подавляющим, и оно представляло собой много больше, чем несколько высших евреев-управленцев. Наибольшим производителем телевизионных программ развлечения, например, была огромная корпорация «MCA, Inc.», где фактически каждый директор и чиновник был евреем.

То же самое относилось и к сфере новостей: каждое средство вещания, и едва ли не каждый орган управления им были под прямым или косвенным еврейским началом.

Оскара действительно поразила степень и глубина еврейского влияния в СМИ. В сфере новостей, например, тремя наиболее влиятельными газетами в стране - «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост» и «Уолл-Стрит Джорнел» - напрямую владели евреи. Нееврейям принадлежало много маленьких независимых газет, а также несколько больших, но даже в них он нашел удивительно большую долю евреев на ключевых редакционных должностях.

Кроме того, он узнал, что зарплата редакторов и прибыль издателей складывается не из пяти-десяти центов, уплачиваемых подписчиками, а из доходов от рекламы. Самыми большими рекламодателями каждой общегородской газеты, которую изучил Оскар, были универмаги и сети магазинов, еврейское присутствие в которых было настолько весомым, что если еврейские бизнесмены в любом городе были недовольны редакционной политикой местной газеты и отказывали ей в размещении своей рекламы, то газета разорялась.

Конечно, все это не было очевидно с первого взгляда. Оскару пришлось изрядно покопаться, чтобы установить все эти факты, неоднократно сверяя списки директоров с биографическими справочниками, чтобы определить этническую принадлежность в сомнительных случаях. Например, изучая кинопроизводство в Голливуде, он сначала обрадовался, что нашел крупного нееврейского кинопроизводителя в лице «Студий Уолта Диснея». Но дальнейшее исследование показало, что, хотя основатель компании, Уолт Дисней, не был евреем, через несколько лет после его смерти, наследники продали предприятие еврейям, и в настоящее время «Студии Уолта Диснея» были в еврейских руках, как и остальная часть Голливуда. Точно также дело обстояло и с некоторыми другими предприятиями в мире средств массовой информации: у них были известные явно нееврейские названия, но при ближайшем рассмотрении Оскар обнаружил, что они являются филиалами других компаний, возглавлявшихся еврейями.

Что же все это означало? Оскару становилось ясным, что евреи, просто благодаря своему контролю над средствами массовой информации, имели возможность стать опасными противниками Белой расы, а Райан и Келлер утверждали, что они таковыми и были. И разве они в самом деле не действовали как враги? Разве средства массовой информации не являются сегодня в мире силой, наиболее разрушительной в расовом отношении?

Еще во Вьетнаме он считал газетчиков и телевизионщиков, работающих в новостях, самой предательской сворой негодяев, которые преднамеренно стремились предотвратить победу американцев и добились своего. В то время он приписывал это их прокоммунистическому уклону. Но, ведь точно также возможно, что они стремились предотвратить победу Белых, и что их уклон был больше против Белых, чем за коммунистов?

Самое неприятное заключалось в том, что большинство рядовых сотрудников из новостей не были еврейями; они были Белыми, и все же он помнил их всех как одну извращенную, лживую, ухмыляющуюся банду мерзавцев, которые едва могли скрыть ликование при каждом американском отступлении, и кто считал обязательным для себя страшно исказить все, о чем они сообщали. Они вели себя так, потому что им приказали еврейские боссы? Оскар в это не верил. Он был достаточно знаком с человеческой природой, чтобы понять по всем мелким признакам, что их поведение было добровольным.

То же самое можно было сказать и о многих сторонах распада Белого общества после войны во Вьетнаме. СМИ с энтузиазмом пропагандировали любую форму вырождения и извращений, но Белое население явно не оказывало им никакого сопротивления. Справедливо ли обвинять средства массовой информации в расовом смешении, вседозволенности и падении нравственности и качества работы, феминизме, либерализме, взрыве гомосексуализма, современном анти-искусстве, замене традиционной Белой музыки роком и другими небелыми ее разновидностями, распространении наркотиков и тысячах других бед только потому, что СМИ обеспечивают терпимую атмосферу для этих явлений? Разве не может быть так, что всех и каждого - и широкую публику, и сотрудников СМИ, включая евреев, - несет один и тот же поток? Если это так, то евреев больше всего следовало винить в отказе использовать мощь их новостных и развлекательных СМИ для борьбы с вырожденческими тенденциями населения: другими словами, это был грех упущения, а не преступного деяния.

Оскару действительно захотелось поговорить об этом, поэтому он позвонил Гарри Келлеру и договорился с ним встретиться в воскресенье после обеда.

Потом он позвонил Аделаиде и сказал ей, что он закончил работу на этот день и попросил приготовить обед.

- Я знаю, что сейчас всего четыре часа, малыш, но почему бы тебе не приехать сейчас? Я свихнул мозги с этой ускоренной программой исследований, и теперь мне ужасно нужно твое присутствие.

- Да-да! Ты имеешь в виду, что соскучился по моему телу?

- Хорошо, это тоже.

- Оскар, ты больше недели обещаешь помочь мне найти новую пару лыж. Почему бы нам не сделать это сейчас?

Ее голос звучал немного жалобно. А ведь верно: нынешние лыжи Аделаиды были немного длинноваты для нее, и ей было трудно кататься. К тому же и крепления были не очень хорошие. Это были ее первые лыжи, и она действительно не знала, что делала, когда их покупала. После того, как Ади раз двадцать упала во время их лыжной прогулки две недели назад, Оскар пообещал купить ей новые лыжи и крепления, как только они вернутся домой. С тех пор ему уже дважды пришлось отложить выполнение обещанного, сначала потому, что он готовился к уничтожению Каплана, и затем из-за этой научно-исследовательской работы.

- Хорошо, дорогая, едем. Мы можем заняться любовью после обеда. Принеси свои ботинки, и мы все сделаем. Я думаю, что магазин открыт до шести.

И тут позвонил Райан. Он не назвался, но голос перепутать было нельзя:

- Жди меня у входа на станцию метро «Кларендон» через 20 минут.

- Это срочно? У меня сейчас встреча. Мы не можем встретиться завтра утром?

- Егер, ты должен быть на станции метро через 20 минут. - И Райан повесил трубку.

Вот дерьмо! Надо решать, как побыстрее сбросить Райана со своей шеи. Положение было щекотливым. Если взглянуть на нее с точки зрения Райана, то в случае, если Оскара когда-нибудь схватит кто-то еще, скажем, местная полиция, мог ли Райан быть уверен, что Оскар не потянет и его, чтобы получить для себя некоторые выгоды? Даже сейчас Оскар, вероятно, мог рассказать довольно убедительную историю о том, почему он убил Каплана, откуда узнал так много личных данных о своей жертве, и так далее.

Нет, очевидно, что Райан не мог позволить себе давать ему больше заданий. И по той же самой причине Райан не мог арестовать его сам. Действительно, если этот ФБРовец хотел спокойно спать ночью, он даже не мог позволить Оскару жить слишком долго. Очень скоро Оскару придется «разобраться» с Райаном, пока Райан сам не разделается с ним. Даже встреча, которую Райан потребовал сегодня, могла бы быть предназначена для этой цели.

Хотя Оскар так не думал. Райан говорил по телефону слишком холодно и властно. Если бы он хотел заманить Оскара в смертельную ловушку, ему следовало быть немного дружелюбнее и многословнее, чтобы усыпить бдительность Егера. Оскар надеялся, что интуиция его не обманывает, и с тяжелым сердцем перезвонил Аделаиде, чтобы в третий раз отложить их поход за покупками.

Прямо у входа на станцию метро он заметил Райана. Оскар прижал левую руку, чтобы почувствовать надежную твердость пистолета в наплечной кобуре, в то время как Райан знаком показал ему следовать за ним, и начал спускаться по лестнице к платформе поезда. Они зашли в тень колонны в дальнем конце платформы и встали спиной к стене станции, где можно было говорить, не опасаясь подслушивания и не бросаясь в глаза.

- Поздравляю, Егер. Ты отлично сработал с Капланом, и не только подсунул ему кокаин в карман, как я предложил, но и завалил его прямо в этом грязном порнопритоне. По всему Бюро передают подробности. Об этом я позаботился. Еврейцы, которые проталкивали это мелкого говнюка-извращенца, как подарок Бюро от своего бога Яхве, теперь притихли. - Искренне довольный Райан улыбался.

- Теперь, слушай внимательно. Твоя следующая цель - мужчина по имени Дэниел Фельдман. Ему 33 года, черные волосы и темно-карие глаза. Волосы курчавые коротко подстриженные, почти как шерсть у черномазых. Цвет лица смугловатый, пожалуй, чуть ближе к оливковому. Рост 177 сантиметров. Средней комплекции, вес около 65 килограммов. Нос небольшой, но явно еврейский, если ты понимаешь, что я имею в виду. Райан замолчал, глядя Оскару в лицо.

Оскар ничего не сказал, и Райан вытащил снимок из кармана, держа его так, чтобы Оскар мог рассмотреть.

- Вглядишься в это лицо. Я не могу дать тебе снимок, так что запоминай детали. Обрати внимание на эту наглую улыбочку. Этот улюбок всегда ухмыляется. Это его фирменный знак. Сначала я думал, что это от нервозности, неуверенности. В это можно поверить, потому что Фельдман немного дерганый и всегда говорит быстро, будто сильно взвинчен чем-то. Теперь я думаю, что улыбочка Фельдмана обдуманно; это его способ обезоружить человека. И я хочу предупредить тебя, Егер, что он гораздо опаснее любой гремучей змеи, которую тебе приходилось когда-либо видеть, так что будь осторожен. Он - хладнокровный убийца, и если ты сделаешь одно неверное движение, второй попытки у тебя не будет. Фельдман вообще не соблюдает никаких правил. Стоит ему только подумать, что ты хочешь убить его, даже без всяких оснований, он вышибет тебе мозги перед полсотней свидетелей, а оправдания искать будет потом.

- На кого он работает? На мафию?

- Нет, он - один из нас, хочешь - верь, хочешь - нет, - ответил Райан с оттенком сомнения в голосе, как будто сам не мог в это поверить. - Он - один из наших специалистов по грязным делам. Бюро делает многое из того, что не должно, вещи, которые не являются строго законными, а по правде говоря, чертовски незаконны. Фельдман научился своим уловкам в армии Израиля. У него - двойное гражданство. Как и у большей половины наших специалистов по грязным делам.

- Я расскажу тебе только об одном из дел, которые он провернул для нас. Когда в прошлом году мы арестовали всех этих куклусклановцев и посадили их по обвинению в заговоре, это была не такая уж законная и чистая операция, как ты мог бы подумать. Мы сначала схватили пару клановцев, прижали их, чтобы они выдали пару-тройку своих приятелей, потом прижали тех в свою очередь, чтобы заполучить других, и так далее, пока не взяли их всех.

Большинство этих придурков из Ку-Клукс-Клана легко раскололись; обычно те, кто смелее всех на словах и имеют дома самые большие запасы оружия - те сдаются быстрее всех. Стоит им сказать, сколько лет они просидят в тюрьме, а потом сунуть их на ночь в камеру с тридцатью черномазыми. К утру они готовы оговорить собственную мать.

Но некоторые из недоносков попадаются упорные, и нам приходится прижимать их сильнее. Один из этих слабаков показал нам, что его приятель припрятал ящик ручных гранат, но когда мы взяли приятеля, тот никак не хотел сознаться, где спрятал гранаты. Я был тогда в доме этого мужика с тремя другими агентами и Фельдманом. Мы надели наручники и на его жену, как сообщницу. Это - обычная процедура. Позже мы обычно отпускаем женщин, но когда арестовываешь жену, это помогает быстрее убедить мужа заговорить.

Там были и двое детей этого мужика: семилетний мальчик и четырнадцатилетняя девочка, симпатичная малышка. И вот когда отец отказался говорить, Фельдман начал заигрывать с девочкой, говоря ей гадости, щипать за грудь, хватать рукой за попку. Вскоре испуганную его шуточками и всю в слезах, он прижал ее к стене. Я и другой агент держали отца, а третий агент держал ее мать. Мужик поднял большой шум, кричал и проклинал нас, но не хотел сказать нам, где его гранаты.

Вдруг без всякого предупреждения Фельдман вынимает свой член, хватая девочку за волосы, начинает орать на нее и ставит на колени. Потом, на глазах отца и матери девочки и ее маленького брата, он приставляет пистолет к голове девочки и заставляет ее делать ему отсос. Отец прямо сошел с ума. Прежде, чем Фельдман успел сунуть член в рот девочки, мужик сознался, где спрятал гранаты. Но Фельдман не остановился и заставил девочку доделать дело. Меня чуть не вырвало.

- Вы там тоже были, Райан! Это и на вашей совести!

- Да, именно поэтому Фельдмана надо убрать. И другие у нас не лучше, но Фельдман - единственный, с кем я работал вместе. Он - единственный, кто может сказать, что я когда-либо нарушал устав. Он - единственная угроза, которую евреи могут использовать против меня, если я открыто выступлю против них в Бюро.

- Что, черт возьми, вообще может быть общего у полицейского агентства вроде ФБР с маньяками вроде Фельдмана?

- Боже мой, Егер, ты - болван! Фельдман не маньяк. Он - просто еврей. На самом деле он никогда не теряет хладнокровия. Все, что он сделал с этой девочкой - и все, что он делает - это обдуманная хладнокровная подлость. Как ты думаешь, почему он не изнасиловал или не избил ее вместо этой мерзости? Потому что тогда были бы вещественные доказательства. Девочка после этого могла бы пойти к врачу, и тот подтвердил бы ее рассказ. Это могло бы даже попасть в газеты, и у нас были бы большие неприятности. А так он не оставил на ней ни царапины. Он использовал террор, чтобы заставить ее сделать то, что он хотел, и при этом не оставил следов, которым были бы после избиения. Кто поверит девочке или ее отцу и матери? Они - примитивные белые расисты, худшие из худших в глазах СМИ. Сотрудники СМИ просто смеются над их жалобами на некоторые наши способы работы.

Конечно, я не одобряю действий Фельдмана. Он зашел слишком далеко. В большинстве случаев мы можем добиться тех же результатов без такой жестокости. Однако любому полицейскому агентству нужны люди, которые хотят быть жестокими и нарушать устав, иначе мы потеряем контроль над ситуацией. Мы должны быть более жестокими и подлыми, чем люди, с которыми мы боремся, иначе мы не сможем взять верх над ними. Сегодня проблема состоит в том, что наши люди, те, кто хотел бы, чтобы наша страна была приличным местом, стали слишком мягкотелыми. Белые, которых мы сегодня вербуем в Бюро из университетов, в большинстве - слабаки.

Они выросли с верой в призыв «власть - цветам» и в равные права для преступников. Они - тряпки. С пушками и «ксивами», но все равно - тряпки.

Так и получилось, что в Бюро оказалось множество жидовских морд с двойным гражданством из израильской армии для выполнения грязной работы. Они-то знают, как внушить ужас. До того, как мы их наняли, все они упражнялись на палестинцах. Ей богу, тебе следовало

бы послушать рассказы Фельдмана о том, как они допрашивают палестинцев в Израиле. У них те же методы, что он использовал против мужика из Ку-клукс-клана, то есть они заставляют несчастных палестинцев смотреть, как избивают их жен и детей, только гораздо хуже. Там им не надо волноваться из-за вещественных доказательств. Они могут использовать грубую силу и террор. Изнасилование жен и дочерей палестинцев - одно из самых «мягких» их средств. Он рассказывал мне, как они кастрировали одиннадцатилетнего палестинского ребенка, чтобы вырвать признание подозреваемого террориста, - ножницами отрезали яички маленькому мальчику на глазах его отца.

Как я сказал, лично я не одобряю такие действия. И если ты выполнишь для меня такую же классную работу, как с Капланом, мы сможем выкинуть из Бюро всех жидов, вроде Фельдмана.

- Должен сказать, Райан: что после того, что вы рассказали мне о Фельдмане, это особое задание доставит мне истинное удовольствие. Но как долго, по-вашему, может продлиться наше сотрудничество? Вы же не хотите заставить меня убить всех евреев, служащих в ФБР, а?

- Это сотрудничество продлится столько, сколько я этого хочу, Егер, если только тебе не придет в голову покончить жизнь самоубийством прежде, чем я закончу с тобой, - ледяным тоном отрезал Райан.

- Райан, вы зря меня пугаете, но, верите или нет, я не собираюсь позволять вам использовать меня в своих целях до бесконечности. - Голос Оскара звучал спокойно, но очень твердо. - Вы думаете, что держите меня за одно место. А я уверен, что вы понимаете, что теперь и я держу вас за бубенчики. Нажмите на меня, и я сожму ваши.

А может, вы думаете, что сможете спокойно ликвидировать меня, когда используете, или когда я начну причинять вам неприятности, например, убить при оказании сопротивления во время ареста, а? Вам следует учесть, что я не нахожу такое будущее приятным, и я - не такой человек, чтобы сидеть и ждать, пока это случится. Я могу решить ликвидировать вас еще раньше и рискнуть тем, что случится после этого. Послушайте вот что, Райан. Последние семнадцать дней я был младшим партнером в нашем предприятии, но теперь я решил стать полноправным партнером. Или вы раскрываете мне свои планы, и затем мы вдвоем решаем, будет ли взаимовыгодно для нас, продолжать работать вместе, или мы расторгаем сотрудничество здесь и сейчас - с кровью или без нее. Что вы об этом думаете, партнер?

- Егер, ты - зануда. Я ни черта тебе не должен. Ты мне всем обязан. Я спас твою задницу. - Райан сменил тон с угрожающего на раздраженный. - Здесь не время и не место обсуждать планы на будущее. Если тебе абсолютно необходимо знать причины заданий, которые я тебе даю, я объясню их тебе позже, когда у нас будет больше времени на разговоры. Теперь, самое лучшее место, где ты можешь застать Фельдмана...

Оскар нетерпеливо прервал его:

- Я думаю, вы не поняли того, что я только сказал вам, Райан. До свидания.

И Оскар пошел прочь.

Правой рукой Райан схватил Оскара за левую руку. Оскар перехватил руку Райана своей левой рукой, и они сжали друг друга. Одновременно Оскар развернулся на левой ноге вокруг Райана, и, высвободив правую руку, схватил свой пистолет, который скрытно держал под пиджаком, направив его в грудь Райана.

- Сукин сын! - На сей раз в голосе Райана звучала едва скрываемая ярость.

- Полегче, парень! - ответил Оскар. - Ты на мушке. Помнишь, я сказал, что это может быть с кровью или без крови. Надави на меня посильнее, и я убью тебя прямо здесь.

Почти минуту двое мужчин не двигались, готовые действовать. Потом ярость медленно ушла из глаз Райана, и он ослабил захват на руке Оскара.

- Хорошо, Егер, - вздохнул он, - давай поговорим.

- Отлично. Я отпущу вашу руку, чтобы никто на платформе ничего о нас не подумал, но я держу вас на прицеле. И упаси вас бог трогать что-нибудь у себя под пиджаком.

Райан прочистил горло:

- Обстановка следующая: мой босс, Вик Риццо, руководитель Антитеррористического отдела, получил ультиматум. Бюро находится под жутким давлением, от нас требуют остановить тебя, и теперь директор дал Вику крайний срок. Евреи в Бюро давно охотятся за Виком и мной, постепенно подрывая наше положение, особенно копая под Вика, чтобы заменить его Капланом вместо меня в качестве руководителя отдела, как только они смогут избавиться от Вика. Когда в январе ты начал зачищать межрасовые пары, они действительно здорово прижали Вика, начав организовывать утечки в печать и намекая, что тебя не могут поймать из-за его некомпетентности.

Конечно, теперь они потеряли своего кандидата. И если ты не сделаешь никакой глупости, я смогу помешать тебя поймать. Другими словами, где-нибудь через месяц я должен стать главой Антитеррористического отдела.

Это не было бы так важно, если бы Вик выступил против евреев, но он не сделает этого. Мы сто раз с ним обсуждали ситуацию. Он боится евреев. Он знает, что они годами пытаются его выжить, но он будет отбиваться. А я буду, но, конечно, очень осмотрительно.

За прошлые десять лет Антитеррористический отдел превратился в одно из самых важных подразделений в Бюро. В будущем он превратится в самый важный отдел, судя по тому, куда идет американское общество. Именно поэтому евреи так настойчиво стремились поставить Каплана руководителем этого отдела. Дело в том, что, за исключением отдела контрразведки, все остальные в Бюро занимаются борьбой с обычной уголовной преступностью: грабежами банка, наркотиками, похищениями людей, компьютерной преступностью и тому подобным. С другой стороны, Антитеррористический отдел занимается политической деятельностью вроде твоей, Егер, или тем, о чем трепались те ку-клукс-клановские придурки, или той деятельностью, которую пуэрториканские националисты периодически возобновляют в последние пятьдесят лет. ФБР превращается в государственную политическую полицию, главной работой которой будет не раскрытие преступлений, а защита Системы от тех, кто хочет ее свергнуть или изменить неконституционными путями. Мы становимся американской разновидностью КГБ.

Страна разваливается, и нашей задачей будет сохранение ее единства или, по крайней мере, замедление процесса распада. С почти двумя миллионами небелых иммигрантов, ежегодно вливающимися в страну - со всеми этими чикано-мексикано, гаитянами, азиатами, с нашими крупными городами, в основном захваченными бандами наркоманов, с бродячими стаями черных, с Белыми детьми, познающими жизнь в школах, похожих на джунгли, где их терзают цветные, с растущей, как снежный ком, политической коррупцией в Вашингтоне, да и в любом законодательном собрании и мэрии, и со всем остальным дерьмом, которое сейчас всплыло, когда Белое большинство, привыкшее считать себя основой страны, раскалывается и теряет хватку. Мы потеряли чувство нашей общности и сплоченности. Людям больше нет дела до страны; они заняты, только самими собой и своими семьями. Страна разбита на миллионы различных осколков, и все вопят о том, что хотят они, и пропади пропадом все остальные.

Одни пытаются добиться желаемого, используя свои деньги и политическое влияние. Это нормально. Другие же стремятся использовать насилие или угрозу насилия. Это - ненормально. Это - терроризм. Нам платят именно за то, чтобы его предотвратить.

Все привыкли к тому, что одно время терроризм большей частью был связан с левыми: в 1960-ые годы противники войны взрывали бомбы и сжигали здания Службы подготовки офицеров запаса. После вьетнамской войны терроризм все больше и больше «правеет»: Белые против развозки школьников по расово-смешанным школам, бомбы в клиниках, производящих аборт, противники налогов.. Именно тогда евреи решили, что с этим пора кончать. Они также все больше боялись, что арабы перенесут борьбу за Палестину в нашу страну.

В любом случае, уже приблизилось время, когда правительство не может выжить без эффективной антитеррористической силы. В Бюро уже ходят слухи, что Антитеррористический отдел, в конечном счете, будет отделен от остальной части Бюро и станет основой совершенно нового федерального агентства. Мы превращаемся в новую преторианскую гвардию. Скажу кое-что о том, как эти преторианцы будут использоваться. Я хочу быть уверен, что на ключевых положениях всюду в моем отделе находятся нужные люди, чтобы у евреев не было никаких шансов захватить его. Фельдмана следует убрать по причине, которую я уже упоминал. Тогда останутся, скажем, трое других, с которыми нам придется разобраться, чтобы у меня были развязаны руки. Так что не волнуйся, что придется убивать всех жидков, работающих в Бюро.

- Хорошо, Райан, но меня немного беспокоит пара вещей в ваших карьерных намерениях, - ответил Оскар. - Во-первых, вы все строите на своем предположении, что действительно существует еврейский заговор по захвату ФБР и его использованию во вред нашей расе. После нашей последней встречи я проверил некоторые факты про евреев, и они, конечно, замешаны во многих делах, что должно вызвать тревогу у разумного человека, но я все еще не убежден, что в их действиях вообще присутствует заговор или даже злой умысел. Кроме того, я не могу представить, что ФБР может стать еще более враждебно нашей расе под еврейским контролем, чем сейчас. Поэтому мне трудно понять, как устранение мною для вас еще четырех агентов-евреев пойдет на пользу моему собственному делу, считая, что у меня есть дело. И, во-вторых, мне кажется, что, на вашем месте, став хозяином Антитеррористического отдела, я первым делом устранил бы некоего Оскара Егера и получил за это награду. Я не мог бы ему позволить продолжать творить безобразия и получать в свой адрес обвинения в том, что он все еще не схвачен. Я бы опасался закончить свою карьеру, как Риццо. И я не позволил бы, что кто-то еще поймал его первым и выпытал то, что он знает. Так что я схватил бы его лично, а потом пристрелил при попытке к бегству. Это решило бы несколько моих проблем и в то же самое время показало бы моим вышестоящим боссам, что они сделали правильный выбор, поручив мне работу Риццо. Что вы на это скажете, партнер?

- Эй богу, Егер, если ты не можешь вообразить ФБР еще большей угрозой выживанию нашей расы, чем оно представляет собой сегодня, у тебя не слишком богатое воображение. Все, чем Бюро сейчас занято - это проведение в жизнь законов о гражданских правах, которые тебе, как оказалось, не нравятся. Если евреи захватят Бюро, они используют его, чтобы прижать всех тех, кого они считают угрозой их собственным планам - я имею в виду каждого, и тех, кто законопослушен, и кто нет. Все будет точно так же, как в Советском Союзе в 1920-ых и 1930-ых

годах, когда еврейские комиссары тайной полиции вроде Ягоды и Ежова уничтожали каждого, кто держал книгу, враждебную евреям, в своей личной библиотеке, о ком доносили, что он допустил антисемитское высказывание, и даже тех, кто казался слишком патриотичным, гордился своей семьей или был слишком честным в своем поведении.

Боже мой, я думаю, мы в ФБР сейчас незаметно занимаемся сомнительными делами, но есть пределы; мы должны быть осторожны, чтобы избежать плохого отношения со стороны средств массовой информации. Но если евреи будут заправлять в Бюро, не будет никаких ограничений, потому что им не придется беспокоиться, что СМИ устроят им выволочку. Мразь, вроде Фельдмана, не ограничится куклуксклановской деревенщиной, они смогут делать все, что угодно, с дочерьми любого из нас.

- Секунду, Райан. Не люблю перебивать, но вы только что упомянули Ягоду, Генриха Ягоду, мне кажется, что таковы имя и фамилия печально известного комиссара советской тайной полиции. Как я сказал, я проверил некоторые факты. И наткнулся на антисемитскую брошюру, в которой также говорилось, что он был из евреев, но не давалось никаких дополнительных сведений в доказательство этого утверждения. Там также утверждалось, что большинство других советских комиссаров также были евреи. Вы точно знаете, что Ягода был евреем?

- Уверен. Настоящее имя и фамилия этого человека - Гершель Егуда. В 1930-х годах около половины комиссаров были евреями, и это в стране, где евреи составляли около одного процента населения. Но тебе лучше не пользоваться антисемитскими брошюрами для проверки таких фактов. Большинство таких книжонок - это мусор. Люди, которые их пишут, всегда небрежно обращаются с фактами. Обращайся к первоисточнику. Сами евреи в публикациях того периода имели обыкновение хвастать тем, что в России всем заправляют их собратья. Каждый раз, когда один из них получил большое продвижение по службе, об этом сообщали еврейские газеты и ежегодники. В библиотеке Бюро есть все эти материалы на микроплёнке, с того времени, когда нам поручили следить за красными. Ты можешь также найти эти материалы в Библиотеке Конгресса, если знаешь, как искать.

В любом случае, Егер, именно это тебе нужно сделать, если ты все еще веришь, что все это - лишь совпадение, что евреи всегда оказывались в гуще всякой мерзости, направленной против Белых, против европейцев со времен Римской империи до их нынешнего контроля над новостными и развлекательными СМИ. Мне нечего сказать тебе здесь, сейчас, что убедило бы тебя, что все это спланировано и совершается со злым умыслом. Ты должен сам убедиться в этом, просматривая доказательства, одно за другим, пока не увидишь их так много, что их вескость просто ошеломит тебя.

Райан секунду помедлил и затем продолжил:

- Что касается твоего второго опасения, смотри на это вот как. Ты не будешь продолжать устраивать неприятности, как террористическая армия из одного солдата, после того, как я стану главой Антитеррористического отдела. Ты прав: я не могу позволить себе этого. И ты слишком умен, чтобы так впустую тратить свои таланты. До сих пор ты наносил удары только вслепую. Конечно, Горовиц был ключевым игроком, и даже хороший стратег, возможно, решил бы его устранить. Но все остальные, которых ты уложил, за исключением Каплана, были случайными целями. Ты только реагировал. Плана у тебя не было. Ты делал самое легкое, уничтожая того, кто больше других раздражал тебя в тот момент, вместо того, чтобы делать то, что имеет наибольший смысл для достижения важной цели.

Теперь мы сможем планировать вместе. У меня есть мгновенный доступ к информации, которую ты сам никогда не получишь: информации, которая нужна нам для эффективного планирования. В компьютерах Бюро у нас есть все и обо всех. Вместе мы сможем не только выбирать нужные цели, но в моих силах значительно улучшить твои шансы на выполнение полученного задания и благополучный отход. У тебя отличная мастерская в подвале, но что касается специального оружия и связанных с ним штук, я могу снабдить тебя такими игрушками, сделать которые сам ты можешь даже не мечтать.

- Не пытайтесь опекают меня, Райан. Вряд ли вам удастся убедить меня, что, став главой преторианской гвардии Строя, вы поможете мне спланировать лучший способ его подрыва, а затем еще и обеспечите мне снабжение, чтобы проделать эту работу наиболее успешно.

- Как ты не можешь понять, Егер? Я не собираюсь тебя надуть. Когда я возглавлю Антитеррористический отдел, ты будешь нужен мне больше, чем раньше. Действительно, я буду нуждаться в тебе настолько же, насколько ты будешь нуждаться во мне. Как я сказал минуту назад, ни одна современная тайная полиция не может успешно бороться с терроризмом, не используя немного собственного терроризма. Помнишь, как армия Аргентины боролась с коммунистическими террористами несколько лет назад? Военные, возможно, никогда не победили бы их, если бы не захотели снять перчатки и вести борьбу грязными методами. То же самое сегодня верно и для нас, поэтому Бюро использует людей вроде Фельдмана. В будущем мне придется прибегать к таким мерам, которые даже Фельдману не сошли бы с рук. Если я попытаюсь делать это с людьми Бюро, риск будет слишком велик. Евреи смогут кричать «нечестно!», когда захотят. Против меня могут выступить СМИ, и меня будут судить, как осудили

аргентинских генералов. Именно поэтому мне нужен ты, как человек, с которым я никак не связан. Человек, который сможет делать вещи, в которых меня нельзя будет обвинить. Улавливаешь мою мысль?

Оскар не ответил. Он понимал, что имеет в виду Райан, но задавал себе вопрос: неужели этот человек действительно верит, что он позволит использовать себя как специалиста по грязным трюкам против несчастных, глупых простаков, вроде этих куклуксклановцев, или против людей по всей стране, которые подражают его собственным атакам на расово-смешанные пары. Очевидно, что они вдвоем могут помочь друг другу, но было совершенно неясно, одинакова ли у них конечная цель. Но сейчас он решил не задавать этот вопрос.

Райан продолжил:

- Мне действительно не нужно ловить тебя, чтобы сохранить благосклонность директора. Во всяком случае, никто еще точно не уверен, что за все дела, что ты натворил, отвечает один человек. Ты привлек особое внимание, но с учетом всего происходящего в стране, на тебя приходится лишь малая часть всех событий, связанных с терроризмом. Я могу получить всю славу, которая мне нужна, просто продолжая арестовывать всякую мелюзгу. И можешь теперь выбросить из головы все эти высокие материи. Я найду кого-нибудь еще без надежного алиби на тот вечер, кого мы сможем обвинить во взрыве Народного комитета против ненависти. СМИ будут довольны.

А теперь вернемся к Дэнни Фельдману...

- Гарри, я почти две недели поглощал факты о евреях: их роль в основании и распространении коммунистического движения в прошлом столетии, их аферы по втягиванию Соединенных Штатов в первую мировую войну, их контроль над новостными и развлекательными СМИ. И чем больше я узнаю, тем больше понимаю, что ничего не знаю. Но я не сдаюсь. Однако я никак не могу понять одного: что все это означает. Я уже убедился, что евреи активно действуют, и их влияние в национальном и мировом масштабе далеко превышает их численность. Но должно ли это серьезно нас заботить? Действительно ли это ставит нас в намного худшее положение, чем если бы какая-нибудь другая группа, скажем, баптисты, обладала таким же влиянием?

Оскар встретился с Гарри Келлером. Он также сдержал свое обещание купить Аделаиде новую пару лыж. После своей встречи с Райаном он примчался к ней на квартиру и, схватив удивленную девушку в охапку, притащил ее в лыжный магазин за полчаса до его закрытия. А потом повел ее в хороший ресторан на ужин.

Он хотел восполнить недостаток внимания к ней в прошлую неделю, но все же решил использовать каждую свободную минуту для продолжения изучения еврейского вопроса. Для этого в шесть часов утра он тихонько выскользнул из постели, не будя Аделаиды, сварил себе кофе и больше трех часов изучал свои библиотечные материалы, пока она не встала и не приготовила завтрак им обоим. Он даже вымолил у Аделаиды еще полтора часа после завтрака, в то время как она, стараясь не мешать ему, устроила крайне необходимую уборку в его комнатах.

Теперь она сидела рядом с ним напротив Гарри и Колин Келлер в угловой кабинке в кафе-мороженом. Кафе было ярко освещено и переполнено. Оно казалось мало подходящим для доверительной беседы, но в нескольких других кабинках сидели подростки, и общий шум их разговоров создавал достаточное прикрытие для компании Оскара.

- Елки-палки, Оскар, я буду очень обеспокоен, если баптисты станут управлять нашей страной. Да и вам тоже, станет не по себе.

- Ну, наверное, это был неудачный пример. Скорее всего, мы все будем подлежать аресту за то, что утром не были в церкви, - улыбнулся Оскар.

- Дело в том, что любой разумный человек должен беспокоиться, когда любая группа, кроме его собственной, обладает властью, влияющей на его жизнь, - ответил Гарри. - Все группы, стремящиеся к власти, имеют свою программу. И это относится как к баптистам, так и к орнитологам, марсианам или евреям. И так как программа каждой разумной группы разрабатывается в соответствии с определенными интересами этой группы, тот, кто имеет возможности осуществить свою программу, обладает значительными преимуществами перед теми группами, у которых таких возможностей нет. Так устроен мир, и так происходило всегда.

Конечно, мы слышим много болтовни о «плюралистической демократии». Нам говорят, что в нашей стране действует система, которая удерживает любую из групп от захвата власти в собственных целях. Другими словами, нет никакой программы, и если посмотреть, как работает наше правительство, легко в это поверить. - Он криво усмехнулся. - Однако фактом является то, что природа также не терпит пустоты в области общественных отношений, как и в области физики. Общество, не ставящее перед собою цели, несовершенно. В конце концов, какая-нибудь группа навязет обществу ее собственную программу, хотя и может стремиться скрывать этот факт от людей, не входящих в эту группу. Она может даже изменить свою программу, чтобы

избежать конфликта с некоторыми группами в обществе: «Не выступайте против нашего правления, и мы бросим вам вкусных крошек с нашего стола».

В любом случае, вопрос о том, какой из групп позволить сделать свою программу главенствующей для всех, является жизненно важным для каждого человека в обществе. Естественное стремление каждой группы, состоит в продвижении ее программы, то есть собственных интересов. Мы хотим, чтобы победила наша группа, то есть группа людей с общими намерениями, одинаковой программой, то есть нашей. Мы не хотим, чтобы получила преимущество какая-нибудь другая группа. Это так просто, но вы не поверите, как много людей или не понимают этого, или с этим не согласны. К последним относятся христиане, которые полагают, что лучше самим быть в дерьме, чем возвышаться над другими, и свихнувшиеся плюралисты, которые наоборот выступают против господства любой группы, особенно их собственной.

Чтобы ответить дальше на ваш вопрос, мы должны сделать некоторые предположения о намерениях определенных групп. Я полагаю, вы согласитесь, что, вообще говоря, если наша группа не находится у руля, для нас безусловно не все равно, какая из прочих групп находится у власти. Другими словами, мы должны беспокоиться о намерениях в отношении нас любой другой группы, которая имеет любую власть или оказывает влияние на наши жизни. Верно?

- Принято, - ответил Оскар. - Но я полагаю, что нам следует быть осторожными, чтобы не преувеличить власть, которой обладает любая другая группа. Я действительно сомневаюсь, правильно ли говорить, что евреи управляют нашей страной, независимо от того, насколько большим влиянием они могут обладать в некоторых областях как, скажем, в средствах массовой информации.

- В определенном смысле я согласен, Оскар. Конечно, ни одна группа не владеет тотальной, прямой властью над каждой стороной жизни в Америке. Чтобы это было так, все члены Конгресса, все судьи в федеральных судах, люди в Белом доме, Объединенном комитете начальников штабов, владельцы СМИ, крупные банкиры и все остальные лица, решения которых оказывают значительное влияние на судьбу страны, должны были бы принадлежать к одной группе и действовать в одном направлении. Вместо этого есть много различных групп, действующих в различных направлениях: плюралистический идеал. Мы можем до конца года обсуждать сложности системы власти в Америке: кто чем руководит, и в какой степени. Но, несмотря на трудности, все-таки верно, что некоторым группам по-прежнему удается проводить свой курс в вопросах, которые больше всего важны для нас. Я думаю, что разумным способом осознания этого вопроса состоит в том, чтобы рассмотреть власть, которой обладают евреи, как группа, и понять, каковы последствия этого. Мы можем также рассмотреть вопрос их побуждений. Так как вы недавно изучали этот предмет, возможно, у вас уже есть какие-то мысли о еврейской власти.

- У меня скорее мешанина фактов, а не мыслей, - отвечал Оскар. - Я надеюсь, что наше обсуждение может натолкнуть меня на идеи, которые позволят мне упорядочить факты и затем сделать некоторые выводы. Я знаю, например, что евреи имеют большое влияние в средствах массовой информации, а средства массовой информации в свою очередь играют решающую роль в формировании мнений большинства людей и их отношения к политическим и социальным проблемам. Но действуют ли евреи в СМИ согласованно и намеренно подталкивают общественное мнение в определенных направлениях в соответствии с программой их собственной группы, или они действуют независимо и просто чувствуют настроение публики и общее течение событий и затем, как хорошие бизнесмены, они «кормят» публику тем, что продается лучше всего? И если верно последнее, то почему мы должны думать, что любая другая группа пронизательных бизнесменов действовала бы более ответственно?

- Хорошо, Оскар. Для начала эта мысль не хуже других. Я думаю, что нам надо начать разговор с программы евреев. Это позволит вам понять, в какой степени они сотрудничают как группа, почему они в таком большом количестве представлены в СМИ, и как они намерены воспользоваться своим контролем над СМИ. Я хочу показать вам несколько работ, написанных евреями на эту тему. Почему бы вам с Аделаидой не зайти к нам домой?

- Конечно, если только мы не помешаем вам. - Оскар посмотрел на Колин.

- Нисколько.

- Эй, люди, а мне можно доесть мороженое? - запротестовала Аделаида.

- Не торопитесь, - ответил Гарри. - Честно, мне это начинает нравиться, - он засмеялся, потирая руки. - Похоже, что каждый другой раз, когда я начинаю говорить с кем-нибудь о евреях, оказывается, что он или она инстинктивно их ненавидят и готовы безоговорочно верить во все самое плохое в их отношении, или, наоборот, один из тех бездушных уродов без убеждений, один из этих ... этих, - он на секунду запнулся, пытаясь подыскать нужные слова. - Вы знаете, это один из этих средних американцев, который никогда не читает книг, которых нет в списке бестселлеров газеты «Нью-Йорк Таймс», и мнение которого не было бы одобрено всеми тремя телевизионными сетями. Я уверен, что вы сами много раз встречались с ними, ведь их вокруг нас сто миллионов.

Эти обыватели знают, что люди, которые не любят евреев, вызывают неодобрение всех их любимых ведущих ток-шоу, и потому они совершенно не верят ничему плохому в отношении евреев. И неважно, как много доказательств вы им предъявите. Они также же глухи к доводам рассудка, как любая женщина. Ох, девушки, я не хотел вас обидеть.

- Но вы, Оскар, если я хоть немного разбираюсь в людях, человек, который руководствуется разумом. И независимо от того, насколько крепко вы держитесь за идею, я могу оторвать вас от нее, просто показав вам факты, которые ей противоречат. И независимо от того насколько вы боитесь какой-нибудь новой идеи, и неважно, как сильно вы сопротивляетесь ей, я заставлю вас принять ее, просто рассуждая вместе с вами. Это будет занятно. Вы будете моим первым настоящим новообращенным. - И Гарри снова засмеялся.

- Это мы еще посмотрим, - улыбнулся Оскар. - Может быть, я и поддаюсь убеждению, но мне нужно время, чтобы привыкнуть к новой идее прежде, чем я могу принять ее, разумно это или нет. Если я не чувствую, что объяснений чего-либо достаточно, если моя интуиция не подсказывает мне, что она верна, тогда убеждения может оказаться недостаточно.

- Мда-а, это напоминает женскую психологию, - сказала Колин, которую рассердили намеки ее мужа, что женщины не являются логически мыслящими существами.

- Дорогая, для интуиции неважно, мужская она или женская, - попытался задобрить ее Гарри. - Я никогда не выступал против женской интуиции или чего-либо еще женского в этом отношении. Мне вы нравитесь такими, какие вы есть. Но ты должна признать, что женщины воспринимают действительность совершенно по-другому, чем мужчины. И это - не принижение достоинств женщин. Но не к лицу мужчине думать не так, как он должен думать, то есть он должен верить своим глазам, а не повторять, что ему внушают. Мы живем в эпоху жесткого идеологического конформизма, соглашательства, когда мужчины покорно принимают «одобренные» идеи вместо того, чтобы иметь смелость думать самостоятельно. Покорность не к лицу мужчине.

Оскар ничего не сказал, но его поразились, насколько слова Гарри были близки его собственным мыслям о том же, мыслям, которые стали редкостью в наши дни. Помимо прямой симпатии к этому человеку, внутри Оскара крепло чувство надежды, что он найдет в Гарри достойного союзника.

«Когда жиду нечем торговать, он продает Родину»

Уже дома в гостиной Гарри открыл книгу в черном переплете, которую принес из своего кабинета. Между страницами книги было вложено множество закладок из бумаги.

- Я хочу прочитать Вам несколько отрывков, которые должны пролить немного света на побуждения евреев при общении с неевреями. Автор - еврей, который пользуется большим уважением мирового еврейства. Я даже могу назвать его авторитетом в еврейском вопросе. И поверьте, что в таком спорном предмете, как этот, намного лучше искать информацию у самих евреев, а не у их врагов, на объективность которых, к сожалению, не всегда можно положиться.

- О том же самом недавно предупредил меня другой человек, - ответил Оскар.

Гарри поднял книгу и сказал:

- Здесь наше еврейское светило обращается к соплеменникам в Иерусалиме, - и начал читать: «Иноземцы будут строить стены твои, и цари их служить тебе.... И всегда будут отверсты врата твои..., чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут; и такие народы совершенно истребятся... И придут к тебе с покорностью сыновья угнетавших тебя и падут к стопам ног твоих все, презиравшие тебя... Ты будешь насыщаться молоком народов... И придут иноземцы, и будут пасти стада, и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями... Вы будете пользоваться достоянием народов и славиться славою их.»

Гарри закрыл книгу и заметил:

- Я немного сократил текст, но все это взято всего лишь с двух страниц в главах 60 и 61 Книги пророка Исаии. Слышали ли вы когда-нибудь что-либо более убедительное о паразитизме, о бесконечно паразитическом отношении к остальному миру?

Но Оскар упрямо возразил:

- Гарри, Ветхий Завет - большая книга. Там можно найти почти все, что хотите. Конечно, то, что только что прочли, подтверждает паразитические наклонности части евреев. Но я не могу понять, почему эти отрывки более важны или существенны для понимания побуждений евреев, чем тысячи других цитат, которые не говорят об их паразитизме, и которые Вы, также можете прочитать.

- Да, но паразитизм является сущностью иудаизма. Эта религия, если здесь подходит это слово, основывается на паразитизме, на эксплуатации евреями неевреев. Во всех еврейских священных писаниях говорится, что мир обязан евреям жизнью, и они буквально негодуют из-за того, что мир недостаточно благодарен им за это. Скажите мне, что является краеугольным камнем веры евреев? Что, по их мнению, отличает их от других народов?

Оскар на мгновение задумался, а затем неуверенно начал:

- Ну, я не специалист по сравнительному религиоведению, но мне кажется, что это - их вера в свою «избранность».

- Дайте этому мужчине сигару! - пробасил Гарри. - Это именно так. Конечно, евреи - отъявленный клановый народец, более этноцентричный, чем любая другая расовая или национальная группа, включая японцев. Вероятно, это можно понять, учитывая большую древность их религии. Она коренится в их существовании в форме объединения банд хищных кочевников пустыни, которые, по всей видимости, были связаны узами крови. За последние тысячелетия они придали своему божеству Яхве или Иегове, как называют его христиане, вселенский характер. Но первоначально Яхве был чисто племенным божеством, только еврейским богом, анимистическим духом вулкана в Синайской пустыне, духом, который будто бы явился Моисею в виде тернового куста на склонах вулкана во время извержения. Теперь, если вы когда-либо посещали воскресную школу в детстве, возможно, вы, наверное, скажете мне, что случилось после того, как горящий куст поговорил с Моисеем.

- Ну, я думаю, тогда они заключили с Яхве некое соглашение, которое проявилось в их «богоизбранности», - ответил Оскар.

- Снова в точку! Оскар, друг мой, да вы истинный богослов. А вы можете более подробно рассказать об этом «соглашении», которое вы упомянули?

- К сожалению, я не помню подробностей. Мне кажется, что они назвали его «завет».

- Да, завет. Действительно, это слово часто используется в Библии в его общем значении сделки или договора между различными сторонами. Но завет, тот, который был выгравирован на камне и переносился вокруг в специальном ящике, или «ковчеге», является сделкой, якобы заключенной между Моисеем от имени всего племени, и Яхве на Синае. Бесспорно, в этом - основа иудаизма. Здесь причина того, что евреи считают себя «богоизбранным народом». Фанатично верующие евреи напоминают себе об их сделке со своим богом разными способами. Один способ - закрепление небольшой коробочки на дверном косяке при входе в свое жилище с полоской пергамента внутри с надписью, содержащей несколько слов об этой сделке, как записано во Второзаконии Моисея. Евреи называют это устройство мезуза. Другие небольшие коробочки с подобными полосками пергамента крепятся на голове и руках во время исполнения религиозных обрядов. Они называются тефиллин.

- Я слышал о них, - заметил Оскар.

- В любом случае, я думаю, вы согласитесь со мной, что этот договор, этот завет - основа основ. Следует сказать кое-что о психологии людей, который лелеют эту память в течение 3 тысяч лет, глядя на положения договора, его отдельные строки. Как вы думаете?

- Да, расы обычно создают свои религии по собственному образу и подобию, - осторожно начал Оскар. - В случае религии, которая действительно является родной, то есть проистекающей из души народа, а не навязана завоевателями, я думаю, что изучение этой религии, по крайней мере, отчасти, должно позволить проникнуть в душу этого народа.

- Я тоже так думаю. Теперь послушайте подробности договора старого Яхве с его избранным народом. Сейчас мне придется опять пробежаться по завету, потому что он довольно объемист, пересыпан другими отрывками и повторяется несколько другими словами в разных главах Второзакония.

Гарри открыл книгу ближе к началу и начал читать снова: «И да будут слова сии, которые я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём. И внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём, и идя дорогою, и ложась и вставая. И намотай их в знак на руку твою, и да будут они повязкой над глазами твоими. И напиши их на дверных косяках дома твоего и воротах твоих».

Он поднял глаза и сказал: Это заповеди использовать тефиллин и мезузу. Теперь послушайте, что евреи получают от Яхве, если они выполнят свою часть договора. Он возобновил чтение: «Когда же введет тебя Господь, Бог твой, в ту землю, которую он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которые ты не строил, и с домами, наполненными всякого добра, которые ты не наполнял, и колодцами, высеченными из камня, которые ты не высекал, с виноградниками и оливковыми деревьями, которые ты не садил....».

Гарри снова прервал чтение, переверачивая несколько страниц.

- Есть несколько вещей, которые евреи обязаны сделать, чтобы завладеть всем этим награбленным у неевреев добром. В соответствии с частью, которую я только что прочел, условия состоят в том, что они должны бояться Яхве, клясться его именем, служить ему, и не иметь ничего общего с богами других народов: «Ибо Господь, Бог твой - есть Бог-ревнитель».

- А, вот это место. Это глава 11. Много той ерунды, которую я читал из шестой главы, повторено здесь, включая заповедь использовать тефиллин и так далее. И тогда последует награда.

Он возобновил чтение: «Ибо если вы будете соблюдать все заповеди сии, которые я заповедую вам исполнять, будете любить Господа, Бога вашего, ходить всеми путями его, и прилепляться к нему, то изгонит Господь все народы сии от лица вашего, и Вы овладеете народами, которые больше и сильнее вас. Всякое место, на которое ступит нога ваша, будет

ваше... Никто не устоит против вас: Господь, Бог ваш, наведет страх и трепет перед вами на всякую землю, на которую вы ступите, как Он говорил вам.»

- Не возражаете, если я прочитаю это сам? - спросил Оскар.

- Нисколько. Здесь много лишней болтовни, но пассажи, которые я прочел - это сердцевина завета евреев с Яхве, и они помечены на полях. Проверая, сравните то, что евреи хотели от их бога с тем, что наши собственные языческие предки, могли хотеть в подобной ситуации. Мы, возможно, просили бы храбрости на поле боя, возможно даже победы над нашими врагами или обильного урожая, но вы можете вообразить нас, клянчащих плоды трудов других народов, без необходимости работать самим? И Гарри передал библию Оскару.

Оскар молча читал нескольких минут, Аделаида болтала с Колин, а Гарри пошел на кухню за кофейником и чашками.

- Я обратил внимание, - наконец заметил Оскар, - что помимо прочих заповедей евреям, чтобы получить готовенькими эти «большие и хорошие города», требовалось проводить геноцид. В седьмой главе говорится: «И истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, дает тебе; да не пощадит их глаз твой». В нескольких последующих главах эта заповедь повторяется: «А в городах сих народов, которые Господь, Бог твой, дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной живой души». А потом названо множество племен, которые должны быть истреблены до последней женщины и ребенка, очевидно, потому что они имели несчастье быть жителями городов, которых домогался избранный народ Яхве. Мне интересно, считают ли они сегодня постыдными эти призывы к геноциду, ввиду их вечного нытья о том, что сделали с ними немцы во время второй мировой войны. Конечно, этот материал был написан, возможно, более чем 3 тысячи лет назад. Я полагаю, что они уже не относятся к этому серьезно, и было бы несправедливо упрекать их за это.

Гарри налил чашку кофе для Оскара и затем ответил:

- На самом деле они относятся к этому очень серьезно. Евреи - самый консервативный из всех народов в отношении религии. Сегодня они столь же решительно настроены искоренить нас, как и тогда ликвидировали иевусев, амореев и хананеев. Вспомните: то, что вы читаете - это часть соглашения между евреями и их богом. Он обещал этот мир им, а мы стоим у них на пути. Конечно, верно, что значительно больше половины всех евреев сегодня считают себя неверующими. Но если бы вы публично заявили, что часть их соглашения с Иеговой вызывает отвращение у всех непредубежденных мужчин и женщин, и их нужно пересмотреть, еврей-атеисты так же громко потребуют вашей крови, как и те, кто прилежно ходит в синагогу. Оскар, если вы лишь на минуту задумаетесь об этом, вы немедленно признаете, что это правда. Это - именно та реакция, которую только и можно ожидать от евреев. Стоит вам просто косо глянуть на одного из них, как все они завопят и завоюют об «антисемитизме». Как только речь заходит об интересах евреев, они совершенно неспособны сохранить объективность. Так что евреи не только не видят ничего неуместного в одновременном требовании мести немцам и нежной любви к собственному завету, направленному на геноцид, но даже имеют наглость требовать, чтобы христиане изменили Новый Завет везде, где в нем выражена враждебность к евреям.

Гарри забрал библию у Оскара и быстро перелистал несколько страниц.

- А, вот это, Матфей, глава 27. Пилат, римский губернатор Иудеи, пытается совладать с толпой евреев, которые хотят, чтобы Иисус был убит за то, что нарушил еврейский закон. Пилат хочет отпустить Иисуса на свободу, но толпа, возбужденная еврейскими раввинами и первосвященниками, требует его смерти. «Пилат говорит им: Что же я сделаю с Иисусом, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят. И правитель сказал: какое же зло сделан Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят. Пилат, видя, что ничто уже не помогает, но смятение увеличивается, он взял воды и омыл руки пред народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего: смотрите вы. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших».

Это написано совершенно ясным языком, но несколько лет назад евреи начали жаловаться, что небольшое меньшинство во всем населении нашей страны и в Европе все еще относится к христианству серьезно и принимает за чистую монету коллективную ответственность евреев за смерть Иисуса. Евреи заявили, что это ведет к антисемитизму. Поэтому они потребовали, чтобы христианские церкви изменили свое учение в этом пункте. И церкви пошли на это! Теперь все они учат, что Матфей ошибся, и что на самом деле весь род человеческий виновен в смерти Иисуса, а не только бедные, невинные, милые евреи. Но только вообразите, какие страдальческие вопли вы услышите, если какой-нибудь христианский богослов заявит, что пришло время для евреев отказаться от некоторых из самых нетерпимых и кровожадных заявлений старика Яхве!

Оскар засмеялся:

- Я уверен, вы правы. Я заметил за евреями одну вещь: они всегда на что-нибудь жалуются. Всякий раз, когда возникает конфликт, это всегда ваша вина, а не их. И сколько бы вы ни уступали, им всегда мало. Они всегда хотят больше, и действуют, как будто все им должны. По моему, большинство людей не терпит их за вечное «дай-дай» и их бесконечное нахальство.

Однако лишь потому, что они всех ненавидят, не означает, что они - паразиты. Они работоспособны, умны и изобретательны, и мне кажется, что они внесли, по меньшей мере, достаточный вклад в нашу цивилизацию, который восполняет их вред, причиняемый через СМИ.

- Оскар, подумайте над тем, что вы говорите. Вы упрощенно представляете «паразита» в виде жирной негритянки, окруженной роем незаконнорожденных детенышей, и все они сидят на социальном пособии. Но это почти безвредный тип паразита, сродни, возможно, глисту. В природе существуют и другие типы паразитов, не такие безобидные: типы, которых можно разумно сравнить с переносчиками бешенства летучими мышами - вампирами. Паразиты не обязательно должны быть безмозглыми и пассивными, подобно глисту или мамочке-самочке, сидящей на пособии. Они могут быть очень умными и агрессивными, возможно, достаточно умными, чтобы существовать за счет собственных усилий. Но если их врожденная склонность состоит в том, чтобы «насыщаться молоком народов», если они даже освящают это стремление и сохраняют его, как основание их духовного существования, в виде соглашения со своим племенным божеством, и если их история охватывает тысячи лет, в течение которых они проникали и разрушали одно общество за другим, живя как привилегированное меньшинство среди своих потенциальных жертв, тогда их точно описывает название «паразиты».

Никто, знакомый с евреями, не будет отрицать, что они будут упорно трудиться, когда есть выгода, даже упорнее, чем многие из жалующихся на них неевреев, или что евреи умны. Однако если тщательно посчитать принесенную ими пользу и причиненный вред, я полагаю, что вы измените свое мнение, что они были благом для нашей цивилизации. Правда, одно из обстоятельств делает эту задачу головоломной: то, что евреи контролируют очень многие данные, входящие в эту раскладку, а они не стесняются хвастать своими успехами. Их хвастовство, действительно, возмутительно. Евреи никогда не устают напоминать нам, что являются создателями религии Запада и непропорционально большой доли ее литературы, искусства, музыки и науки. Они так часто повторяли свое утверждение, что четыремя самыми великими мыслителями и новаторами за прошлые 2 тысячи лет были Иисус, Маркс, Фрейд и Эйнштейн - все евреи - что заставили поверить в это большинство неевреев, причем даже тех, кто знает, как обстоит дело в действительности. Я уверен, что вы сами сто раз слышали именно это бахвальство. Вы просто приняли это за чистую монету, или все же усомнились?

Оскар покраснел и запнулся:

- По правде говоря, я...

Гарри прервал его и продолжил речь:

- Так происходит почти с каждым человеком. Тот факт, что никто не оспаривает этот нелепый вздор, говорит о невероятной способности евреев к обману. Просто подумайте вот о чем. Нет сомнений, что Иисус был религиозным реформатором исключительных способностей и обаяния, если судить о нем по предполагаемому описанию его жизни и учению в Новом Завете, но религия, основанная его последователями, конечно, была не западной религией. Она начала распространяться среди рабов и других чужеродных элементов полусвета в распадающейся Римской империи, а затем огнем и мечом навязана нашим саксонским предкам. То, во что превратилась с тех пор эта религия за тысячи лет, конечно, окрашено нашим собственным расовым характером, и по сравнению с прошлым, сильно отличается от разрушительного учения, использовавшегося Саулом из Тарса и его преемниками, чтобы подорвать власть Рима.

Однако за последние 50 лет или около того подрывные, антизападные черты христианства снова вышли на поверхность, и сегодня оно прямо считается наравне со средствами массовой информации и федеральным правительством как один из основных факторов расового разрушения. Это - религия равноправия, слабости, регресса и распада, подчинения и покорности, забвения. Если наша раса выживет в следующем столетии, это будет возможно лишь при условии, что мы отбросим христианство и снова найдем свой путь к подлинно западной духовности. Евреи могут считать Иисуса своим, если пожелают, но, в конечном счете, я полагаю, что из-за этого мы вряд ли должны считать себя в долгу перед ними.

Что касается Маркса, то включение его в квартет еврейских знаменитостей - просто наглость с их стороны. Нет совершенно никаких сомнений в его еврейском происхождении; он родился в семье раввинов. И несомненно, что он повлиял на западный мир: его последователи убили больше наших людей, чем кто-либо еще в истории - 30 миллионов в одной России. Хуже того, они обычно были избирательны в своих убийствах и преднамеренно уничтожали лучших представителей нашей расы, потому что те были наиболее устойчивыми по отношению к идиотским учениям Маркса. И за это мы также должны быть благодарны евреям?

Учение Маркса столь же антизападное, как и учение Иисуса. Оно также было придумано, чтобы обратиться к отбросам западного общества, худшим элементам среди нас, и чтобы принизить лучших и наиболее сильных до их уровня. Для евреев он может быть и великий человек, но как создатель системы, политический теоретик, он был нулем. Коммунизм обернулся крахом везде, где бы его ни навязывали Белым людям. Он просто не осуществим, и это изобличило его создателя как болтливого мошенника.

Фрейд, к счастью, не имел шансов нанести нам такой же большой вред, как Иисус и Маркс, но это не оттого, что он не пытался это сделать. Некоторые из диких понятий о человеческих побуждениях, которые он навязывал нееврейскому миру, все еще пропагандируются его учениками. Вообразите, сколько миллионов долларов невротические женщины выплатили фрейдистским шарлатанам, изображающим из себя врачей или психотерапевтов!

Вы находите что-нибудь общее в том влиянии, которое все три этих еврея оказали на нашу расу? Они были создателями иллюзий. Во всех случаях заинтересованный еврей придумывал иллюзию, и затем его партнеры-евреи «впаривали» эту иллюзию нашим народам. И в каждом случае концом иллюзии была катастрофа. Конечно, в «рекламу», «маркетинг» иллюзий было вложено гораздо больше таланта, чем в любую из самих иллюзий. Иллюзии просто испарились бы, если бы команды талантливых политических мошенников не подхватывали и успешно не сбывали их.

В случае христианства главным политическим спекулянтом был Саул из Тарса, прозвище - Павел; именно он заразил христианством римский преступный мир. В случае марксизма, Бронштейн, он же - Троцкий, приехал в Нью-Йорк и завербовал бригаду партнеров-евреев, чтобы они возвратились с ним в Россию и помогли распространять этот вирус. Им повезло, и они получили помощь со стороны Ленина, действительно одаренного еврея-полукровки, который был как организатором и стратегом, так и политическим спекулянтом. И конечно мне не стоит говорить вам, что огромное большинство людей, которые внедряли ерунду Фрейда, как и большинство тех, кто все еще проталкивает ее сегодня - это евреи. В каждом случае евреи находили слабость в мире неевреев, которую могли эксплуатировать; в каждом случае они брали химеру, придуманную евреем, и использовали ее как лом, чтобы пробить отверстие для себя в слабом месте.

Оскар прервал его:

- А как насчет Эйнштейна? Он тоже был просто жуликом? В его голосе звучала легкая насмешка.

- Нет, но жуликами были многие из тех, кто публично внушал, что он - величайший гений всех времен и народов. Эйнштейн был одаренным ученым. Даже если бы Эйнштейна звали Смит или Джонс, сегодня он пользовался бы большим уважением остальных ученых, хотя его имя не было бы известно каждой домохозяйке. Но так как он был евреем, то когда он стал заметным в научном мире, его соплеменники-евреи начали раскручивать свою пропагандистскую машину. И это - действительно единственная причина, по которой есть определенный смысл добавить Эйнштейна к трем другим евреям: общее у них было то, все они имели в распоряжении команду еврейских посредников, убеждающих мир неевреев, насколько более велик их человек, чем кажется.

Я - не физик, но один из членов нашей Лиги - физик сказал мне, что Эйнштейн, хотя он заслуживает большого уважения, приписал себе многое из того, что по праву принадлежит другим. Например, средства массовой информации, и даже учебники для школ и институтов, утверждают, что Эйнштейн был единственным создателем теории относительности и именно тем человеком, который открыл миру формулу $E=mc^2$ и таким образом привел нас к использованию ядерной энергии. А это просто неправда. Другие физики и математики работали с понятиями относительности еще до Эйнштейна. Основные уравнения относительности были получены голландцем Лоренцом и англичанином Фитцджеральдом, прежде, чем Эйнштейн появился на сцене. Даже уравнение $E=mc^2$ не принадлежит Эйнштейну; немец Хазенорль опубликовал его в 1904 году в связи со своими теоретическими вычислениями по эквивалентности энергии и массы.

Эйнштейн взял работы этих и других ученых, как основу, и добавил к ним свое. Он дал новые объяснения. За это он заслуживает уважения. Понятно, что его сородичи-евреи хотели бы немного им похвастаться, но они пошли гораздо дальше. Мелкие еврейские торгаши увидели возможность создать еще одного кумира, которого они могли «продать» неевреям, и они сделали это. Они преувеличили. Они исказили. Они продвинули. И они подали всю иллюзию настолько умно, что даже ученые - люди, которые знают все лучше других - терпят этот обман. Люди, знакомые с работами Лоренца, Фитцджеральда, Хазенорля и других пионеров теории относительности, очевидно, думают, что с их стороны будет невежливо высказываться против преувеличения роли Эйнштейна.

Конечно, помимо Эйнштейна были и другие евреи, которые внесли определенный вклад, хотя нужно проявлять осторожность в отношении заявлений многих из них, так же, как в и случае с Эйнштейном. Но нужно попробовать сравнить эти положительные личности с ужасающе большим числом евреев-стервятников культуры и разрушителей цивилизации. Просто взгляните на пустыню, в которую превратились наше искусство, музыка и литература с тех пор, как евреи втерлись в них. А они даже бахвалятся своими достижениями и в этих областях! Они говорят: «Взгляните, сколько наград и премий завоевали наши авторы-евреи». Вы читали что-нибудь из дерьма, которое наклепали эти евреи - нобелевские лауреаты и призеры премии Пулитцера?

- Гм, я читал в колледже «Мастерового» Маламуда. Я полагаю, что это грамотное произведение, но книга легко забывается. Думаю, что я могу сказать то же самое и про

«Доктора Живаго» Пастернака. Никогда не мог понять, что другие находят в этих двух романах. Я также начинал читать пару романов Нормана Майлера и наполовину одолел «Случай Портнова» Рота. Они намного хуже, чем романы Маламуда и Пастернака - настоящий мусор. На самом деле они даже хуже, чем просто мусор; это просто - блевотина. Они написаны больными людьми, с большим представлением о мире. В то время, когда я читал эти произведения, я выбрал их, не потому, что их авторы были евреями; я выбрал их, потому что их хвалили СМИ, и мои преподаватели, а также некоторые из моих однокурсников считали эти романы серьезными вещами. Тем не менее, примерно после пятого или шестого еврейского романа я пришел к выводу, что именно привкус еврейского произведения не совместим с моими взглядами.

- Видимо, все дело было в том, - Оскар наклонился вперед, с большим чувством выражая свои мысли, видимо, подстегнутые темой беседы, - что я не мог отождествить себя ни с одним из персонажей. В еврейских романах встречались довольно забавные или даже интересные эпизоды. Часто и стиль был хорош, хотя, конечно, не всегда. Но ничто меня действительно не трогало ни в одном из них. А те из романов, которые я смог дочитать, всегда оставляли у меня тоскливое чувство. И нельзя сказать, что я - необразованный человек, или мне безразлична хорошая литература. Я не стыжусь говорить о том, что плакал, читая Шекспира. И его произведения, которые я прочитал 20 лет назад, все еще живы в моей памяти. Я могу по памяти прочесть большие куски из «Юлия Цезаря» Шекспира и нескольких других его трагедий. Черт возьми, то же самое относится и к «Илиаде». - Оскар усмехнулся. - Я думаю, что несправедливо ожидать, что другие авторы достигнут уровня, заданного Гомером и Шекспиром. Но многие менее прославленные авторы также меня волновали.

- Вы читали еврейскую поэзию?

- Да, но, к сожалению, мало. Я ведь сказал, что Майлер и Рот просто больные? Боже мой, я даже не знаю, какое слово можно подобрать, чтобы описать еврейских поэтов, которых я пытался читать. Нужно кое-что покрепче, чем просто «больной». Когда я был студентом, по программе нужно было обязательно читать Аллена Гинсберга. Я не знаю, как преподаватель смог, не моргнув глазом, сказать, что макулатура, которую написал Гинсберг, - поэзия. Имена еще нескольких других я не могу вспомнить: какие-то стихи о холокосте, настоящая белиберда, сплошной примитив. С учетом множества еврейских романистов, на которых я наткнулся, удивительно, что еврейских поэтов так мало.

- Поэзия не слишком хорошо оплачивается.

- Если вы хотите доказать, что еврейские сочинения - это большей частью чуждый и мелкий материал, я соглашусь с вами. Однако есть много макулатуры, написанной неевреями, действительно ужасной бессмыслицы, которую наряду с еврейской чепухой хвалят рецензенты газеты «Нью-Йорк Таймс». И я не соглашусь с вами, если вы хотите обвинить в снижении уровня английской литературы только евреев.

- Но именно это я и намерен сделать. Взгляните на картину в целом, Оскар. И это относится не только к литературе; это - вся наша культура в целом. В 19-м столетии наши люди создали величайшие музыкальные произведения: Бетховен и Вагнер, Чайковский и Шуберт, Брамс и Шопен, Дворжак и Бизе, Лист и Шуман, а также множество других. 19-е столетие было также великим столетием литературы и поэзии, и, конечно, живописи. Почему все это резко оборвалось в 20-м столетии?

- Разве? Мне кажется, хорошую музыку писали и после 1900 года. Как вы относитесь к Сибелиусу? И появилось несколько по-настоящему хороших авторов. Стейнбек - раз. Шоу - два. Если подумать с минуту, то я уверен, что смогу назвать еще несколько серьезных писателей нашего столетия, которые создали превосходные работы.

- Ты должен упомянуть Рихарда Штрауса, - вмешалась Аделаида. - В целом его музыка, пожалуй, слишком современна для меня, но часть его произведений превосходна.

- Хорошо, хорошо. Я немного преувеличил, - продолжил Гарри. - Остается фактом, что, несмотря на Сибелиуса и Шоу, Стейнбека и Штрауса, в нашем столетии произошло резкое снижение уровня артистического творческого потенциала. Вы действительно с этим не согласны?

- Положим, я соглашусь с вами в отношении поэзии, - примирительно ответил Оскар. - Часть поэзии Элиота в порядке, и одна-две вещи, которые написал Паунд, но я заметил, что в поэзии, изданной за прошедшие 60 лет, мало, что меня трогает, и это резко контрастирует с английской поэзией 19-ого столетия, большей частью которой я, можно сказать, страшно увлекаюсь. Я мог бы согласиться с вами и в отношении искусства. До войны в Германии были прекрасные скульпторы - Бреккер, в особенности - но большинство живописи и скульптуры в наши дни - просто дерьмо. Конечно, это только мое личное мнение. Что касается литературы в прозе и музыке, мне надо немного подумать, прежде, чем я смогу сказать, действительно ли я согласен с Вами.

- Ради бога, Оскар, вам и думать об этом не надо. Музыка 19-го века представлена гигантами Бетховеном и Вагнером. Сибелиус и Штраус, возможно, были прекрасными композиторами, но не гигантами. Кроме того, они не представляют музыку 20-го столетия; они - редкие исключения,

а не норма нашего века; они - пережитки прошлого столетия. Литература 19-го века представлена Достоевским и Диккенсом. Кто в нашем веке может с ними сравниться?

- Когда я думаю об этом, мне кажется, нельзя сказать, что в 20-ом веке нет никаких хороших романистов, - ответил Оскар. Я припомнил пару имен, пока вы говорили. - Роман «Соки земли» К. Гамсуна был написан на уровне 19-го века. Роман «Бремя страстей человеческих» С. Моэма - первоклассный, а некоторые из рассказов Д. Конрада действительно неплохи, хотя их вряд ли можно назвать «великими». Одна книга, написанная после второй мировой войны, оказала на меня сильное влияние: «1984» Дж. Орвелла. И я уверен, что было множество других. Нет, я думаю, что проблема скорее не в недостатке хороших произведений, а в том, что хорошие работы тонут в огромном потоке макулатуры.

- Вы - твердый орешек, Оскар. Я не отрицаю, что некоторые хорошие книги были написаны после первой мировой войны, и, вероятно, несколько книг даже после второй мировой войны, но уровень литературы падает, также как и в музыке, живописи и других областях искусства. И виноват не только поток макулатуры; но и то, что макулатура принята за стандарт. Это макулатура получает премии; это макулатура, которой пытаются подражать молодые авторы. Вы согласны с этим?

- Хорошо, хорошо. Я мог бы поспорить о частностях, но думаю, что в широком смысле слова вы правы: уровень падает.

- Верно. И почему он падает?

- Если сводить все к единственной причине, то я сказал бы, что это - возросший уровень экономической демократии. В 19-ом столетии стандарты устанавливала элита. Не было никаких радио, музыкальных автоматов, фонографов или магнитофонов. Композиторы писали музыку, которая исполнялась в концертных залах. Любитель пива Джо и его жена не ходили на концерты. А люди, которые действительно на них ходили, были более разборчивы, чем люди, которые покупают сегодня грампластинки и аудио-кассеты. Книжки покупались той же самой элитой. Рецензенты и критики писали для этой же элиты, а не для масс. Сегодня уровень жизни работяги и любителя пива Джо возрос. Его рабочая неделя стала намного короче. У него появилось больше времени для отдыха. Он покупает газеты. Он слушает радио. Он даже может время от времени прочитать книгу. У его детей есть кассетные магнитофоны. Его покупательная способность, как класса, намного больше, чем культурной элиты. Так что музыка и книги больше ориентированы на него, чем на элиту. Как вам это объяснение?

- Отчасти вы правы, - ответил Гарри. - То есть даже если бы не было другой причины для падения стандартов, они, вероятно, снизились бы из-за большего количества денег и досуга в распоряжении наименее разборчивых элементов общества. Но вы слишком высоко оцениваете эффект экономической демократии, а есть и другие причины того, что случилось.

- Вы действительно думаете, что искусство, демонстрируемое сегодня в музеях, так уродливо, только потому, что наш Джо глуп? А жена Джо виновата в том, что писанина, описывающая извращения, в наши дни получает премии в области поэзии? Я уверен, что, если провести опрос, то оказалось бы, что Джо и его жена предпочитают скульптуру Брекера всем этим Пикассо или Генри Мурам. И ни Джо, ни его жена не покупают так много еврейских романов, чтобы это имело значение для издателей.

- Нет, стандарты, уровень, снизились не одновременно со средним интеллектуальным уровнем потребителей культуры; они были снижены преднамеренно.

- Гарри прав, в некотором смысле, - снова вступила в разговор Аделаида. - Сегодня элита - те, кто себя считает элитой - одобрит мусор скорее, чем массы. Но они-то думают, что таким образом поддерживают уровень. Это - движение к модернизму, в котором все старые ценности были поставлены с ног на голову. По крайней мере, так обстоит дело в литературе, живописи и скульптуре. В музыке Оскар, вероятно, более близок к истине. Массам нужен ритм, а не серьезная музыка. Примитивная музыка, музыка черных оказала большое влияние при определении того, что исполняется по радио, потому что радиослушатели более примитивны в своих вкусах, чем посетители концертов.

И Гарри и Оскар посмотрели на Аделаиду.

- Хорошо. Есть другое частичное объяснение, - сказал Гарри. - Верно, что сегодня люди, которые покупают художественные произведения и покровительствуют музеям, наряду с теми, кто бежит покупать каждый новый кусок дерьма Рота или Майлера, как только они выходят, - гоняющиеся за модой пустышки, которые получили образование, превышающее их интеллектуальные способности. Они - новая культурная элита. И они по-рабски подчиняются модернистской линии, проведенной критиками и рецензентами. Художник, получивший одобрение критиков, может представить на выставке доску, полную дымящегося коровьего навоза, и критики будут расхваливать его до небес как новое крупное произведение искусства, а члены новой элиты хором будут «охать» и «ахать», мудро кивать головами и говорить друг с другом о том, сколько «чувства» вложил художник, судя по тому, как экскременты стекают с края доски.

- Джо-любитель-пива только посмеется над этим. У нет никаких культурных стандартов, которых он должен придерживаться, так что он не обращает никакого внимания на критиков. Но новая элита не сама по себе решила, что хлам, производимый сегодня от имени искусства, и есть искусство. Болваны, которые считают все предметное искусство «фашистским», не сами это придумали. Они поклоняются уродству не просто потому, что психически больны. Они поклоняются ему, потому что их способности предпочтения на деле не намного лучше, чем у Джо, потому что это критики их убедили, как умно поклоняться уродству, как это модно, и что это демонстрирует, насколько они умнее Джо и его жены.

- Модернистское движение было создано критиками, другими словами - средствами массовой информации. А это - просто другой способ сказать, что оно было создано евреями.

- Минутку, - ответил Оскар. - Не евреи изобрели модернизм. Это течение наблюдалось даже в прошлом столетии. Некоторые из его участников были людьми явно больными или с серьезными психическими отклонениями, и их искусство отражало их болезненное состояние. У других, похоже, скорее не было способностей, и они не обладали талантом или самодисциплиной, чтобы создавать подлинное искусство, так что они не соблюдали никаких правил и делали то, что было легко для них. Но основные деятели модернизма не были евреями. Пикассо не был евреем. Генри Мур не был евреем. Большинство тех, кто сегодня извергает путаную бессмысленную кашу и называет ее «поэзией» или размазывает несколько пятен краски там-сям на холсте и называет это «искусством» - неевреи.

- Но я и не говорил, что все приверженцы модернизма были евреями, хотя там намного больше евреев по сравнению с их долей в населении. Несомненно, эта тенденция всегда присутствовала. Всегда в любой профессии есть некоторое число ленивых и некомпетентных людей, причем с эмоциональными расстройствами. В прошлом люди с хорошим вкусом просто не обращали на них внимание. А в нашем веке случилось так, что евреи добились контроля над нашими средствами массовой информации. Это произошло одновременно с возрастанием важности этих средств массовой информации, вследствие экономической демократии. До нашего столетия и речи не было о каких-то критиках или рецензентах - евреях. Теперь большинство из них - евреи. А неевреи следуют еврейской линии, потому что работают на евреев.

Не только этот, но и культурный рынок управляется евреями, но другими методами. В наши дни вы можете написать любой роман или любые стихи, какие пожелаете. Вы можете даже издать их, если согласитесь сами оплатить издательские расходы. Но если вы захотите, чтобы вас издал кто-нибудь еще, например, крупный издатель с доступом к сети книжных магазинов, тогда вам придется подогнать свое литературное творчество, чтобы удовлетворить желания издателей. То же самое относится и к графике и скульптуре. Если вы не понравитесь владельцам галерей, никто не увидит ваших работ, и вы умрете с голоду.

Евреи выбрали больные и недисциплинированные элементы из мира искусства неевреев, элементы, всегда остававшиеся прежде под естественным контролем, продвинули и поощрили их. Они добавили к этим элементам своих собственных исполнителей. Они ограничили, насколько смогли, контакты здоровых элементов с публикой. И они проделали довольно хорошую работу по убеждению поверхностно образованного класса потребителей искусства и литературы в том, чтобы все старые культурные ценности были поставлены на голову: то есть уродство заслуживает похвалы, а красота - осмеяния, что хаос прекрасен, а гармония достойна презрения, причем искусство, которое отражает истинную внутреннюю жизнь людей - «расистское» и не достойно уважения, выказываемого любой части чужеродного барахла, состряпанного черномазыми, косоглазыми или местными грязнокожими.

- Но зачем, черт возьми? Зачем это нужно евреям? Почему они должны стремиться душировать культуру народов, среди которых живут, и сеять там вырождение и хаос? В этом нет смысла.

Они просто напрашиваются на неприятности. Для них было бы лучше выдвигать лучшие элементы нашей культуры вместо худших. - В голосе Оскара слышалось явное раздражение.

- Зачем? А я скажу вам зачем. Гарри снова достал библию, открыл ее на одной из закладок и начал читать: «Я вооружу Египтян против Египтян; и будут сражаться брат против брата и друг против друга, город с городом, царство с царством. И дух Египта изнеможет в нем, и разрушу совет его, и прибегут они к идолам и чародеям и к вызывающим мертвых».

Гарри поднял голову и спросил:

- Вам это ничего не напоминает из происходящего сегодня? Этот рецепт для разрушения государств Исаия дал 2700 лет назад, но мне кажется, что ее точно также можно применить и к тому, что они проделали в нашей стране за последние 50 лет. Действительно, если вы посмотрите на картину в целом, то формула Исаия прекрасно описывает метод, с помощью которого евреи более века боролись против Белого мира - с нами и Европой, включая Россию.

- Ну, хорошо, безусловно, верно, что люди, управляющие средствами массовой информации, проделали основательную работу по разрушению единства американского народа, - ответил Оскар, - но я не могу согласиться с тем, что вы только что прочитали, как с доказательством преднамеренности этого, и не нахожу, что это имеет отношение к их уклону в модернизм.

Гарри возразил:

- Слова Исаиа немного странны, но они многое объясняют в текущем моменте, а не только подрыв нашей способности к трезвому рассуждению и пониманию того, как спасти себя как народ.

«Брат против брата и друг против друга»: разве это плохо описывает общественное отчуждение, происходящее в Белом обществе, крах нашего расовой и общественной сплоченности? И разве когда-нибудь было так много чародеев и волшебников, продающих различные сорта духовных чудо-средств на «змеином масле», как в Америке сегодня? Что касается модернизма, что это, как не отказ от нашей культуры, культуры, которую мы делим со всеми другими Белыми народами на протяжении всей нашей истории? Литература и скульптуры, созданные древними греками две с половиной тысячи лет назад трогает нас так же, как и тогда самих греков. Мы точно также ощущаем красоту и гармонию. Чувства, выраженные Гомером и Софоклом - наши чувства.

То, что написал Достоевский, говорит одно и то же англичанам и немцами, как и русским, а Диккенс понятен русским, как и немцам, и Гёте - русским и англичанам. Живопись Рембрандта, Тернера или Фридриха говорит на одном языке, понятном всем европейцам, как и симфонии Бетховена. Мы не реагируем таким же образом на китайскую музыку, негритянскую скульптуру или еврейские романы. Наша культура объединила нас, позволила осознать наше общее наследие и наши различия с теми, кто не разделяет это наследие. И еврей, вечный посторонний, пытающийся проникнуть к нам, не мог этого терпеть. Он должен был разобщить нас, уничтожить нашу сплоченность, заставить нас считать, что мы имеем друг с другом не больше общего, чем с неграми, китайцами или евреями. Модернизм - основная стратегия паразита.

Оскар вскочил на ноги и явно взволнованный стукнул себя кулаком по ладони.

- Вы все еще ничего не доказали. Вы продолжаете читать наводящие на размышления цитаты из библии, цитаты, которые указывают на враждебность и паразитические наклонности евреев. Но доказательства, основанные на библии - только для дураков. Вы можете «доказать» с помощью библии все что угодно. Единственно, что наше обсуждение заставило меня понять: мне придется вновь исследовать, заново продумать и изучить многие факты, которые я ранее считал истинными. В некоторых случаях, как я подозреваю, придется признать, что евреи меня обманули, через СМИ, контролируемые ими или находящиеся под их влиянием. Но я, конечно, не поверю в теорию мирового заговора и паразитизма евреев на основе нескольких предложений, которые они написали тысячи лет назад.

- Браво, Оскар! Если наш разговор действительно приведет к тому, что вы заново продумаете некоторые вещи, то я буду совершенно удовлетворен. И я полагаю, что так это и произойдет, потому что видно, что Вы относитесь к вопросам, которые мы обсудили, со всей серьезностью, которой они заслуживают. Эти вещи для вас очень важны. Даже малейшее подозрение, что я могу быть прав, вас глубоко тревожит. Так и должно быть. Слишком часто я зря тратил время, споря с людьми, которые считали наши обсуждения просто интеллектуальными упражнениями и интересным развлечением. Многие из них были умными людьми, но совершенно бездушными и безответственными. Прав я или не прав в отношении евреев или других проблем, которые мы обсуждали, в действительности для них было не важно; это не имело отношения к реальности. Единственная вещь, которая для них важна - это их собственный комфорт, безопасность и благосостояние. Они не чувствуют никакой ответственности перед окружающим миром, и даже перед собственной расой. Это просто наблюдатели жизни - зрители, но не участники. Но вы, Оскар, я уверен - вы участник. Убеждать этих друзей в том, что есть истина, в конечном счете, не имело никакого значения, потому что они оставались только зрителями. Но когда я, наконец, помогу вам найти истину, это будет иметь значение. Вы же после этого будете действовать.

Оскар немного расслабился и несколько натянуто улыбнулся.

- Я ценю вашу веру в меня. Действительно, я узнал сегодня некоторые вещи, и вы дали толчок моим мыслям о некоторых вопросах, в которых я намерен продолжать разбираться. Даже места, на которые вы указали мне в библии, дают пищу для размышлений. Они всегда были перед моим носом, но я никогда не смотрел на них, или, по крайней мере, я никогда не понимал их, в том свете, в котором вы их мне показали. Где вы так много узнали о Моисее и Исаиа? Вы не производите на меня впечатления человека, изучающего Библию.

Гарри рассмеялся.

- Ну, спасибо и на том. Действительно, у одного из членов нашей Лиги, Сола Роджерса, есть привычка изучать Библию, и он убедил меня, что эта книга является золотой жилой информации о евреях, независимо от того, когда это было написано, и действительно ли большинство из них все еще верит в это. Если вы и Аделаида сможете снова приехать к нам в следующее воскресенье, я познакомлю вас с Солом. Но, пожалуйста, не уезжайте сегодня от нас с представлением, что мои убеждения о роли евреев в мировых делах основаны на Библии. Как вы сказали, она лишь наводит на размышления. Она ничего не доказывает. Но я думаю, что вам и нужны были некоторые намеки. Доказательства достаются тяжелее. Нет никакого единственного

свидетельства, которое действительно доказывает, что представляют собой евреи и чем они занимаются. Книга «Протоколы сионских мудрецов» - именно то, что хотелось бы иметь в качестве компактного, цельного и всеобъемлющего доказательства. К сожалению, скорее всего, она не является тем, чем могла бы быть. Эта книга слишком уж идеально подходит для подлинника. Истина вообще не настолько опрятна. Мне кажется, что по вопросу, столь сложному и трудному, как еврейский, правда может только постепенно сформироваться в уме человека по мере накопления все большего числа свидетельств из многих источников. Ветхий Завет - один из этих источников. Возможно, вы теперь готовы и к другим источникам.

Давайте посмотрим: вы изучили роль евреев в новостных и развлекательных СМИ, которая, конечно, является решающей. Как насчет небольшой порции недавней истории, скажем, второй мировой войны?

- Да, это то, чем я интересуюсь, и хотел вскоре начать изучать этот вопрос.

- Отлично! У меня есть книги, которые вам следует взять с собой для начала. Пожалуйста, сюда. И Гарри повел Оскара в свой кабинет. Там он снял книгу с полки и вручил ее Оскару.

- Если вы цените искусство Брекера, то от этого у вас кровь вскипит в жилах. Здесь описываются вещи, которыми занималось наше правительство для «перевоспитания» немцев после войны. Одна из них - направление команд солдат с кувалдами для уничтожения скульптур Брекера. Графические работы и картины или сжигались или конфисковались. Половина картин в музеях Германии и других общественных зданиях была украдена специальными командами для «перевоспитания» и глубоко запрятана в правительственных хранилищах. Они назвали эти произведения «нацистским искусством». Причем я не говорю о работах со свастиками. Они захватили или разрушили все искусство 20-го века, которое не соответствовало их модернистской линии, все здоровое и естественное, все, что отражало представление немцев о жизни. Всей программой руководили евреи. Здесь есть имена их всех.

Гарри отобрал еще четыре книги и отдал их Оскару.

- Это будет хорошо для начала. У вас может уйти полгода только на изучение причин, приведших к войне, политических факторов, влиявших на ее ведение, а также ее последствий, которые никогда не рассматриваются в книгах, рекомендуемых в книжных обзорах газеты «Нью-Йорк Таймс».

В следующее воскресенье Оскар и Аделаида не пошли к Гарри и Колин. Случилось так, что они опять увиделись со своими новыми друзьями только через три недели. Тем временем Оскар напряженно трудился.

В первую очередь он выполнял свое исследовательское задание. Оскар прилагал все усилия, чтобы разобраться в евреях, читая книги, - и те, что дал ему Гарри, и полученные из библиотеки по его же совету. Но одновременно он начал расширять круг своих исследований, пытаясь ответить самому себе на более важный и существенный вопрос о том, что пошло не так, как надо, в западном мире в последние сто лет и привело его собственную расу к нынешнему жалкому состоянию. Действительно ли это был внутренний изъян западной цивилизации, виноваты ли в этом евреи, или же это было стечение обстоятельств?

Интуиция Оскара подсказывала ему, что, независимо от того, какой бы, в конечном счете, ни оказалась роль евреев, имелись фундаментальные ошибки и в поведении его собственного народа. Он должен был установить эти факты и развить некоторые идеи, касающиеся изменений, необходимых, чтобы вернуть расу на верный путь. Оскар не думал, что это будет нечто, что он смог бы выполнить один, но он должен был, по крайней мере, определить направление для своих действий. Оскар хотел знать, что его дела имеют смысл в рамках большего плана. Райан, в конце концов, был прав в отношении него. Оскар реагировал, делая легкие вещи, нанося удары по любой удобной цели, которая привлекала его внимание. Но он не мог позволить себе продолжать поступать таким образом по нескольким причинам. Первой причиной была Аделаида. Второй был Райан. Но самой важной причиной была его собственная потребность знать, что, когда он рисковал своей жизнью, он делал это во имя справедливости, а не только для того, чтобы уменьшить свое внутреннее смятение и разочарование, вслепую уничтожая противника, которого он даже ясно не представлял. Так что, он продолжал свои исследования и напряженно размышлял.

И он уберет Дэнни Фельдмана для Райана. Он почти решил, что выполнит, по крайней мере, это его задание, и намеревался провести ликвидацию через пару недель, после того, как разработает подробный план. Но в среду после его встречи с Келлерами, Райан позвонил снова. И они встретились на той же станции метро.

- Ты должен немедленно убрать Фельдмана.

- Я собирался сделать это в ближайшее время. Как насчет конца следующей недели?

- Нет. Нам нужно, чтобы он исчез в течение следующих 48 часов. Он должен быть мертв после 16:00 в пятницу.

- Черт возьми, Райан, я сначала должен отработать детали операции. Что за спешка?

- Спешка из-за того, что события в Бюро развиваются быстрее, чем я думал. Риццо уволят на следующей неделе, и самое позднее до среды будет назван новый глава нашего отдела. Директор намерен сделать это до того, как в следующий четверг начнутся слушания в Подкомитете Сената по безопасности и терроризму. Это может стать предвещением того, о чем я рассказывал тебе на прошлой неделе: созданию нового агентства по борьбе с терроризмом. Я знаю, что директор обсуждал такую возможность с сенатором Херманом, председателем Юридического комитета. Проблема в том, что жидки, работающие в Бюро получили об этом информацию, несомненно, от главного юридического советника этого комитета - еврея. Теперь они суетятся, пытаются помешать моему назначению на должность Риццо. Я знаю, что все они, включая Фельдмана, в конце этой недели собираются в узком кругу в мотеле в Александрии. Мы получим прослушку того, что будет говориться на этой встрече, но все равно главное к этому времени - заткнуть пасть Фельдману. Если он окажется на этой встрече, то я точно знаю, что он скажет. Он доложит им все подробности о той операции против Ку-клукс-клана в прошлом году, и затем они будут придумывать, как именно использовать эти данные против меня. Для них это теперь единственный способ остановить меня.

- Почему бы вам вместо прослушивания, просто не взорвать этот мотель и решить еврейскую проблему в Бюро раз и навсегда?

- Ты что, правда, сумасшедший? Нам нельзя этого делать. И я не могу позволить, чтобы это сделал ты. Боже мой, ты не можешь представить, какая вонь поднимется, если это случится, особенно после случая с Капланом? Они и так уже чертовски подозрительны в отношении того, что с ним произошло. Если все остальные жидки, работающие в Бюро, внезапно погибнут, все евреи в Конгрессе, каждая еврейская организация в стране и все евреи в средствах массовой информации лопнут от крика. Я не могу позволить себе еще больше накалить обстановку, устранив Фельдмана, и этого не произойдет, если ты сработаешь чисто.

- И у меня есть 48 часов, чтобы все спланировать, а затем выполнить задание. Вы много хотите, Райан.

- Я верю в тебя, Егер. Теперь еще об этой операции с Фельдманом: она не должна выглядеть как нападение. Понимаешь? Все должно выглядеть так, что с ним случилось что-то другое. Я могу помочь кое-чем, чтобы сэкономить тебе время. Когда будешь уходить, возьми этот портфель на полу рядом со мной. В нем одна из наших специальных «игрушек». Это пистолет со стрелами, которыми можно стрелять на расстояние до пятнадцати метров, хотя лучше подойти поближе, если это возможно. Пистолет заряжен двумя стрелами. Они содержат особый препарат - мощный кардиостимулятор, который заставит его сердце буквально разорваться в клочья. Вскрытие трупа покажет, что причиной смерти был сердечный приступ. Сам препарат распадается до уровня, когда его невозможно обнаружить в крови жертвы, через 12 часов. Все, что ты должен не забыть сделать - это вынуть стрелу из тела Фельдмана после того, как он упадет.

- Мне кажется, что есть еще одна небольшая проблема. Как я помешаю ему пристрелить меня прежде, чем препарат сделает свое дело?

- Препарат действует очень быстро. После поражения стрелой сердце будет биться в конвульсиях примерно 15 секунд. Ему будет так больно, что он сможет только кататься по земле. Через 30 секунд его сердце разорвется, и к тому времени он потеряет сознание. Я уверен, что ты сможешь держаться на безопасном расстоянии первые 10-15 секунд.

- И для чего ФБР использует такие игрушки, как ваш пистолет со стрелами? Вы что, мужики, действительно занялись убийствами, как много лет утверждают некоторые левые параноики?

- Нет. Мы получили этот пистолет от израильтян. Они используют подобные устройства против вожаков палестинских демонстраций на оккупированных территориях; они стреляют в них прямо на улице, не привлекая внимания и не вызывая волнений. Вероятно, они используют такие пистолеты и для убийств в других странах. По слухам, из подобных пистолетов они убивали по всему миру бывших членов национал-социалистической партии Германии.

- Занятно. Факт остается фактом, что я должен казнить Фельдмана сегодня или завтра вечером. Вряд ли я смогу войти в вашу контору и пристрелить его в собственном кабинете во время работы.

- Или завтра утром, до того, как он доберется до работы, или даже в пятницу утром, но никак не позже. Удачи, Егер. И помни: будь осторожен! Этот ублюдок опасен. - Райан улыбнулся, затем повернулся и быстро прошел в двери поезда подземки, который только что остановился в платформе.

Оскар забрал портфель.

После возвращения домой он изучил свои краткие заметки по Фельдману. Мужчина 40 лет, женат на израильтянке, четверо детей. Живет с семьей в пригороде Сильвер Спринг, штат Мэриленд. Выпивает редко, имеет здоровые привычки, и никаких явных отклонений, как в случае с Капланом. Его единственная известная слабость - игра на деньги. Фельдман обычно играет в покер с четырьмя другими евреями вечером по четвергам, и вся компания по очереди

собирается в домах игроков, а кроме этого он с женой ездит по крайней мере четыре раза в год в казино Атлантик-Сити или Лас Вегаса.

Оскар почесал затылок. Похоже, чтобы поймать этого типа снаружи, ему придется найти подходящее место около дома Фельдмана и выждать, когда он поедет на работу утром или приедет домой вечером. Это было бы разумно, если использовать винтовку; он мог надеяться найти укромное место на стоянке и снять Фельдмана с дальней дистанции, даже не выходя из машины. Но это создаст большие трудности для Райана. Как, черт побери, можно подобраться на 15 метров к стреляющему без раздумий убийце вроде Фельдмана, чтобы использовать пистолет со стрелами, если нельзя скрыться где-нибудь в кустах у входной двери дома этого человека? Он вздохнул. Придется сначала выбраться в Сильвер Спринг и оценить обстановку на месте.

Фельдман жил в большом, новом с иголки доме, стоящем в глубине тридцати метров от улицы за ухоженной лужайкой соток в двадцать. Дорога, покрытая гравием, огибая лужайку, шла к дому, где Оскар смог рассмотреть лишь двери гаража в задней стене дома, когда проезжал мимо, а также что-то похожее на теннисный корт. Очевидно, Бюро хорошо платило своим любимцам. Десяток больших тенистых деревьев стояли там и сям на газоне, но около передней двери или дверей гаража не росло никаких «полезных» кустов, а только низенькие декоративные растения. Кроме того, двери гаража почти наверняка управляются по радио, и Фельдман въезжает в гараж и выходит из машины только внутри, пользуясь внутренней дверью, ведущей из гаража сразу в дом. Проклятье!

Тут Оскар уголком глаза мельком заметил нечто, вызвавшее мгновенную искру вдохновения: велосипед ребенка, прислоненный к одной из стоек, поддерживающих теннисную сетку.

Он нашел способ сделать это! Оскар увидел хорошую стоянку примерно в трех кварталах, и остановил там машину, чтобы снова просмотреть свои заметки. Вечерние игры в покер по четвергам, согласно информации Райана, начинались в восемь часов и продолжались примерно до полуночи. Это означало, что завтра вечером Фельдману придется уехать из дому между 7:30 и 7:45 - уже в темноте - если на этой неделе игра не должна проводиться в его доме. Был один шанс из пяти, что так и было.

Он подумал, не может ли Райан знать об этом, но почти сразу решил не выходить с ним на связь; не было никакого смысла дергать его на этом этапе. Игра в покер была для Оскара единственным шансом подстеречь Фельдмана после наступления темноты, и он ничего не терял от этой попытки. Если Фельдман не появится завтра вечером, то Оскару придется пытаться счастья снова в пятницу утром, когда тот поедет на работу, что было гораздо опаснее. Он проехал мимо дома еще раз, чтобы осмотреть дерево, которое он предварительно наметил в первый заход: большое дерево, стоящее у середины дороги примерно в 10 метрах справа от нее. Теперь до завтрашнего вечера оставалась лишь одна задача: украсть детский велосипед.

Оскар нашел его по пути домой: немного поцарапанный и ржавый, с красными крыльями и толстыми шинами, в две трети размера велосипеда для взрослых. Он заметил этот велосипед, прислоненный к бетонной стене в конце маленького торгового центра и подогнал к нему машину. Через тридцать секунд велосипед лежал в багажнике, а Оскар снова был в пути. Остальную часть дня он провел, изучая свои материалы, пока Аделаида не приехала на обед к шести часам.

Когда на следующий вечер Оскар устроился в заранее выбранной точке, было ровно семь часов. Он вытащил велосипед из багажника и покатил его по тротуару к дому Фельдмана. Когда Оскар приближался к пункту своего назначения, он стал мучительно ощущать, как ярко освещаются уличными фонарями тротуары в этом месте, и упрекнул себя за то, что предыдущим вечером не вернулся после наступления темноты, чтобы изучить освещение на месте засады и установить любые возможные проблемы. Правда, он так и намеревался сделать, но Аделаида была еще более нежна, чем обычно, и после удивительно энергичных и радостных игр с нею он заснул и не проснулся, пока она не стянула с него одеяло в 6:30 утра.

Тротуар закончился за несколько сотен метров прежде, чем он достиг дороги к дому Фельдмана, и только там Оскар заметил, что, хотя фасад и боковые стены самого дома хорошо освещены фонарями, ближайший уличный фонарь находился на расстоянии более 60 метров, а пространство вокруг дерева, которое он выбрал, находилось в глубокой тени. «Бог заботится о грешниках», - с облегчением пробормотал он про себя.

Но едва он устроился за деревом, как услышал звук поднимаемой двери гаража.

Фельдман собрался уезжать раньше, чем рассчитал Оскар. Он быстро бросил велосипед посреди дороги метра на три ближе к улице, чем к дереву, а затем бросился назад в его тень. Как он и ожидал, машина Фельдмана резко затормозила и остановилась прямо напротив его дерева. Он услышал, как открылась дверь, затем раздалась ругань Фельдмана и шаги по гравию. Когда Оскар выглянул из-за дерева, Фельдман в свете фар своей машины наклонился, чтобы убрать велосипед.

Как только он выпрямился, стрела ударила его между лопаток. Фельдман громко выругался на иврите и обернулся, все еще держа в руке велосипед, но его слепил яркий свет фар, и он ничего не мог различить в направлении Оскара. Он бросил велосипед, выхватил пистолет, и

побежал к машине, ругаясь на бегу. Оскар присел за деревом и ждал. Через пару секунд проклятия смолкли, и Оскар услышал сдавленный вой, сопровождаемый неразборчивыми, животными звуками.

Фельдман лежал на траве около открытой двери со стороны водителя с искаженным багровым лицом. Оскар быстро нашел на земле пистолет умирающего и немного поднял его тело, чтобы засунуть пистолет назад в кобуру. Он вытащил за стержень стрелу из задней части пиджака трупа, забрал велосипед и покатил это к собственной машине, тихо насвистывая на ходу. Оскар признался самому себе, что действительно доволен всей операцией; кроме того, он и сам неплохо сработал.

По пути домой он остановился у того же торгового центра, где нашел велосипед и снова аккуратно прислонил его к стене точно так же, как он стоял там днем раньше.

«Убить гою - то же, что убить дикое животное»

Талмуд, Санедрин 59

В течение нескольких следующих дней Оскару пришлось потратить часть времени на подготовку промежуточного отчета по исследовательскому проекту антенны для военно-воздушных сил. Проект фактически был закончен несколько месяцев назад, и теперешняя задача состояла в извлечении части его вычислений и их оформлении в виде отчета по научно-исследовательской работе. Задача усложнялась необходимостью изрядно замаскировать используемые методы так, чтобы работа по проекту казалась более трудной, чем это было на самом деле. Он намеревался растянуть этот особый договор как можно дольше, и, конечно, увеличить его стоимость. К счастью, военно-воздушные силы были очень сговорчивыми в таких вопросах.

Оскар продвинулся в нем до такого уровня, что разобраться с мыслями помогало их обсуждение с Аделаидой, которая каждый вечер помогала ему с подготовкой отчета по антенне. Он также считал, что их беседы позволяют повысить и ее расовую сознательность.

- Малыш, в этом еврейском вопросе, конечно, трудно докопаться до истины, - сказал он, откладывая книгу, которую читал, и глядя на Аделаиду. Она заканчивала сшивать пять готовых копий отчета. - Я сейчас читаю четвертую книгу о большевистской революции в России. Совершенно ясно, что евреи сыграли в ней главную роль. Возможно, что эта революция никогда бы не произошла без их участия. Ее ведущие теоретики, начиная с Карла Маркса, были евреями, она финансировалась еврейскими капиталистами, и большинство ее руководителей и активистов также относилось к их племени. Без них Ленин потерпел бы крах и фактически остался в одиночестве. Он не имел бы никаких финансовых средств и никаких руководящих кадров для воплощения своих идей. Но мне не совсем понятны их мотивы. Гарри Келлер сказал бы, что революция была просто еврейской хитростью для захвата евреями власти в России.

С другой стороны, во всем, что сами евреи написали о революции, утверждается, что их обращение к коммунизму имело в основе желание добиться социальной справедливости. Их сердца обливались кровью при виде страданий угнетенных рабочих, и их чувства оскорбляли продажность и злоупотребления властью царского правительства. Некоторые еврейские авторы идут настолько далеко, что заявляют, что встать на сторону рабочего класса и бороться за равенство заставил их иудаизм. Другими словами, их мотивы были чистой добродетелью.

Однако этим заявлениям евреев о человеколюбии противоречат их дела. Как только большевики захватили власть, они совершили такие жуткие убийства и дикости, которые превзошли все мыслимые злодеяния, начиная с вторжения монголов 700 лет назад. Они убили не только предпринимателей, офицеров и кадетов, государственных служащих, аристократов, но и множество других людей, которые даже в малейшей степени не были «угнетателями», а также миллионы простых крестьян и рабочих. И евреи едва ли могут оправдаться тем, что революция вышла из под их контроля, когда другие крайние элементы оттеснили еврейских «альтруистов» и затем предали благородные помыслы первых большевиков, внедрив господство террора, потому что документы совершенно недвусмысленно показывают, что и после революции евреи остались главными террористами и массовыми убийцами, так же, как они были в первых рядах ее подстрекателей. Система ГУЛАГ - лагерей рабской рабочей силы была организована евреями, и многие наиболее садистские и кровожадные комиссары в лагерях были евреями. То же самое относилось и к тайной полиции. Еще в 1941 году, спустя два десятилетия после революции, сорок один процент членов Верховного Совета составляли евреи. Эта статистика находится вот в этом докладе американскому правительству, который подготовил штатный научный сотрудник Библиотеки Конгресса, - горячо воскликнул он, размахивая книгой в зеленой обложке. - Ты можешь это вообразить?! Почти половина Верховного Совета, а евреев - лишь одна сотая населения!

Аделаида внимательно смотрела на Оскара, но молчала, видя, что он еще не закончил. И он продолжил:

- К концу 1920-х годов Сталин стал главным человеком в Советском Союзе, но советское правительство в основном оставалось еврейским. Как они могут уклониться от ответственности за преступления советского режима в 1920-х и 1930-х годах? Занятно, что они даже и не пытаются это сделать. Если прочитать, что ими было написано в период до 1950 годов, то все обстояло превосходно. Только после того, как Сталин взялся за евреев и начал «пропалывать» их, они начали плохо говорить о Советском Союзе. Сегодня они постоянно скулят о том, как их там «преследуют», но если взглянуть на факты, то ясно, что они все еще лучше обеспечены по сравнению с большинством других советских граждан. Они все еще занимают непропорционально большую долю рабочих мест, связанных с умственным трудом. Под «преследованиями» евреи понимают то, что они не получают всего, чего хотели бы в настоящее время. Они говорят, что их лишили права эмигрировать, но, черт возьми, каждый год разрешается эмигрировать намного большему их числу, чем любой другой этнической группе.

Из всего написанного о Советском Союзе за последние 20 лет видно, что евреи жалуются только на две вещи: большую чистку коммунистической партии в конце 1930-х годов, когда Сталин выдернул тысячи еврейских бюрократов из их шикарных партийных кабинетов и сослал в трудовые лагеря, и на результаты так называемого заговора «врачей» в 1953 году, когда Сталин, видимо, готовился послать в ГУЛАГ еще большую партию евреев, но внезапно умер. Но нет ни слова о миллионах украинцев, убитых в 1931 году, тысячах прибалтов, замученных до смерти в 1940 году, и сотнях тысяч людей всех национальностей, которые были ликвидированы в 1945 году!

Я не могу решить, пытаются ли они преднамеренно обмануть своих читателей, притворяясь, что этих преступлений не было, или просто полагают, что эти чудовищные злодеяния действительно не стоят упоминания, потому что жертвы не были евреями, и к тому же, чем меньше о них говорить, тем лучше, потому что евреи несут за них наибольшую ответственность. В первом случае евреи - самые большие лжецы в истории, а во втором случае они настолько высокомерные эгоисты, что просто теряешь дар речи. Выходит, если я совершаю преступление против тебя, это в порядке вещей, потому что ты - не одна из богоизбранных, но если ты только подумашь о совершении преступления против меня, то это будет геноцид и святотатство. И ведь те, кто пишет такие книги, не еврейские религиозные фанатики; это евреи, имеющие ученые степени, большинство из которых - атеисты.

Когда я начал изучать эту тему, то был настроен не принимать утверждений Гарри Келлера и еще одного знакомого, которые пытались убедить меня в том, что все коммунистическое движение с самого начала было просто попыткой захвата власти евреями. Я думал, что в этом утверждении слишком много несогласованностей и противоречий. С одной стороны, было сионистское движение. Если, пользуясь словами Исаии, все евреи проталкивали коммунизм как способ заполучить в свои руки богатства неевреев, то, почему вместо этого так много их было среди сионистов в России? Почему они все вместе не работали, чтобы протолкнуть коммунизм?

Один из самых интересных документов, которые я получил в Библиотеке Конгресса - это копия статьи, которую написал о евреях Уинстон Черчилль для лондонской газеты «Иллюстриейтед Санди Геральд» в 1920 году. Черчилль, который, конечно же, был знаком с фактами, четко назвал коммунизм еврейским движением к мировому господству.

Оскар взял бумагу со стола за своим стулом.

- Вот послушай, что он писал. Это выпуск от 8 февраля 1920 года, то есть, по времени чуть больше двух лет после того, как евреи захватили Россию. Он нашел нужное место и начал читать: «Это движение среди евреев не ново. Со дней Спартака-Вейсхаупта и Карла Маркса и до Троцкого в России, Белы Куна в Венгрии, Розы Люксембург в Германии с Эммой Голдман в Соединенных Штатах, этот всемирный заговор по уничтожению цивилизации и перестройке общества на основе замедленного развития, завистливой недоброжелательности и неосуществимой на практике идеи равенства разрастался и ширился... Нет необходимости преувеличивать ту роль, которую играли в создании большевизма и в фактическом осуществлении русской революции евреи, собравшиеся со всего мира, большей частью, атеисты. Она, конечно, очень велика; она, вероятно, перевешивает все другие. За известным исключением Ленина, большинство основных действующих лиц были евреями. Более того, основное вдохновение и движущая сила исходит от еврейских вождей».

Потом он продолжает рассуждать о сионизме, как своего рода противоядии коммунизму. «Хорошие евреи, - говорит он, - это сионисты, а плохие - коммунисты». Интересно, повторил бы он эти слова, если бы знал, как евреи-сионисты обращались с палестинцами после того, как захватили Палестину? Сегодня израильяне фактически ведут себя с палестинцами примерно также как евреи-большевики обращались с украинцами и русскими после революции в России.

В общем, хотя Черчилль и признавал коммунизм еврейским движением, он особо оговорился, что в нем участвовала лишь часть евреев мира. Ну, это понятно, ведь нельзя ожидать, чтобы у всех членов любой расы или этнической группы были одинаковые взгляды на политику и общество. Но озадачивает то, что я столкнулся с большим количеством намеков, что евреи-сионисты и евреи-коммунисты на деле не были противниками друг другу. Например, когда

коммунисты захватили Россию, они разрушили тысячи христианских церквей, но они не тронули ни одной синагоги. Черчилль также упоминает этот факт. И затем были евреи-капиталисты в нашей стране, которые дали миллионы долларов, как евреям-коммунистам, так и евреям-сионистам. Все это вызывает подозрение, что евреи просто использовали смешанную стратегию, когда одни шли к власти путем сионизма, другие - дорогой коммунизма.

Возможно, я неправ. Но наиболее уличающее доказательство всего этого - то, как средства массовой информации и писатели-евреи относились к коммунизму. Как я говорил, примерно до 1950-х годов не только неевреи, вроде Черчилля, признавали еврейское «происхождение» коммунизма. Сами евреи хвастались этим, но утверждали, что все это было вызвано добрыми стремлениями: добиться лучшей жизни для рабочего класса и тому подобное. И ни слова о чудовищных злодеяниях, совершенных коммунистами. Потом, когда началась так называемая «холодная война», и коммунизм перестал быть модным на Западе, книги, в которых евреи признавали свою роль в создании коммунизма, больше не издавались, а вместо этого евреи начали скулить, что они сами - жертвы коммунизма - больше того, главные жертвы, если им поверить. Я считаю лишь совпадением, что холодная война началась примерно в то время, когда Сталин подорвал власть еврейской фракции в советском правительстве, и русские начали восстанавливать власть в собственной стране.

Подумав на мгновение над тем, что он сказал, Оскар продолжил:

- Вообще-то, если вдуматься, возможно, что это - вообще никакое не совпадение. Возможно, изменение отношения к Советскому Союзу на Западе было проведено здешними СМИ в ответ на изменяющееся положение евреев в Советском Союзе. Мне придется еще кое-что прочитать по этой части. Во всяком случае, ужасы советского режима стали полностью освещаться на Западе лишь в последние несколько лет. В библиотеках, в академических работах и правительственных сообщениях всегда можно было найти факты об истреблении кулаков на Украине или расстреле польского офицерского корпуса в Катинском лесу, но никогда ничего такого, что могло бы повлиять на общественное мнение. Теперь все это открыто, но сегодня ни в одном из широко распространяемых материалов о тех преступлениях не упоминается, ответственность за них несут евреи. Возможно, одно из исключений составляет книга Солженицына о ГУЛАГе, но я не уверен, много ли людей действительно ее прочитали. Но даже в ней надо читать между строк, чтобы добраться до сути.

Ты знаешь, если бы евреи выказали пусть даже притворную откровенность и раскаяние, я не был бы так подозрителен. Если бы они перестали юлить и сказали бы: «Да, мы думали, что коммунизм несет миру благо. Мы верили, что он поможет угнетенным людям. Поэтому мы придумали его и совершили с его помощью революцию в России. Но в те времена мы совершили много страшных дел, и действительно сожалеем об этом. Мы никогда больше не будем дурачить людей коммунизмом». Если бы они заявили что-нибудь подобное, тогда я мог бы относиться к евреям гораздо благожелательнее. Но ни один из них этого не сделал. Напротив, во всем написанном ими на этот счет правда оказалась вывернутой наизнанку, во всем без исключения. Сначала они признавали свою роль в коммунистическом движении, но отрицали свои злодеяния. Теперь они признают эти злодеяния, но отрицают свое участие в них.

Я хорошо разобрался в этом вопросе. Я смог раскопать достаточно доказательств. И теперь я с удовольствием отношусь ко всем распространенным взглядам на события, касающихся евреев: например, о второй мировой войне и так называемом «холокосте». Но я начинаю приходить в отчаяние при мысли, что вряд ли смогу узнать всю правду об этих событиях. Мне потребовалось несколько недель изучения только на то, чтобы прийти к нескольким определенным выводам о роли евреев в коммунистическом движении. Для этого мне пришлось слой за слоем разгребать путаницу мнений, неверных объяснений и противоречий. У меня по-прежнему остается множество серьезных вопросов, касающихся коммунизма, сионизма и их взаимоотношений, и к тому же «знаки» указывают в шести различных направлениях. Это здорово обескураживает. Как будто эти проблемы намеренно замутили, так чтобы людям вроде меня было трудно добраться до правды.

- Ой, это напомнило мне одну вещь, которую я слышала давно у себя в штате Айова, - прервала его монолог Аделаида. - Одним из помощников преподавателя в университете, читавший мне вводный курс по математике был еврей Дэвид Шварц. Он был женат, но все время приставал ко мне и пытался напроситься на свидание. По правде говоря, он был жутко надоедливым человеком. Всякий раз, встретив меня в студенческом центре, он подходил и заводил со мной разные разговоры. Он как-то узнал номер моего телефона и стал названивать мне домой. Его болтовню было невозможно остановить. Особенно он любил поговорить о политике и экономике - и вообще на всякие загадочные темы, вроде того, что цена золота повышалась всякий раз, когда у демократов появлялся хороший шанс победить на выборах.

Ситуация была довольно щекотливой. Я опасалась обидеть его и посчитала, что пусть себе болтает, пока можно держать его на расстоянии. Я иногда даже задавала ему вопросы. Однажды я спросила его о государственном долге. Он разразился 20-минутной речью, которая меня совершенно запутала. Мне показалось, что одни его объяснения противоречили другим. Я

сказала ему: «Ну и дела, я совершенно запуталась. Почему все это так сложно?» Он минуту смотрел на меня и затем очень серьезно, как будто он доверял мне некую тайну, сказал: «Это и должно быть сложно, иначе слишком много людей поймут, что происходит в экономике». Он близко наклонился ко мне и прошептал: «Запутывание людей - лучшая оборона. Всегда, когда хочешь достичь какой-то цели, нужно разделить свои силы и направить часть из них в направлении, противоположном тому, которое тебе нужно, так что никто не сможет уловить твои намерения, а ты в то же самое время сможешь упредить любое по настоящему серьезное сопротивление. А после того, как ты достигнешь своей цели, объясни свои действия, но так противоречиво, чтобы никто не был уверен, что за всем этим стоишь именно ты.»

Я не знаю, имел ли отношение этот маленький кусочек мудрости к государственному долгу. Мне кажется, что Шварц просто пытался произвести на меня впечатление своим умом, ну ты знаешь, макиавеллизм и все такое, а мое признание, что я запуталась, вызвало у него в голове связь с какой-то другой темой, по-видимому, политической. Дэвид, несмотря на свою многословность, на самом деле был не так умен, как хотел казаться. Но он был странный; он считал, что все, что происходит, объясняется заговором какой-нибудь группы со своими интересами, и что вещи никогда не являются такими, как они выглядят на первый взгляд. Наверное, он где-то подцепил этот маленький афоризм о ценности путаницы. В то время я не спросила Шварца об этом, но его слова остались в моей памяти, и то, что ты рассказал, напомнило мне их.

Наверное, днем будет снег, подумал Оскар, забирая газету с крыльца. Температура упала ниже нуля градусов, и небо было закрыто черными тучами. Он потянулся, зевнул и втянул в себя воздух в темноте раннего утра. Оскар только что вернулся домой, снова проведя ночь в квартире Аделаиды. Он чувствовал, что ему нужно поспать, по крайней мере, еще часок. Почему она должна уезжать на работу так рано?

Но как только Оскар снял резиновое кольцо со свернутой газеты и бросил ее на обеденный стол, в глаза ему бросился заголовок. Его сонливость как рукой сняло. На первой полосе газеты «Вашингтон Пост» красовалась большая новость - принят закон Горовица. Оскар налил себя чашку кофе и сел, чтобы прочитать подробности.

На четвертой странице в статье, гораздо меньшей по размеру, сообщалось о принятии законодательного акта об учреждении нового правительственного агентства для борьбы с терроризмом. Оскар подумал, как совпало, что обе части законодательства были приняты одновременно. Статьи в «Вашингтон Пост» описывали принятие этих законов как совершенно независимые события, но он подозревал, что кукловоды законодателей прекрасно знали об их взаимосвязи. Оскар подумал, что надо спросить Райана об этом в следующий раз, когда они встретятся.

«Вашингтон Пост» указывала, что пройдет, вероятно, не менее двух месяцев прежде, чем положения закона Горовица смогут быть полностью введены в действие. Президент, который немедленно подписал закон, уже назначил совет, включивший видных религиозных лидеров и представителей организаций нацменьшинств, для надзора за созданием государственного органа, отслеживающего публикации на предмет содержания в них «ненависти».

Также было напечатано интервью с директором Американского союза борьбы за гражданские свободы, который отметил, что его организация имеет «оговорки» в отношении нового закона. Он сказал, что, конечно, необходимо было что-то сделать, дабы обуздать подстрекателей, но надеется, что Конгресс не зашел слишком далеко, и что закон будет применяться так, что не посягнет на свободу слова или печати. Оскар насмешливо фыркнул, когда прочитал его. «Вот еще выискался защитник наших свобод!» - пробормотал он.

Статья о новом антитеррористическом агентстве представляла для него гораздо больший интерес, особенно ее заключительный кусок, сообщавший следующее: «Главою нового агентства был назначен Уильям Райан из ФБР, который только на прошлой неделе стал главой Антитеррористического отдела в Бюро, в котором он в течение девяти лет работал в должности заместителя. Мистер Райан имеет превосходный послужной список работы в Бюро. Его самым известным достижением стала операция в начале прошлого года, когда он возглавлял оперативную группу, арестовавшую почти двести членов Ку-клукс-клана и других групп - сторонников господства белых, которые были вовлечены в заговор по нарушению гражданских прав небелых граждан. Как ожидается, его назначение будет утверждено Юридическим комитетом Сената в течение недели».

Оскар перешел из кухни в гостиную, сел в свое мягкое кресло, откинулся назад и закрыл глаза. Он подумал, что события развиваются в точном соответствии с предположениями Райана. Он не мог не чувствовать некоторой гордости, взвешивая, насколько существенными оказались его собственные усилия для достижения столь знаменательного итога, но эта гордость несколько тускнела от скверного предчувствия. Он все еще не решил проблему своих взаимоотношений с Райаном, а теперь эта проблема приобрела новую безотлагательность и важность.

Его исследовательский проект продолжался, но за прошлую неделю он мысленно перешел к еще более сложным вещам, чем еврейский вопрос. Теперь Оскар был убежден, что контролю евреев над СМИ и отраслью развлечений обязательно надо положить конец, независимо от того, согласится ли он, в конечном счете, с оценкой Райана и Келлера общей роли евреев в Белом обществе или нет.

Но как? Каков должен быть верный образ действий? Теперь ему была нужна стратегия, и он был намерен найти ее перед началом новых действий, будь то по его собственному почину или по воле Райана.

Одно было совершенно ясно для Оскара: его одиночные действия сами по себе не могут привести к важному и устойчивому результату. Они не могли ни лишиться евреев власти над СМИ, ни остановить распад Белого общества или западной цивилизации, ни даже остановить расовое смешение. Если требовалось нечто большее, чем одиночные действия, то нужна была организация. Группа Келлера - Национальная Лига - была единственной, о которой он знал, и которая, похоже, серьезно занималась общественными и расовыми бедами, которые волновали его самого. Но это была строго просветительская организация; Келлер подчеркнул на их последней встрече, что они избегают любой незаконной деятельности и вместо нее делают упор на издании и распространении книг, брошюр, журналов, видеозаписей и других образовательных материалов. Оскар подумал, что после принятия закона Горовица Национальной Лиге скоро придет конец, если только она не изменит свою политику и не бросит вызов закону, перейдя к подпольной издательской деятельности.

В этом отношении уязвима любая организация, которая представляет серьезную угрозу властям: ее можно просто объявить вне закона. Тот, кто хочет обойти это, должен с самого начала иметь намерение нарушать закон, и иметь возможность делать это с определенной степенью безнаказанности. Другими словами, были нужны и организованная деятельность, и те возможности, которыми обладал Оскар. Он считал, что его уникальные отношения с Райаном, конечно, могут быть полезны для обоих этих направлений.

Мысленно Оскар составил план: организация Келлера издает материалы, вроде газетной статьи о евреях, написанной Черчиллем в 1920 году, которая так много ему объяснила, и, используя свои каналы распространения, доставляет эти материалы общественности, принимает на работу новых авторов, печатников и активистов из числа людей, пробужденных ее издательскими усилиями, в то время как он сам решает проблемы, связанные с законом Горовица, передавая предупреждения от Райана о возможных полицейских акциях, ликвидируя информаторов и выполняя другие чрезвычайные работы, необходимые для обеспечения жизнеспособности нелегальной просветительской организации.

Но ведь необходимо большее - намного большее. Никакая власть, тем более такая мощная, как та, что управляет Америкой, не может быть свергнута толпой обычных людей, орущих у ворот. Чтобы иметь какую-то надежду на проведение подлинных изменений достаточного масштаба и полностью остановить поток распада, необходимо также иметь посвященных лиц, то есть людей, владеющих, по крайней мере, некоторыми рычагами власти.

Он встал и начал ходить по полу, стиснув руки за спиной. Что же это за рычаги власти, к которым можно подобраться? Конечно, это само правительство. Любая организация, которая сможет провести в Конгресс одного или нескольких своих членов, получит и национальный форум и средства для того, чтобы защитить себя, даже если она и не сможет оказать значительного воздействия на законодательство. Затем исполнительная власть, где новое агентство Райана могло бы обеспечить определенные возможности, по крайней мере, в качестве разведки, а, возможно, даже основы для осуществления однажды государственного переворота, если предсказания Райана, что это агентство, в конечном счете, станет настоящей преторианской гвардией, окажутся точными. Определенно, это был фактор, который следовало учесть при определении условий их сотрудничества с Райаном в будущем.

Были и другие рычаги: большие профсоюзы, традиционные церкви, некоторые крупнейшие банки и другие учреждения в столице. Но не было ничего, ни в правительстве, ни где-либо еще, что могло конкурировать с влиянием средств массовой информации. Он не представлял себе, как какая-либо группа могла надеяться получить и удержать существенную часть власти, если против нее энергично и согласованно выступают средства массовой информации. И наоборот, если организация или отдельная личность получили бы поддержку со стороны даже части СМИ, это оказалось бы огромным преимуществом для проникновения во власть. Должен был существовать какой-нибудь способ прорваться в СМИ, но у Оскара не было даже смутного представления, как это сделать. Келлер говорил, что национальная Лига создает собственные СМИ, которые, в конце концов, начнут соперничать со СМИ, контролируруемыми евреями, но это казалось Оскару неоправданно оптимистическим прогнозом. Сколько времени уйдет на их создание? Лет тридцать? Останется ли к тому времени кто-нибудь, кого потребуются спасти?

Телефонный звонок прервал мысли Оскара. Он удивился, кто мог звонить так рано. И пока он поднимал трубку, внутреннее чувство подсказало ему, кто это мог быть. Голос звонившего подтвердил догадку:

- Доброе утро. Нам надо снова поговорить. Я звоню рано, чтобы застать тебя, и чтобы ты смог запланировать час на встречу со мной, с десяти до одиннадцати часов сегодня вечером. Станция метро больше не подходит ввиду моего нового заметного положения: какой-нибудь журналиста может нас заметить. Встречай меня в южной части автостоянки у Пентагона. Я буду ждать на автостоянке в черном седане «Форд» в крайнем юго-западном углу стоянки.

Оскар подъехал к южной автостоянке за час до назначенного времени и выбрал место на стоянке в доброй сотне метров от юго-западного угла, где он мог незаметно ждать в ряду других автомобилей, имея хороший обзор из назначенного угла, и самой вероятной подъездной дороги к нему. Угол и место вокруг него, как самые дальние от Пентагона, в это вечернее время были бы свободны, если бы не хлам, которого скопилось здесь еще больше, чем на остальной части огромного пространства потрескавшегося и усыпанного мусором асфальта. Начался мелкий дождь, и Оскару пришлось опустить боковое окно, чтобы внутренняя часть ветрового стекла не запотела.

Без десяти минут десять он заметил автомобиль Райана, движущийся по внешней полосе стоянки. Он взял бинокль, который лежал рядом с ним на сиденье, и навел его на движущуюся машину, когда она проезжала между ним и фонарем, установленным на столбе у края асфальта. В машине был лишь один человек. Райан проехал мимо угла и медленно сделал полный круг вокруг стоянки. Очевидно, он не мог найти машину Оскара, потому что вернулся в юго-западный угол, выключил огни и стал ждать. Казалось, он также был осторожен.

Оскар не мог знать, что было на уме Райана сегодня вечером, но его встревожил необычно дружелюбный тон во время утреннего разговора по телефону. Он подождал еще пять минут, проверил, свободно ли выходит пистолет из кобуры, затем тихо вышел из машины и пошел к Райану, как можно дольше оставаясь скрытым за рядом стоящих машин. Райан заметил его на расстоянии 15 метров и наклонился, чтобы открыть пассажирскую дверь. Перед тем, как Оскар сел в машину, он бросил быстрый взгляд за передние сиденья, чтобы убедиться, что там никто не прячется.

Опытным глазом Райан заметил этот взгляд.

- Ты думаешь, Егер, я пригласил тебя в поездку в один конец? Он хмыкнул. - По правде говоря, я очень доволен тобой. Если бы не твоя сверхпрофессиональная работа, то президент наверняка назначил бы главой Комитета Общественной Безопасности не твоего покорного слугу, а какого-нибудь правоверного иудея.

- Вы оговорились, Райан, когда только что использовали слово «комитет» вместо «агентства»?

- Боже мой! Я так сказал? Действительно мне надо следить за собой. Знаешь, я не имел никакого отношения к выбору названия новой организации, и был поражен, когда они выбрали нечто столь напоминающее советский Комитет Государственной Безопасности, лучше известный по русским буквам, как КГБ. Это весь день крутится у меня в голове.

Мимолетный хмурый взгляд Райана исчез, и он вновь едва скрывал приподнятое настроение.

- Подобие в названиях соответствует содержанию, поверь мне. Я всю неделю участвовал в совещаниях с важными шишками из Конгресса, директором Бюро и аппаратом президента. Это новое агентство будет сногшибательным, и большие ребята давно планировали его создание. Ты знаешь, что у меня будет статус члена правительства? Об этом не будет объявлено в течение еще нескольких месяцев, но теперь я уже буду присутствовать на всех заседаниях Кабинета и подчиняться прямо президенту. Другими словами, несмотря на то, что написали сегодня газеты, мое агентство будет полностью выведено из подчинения министерства юстиции.

- Так вы действительно будете командующим преторианской гвардии?

- Очень на то похоже, хотя никто, конечно, не скажет об этом прямо. С нескольких сторон оказывается давление, чтобы все шло именно в этом направлении. Когда в прошлом году палестинцы начали казнить известных жидов и взрывать конторы сионистов в Соединенных Штатах, евреи хотели, чтобы Бюро бросило все остальные дела и ловило палестинцев. Мы схватили пару палестинцев, но этого евреям было мало, и они жаловались на самом верху, что Бюро слишком неповоротливо и неэффективно, чтобы на деле бороться с арабским терроризмом в нашей стране. Они хотели пригласить Моссад и предоставить здесь этим головорезам свободу действий. Тогда все высказались против, но просто по стечению обстоятельств оказалось, что некоторые представители президента уже работают в Конгрессе с определенной группой во главе с сенатором Херманом, стремясь создать новое агентство для борьбы с гражданскими беспорядками, когда в следующий раз экономика рухнет до самого низа.

Прошлые два года приписками они держали уровень безработицы ниже восьми процентов. Но дольше избегать неприятностей им не позволит даже перетасовка всех бумаг в мире. Они уверены в наступлении с этого лета длительного периода роста безработицы. Он может продлиться пять лет или дольше, когда этот показатель может достичь 15 процентов и даже

выше. Это следствие неумения контролировать наши границы и позволения японцам подгрести под себя половину наших основных отраслей промышленности.

У них разработаны всякие долгосрочные схемы для поддержания экономики на более низком среднем уровне жизни американцев, но они боятся гражданских беспорядков, пока не уляжется вся пыль.

- Вы имеете в виду голодные бунты, как в Аргентине и Бразилии?

- На самом деле, еще хуже. Они могут справиться с голодными бунтами, направив национальную гвардию, используя слезоточивый газ или пристрелив пару мятежников. На самом деле, они боятся революции, и не просто стихийных бунтов, а беспорядков, организованных людьми, которые хотят свергнуть правительство. Вот они и хотят иметь отдельное правительственное агентство, которое будет действовать и как тайная полиция для слежки за подрывной деятельностью, и как ударная сила против революции. Они не захотели поручать эту работу Бюро, потому что, во-первых, в последнее время они были не слишком довольны работой Бюро. Их не волнует, если мы позволим ускользнуть паре грабителей банков или фальшивомонетчиков, но они до смерти боятся политического насилия, которое будет направлено против них. Твое дело и крик о необходимости действий правительства, который подняли силы, выступающие на стороне меньшинств, ускорили процесс общего планирования и убедили их, что настало время объявить о создании нового агентства, когда можно рассчитывать на поддержку СМИ в этом вопросе.

В общем, они посчитали, что легче создать новое агентство, чем преобразовывать Бюро. Кроме того, я хочу получить чрезвычайную свободу действий, а они не хотят давать столько свободы Бюро, с его юрисдикцией по вопросам обычных уголовных преступлений. Я думаю, что в правительстве боятся, что Бюро начнет записывать их телефонные переговоры, прослушивать кабинеты и вскрывать почту, и после этого полправительство окажется в тюрьме. - Райан снова хмыкнул. - Поэтому мое агентство будет иметь право прослушивать телефонные переговоры без санкции суда и использовать тиски на допросах подозреваемых, но наша задача будет состоять не в том, чтобы ловить жуликов из кабинетов Конгресса или федеральной бюрократии; а просто не позволить свергнуть правительство.

- Вам на самом деле нравится такая задача? - спросил Оскар.

- Да, Егер, я доволен. Нашей стране нужно немного порядка и дисциплины, и я буду счастлив приложить свою руку, чтобы их добиться. Роль моего агентства в следующие несколько лет кризиса резко возрастет, а после него она станет даже больше. Страна изменится бесповоротно. Черт, она уже изменилась навсегда. Правительство не сможет продержаться без поддержки Агентства общественной безопасности. Отныне революционные действия станут постоянной чертой американской жизни: арабы, левые, правые, черные, латиносы, белые. Наша страна потеряла свою сплоченность. Теперь людей вместе держит только приличная зарплата. Когда этого не станет, то страна окажется в полном дерьме, и все пойдет по другому. Президент и сенатор Херман не осознают этого, или, по крайней мере, осознают не полностью, но я-то все понимаю.

К сожалению, в бочке меда не без еврея, если можно так выразиться, и это - главное, что я хочу обсудить с тобой. Жиды просто «землю грызут», чтобы помешать моему назначению главой нового агентства. Сенатор Херман отозвал меня в сторону после сегодняшней встречи и спросил: «Кто были по национальности твои предки, сынок?» - Райан передразнил хриплым, дрожащим голосом пожилого законодателя. - Я сказал ему, что ирландцы-католики, и он ответил: «Ну, я так и думал. Ты знаешь, все евреи в Сенате, а здесь их чертова дюжина, и еще примерно шестнадцать делегаций раввинов и евреев-бизнесменов вереницей прошли через мой кабинет, и все твердили, что ты - не тот человек, который требуется для этой работы. Они, должно быть, думают, что твои предки были немецкими нацистами. Когда я спрашивал их, что они имеют против тебя, никто не мог сказать ничего определенного, но у всех был собственный кандидат». Тут старый чудаки наклонился и зашептал мне на ухо: «Я хочу, чтобы ты знал, - сказал он, - что, раз евреи так единодушно выступают против тебя, тогда я - «за», и намерен добиться одобрения твоего назначения. И президент думает точно так же».

Херман сделает так, чтобы его комитет проголосовал этот вопрос завтра и затем немедленно вынесет его на весь Сенат, прежде чем евреи смогут собраться с силами, чтобы заблокировать мое утверждение. Теперь, когда у них нет Каплана, человек, которого они хотят протолкнуть, некий Шерман Дэвидсон, помощник генерального прокурора, который возглавляет Управление специальных расследований при Звездной Палате, которое было создано для поддержки на плаву аферы «холокоста», для отслеживания так называемых «военных преступников», оставшихся со второй мировой войны. Боже мой, это было пятьдесят лет тому назад! И ты можешь верить этим жидам?

- А, так вы подумываете о подготовке сердечного приступа со смертельным исходом для Дэвидсона?

- Нет, не думаю, что это будет необходимо. Я считаю, что завтра все пройдет хорошо, и нам не придется о нем беспокоиться. Но проблемы с евреями у нас будут постоянно. Я думаю, что,

кроме меня, они - единственные в нашем правительстве, кто понимает значение нового агентства и то, какими огромными полномочиями оно будет обладать в будущем.

Я рассказываю тебе все это, как моему партнеру, Егер, чтобы ты мог представить картину в целом. Не знаю, когда ты мне понадобишься для следующей специальной операции, но уверен, что это случится довольно скоро. С евреями одно точно: они никогда не отступают. И я подозреваю, что нашей следующей крупной операцией будет атака на «Моссад». Их агенты кишат в нашем правительстве. Бюро установило большинство из них, но нам было запрещено их трогать. Их покрывают на самом верху. И в сложившейся теперь обстановке мне не разрешат убрать их, по крайней мере, открыто. Даже сенатор Херман выступит против меня, если я начну ликвидировать агентов «Моссада», потому что жида мобилизуют своих марионеток - христианских фундаменталистов, которые составляют половину его избирателей, начав стенать о «бедном, беззащитном, маленьком Израиле», а ручные СМИ потребуют содрать с меня скальп. Но Моссад - террористическая организация, и я не намерен позволить им играть на моем поле.

Кроме того, поскольку у евреев не выгорело дело с Капланом или Дэвидсоном, они, видимо, попробуют использовать Моссад, чтобы доставить мне неприятности и дискредитировать меня. В любом случае, я буду вынужден, в конце концов, полностью избавиться от агентов Моссада в нашей стране. Я склонен сделать это скорее раньше, чем позже, чтобы не дать им время первыми нанести мне удар. А тебе придется помочь мне. Думаю, что это покажется тебе интересной задачей.

Райан повернулся и достал с заднего сиденья большой пакет.

- Я подготовил для тебя подборку информации. Часть материалов в ней - общие описания ряда тайных операций Израиля - рассекречена, но большинство из них совершенно секретны. Все это из архивов Бюро по Моссаду, включая названия имена, адреса, фотографии и другие сведения по всем их агентам в нашей стране, которых мы знаем. Меня возьмут за зад, если ты попадешься с этими материалами, так что держи их в надежном месте. Но изучи их, особенно личную информацию. Запомни имена, адреса и лица.

Единственная причина, что я передаю тебе сейчас эти материалы, состоит в том, что нам действительно необходимо быть в будущем гораздо более осторожными. Мы больше не можем встречаться. Я не удивлюсь, если Моссад попытается пустить за мной постоянный хвост, но думаю, что у них пока не было времени сделать это. Я знаю, что они будут пытаться перехватывать все мои телефонные звонки, так что сразу позаботился об этом. Я установил дома совершенно защищенный телефон. Телефонная компания не имеет ни малейшего представления о его существовании. Линия идет из моего кабинета через канализационный туннель в ... ладно, подробности не важны.

- Вот - мой номер. - Он вручил Оскару маленький листок бумаги. - Не звони мне без крайней необходимости, и постарайся делать звонки с 5:30 до 6:00 утра или с 23:00 до 23:30 вечером. Когда у меня будут для тебя другие документы или какие-нибудь специальные устройства, я оставлю их в надежном тайнике и объясню по телефону, как их забрать. И еще, Егер, больше никаких твоих одиночных героических вылазок, понятно? Не должно быть абсолютно никаких независимых собственных действий, которые я не одобрю: никаких казней смешанных пар, никаких расстрелов мерзких репортеров, никаких убийств лидеров Конгресса, никаких взрывов церквей. До тебя дошло?

Оскара разозлил тон Райана, и ему очень хотелось посоветовать этому орлу заняться собственным делом. Но секунду подумав, он отказался от таких неуместных слов, и вместо этого сказал:

- Я уже думал об изменении своих действий - больше по образовательной линии.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Райан с большим подозрением в голосе.

- Я изучил много материалов с тех пор как вы заставили меня подумать о евреях. Я не согласен со всеми вашими заявлениями, но уже нашел некоторые действительно поразительные подтверждения некоторых фактов, вроде роли евреев в создании и распространении коммунизма в первой половине нашего столетия и страшного еврейского влияния в СМИ. Некоторые материалы, которые я получил из Библиотеки Конгресса, легко можно оформить в виде брошюр или даже листовок для массового распространения. Я думаю, что они действительно откроют глаза некоторым людям и помогут противостоять еврейскому влиянию через СМИ.

В течение нескольких секунд стояла тишина, пока Райан недоверчиво смотрел на Оскара. Потом Райан захохотал. Когда он справился с собой, то покачал головой и сказал, все еще улыбаясь:

- Егер, для мужчины, который так хорошо умеет грохать плохих парней, ты - полный нуль в воспитании людей.

Оскар сильно покраснел, смущенный и разозленный тем, что Райан не может понять его намерений.

- Ну, я не имел в виду, что материалы, о которых я говорил, полностью объяснят людям истоки происхождения коммунизма или причины предубежденности СМИ. Мне самому надо еще

много изучить в этом направлении. Но, конечно, они заставят людей задуматься. Один из материалов, которые я нашел - это статья в известной британской газете, написанная Уинстоном Черчиллем в 1920 году...

Его прервал новый взрыв хохота Райана.

- Заставит людей задуматься! Ты это серьезно, старик? Ты действительно считаешь, что все эти люди кругом, способны думать? Ты думаешь, что их волнует, кто несет ответственность за убийства всех тех несчастных в России? Ты искренне веришь, что они изменят хоть что-нибудь в своем поведении, если сможешь каким-нибудь способом вбить в их головы правду о том, что евреи творят с ними в нашей стране?

- Хорошо, я... Я не совсем понимаю, что вы хотите сказать, Райан. - Оскар чувствовал, что внутри него снова закипает гнев. - Те свидетельства, что нашел я, мне самому, безусловно, открыли глаза. Я знаю, что люди часто кажутся не очень умными, но среди них должно быть много таких как я, которые постараются узнать больше, если им предоставить факты вроде тех, что приводятся в статье Черчилля. И я хочу упростить им этот поиск с помощью ссылок на книги, где они смогут узнать больше. Все, что от них потребуется - пойти в библиотеку...

И в третий раз Оскара прервал хохот Райана, который теперь буквально задыхался от хохота, а слезы катились по его щекам.

- Пойти в библиотеку! Как ты думаешь, сколько избирателей в нашей стране когда-нибудь видели, как библиотека выглядит изнутри с тех пор, как они окончили школу? Их меньше трех процентов, согласно Американской библиотечной ассоциации, и почти все они ходят в библиотеку только за дешевыми романами. Американцы просто не читают серьезных книг. Но даже это - не самое худшее. Послушай, ты можешь решить вопрос с библиотекой, оставив одни ссылки и упаковав факты в одну брошюру. Несколько десятков страниц должно хватить, чтобы описать факты о контроле над средствами массовой информации. Ты мог бы встать на углу улицы с пачкой таких брошюр и карманом, набитым деньгами, и предлагать всем по 20 долларов за то, чтобы они сели и прочитали брошюру тут же на месте. У тебя многие возьмут деньги, но это ничего ни на йоту не изменит. Это как раз то, что я только что тебе сказал: их это не колышет. Им это все - до одного места. Их не интересуют мысли. Им не нужна правда. Они не могут признать факт, даже если он догонит их и укусит за зад. К тому же, они даже не запомнят ничего из этого и не смогут ничего передать кому-нибудь еще в случайном разговоре, потому что они запрограммированы не запоминать такие вещи.

Ты говоришь, что у нас должно быть много других вроде тебя самого, но это не так. Ты - едва ли не единственный. Тебе не нравится расовое смешение, происходящее в нашей стране, поэтому ты кое-что сделал в этом отношении. Ты начал пускать в расход смешанные пары. Ты удавил самого большого покровителя расового смешения в Конгрессе. Ты взорвал к чертовой матери комитет знаменитых расосмесителей. Но у нас есть миллионы других людей, которые тоже ненавидят расосмешение. По последнему опросу Гэллапа, который я видел, 27 процентов Белых американцев не одобряют браки между Белыми и черными, и я лично думаю, что на самом деле этот процент гораздо выше. Но и что сделал против этого кто-нибудь из всех этих людей? Ничего. Не ударил палец о палец. Даже те, кто по-настоящему злятся, когда видят Белую женщину с черномазым. Они потеряли мужество. У них нет никакого воображения. Они внутренне неспособны совершить что-нибудь из ряда вон выходящее.

Ты действительно веришь, что наша страна находилась бы в таком дерьме, как сегодня, если бы ее граждане умели думать? Я имею ввиду, действительно думать, а потом соответственно поступать как разумным личностям. Им даже не надо мужества; и все, что они должны сделать - просто сделать правильный выбор в тиши кабинки для голосования. Ты что не понимаешь, Егер, что все они - не мыслящие личности; они - стадо гребаных животных, причем я говорю обо всех: о докторов наук, главах корпораций, водителях такси и домохозяйках! Они не думают, они только чувствуют и поступают соответственно нескольким своим условным рефлексам!

Райан замолчал, чтобы отдышаться, и после этого заговорил более спокойно.

- Конечно, каждый знает, что есть много умных людей, людей, которые могут посчитать доходы, определить, какой подоходный налог они должны платить, или как заставить компьютер сделать то, что они хотят. Они способны решать задачи. Но они - не мыслящие личности. Я приведу тебе один пример: эту статью о евреях Черчилля в газете «Иллюстриред Санди Геральд», которая, по твоим словам произвела на тебя такое сильное впечатление. Разве ты не знаешь, что консерваторы переиздают и распространяют эту статью уже больше семидесяти лет, но она не сделала ни малейшей царапины на еврейской удаче? Мой отец впервые дал мне прочитать ее копию почти сорок лет назад, когда я был подростком. Если бы люди могли думать, они сделали бы выводы из фактов, имеющихся в этой статье. Самое меньшее, они изолировали бы евреев в гетто со строгими ограничениями на их занятия, как поступали европейцы в средние века. Вот это было разумно, хотя подконтрольные СМИ в наши дни клеймят такие действия как суеверия и предубеждения. Такое поведение основывалось на осознании опасности, которые представляют собой евреи, и на стремлении защитить народ от этой опасности. Римские папы и

императоры, которые согнали евреев в гетто, были трезво мыслящими людьми, которые признавали факты и действовали в соответствии с их значением.

Я приведу тебе другой пример. Для тебя то, что средства массовой информации находятся в еврейских руках - огромное, новейшее открытие. Но ни для кого в нашем правительстве в этом нет ничего нового. Это - один из наиболее широко известных фактов жизни в Вашингтоне. Все знают об этом, но никто ничего не делает, чтобы это изменить. А ведь некоторые из этих людей действительно заботятся о стране, хочешь верь, хочешь - нет. Но они ведут себя не как разумные существа, а согласно тому, как они запрограммированы. За очень немногими исключениями, даже способные признать правду люди неспособны действовать исходя из этой правды, если действие требует выйти из колеи привычного поведения и сделать что-нибудь новое или отличное от прежнего.

Или если на мгновение повернуть бремя нелогичности справа налево, если взять Южную Африку и Израиль. С палестинцами в Израиле и на оккупированных территориях обращаются бесконечно хуже, чем с черномазыми в Южной Африке. Но ты когда-нибудь слышал от кого-нибудь из этих бесконечно страдающих черным священнослужителей или кинозвезд, которые участвуют в демонстрациях против Южной Африки, хоть слово, осуждающее Израиль? Причем нельзя сказать, что эти факты не известны, и в большинстве случаев это даже не лицемерие. Многие из этих обожателей черномазых оплакивали бы арабов, также как и банту, но сначала они должны преодолеть влияние идеологической обработки.

- Вы хотите сказать мне, - возразил Оскар с недоверием и вызовом в голосе, - что нет никакого смысла пытаться просвещать людей, и вообще это даст отрицательный результат, если указать им на их ошибки и привести свидетельства?

- Я пытаюсь объяснить тебе, что ты не сможешь воспитать людей, то есть, не сможешь изменить их поведение с помощью брошюр. Единственный способ убедить население нашей страны в необходимости изменить поведение, это дать им хороший, крепкий пинок в зад - причем раз шестьсот. Их надо перепрограммировать, а это требует порядка и дисциплины, а не книг или листовок.

- Райан, у вас довольно мрачное представление о человеческой природе.

- Ерунда, Егер! Я - просто реалист. Я знаю, как ведут себя люди и по отдельности, и вместе. Моей работой в течение времени, равного почти всей твоей жизни и было заставить людей делать то, что я от них хочу, пусть это преступники-рецидивисты с заложниками или мои собственные подчиненные в Бюро, и причина того, что я с этим справляюсь, заключается именно в том, что я трезво оцениваю природу людей. Я даже отчасти оптимист, поэтому с воодушевлением отношусь к своей новой работе. Я думаю, что смогу принести какую-то пользу.

- Пиная людей в зад? - Голос Оскара не скрывал язвительности.

Райан взглянул на Оскара, вздохнул, покачал головой и сказал:

- Я действительно поражаюсь, как ты проделал такую хорошую работу с Капланом и Фельдманом. Если бы я не знал, что это был ты, кто их шлепнул, я не поверил бы, что ты на это способен. Ты рассуждаешь как паршивый интеллигент, худший из этих умников, которые не способны видеть жизнь такой, какова она в действительности. Я только что привел тебе несколько примеров из жизни. А ты возмущен мною вместо того, чтобы быть благодарным.

Он помолчал, а затем продолжил:

- Позволь подарить тебе настоящую крупицу мудрости: «Все, что необходимо - то хорошо». Все, что благой Бог создал в нашем мире - то и хорошо. Старайся изменить то, что можно изменить, если ты думаешь, что это необходимо изменить. Но будь терпим в отношении тех вещей, которые по их самой своей природе являются неизменными.

Ты думаешь, как ужасно, что люди не мыслят, что они ведут себя как животные, и ими нужно манипулировать как животными. Ты хочешь, чтобы каждый походил на тебя. Но это по-детски эгоистично. Если бы каждый походил на тебя, то не было бы никакого общества, никакой цивилизации. Все развалилось бы. Если бы в нашей стране нашлась всего тысяча мужчин вроде тебя, она стала бы неуправляемой. Я поймал тебя только по счастливой случайности, после того, как из-за тебя половина Бюро много месяцев рвала на себе волосы. Если бы полсотни таких, как ты, действовали бы в Вашингтоне, полсотни в Чикаго, сто в Нью-Йорке ... мы оказались бы совершенно не способны справиться с ситуацией. Вы свергли бы правительство.

Раз ты любишь читать книги, то должен быть благодарным, что большинство людей не мыслит, потому что требуется довольно большое стадо таких глупых животных, чтобы обеспечить работу одной-единственной печатной машины. Чтобы позволить себе всего одного философа, нужен миллион заурядностей, отвечающих на условные рефлекссы. Так что будь счастлив, что людьми можно манипулировать, а не воспитывать. Таким создал мир господь Бог. Наше правительство признает это и действует соответственно, по крайней мере, вот эта часть правительства так делает, - сказал он, тыкая в свою грудь большим пальцем. - Точно так же поступают и евреи.

Если твою чувствительность человеколюба оскорбляет изменение поведения американского народа с помощью голода, пинков сапогом и под угрозой расстрела, то есть более мягкие

«воспитательные» способы. Если под твоим контролем есть телевизионные сети, ты можешь начать кормить публику новым сортом питания и лет через двадцать-тридцать отчасти достигнешь желаемого результата. То есть ты можешь изменить содержание «мыслей», которые они бессмысленно, как попугаи, повторяют друг другу. Ты можешь заставить их ломать руки над тем, что случилось с палестинцами и требовать бойкота Израиля, вместо того, чтобы демонстрировать против Южной Африки. Ты сможешь загнать извращенцев и прочих наркоманов назад в сортир. Ты сможешь уменьшить расовое смешение почти до нуля.

Ты можешь сделать все это - ты можешь частично перепрограммировать это стадо, изменив сюжеты мыльных опер и убеждения ведущих разговорных передач, переделав диалоги и осторожнее выбирая цвет лиц персонажей в мультиках для детишек, указывая своим ведущим, когда смеяться и когда нет, во время чтения вечерних новостей. Конечно, тебе все же придется крепко пинать большинство людей в зад, чтобы заставить их отказаться от многих плохих привычек, к которым они привыкли.

Райан положил руку на руку Оскара и заговорил отеческим тоном.

- Однако, так как ты не руководишь телевизионными сетями, мы вынуждены делать дела моим способом. Радуйся, что у тебя есть возможность поучаствовать. В истории не часто случается, когда два разумно мыслящих человека могут вместе поработать над столь заслуживающим внимания проектом. И, ради бога, забудь об этих брошюрах.

Оскар буквально остолбенел. Он не хотел принять того, что Райан только что ему сказал. Все внутри него восставало против. Но он знал, что, в конце концов, согласится по крайней мере со значительной частью сказанного Райаном. Оскар мог бы убедить себя, что факты не были так страшны, как Райан их «малевал», но большая часть его слов безусловно звучала правдоподобно. Да, это была правда, которая уже таилась в его собственном сознании, и жестокие слова Райана лишь обнажили ее. Теперь пришел черед вздохнуть Оскару. Его личную стратегию снова приходилось возвращать на доработку.

Райан поглядывал на часы, затем улыбнулся и хлопнул Оскара по руке.

- Я буду очень занят пару недель. Займись домашним заданием, которое я тебе дал, а я позволю тебе, когда будет необходимо.

Оскар был не готов немедленно отказаться от своего замысла написания брошюры, несмотря на ушат холодной воды, которую на него вылил Райан. Если просвещение было настолько бесполезным, как доказывал Райан, то организация, к которой принадлежал Гарри, «Национальная Лига», должна была это установить. Через день после встречи с Райаном Оскар позвонил Гарри и получил приглашение на собрание местных членов Лиги, намеченное на восемь часов вечера в пятницу.

Убедить Аделаиду пойти с ним было несложно, хотя она заставила его пообещать, что позже он сходит с ней куда-нибудь пообедать. Собрание состоялось в доме одного из членов Лиги, адрес которого Оскару дал Гарри. Его дом, гораздо больший, чем у Гарри, располагался в лесистых окрестностях Арлингтона с большими земельными участками и дорожными домами. Когда Оскар и Аделаида приехали, в доме были только двенадцать человек - девять мужчин и три женщины, включая Гарри и Колин.

Само собрание продолжалась чуть больше часа, и состояло в основном из неформальных докладов о результатах, достигнутых членами Лиги, их последующего краткого обсуждения, вопросов или предложений остальных присутствующих. Один мужчина сообщил о своей удаче - получении списка адресов почти пятидесяти тысяч покупателей исторических книг из одного коммерческого источника, который первоначально отказывался предоставить его Лиге по политическим соображениям. Другой участник собрания доложил о приготовлениях к рассылке по этому списку каталогов книг, выпускаемых Лигой, и других рекламных материалов.

Женщина - член Лиги, которая оказалась художником по рекламе, - показала художественный плакат, который она только что закончила, и эскизы нескольких будущих новых плакатов. Законченный плакат поразил Оскара. Под лозунгом «Спасите вымирающие виды!» изображались различные животные, подвергающиеся опасности: на одной стороне всплывшего кита атаковали гарпунами с судна-китобойца. На другой стороне плаката, на переднем плане, в джунглях черный браконьер убивал леопарда, а на заднем плане был показан нью-йоркский магазин мехов с пальто из кожи леопарда в витрине, и его гнусный владелец в дверном проеме, пересчитывающий пачку денег. А в центре, изображенная крупнее, чем все остальное, была семья Белых - мужчина, женщина с малышом на руках и маленький ребенок, все с красивыми, скандинавскими чертами и светлой кожей. Белые стояли на валуне, прижавшись друг к другу с болью и страхом на лицах, а вокруг них угрожающая плотная масса небелых, как поднимающийся поток, захлестывала их, хватая за ноги коричневыми, черными и желтыми руками.

Было высказано мнение, что ни одна из значительных природоохранительных организаций не посмеет приобрести этот плакат, но он может пользоваться успехом у студентов, многие из которых купят его именно из-за спорной темы.

Трое других членов работали над видеодрамой. Один из них, который написал сценарий и был директором постановки, занимался распределением ролей и попросил помочь ему найти актера на одну, пока еще незанятую роль. Другая женщина, его жена, работала над костюмами. А третий мастерил декорации в своем гараже.

Когда деловая часть собрания была закончена, Гарри представил Оскара и Аделаиду другим присутствующим, включая Кевина Линдена, инженера-радиотехника, который был координатором местной группы. Гарри извинился за то, что отсутствовал Сол Роджерс, которого он особенно хотел познакомить с Оскаром. «Сол - школьный учитель, и часто вынужден оставаться после уроков. Сегодня вечером его заставили обыскивать школьников и отбирать наркотики и оружие во время школьной игры в баскетбол», - пояснил Гарри.

Оскар отметил высокий профессиональный уровень членов Лиги, с которыми он познакомился и пошутил:

- Совершенно не похоже на то, что я ожидал увидеть - банду неонацистских революционеров с безумными глазами.

- Люди, которые нас теперь интересуют, и фактически единственные люди, которые нам могут быть полезны, это те, кто желает и способен делать дело, - сказал ему Кевин. - И так как главное дело, которым мы занимаемся, это распространение фактов и идей, нашими людьми могут быть только те, кто имеет определенные навыки, полезные для такой работы. В действительности к ним относятся довольно много людей, от авторов и художников, до инженеров и бизнесменов, но верно и то, что на нынешнем этапе нашей деятельности среди нас довольно высокий процент профессионалов и относительно немного уличных бойцов и бомбометателей, в противоположность тому, как нас изображают управляемые средства массовой информации. На самом деле, из настоящих бомбометателей здесь сегодня вечером только Гарри, - закончил он с усмешкой и затем, извинившись, ушел.

Оскар обратился к Гарри:

- Как вы думаете, повлияет ли закон Горовица на ваши возможности продолжать выпускать и распространять ваши материалы? - Некоторые действия придется перенести в подполье, но в основном то, что мы делаем, вероятно, не будет немедленно затронуто, - ответил Гарри. - Мы всегда придерживались крайне позитивного подхода, делая упор на повышение расового сознания нашего собственного народа, вместо того, чтобы указывать на недостатки других наций. Список книг, которые мы распространяем, начиная с «Энеиды» и «Беовульфа», включает множество других классиков в области западной истории и легенд. Большая часть из них - это те вещи, с которыми обычно был знаком любой дипломированный специалист из наших лучших университетов, пока демократия не пришла в образование, и стандарты были понижены так, чтобы негры и мексиканцы также смогли получать ученые степени. Потом, конечно, поборники равноправия преднамеренно «пропололи» книги, которые, как они считали, были написаны с точки зрения Белого мужчины - расиста и защитника домостроя, вы же знаете, - напыщенно добавил Гарри, всем своим тоном подчеркивая самодовольство. А потом уже с издевкой произнес: - Если книга не была написана воинствующей лесбиянкой, американским индейцем-реваншистом или негрятянкой со СПИДом, которая обратилась в иудаизм, это было подозрительно. Исключение делалось лишь для «холокоста», для описания которого в авторы годились и евреи-мужчины, даже с нормальной сексуальной ориентацией.

Теперь некоторых классиков трудно найти даже в университетах, так что мы приносим пользу, делая доступными их получение из одного источника. Я все же не думаю, что правительство готово бросать людей в тюрьму за чтение «Илиады». Есть определенные книги, которые мы распространяем, в которых говорится о евреях, и которые они могли бы попытаться запретить, если бы это было единственным, что у нас есть. У нас также есть книги, в которых даны исторически более точные версии «спорных» исторических тем - второй мировой войны, например, - по сравнению с официально одобренными книгами, и они действительно с удовольствием предали бы их огню. Но я сомневаюсь, что нас станут преследовать из-за какой-нибудь из наших книг именно сейчас. Я думаю, их страшит, что если они нападут на нас за любую из них, то это лишь привлечет внимание к остальным нашим книгам, и вызовет некоторые вопросы, которых они сейчас предпочли бы избежать.

Вот что они сначала сделают - начнут преследовать оставшиеся группы ку-клукс-клановцев и издателей низкокачественных расовых или антисемитских произведений вроде «Протоколов сионских мудрецов» или грубых антинегрятнских изданий, которых полно вокруг. Лжеинтеллектуалы и «борцы за свободу» не будут протестовать против такого запрета, и это позволит любителям сжигать книги создать удобные правовые прецеденты. Потом, года через три-четыре, они возьмутся и за нас, но мы будем беспокоиться об этом, когда придет время. Как раз сейчас мы создаем дополнительные каналы распространения наших самых уязвимых материалов - главным образом наши оригинальных видеолент. У нас есть несколько довольно

сильных драматических произведений, записанных на пленку, и у евреев чешутся руки запретить их. Но поскольку мы производим все это сами, и не зависим ни от каких внешних поставщиков, мы совершенно свободны выбирать способы ведения дел, так что правительству намного тяжелее остановить нас.

Гарри на мгновение замолчал и усмехнулся.

- По правде говоря, это нелепо. Материалы, которые правительство будет запрещать по закону Горовица в течение следующих нескольких лет, это вещи, которых евреи в большинстве случаев не боятся; их не особенно волнуют «Протоколы сионских мудрецов» или религиозные трактаты, в которых делаются попытки доказать, что евреи в действительности являются потомками Сатаны. Этих ублюдков действительно страшат «Энеида» и другие наши книги, которые помогают Белым людям понять, кто они такие. Они знают, что если достаточно большое число наших людей когда-либо разовьет в себе чувство истории и интерес к нашим расовым корням и последние перерастут в чувство расового единения и расовой ответственности, то мы вырвемся из пут «братства-равенства», которыми евреи так старательно оплели нас, и их песенка будет спета. Именно поэтому они ведут такую кампанию против западных классиков в университетах.

- Вы - оптимист, Гарри. Прекрасное дело - просвещать людей, пробуждать их, чтобы повысить их сознательность. Я сам думал о том же: о более широкой пропаганде некоторых интересных материалов, на которые я наткнулся в ходе моего изучения евреев, возможно, совместно с Лигой, так как ваши люди, видимо, имеют определенный издательский опыт - хотя недавно у меня возникли некоторые сомнения в плодотворности таких усилий. Чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что лишь малое число Белых в нашей стране можно будет оторвать от их телевизоров на время достаточное, чтобы они прочли брошюру, пусть даже намного меньшую, чем «Энеида». Но даже если мы просветим каждого, кто способен к обучению, что они смогут сделать, пока остаются неорганизованными? Как только вы попытаетесь организовать народ, правительство применит закон Горовица, чтобы помешать вам в этом.

- Вы наверное, ссылаетесь на положение закона, которое запрещает организации с ограничениями членства по расовому признаку, - ответил Гарри. Это, на самом деле, нас не беспокоит, так как в нашей организации нет членов.

- Что вы имеете ввиду, говоря, что в вашей организации нет членов? Кто же все эти люди, которые собрались здесь сегодня вечером? И в прошлый раз, когда мы встречались, вы сказали мне по крайней мере о двух других людях, которых вы описали как членов этой ячейки, - ответил Оскар с некоторым возмущением.

- Это было в прошлый раз, - усмехнулся Гарри. - Вы слышали, чтобы я использовал слово «член» в обращении к кому-нибудь сегодня вечером?

Оскар разозлился.

- Ну, и какую в какую игру слов вы хотите поиграть со мной теперь?

- Это - игра на выживание, - ответил Гарри, на этот раз серьезно голосом. - Все эти люди здесь - просто мои друзья. Мы время от времени собираемся, чтобы обсудить интересующие нас вопросы. Если бы вы были правительственным полицейским агентом, то никогда не смогли бы найти ничего, чтобы доказать обратное.

- Уверен, что смог бы, - запальчиво ответил Оскар. - Я просто попросил бы принять меня в члены вашей организации. А после получения членского билета пошел бы в Федеральное большое жюри. Руководители Лиги будут вызваны в суд и подвергнуты допросу. Если они будут отрицать, что ваша организация имеет дискриминационные расовые ограничения, то у них потребуют назвать имена всех состоящих в ней негров, евреев и азиатов. Когда они не смогут никого назвать, это будет концом Лиги.

- Неверно, - терпеливо объяснил Гарри. - Во-первых, вы не получите членского билета. Во вторых, руководители, если их вызовут в суд, откажутся отвечать на любые вопросы, сославшись на пятую поправку к конституции. При желании они могут объяснить большому жюри, что Лига - просто некоммерческая корпорация без членства, и все официальные документы это докажут. Но в принципе мы отказываемся отвечать на вопросы суда. Власти если им это угодно, могут продолжить расследовать этот вопрос, но они не найдут ничего, что может привести к успешному судебному обвинению.

- А что насчет членских взносов? Ведь им достаточно проверить выписки из вашего банковского счета. И как быть соратнику из глубинки, которого ни один из членов никогда не видел? Как он может вступить в организацию, не послав заявления или чего-нибудь подобного, что доказывает, что он хочет стать членом? - стоял на своем Оскар.

- Нет никаких членских взносов, потому что нет никаких членов, - продолжал свои объяснения Гарри. - Конечно, мы просим, чтобы наши друзья поддерживали работу Лиги, регулярно посылая пожертвования. Корпорация принимает все пожертвования и использует эти средства для оплаты печати, почтовых и других расходов, включая зарплату персонала. И если товарищ забудет о своих жертвованиях, другой товарищ напомнит ему об этом. Что касается

соратника в глубинке, который захочет вступить в члены ... ах, извините, который захочет участвовать в нашей работе, мы сделаем так, что кто-то свяжется с ним для предварительной оценки. Если он покажется способным вписаться в один из наших небольших местных кружков друзей, или даже участвовать в работе самостоятельно, мы проведем с ним беседу. Но не будет никаких форм, которые надо заполнять, и никаких записей, или, по крайней мере, таких, какие когда-либо могут достаться правительству. Поверьте мне, Оскар, наши юристы занимались этим вопросом еще до того, как появился закон Горовица. Они рассмотрели почти все варианты и продумали для нас методы, как приспособиться к новым условиям, не прекращая какую-либо из наших программ.

Оскар покачал головой.

- Вероятно, вы сможете избежать тюрьмы, но какой смысл? При таких ограничениях вы никогда не сможете создать политически заметную организацию.

- Политически заметную? Почему вы подумали, что мы стремимся создать что-нибудь политически заметное? - Гарри замолчал, улыбнулся, а затем продолжил. - Хорошо, в конечном счете, это наша цель. Но если вы думаете об общественных демонстрациях и маршах с большим количеством людей, избирательных кампаниях и тому подобном, то этим займется другая организация. Мы создадим ее, когда придет время. Но в настоящий момент мы стараемся создать кое-что другое.

Он снова на миг замолчал.

- Несколько минут назад вы оценили, что менее одного процента Белых в нашей стране интересуется тем, что происходит в окружающем мире в достаточной степени, чтобы прочитать брошюру. Это довольно близко к истине. У большинства наших сограждан нет абсолютно никакого чувства гражданской или расовой ответственности. Они как будто считают, что мир вне их собственной шкуры - только аттракцион для их личного развлечения. Как это называется, кажется, крайний эгоизм? Во всяком случае, почти все те, кто вовлекаются в политику, просто реагируют на социальное давление в их собственном слое общества; они выкрикивают те же самые лозунги, что и люди вокруг них, и также не задумываясь. Почти никто не вовлечен в наше дело, оттого что тщательно изучил обстановку, решил, что необходимо сделать то-то и то-то, и взял на себя ответственность сделать это, самостоятельно или в составе группы. По-моему, человека определяет именно это: принятие на себя ответственности. По этому признаку большинство людей - просто животные, думающие животные, но все же животные, без сути человечности. Оскар почувствовал, как волосы у него на голове встают дыбом, настолько слова Гарри напомнили ему то, что он совсем недавно слышал от Райана. Это невероятно, подумал он, что эти двое мужчин, настолько разные как Уильям Райан и Гарри Келлер - один, преданный защитник строя, готовый использовать самые крайние меры против своих врагов, и другой, стремящийся к ниспровержению этого же режима из-за его разрушительной расовой политики - выражают одинаковое, шокирующе непривычное мнение о большей части своих собратьев. И вот, он должен был прожить сорок лет, ни разу не слышав такого мнения, и внезапно ему бросили его в лицо дважды всего за несколько дней!

В то время как Оскар удивлялся про себя этому совпадению, Гарри продолжал говорить:

- Наша задача теперь состоит в том, чтобы обучать и вербовать людей - и только людей. Для этого нам не нужно массового движения. Фактически, мы не можем создать или управлять массовым движением, пока у нас не будет намного более сильной организации ответственных людей ... ах, простите меня опять, пока у нас не будет гораздо больше ответственных друзей, работающих вместе. Мы и стремимся охватить тех немногих, кто ближе к порогу, чем остальные.

- Порогу? - переспросил Оскар.

- В ницшеанском смысле, - ответил Гарри. - Порог между животным и человеком - или между человеком и высшим человеком, если хотите. В любом случае - между несознательными и безответственными существами, с одной стороны, и сознательными, ответственными предтечами сверхчеловека, с другой стороны.

- Понимаю, - кивнул Оскар. - Но, я полагаю, ницшеанский термин, который кажется более подходящим - это «бездна» - Abgrund, между животным и сверхчеловеком, которую должен преодолеть человек. Мое впечатление: переход не столь резок, как предполагает «порог», а, скорее, он более растянут, как «веревка над бездной» Заратустры. Например, я чувствую в самом себе смесь бессознательного и сознательного. Иногда, когда я ищу правду, то чувствую, как будто на ощупь бреду через густой туман. Кругом не полностью темно; я различаю некоторые вещи. Но остальные вещи настолько тусклы, что я едва могу различить их; я не могу четко охватить их в моем сознании. Мне кажется, что кругом много других людей, к которым неправильно относиться как к «животным», потому что у них есть, по крайней мере, смутные проблески сознания, первые ростки чувства ответственности, у кого-то - больше, у кого-то - меньше.

Пока Оскар говорил, широкая улыбка осветила лицо Гарри.

- Так! Собрат-ницшеанец! - Искренне радуясь, он сжал руку Оскара.

Мгновенная улыбка мелькнула на лице Оскара в ответ на реакцию Гарри, но он тут же нахмурился и проговорил:

- Мне кажется, что предпочтительнее думать о менее ответственных представителях нашей расы как о детях, а не о животных. Вы говорите, что ощущение ответственности - именно то, что отличает человека от животного, но можно провести то же самое различие между взрослыми и детьми.

- Ну, если хотите, - махнул рукой Гарри. - Но ребенок обычно превращается во взрослого. Большинство же представителей нынешнего поколения сойдут в могилу не с большим чувством ответственности, чем у них было при рождении.

- Возможно, возможно, - признал Оскар. И после этого он вернулся к прежнему предмету своего беспокойства: - Факт тот, что существуют и другие люди вроде меня, по крайней мере, в степени, в которой они обучаемы, которые ищут правду и способны стать ответственными взрослыми, причем я подозреваю, что вы все еще не нашли большинство из них. Я узнал о вас вовсе не благодаря каким-либо вашим усилиям по поиску таких людей; если бы Карл не познакомил нас, я не был бы здесь сегодня вечером. Теперь, когда закон Горовица принят, ваш поиск, конечно, не пойдет намного лучше.

- Напротив, - перебил его Гарри. - Закон Горовица должен нам во многом помочь. Многие люди знают о нас и наших целях, но они еще не решились предпринять какие-либо действия. Закон Горовица заставит таких людей понять, что их час пробил. Мы уже получаем много запросов от людей, которые решили, что, наконец, настала пора действовать.

- Их достаточно, чтобы добиться успеха? - усомнился Оскар.

Гарри пожал плечами, и когда заговорил, в его голосе слышалось беспокойство:

- Никто не может гарантировать нам успех. Но то, что мы пытаемся сделать, необходимо, а потому что это необходимо, мы должны считать, что это возможно и изо всех сил стараться добиться успеха. Если же это невозможно, то мы умрем в борьбе.

- Как и наша раса, - мрачно добавил Оскар.

- Что это вы так серьезно обсуждаете вдвоем? - спросила Аделаида, которая подошла в этот момент и обняла Оскара за пояс. В течение своей беседы с Гарри Оскар поглядывал на нее с беспокойством, которое старался не выказывать, поскольку она весело болтала в другой стороне комнаты в кружке из пяти мужчин, собравшихся вокруг нее подобно мотылькам, слетевшимся на огонь. Было видно, что другие женщины, которые пришли на собрание, были раздражены, и Аделаида, наконец, заметив это, покинула своих новых поклонников.

- Я просто пытаюсь убедить Гарри, чтобы его организация выкупила телевизионную сеть «Си-Би-Эс» у еврейской банды ее владельцев, чтобы донести свои идеи до большего количества людей, - непринужденно ответил Оскар.

- Хорошо бы это сделать, - согласился Гарри. - Мы мечтаем об этом. Часть наших нетерпеливых чле... эээ, друзей предлагали захватить телестудию одной из сетей во время прямого эфира главного спортивного матча и передать записанное на пленку сообщение через спутник в сорок миллионов домов. Они считают, что мы смогли бы сдерживать полицейских в течение получаса, пока будет передаваться наша запись. И поверьте, мы попытались бы сделать это, если бы верили, что так можно оказать серьезное воздействие на народ. Но одна-единственная передача, независимо от ее совершенства, не окажет большого впечатления на общество. Единственный способ внедрить новую идею в головы людей или изменить старые идеи - бесконечное повторение. В первый раз они даже не поймут то, что вы им сказали. После тысячного раза мысль начнет доходить до них. А после десяти тысячного раза они станут ее убежденными сторонниками.

- Отлично, наконец-то вы сказали, что у вас есть некоторые члены организации, которые думают также, как и я, - ответил Оскар с усмешкой. - Как я могу записаться к вам?

- Вы серьезно? - спросил Кевин Линден, который только что снова присоединился к компании.

- Да, - ответил Оскар. - Иногда меня немного беспокоят лекции Гарри, но я редко встречал человека, который был способен так подтолкнуть мое мышление, как он. Я должен беседовать с ним более почаще, так что для меня будет только справедливо платить взносы за эту почетную возможность. Кроме того, я действительно думаю серьезно изменить свои действия в направлении того, чем занимается Лига.

- И чем же вы занимались до сих пор? - спросил Кевин.

- Да, в общем, я занимался тем, что можно назвать разъяснительной работой один на один, и пытался донести правду о расе отдельным людям или парам, хотя в одном случае, мне кажется, удалось повлиять на взгляды большей группы. Я действительно считаю свой метод слишком медленным и хотел бы попробовать для выхода на большие массы людей другие пути с использованием средств массовой информации, - несколько неуверенно ответил Оскар.

- Мы будем рады принять вас в число наших друзей в этом округе, - сказал Кевин, протягивая руку Оскару. - Гарри запишет ваши личные данные. Он также сообщит вам о собраниях и обсудит подходящий порядок ваших пожертвований.

- Эй, запишите и меня тоже, - вмешалась Аделаида.

Оскар отнесся к его новым обязанностям в Национальной Лиге очень серьезно, несмотря на растущие сомнения в пользу просветительской работы в такой отчаянный момент борьбы Белой расы за выживание. Его пыл к работе в этой организации питала неспособность самому придумать что-нибудь более эффективное, что он мог бы сделать. Он был склонен верить утверждению Райана, что тысяча таких мужчин, как он сам, может свергнуть правительство, но трудность состояла в том, чтобы их найти и включить в работу; а тогда, возможно, наступит время вернуться к его прежним действиям. Но до этих пор Лига представлялась лучшим доступным средством поиска недостающих 999 мужчин.

Оскар был одержим мыслью, как найти способ использовать средства массовой информации, для донесения идеи Лиги до широких людских слоев. Он разделял мнение Гарри о необходимости найти и включить в работу достаточное количество лучших людей перед попыткой сдвинуть массы, но его бесила медлительность достижения Лигой результатов, и он боялся опасностей, связанных с такой узкой стратегией. Адвокаты Лиги могли быть совершенно правы, что с буквоедческой точки зрения правительство не сможет преследовать по суду их организацию по закону Горовица, но они исходили из предположения, что власти будут связаны их же собственными правилами. Они не понимали, в отличие от него, что в будущем правительство для своей защиты станет все больше полагаться на людей вроде Райана, которые играют не по правилам. Единственный способ защиты организации от правительства, которому служат такие люди, состоит в объединении широких народных масс, которые в нужный момент можно будет послать бушевать на улицах. Поэтому вместо множества книг по истории, он начал брать домой из библиотеки книги по массовой информации. И Оскар начал смотреть по телевизору не только выпуски новостей; вместе с Аделаидой он потратил десятки часов, просматривая самые безвкусные передачи - от игровых шоу, с их гонгами, гудками, хриплым смехом и слабоумно скалящимися соперниками, до напыщенных ханжеских речей евангелистов, спасающих веру, - и затем обсуждал их вместе с ней, что же привлекало в этих передачах обыкновенного зрителя. Оскар не потерял интереса к изучению роли евреев в делах Белой расы с библейских времен до настоящего времени, но он уже понимал, что с евреями надо что-то делать, независимо от того, что он мог еще обнаружить в их замыслах и их побуждениях в ходе своих продолжительных исторических исследований. Их контроль над новостями и развлечениями как таковой требовал немедленных действий.

Аделаида также стала активным членом Лиги. Не только участие в организации казалось ей достойным занятием, но ее вдвойне радовало влияние на Оскара его нового увлечения. То, что тяготило его в прошлом, сейчас беспокоило явно меньше. Реже стали вечера, когда Оскар оправдывался, что не может быть с ней, и они проводили вместе больше времени. Он даже стал более определенно говорить с ней о свадьбе. Они уже решили, что она переедет со своей квартиры к нему в июне, когда у нее начнется отпуск.

Спустя три недели после того, как они вступили в Лигу, и через неделю после их второго собрания в Лиге, Гарри пригласил Оскара и Аделаиду на встречу с товарищами-членами Солом и Эмили Роджерс. Когда они подъехали к дому Келлеров, Колин проводила их вниз в подвал в комнату отдыха. Когда Оскар спустился по лестнице, его поразила внешность мужчины, который встал ему навстречу с другой стороны большой комнаты: это был настоящий великан, чья огромная бородатая голова с грубыми чертами почти задевала потолок, а его пронзительные голубые глаза так сияли, что, казалось, пронзили Оскара в дверном проеме. Никогда в жизни он не встречал такой внушительной фигуры.

Ко времени, когда все были представлены друг другу и расселись, Оскар оправился от изумления и начал присматриваться к Солу. Мужчине было лет 40-45, хотя с бородой он выглядел старше; по крайней мере, она подчеркивала впечатление суровости и величавости, которые обычно связывают с большим возрастом. Голос у него был глубоким и звучным и сразу привлекал внимание. Было трудно вообразить такого мужчину школьным учителем, хотя он, конечно, будет иметь преимущество в работе со всякими непослушными панками в классах, которые переполнили общественные школы в наши дни, подумал Оскар.

Эмили, жена Сола была миловидной высокой и тоненькой блондинкой в возрасте немного за тридцать. Она также работала учителем. Детей у супругов не было.

После первого обмена любезностями Оскар занял в беседе со своим новым товарищем несколько вызывающую позицию:

- Почему ваши родители наградили вас таким именем «Сол»? - спросил он с ехидной улыбкой.

Сол далеко откинулся в своем кресле и вытянув ноги, задумчиво поглядел в потолок.

- Ну, Оскар, моих родителей можно было назвать «фанатиками», - очень набожными фундаменталистами. Всем детям в семье они дали имена из Ветхого Завета. Не печальтесь обо мне; лучше пожалейте моего брата Абинадаба. Вообще-то, еврейские имена были самой малой

из наших бед; бесконечное чтение библии едва не прикончило нас всех. И это не только по воскресеньям, но и каждый день, как проклятье. Не было никакой возможности избежать этого.

Внезапно Сол как на пружинах вскочил на ноги, выпрямив свое огромное мощное тело, и, казалось, стал еще выше своих двух метров. С руками, поднятыми над головой и сверкающими глазами, откинутой назад головой и бородой, воинственно торчащей над грудью, он казался воплощением ветхозаветного пророка с одной из картин в классах воскресной школы в состоянии начинающегося экстаза, который вот-вот разразится откровением свыше. Он направил правую руку на Оскара, обличающе указывая на него пальцем, и взревел:

- Берегись, я поражу неверующего! Да, я обращаю его в пыль; я совершенно уничтожу его, и опустошу его дом; я сотру память о его семени в поднебесном мире. Я сделаю его имя мерзостью среди всех племен Израиля, ибо отрекся он от Всевышнего.

Раскаты грома его первых слов, казалось, все еще перекачиваются по комнате, когда он понизил голос и закончился тоном, чуть более мягким, но ничуть не менее властным:

- Так говорит Господь Бог твой.

Губы Сола покрывала пена. Огонь в его глазах угасал, пока он медленно успокаивался и опускал руки. В комнате наступила тишина.

Оскар первым обрел голос.

- Боже, Эмили, что он выпил? - Хотя вопрос Оскара должен был звучать шутливо, в его голосе явно звучал благоговейный трепет.

Эмили выдавила из себя нервный смех.

- Он трезв как стеклышко. Радуйтесь, вам еще повезло. Иногда, после пары рюмок, он мечет громы и молнии по получасу. Удивительно, что этот человек иногда выдает.

- Правда? - вдруг заинтересовался Оскар. - Эй, Сол, изобразите нам еще что-нибудь.

- Оскар, пожалуйста, не просите его! - воскликнула Эмили.

- Но он действительно великолепен! Я в жизни не видел ничего подобного. Где вы этому научились, Сол?

Сол засмеялся, чтобы скрыть свою реакцию на лесть Оскара.

- Честно говоря, когда я был ребенком, это был мой способ справиться с лошадиными дозами чтения из библии, которые мы должны были выслушивать от отца. Я вынужден был идти в гараж, когда никого не было рядом, и изображал там Исаию. Или Иисуса. Или Бога. Я импровизировал и декламировал все, что в меня было закачено, но с несколькими новыми моими изобретениями. Это превратилось в игру, в которой мне приходилось придумывать самые диковинные вещи, потому что я воображал библейского персонажа, призывающего молнии на идолопоклонников. Я думаю, что это действительно было для меня своего рода лечением. В общем, у меня это стало получаться довольно здорово. Знаете, я всегда чувствовал себя неудавшимся актером.

- Вы не против показать сейчас еще что-нибудь? Мне хочется увидеть, что вы можете сделать, когда стремитесь к этому сознательно. Вы натолкнули меня на одну мысль.

- Показать вам мое исполнение Нагорной проповеди? - спросил Сол, не совсем уверенный, что Оскар говорит серьезно.

- Что угодно. Просто побушуйте еще и немного помашите руками.

Сол снова встал, на этот раз медленно и неуверенно. Потом с безмятежным и отрешенным выражением лица, поднял руку благословляющим жестом и начал говорить спокойным и тихим, но властным голосом:

- Истинно говорю вам, дети мои, что пострадавший во имя мое будет ослом, потому как я - не есть путь, истина или жизнь. Тот, кто жаждет справедливости, должен голодать во имя отца моего, сущего на небесах...

Пока Сол говорил, казалось, почти не имело значения то, что он нес чепуху. Звучные раскатистые звуки его голоса и выражение лица, жесты и позы производили такое глубокое впечатление, что Оскар и другие легко могли его представить в развевающихся белых одеждах, а не в костюме, стоящим на выступе скалы в пустыне перед толпами завшивевших израильтян, а не на ковре в комнате отдыха у Келлеров. Еще немного воображения, и можно было увидеть сияющий золотой нимб в десятке сантиметров над его головой. Голос Сола все звучал и звучал, теперь такой же мелодичный и успокаивающий, каким суровым и повелительным он был прежде. Он никогда не искал слов, и все его слова для слушателей казались чем-то смутно знакомым, что они могли когда-то читать в детстве в библии короля Якова, хотя Сол сам придумывал большую часть того, что говорил. И когда он говорил, от него исходила какая-то поразительная сила перевоплощения.

Оскар, наконец, встал и прервал его речь.

- Сол, - сказал он, едва в силах справиться с волнением, которое он чувствовал. - У нас есть для вас работа!

- Вы собираетесь поставить его на проходе перед Капитолием проповедовать крестовый поход против этих подонков внутри? - засмеялась Эмили.

- Верно, он будет проповедовать крестовый поход, но это будет большее, чем выступления перед зеваками у Капитолия. Я думаю, что у нас есть ответ Билли Грему, Джерри Колдвеллу, Джимми Брагарту, Пату Робинсону, Нравственному Ричардсу и остальной кучке подлых почитателей евреев. Сол, вы что-нибудь слышали об учении «Истинное христианство»?

- Да, кое-что. Я читал статью в воскресном выпуске газеты «Нью-Йорк Таймс» несколько недель назад о приверженцах этого направления. И до этого я слышал о них пару раз. Они взяли основную доктрину фундаменталистов и вывернули ее наизнанку. Они учат, что мы являемся «богоизбранным» народом, а евреи - самозванцы. Люди Ветхого Завета на самом деле были арийцами, а не семитами. И бог евреев, они называют его «Яхве», заключил свой особый договор с нашими предками, а не евреями и тому подобное. Газетчики из «Нью-Йорк Таймс» ненавидят их до глубины души, называют их неонацистами и тому подобное.

- Отлично, все в порядке. Я тоже читал эту же статью, что и вы, но после этого провел небольшое расследование. Я прочитал о них все, что смог найти в библиотеке, хотя и немного, и я даже написал письмо в одну из их церквей и получил от них кое-какую литературу. Действительно важно то, что они довольно успешно вербуют обычных христиан. Наиболее они сильны в сельской местности. Многие фермеры на Среднем западе присоединились к их направлению. Они значительно выросли за прошлые несколько лет, несмотря на то, что у них нет никаких средств массовой информации для распространения своих идей. Я убежден, что единственная вещь, сдерживающая их, заключается в том, что все их руководители и проповедники - люди из рабочей среды, которые недостаточно искушены, чтобы состязаться с такими первостепенными мошенниками от христианства, как Колдвелл. Хотя в пропаганде один на один они, похоже, действуют успешно, поскольку, я думаю, их учение очень привлекает фундаменталистов.

- Причина того, что они привлекают к себе только необразованную деревенщину, состоит в бредовости их учения, - вмешался Гарри. - Я сам встречался и говорил с одним их сторонников. Он был водителем грузовика в компании, в которой я работал до перехода в Пентагон. У них совершенно идиотское представление об истории, в которое не поверит никто, кто хоть немного учил историю в средней школе.

- Более сумасшедшее, чем учение о перевоплощении или непорочном зачатии? - сразу откликнулся Оскар. - Вы думаете, что люди, которые верят в то, что Иисус ходил по воде и воскрешал из мертвых, не могут поверить в идиотскую трактовку исторических событий? Не все эти люди - необразованная деревенщина, хотя невежество нам не помешает. Главное, что примерно сто миллионов Белых в нашей стране уже верят в вещи не менее странные, чем учение Истинных христиан. С таким оратором, как Сол, и телевизионной сетью как орудием, движение Истинных христиан может выбить из игры Колдвелла и всех остальных.

- Это не сработает - возразил Гарри. - Во-первых, я действительно немного знаком с телевизионными сетями. Единственная причина, по которой Колдвелл и другие могут использовать телевидение так успешно, заключается в том, что они очень стараются понравиться евреям. Если хоть кто-нибудь из этих телевизионных евангелистов посмеет просто заикнуться об Истинных христианах, его никогда больше не подпустят к телекамере даже на пушечный выстрел.

- Ну-ну, я же не такой простофиля, - ответил Оскар, с некоторым раздражением в голосе. - Я провел много времени, размышляя над фактом, что телеевангелисты имеют в сторонниках сорок миллионов американцев, убежденных в том, что евреи должны иметь все, чего бы они ни попросили, и что выступать против малейших капризов евреев является худшим из грехов. Именно эти сорок миллионов слабоумных фундаменталистов, даже больше самих евреев, ответственны, например, за самоубийственную политику Америки на Ближнем Востоке. Они хотят навлечь ядерное уничтожение на наши головы, чтобы обеспечить постоянное расширение территории Израиля; более того, они даже призывают такое уничтожение. Они убеждены, что это будет исполнением библейского пророчества. Они также думают, что сами избежат уничтожения и будут нежно перенесены к небесным жемчужным воротам в последний миг: они называют это «вознесением».

Послушайте, я знаю, что на телевидении никому нельзя просто начать проповедовать против евреев. И я не имел в виду, что Сол должен проповедовать учение Истинного христианства теперь или когда-нибудь еще. Но есть явление, которое, я полагаю, мы можем использовать. Сорок миллионов человек верят буквально всему, что говорят им Колдвелл и другие евангелисты; верят так истово, что не только дают огромные суммы денег этим мошенникам, но и голосуют в соответствии с их желаниями и готовы на массовые убийства для содействия им. Несомненно, если эти жулики начнут вести свое стадо в направлении, которое евреям не понравится, им быстро перекроют кислород. Однако, есть обходные пути. Я одно время не находил решения, как успешно бороться с этими проходимцами за внимание паствы. Я имею в виду, что Колдвелл и другие - не идиоты; они знают свой бизнес, и чертовски хорошо в нем разбираются. Я часами смотрел их передачи. Но теперь, слава богу, мы имеем кое-кого получше их!

Колин, которая до сих пор слушала спокойно, теперь заговорила:

- Это не так просто, Оскар. Вся моя взрослая жизнь связана с телевидением. Евреи контролируют каждую его сторону и всему уделяют пристальное внимание. Они прекрасно знают, какую власть дает им телевидение, и также осознают опасности, которые могут возникнуть, если оно будет использовано противником против них. И они всегда настороже. Никто, абсолютно никто, не получит аудиторию в телесети прежде, чем евреи не устроят ему тщательную проверку и полностью не убедятся, что он совершенно управляем. Я много раз видела, как это происходит. У них существует огромная сеть тайной полиции, Б'най Б'рит, которая хранит компьютерные досье на каждый случай «антисемитизма» в стране. Если какой-нибудь средний американец Джо расскажет анекдот про евреев в своем клубе, а член клуба - еврей - ее услышит, то Антидиффамационная Лига (АДЛ) - подразделение Б'най Б'рит - тут же заведет на Джо досье. Теперь, если Джо когда-либо попытается стать ведущим разговорного шоу, еврейский владелец станции первым делом запросит АДЛ. И Джо не получит эту работу. Если владелец станции - не еврей и наймет Джо, то еврейское руководство сети, в которую входит станция, запросит АДЛ. И владелец получит совет: избавься от Джо или берегись. Но даже если Джо будет совершенно «чист», прорваться на телевидение ему будет непросто. На телевидении крутятся большие деньги, и куча людей помимо Джо хотела бы там подзаработать. Вы не попадете туда благодаря таланту, хотя талант, разумеется, немного поможет. А действительно помочь может тот, кто вас знает; тот, кто окажет вам покровительство. И у человека со стороны просто нет никаких шансов.

- Колин, спасибо вам за заботу. Я уверен, что вы отлично знаете этот бизнес. Нам будет нужно о многом с вами посоветоваться. Но у меня тоже есть несколько тузов в рукаве, и я убежден, что у нас есть хороший шанс «раскрутить» Сола в прямом эфире. Я также убежден, что Сол настолько хорош, черт побери, что, стоит только ему один раз показать себя зрителям и евреям будет трудно выгнать его, потому что он уже подцепит паству на крючок. Конечно, мы должны быть очень осторожны и правильно разыгрывать наши карты. Но я уверен, что мы должны попробовать это сделать. Подарок в виде Сола не зря свалился в наши руки с неба.

Гарри фыркнул:

- Проклятие, Оскар, вы сами начинаете говорить как одна из этих «овец». Что вы имеете в виду, говоря, что Сол - это «подарок»? Может быть, подарок от Яхве?

Оскар покраснел, потом посмотрел на часы.

- Я знаю, что уже поздно, друзья, но мне надо кое-что обсудить с Колин прежде, чем закончим вечер. Может быть, я еще не убедил вас, но этот проект будет для нас большим делом, и я намерен начать работать над ним немедленно.

Следующие несколько дней Оскар находился в возбужденном состоянии. Хотя его первые разговоры с Колин обнаружили больше неожиданных препятствий, чем возможностей, он все-таки смог набросать примерный порядок действий, с которым и Гарри и Колин нехотя согласились, и который должен был вывести Сола в эфир. И следующие собрания и беседы Оскара с Солом укрепили его первоначальное впечатление в исключительности дарования последнего.

Замысел Оскара, в основном состоял в том, чтобы прицепить Сола к «фалдам» какого-нибудь из уже известных телевизионных евангелистов, позволив одному из них заметить способности Сола, как проповедника, которые убедят его в полезности Сола, но так, чтобы он не понял, что Сол может его затмить. А став с помощью евангелиста известным зрителям, Сол «отрежет фалды» и попытается привлечь собственных последователей. Тогда - и только тогда - он сможет повести свою паству по новому пути.

Первой и самой большой трудностью было убедить самого Сола. Не то, что он сомневался в своих способностях, но согласие с планом Оскара означало для него переход личного Рубикона, к чему он не был готов. Побывав в центре внимания зрителей и вызвав фурор, на который рассчитывал Оскар, Сол вряд ли уже мог надеяться когда-нибудь снова вернуться к преподаванию. Эмили просто обезумела, когда Сол начал серьезно обдумывать предложение Оскара. Она угрожала уйти от Сола, если он пойдет на это. Но для Сола этот план приобрел какую-то роковую притягательность, потому что все решающим образом зависело от его необычного таланта и одновременно отвечало его долго подавляемой потребности выступать перед слушателями.

Прорыв наступил, когда Джерри Колдвелл, второй человек среди телевизионных евангелистов, согласился пригласить Сола на прослушивание. Гарри сам устроил это. Компания, в которой он подрабатывал, среди прочего продавала телевизионным студиям осветительное оборудование, а Колдвелл оказался одним из покупателей. Гарри, под предлогом проверки работы аппаратуры своей компании, зашел на студию Колдвелла во время проведения записи на пленку его передачи «Час Евангелия нового времени», которая похвалялась тем, что ее смотрят еженедельно восемь миллионов человек. Обычно программа Колдвелла требовала

участия нескольких дополнительных проповедников - иногда целых пяти - кроме его самого, и среди этих помощников наблюдалась довольно большая текучка.

Когда запись закончилась, Гарри рассказал Колдвеллу о Соле, говоря, что видел, как тот проповедовал на местной станции в другом штате и был поражен его способностями. Сейчас Сол вроде бы ищет большую аудиторию, сказал Гарри, и, конечно, ухватится за шанс поработать с таким настоящим знатоком своего дела как Колдвелл. Лесть сработала, и Колдвелл разрешил Гарри прислать Сола на просмотр.

После того, как Сол был нанят помощником Колдвелла, ему пришлось вести тонкую игру. Он должен был производить достаточно хорошее впечатление, чтобы Колдвелл его ценил, но не дать ему ни малейшего намека на свои истинные способности. Привлекли он внимание зрителей к себе вместо Колдвелла, и увольнение последует в мгновение ока. Также не представлялось никакой возможности усыпить бдительность Колдвелла и поставить его перед совершившимся фактом, потому что проповеди почти всегда записывались на пленку заранее. При этом для Колдвелла не было нисколько необычным потребовать значительного редактирования записи или даже повторной съемки, если он не был доволен после ее просмотра.

И хотя Сол всегда сдерживал себя и носил личину смирения, положение иногда становилось щекотливым. Сол был на добрых двадцать сантиметров выше Колдвелла и имел гораздо более внушительную внешность. Из-за этого он не мог появляться на экране вместе с Колдвеллом без использования каких-нибудь трюков с камерой, чтобы различие в росте не заметили зрители.

Солу было ясно, что его наниматель испытывает к нему неоднозначные чувства. С одной стороны, Колдвелл признавал привлекательность своего помощника для аудитории: Сол уже заслужил благоприятные отзывы нескольких фундаменталистских комментаторов, а Колдвелл был не из тех, кто отказывается от возможности увеличить долю своей телевизионной аудитории. Но он был осторожным, расчетливым человеком, и последнее дело, на которое он мог пойти, состояло в помощи возможному сопернику. Сол гадал, сколь долго смогут продлиться их отношения.

Он поделился своим беспокойством с Оскаром, и они решили, что лучший шанс для Сола добиться успеха и начать независимую карьеру, - начать действовать как можно быстрее, то есть как только Колдвелл будет вести передачу в прямом эфире, «живьем». Это случалось четыре-пять раз в год, обычно в особых случаях, вроде Пасхи или Рождества или крупного политического события, и Сол уже участвовал в одной из таких передач, всего через три недели после начала работы у Колдвелла. Пасхальная заутренняя служба должна была состояться чуть больше чем через месяц.

- Ну, хорошо, что мне надо сделать, чтобы привлечь внимание простаков? - хотел знать Сол. - Служба будет проходить на открытом воздухе. Возможно, я смогу призвать вниз молнию с небес на голову Джерри и затем занять его место за кафедрой.

- Боюсь, что наш отдел специальных эффектов не сможет обеспечить удары молний по требованию, - ответил Оскар, - но есть кое-какие вещи, которые мы можем сделать. Как насчет нимба у вас над головой во время вашей части службы? Как думаете, это сразит их?

- Вы, правда, можете это сделать?

- Возможно. Я думал над этим, но надо еще попробовать пару вещей. Я буду знать это через день-два. А вы пока думайте, какой будет ваша маленькая проповедь.

Только в середине следующей недели Оскар был готов испытать свой искусственный нимб на Соле. На самом деле это была просто крошечная яркая лампочка на особом креплении, которое Оскар изготовил в своей мастерской. Все было придумано так, чтобы использовать достоинства уникальной гривы волос Сола. Хотя она уже начала редеть, но на голове Сола все еще оставалось достаточно много волос, образующих довольно пышную, но совершенно беспорядочную швабру, с редкими седыми пучками, торчащими во всех направлениях. Лампочка подключалась к поясу с батареями, вроде тех, что используют телеоператоры, снимающие новости на переносную телекамеру, и соединялась тонким проводком, который проходил по затылку Сола вниз за воротник.

Оскар тщательно закрепил лампочку на макушке Сола липким воском, а затем зачесал назад его волосы в этом месте. Если не смотреть на голову Сола сверху, то ничего нельзя было заметить, но и тогда случайный наблюдатель вряд ли мог что-нибудь заподозрить. Оскар встал примерно в 5 метрах перед Солом, примерно там, где будет находиться телевизионная камера, когда Сол станет за кафедру проповедника, и затем велел Солу нажать кнопку на поясе, включив электронную схему для плавного увеличения яркости лампочки до максимума.

- Эврика! - вскричал Оскар.- Ваши волосы как будто в огне. Они рассеивают свет, как раз создавая впечатление нимба. Конечно, в середине слишком ярко, и темно по сторонам, но мы сможем это исправить.

Внезапно волосы Сола вспыхнули, и тонкий пучок дыма взвился вверх с затылка головы, хотя Сол успел отжать кнопку на поясе. К счастью, повреждение ограничилось несколькими прядями волос чуть выше лампочки, и макушка Сола не обгорела.

- Мы должны это учесть, - заметил Оскар. - Лампочка, когда горит, выделяет 150 ватт тепла. Вам нужно будет свести самую драматичную часть вашей проповеди примерно в пяти секундам, плюс около секунды на увеличение и падение мощности. И мы должны будем использовать закрепитель для волос в большем количестве, так чтобы высокая температура не дала вашим волосам опасть и коснуться лампочки.

- Вы могли бы также поместить немного больше изоляции между приспособлением и моим скальпом, - предложил Сол. - Эта штука неприятно горячая. И когда вы будете искать более жесткий закрепитель для волос, почему бы вам не найти что-нибудь несгораемое? Иначе я могу завершить выступление как импровизированный горящий куст Моисея.

Оскар потратил большую часть следующих двух недель, совершенствуя свое устройство, и Солу пришлось пройти еще четыре испытательных прогона прежде, чем Оскар был полностью удовлетворен. Конечный вариант теперь состоял из трех отдельных лампочек, и требовалось два часа кропотливой работы, чтобы все установить и причесать волосы Сола после того, как лампочки были закреплены. Переключатель перенесли с пояса на уровень коленей Сола, в его брюки. Теперь он мог включать и выключать лампочку, сжимая колени. Для получения нужного эффекта нарастание мощности было уменьшено до полсекунды, а отключение растянуто почти до двух секунд.

- Когда наступит наш главный день, нам нужно будет начать готовить вас, по крайней мере, за три часа до появления перед камерой, а еще вам нужно будет не попасть в руки гримера, работающего у Джерри. Кажется, что у нас уйма хлопот ради нескольких секунд света в ваших волосах, но это может резко изменить отношение к вам телезрителей, - заметил Оскар, кратко записывая на будущее замечания, которые следует учесть при окончательной установке лампочек.

- Хоть бы все это того стоило, - ворчала Аделаида, притворяясь разозленной, пока Оскар настраивал цвет и яркость телевизора в их номере в мотеле. Она села в кровати и натянула покрывало до подбородка. Несколько минут назад Оскар наконец-то возвратился из номера Сола. Было 5:00 утра, и пасхальная служба Колдвелла вот-вот должна была начаться. В субботу Аделаида и Оскар приехали из Вашингтона в маленький городок в штате Мэриленд, где находилась церковь и телевизионная студия Колдвелла.

- Брось жаловаться, - строго сказал ей Оскар, бросив последний предмет одежды на кресло и забравшись в кровать рядом с ней. - Я не спал всю ночь.

- Откуда мне знать! - воскликнула Аделаида, продолжая притворяться разгневанной. - Ты приглашаешь меня на романтические выходные в мотель, и потом бросаешь одну на целую ночь. Вот так романтика!

- Послушай, дорогая. Через минуту я дам тебе столько романтики, сколько ты выдержишь, если эта штука пройдет гладко. Иначе я застрелюсь.

Впервые с момента их знакомства, Оскар не обращал внимания на обнаженное тело Аделаиды рядом с ним. Несмотря на ее теплоту и опьяняющую близость, он был холоден и напряжен. В животе стоял комок. У Оскара было тошнотворное ощущение, что вся эта затея с Солом - ужасная и глупая ошибка. Слишком многое могло пойти не так, как надо. Как он мог оказаться таким наивным и ребячливым, чтобы считать, что он может таким образом обмануть миллионы зрителей! Почти наверняка кто-нибудь из людей Колдвелла рядом с Солом немедленно обнаружит обман и разоблачит его. Оскар начал потеть, и в его голове мелькнула отчаянная мысль, что, может быть, еще есть какой-нибудь способ передать Солу, отказаться от всей этой затеи.

Нет, слишком поздно! На экране один из помощников Колдвелла, который только что закончил дирижировать пением гимна, уже представлял Сола. Оскару было так жутко, что он едва осмелился посмотреть, как Сол начал свою мини-проповедь. Он бросил быстрый взгляд в лицо Аделаиды. Она была поглощена тем, что происходило на экране. Оскар не рассказал ей о приспособлениях, которыми он снабдил Сола. Ади знала только, что этим утром Сол должен был постараться затмить всех в шоу Колдвелла, отступив от сценария и устроив собственное представление. Он повернулся к телевизионному экрану.

- Братья и сестры мои, Иисус, Господь Бог наш повелевает, чтобы все мы любили друг друга как братья и сестры, независимо от нашего места в жизни, независимо нашего цвета кожи и расы, независимо от нашей национальности; да, так он повелевает: это его завет всем нам. - Сол произносил свои слова с какой-то блаженной отсутствующей улыбкой. Уже почти подошло время ему закончить и уступить кафедру проповедника Колдвеллу.

Внезапно голос Сола сдавленно прервался посреди банальности, как будто он пытался проглотить большую куриную косточку, а она застряла у него в горле. Его тело застыло в неловком, судорожном положении, а улыбка на лице мгновенно сменилась напряженным выражением, которое казалось смесью благоговения и страха, как у человека, с непреодолимым

очарованием смотрящего в раскаленное добела жерло разверзающегося вулкана, который вот-вот испепелит его.

И тут Сол заговорил снова, но на сей раз каркающим, хриплым шепотом:

- Господи Боже мой, твоя власть, твоя власть! - Казалось, что он совершенно поражен чем-то, что видит лишь он один. Но это состояние продолжалось всего пару мгновений. Вдруг скованность и неловкость покинули его тело так же быстро, как и появились, и он выпрямился во весь свой огромный рост. Казалось, будто он внезапно стал еще больше. Теперь выражение его лица стало совершенно другим. Вместо страха появилось спокойствие; вместо благоговения - величие. Сол направил свой проникновенный взор, теперь горящий огнем, который он устремил из сокровенных глубин прямо на зрителей. Медленно поднял руки. И Оскар вздрогнул, заметив, как огонь засверкал в волосах Сола.

Голос Сола, но голос, совершенно не похожий на тот голос, которым он читал свою проповедь, загремел:

- Внимайте! Я снова сошел к вам во имя вашей жизни вечной. Через него, моего слугу, я буду говорить с вами. - Сол прижал правую руку к своей груди. - Внимайте и повинуйтесь! С этими последними словами, которые как раскаты грома прокатились по открытой съемочной площадке и, как эхо, отразились от отдаленных гор, огни в его волосах погасли. Выражение лица Сола изменилось еще раз, с величия вновь на благоговение, но на сей раз смешанное с удивлением, а не страхом. И одновременно Сол, казалось, уменьшился в росте на несколько сантиметров. Очевидно плохо соображая, он несколько мгновений стоял молча, а потом повернулся и неуверенным шагом пошел с кафедры проповедника, тогда как Джерри Колдвелл с убитым лицом поспешил занять его место.

- Боже! - воскликнула Аделаида. - Это был действительно Сол? - Она была явно потрясена.

- Да, - ответил Оскар, чувствуя себя несравненно лучше, чем всего минуту назад. - Это был наш Сол.

- Но над его головой было сияние! Он выглядел как бог!

Оскар повернулся и снова взглянул на Аделаиду. Она казалась пораженной почти как Колдвелл. На трезвый взгляд Оскара образ нимба получился очень слабым, чуть заметным. Он не заметил, чтобы что-то струилось над головой Сола, лишь несколько огоньков вдоль волос заставляли их немного светиться. Но Аделаида, не зная использованных хитростей, думала, что она видела больше. Очевидно, у нее сработало самовнушение. Он надеялся, что это сработает и с остальными телезрителями.

Аделаида, все еще глядя на телевизионный экран, где Колдвелл неловко и без всякого выражения пытался вернуть внимание аудитории, хотела сказать что-то еще, но Оскар быстро накрыл рукой ее рот. Мягко, но уверенно он снова положил на подушки. Потом стянул с нее одеяло, открыв великолепные выпуклости ее груди. Его жадный рот нашел один из ее сосков, а свободная рука под одеялом нежно ласкала и гладила ее бедра. Через несколько мгновений она расслабилась и затем начала нетерпеливо отвечать на его ласки.

- Хорошо, Сол, как вы планируете довести до совершенства представление прошлого воскресенья? - поинтересовался Гарри, когда Оскар, Сол, Колин и он встретились в доме Оскара три дня спустя. - Приподнимите гору над землей, чтобы впечатлить деревенщину в следующий раз, когда будете в эфире?

- Он собирается на время отказаться от чудес, - ответил Оскар. - Главное, что нам необходимо сделать - это начать собственную программу Сола и создать его собственную аудиторию. Я больше не хочу рисковать потерять все это теперь из-за дешевых трюков. Колдвелл разъярен и угрожает засудить Сола за мошенничество, если он начнет с ним конкурировать.

- А Джерри выяснял, как вам удалось сделать тот нимб? - обратился Гарри к Солу. - Разве он не верит, что вы действительно были посредником Иисуса во время вашей проповеди?

- Этот циничный кусок дерьма не верит ничему, кроме того, что его поимели, - улыбнулся Сол. - Хотя он следил за моей частью службы по своему монитору за сценой, он так и не понял, что случилось. Ему пришлось занять кафедру проповедника после меня, а я пошел прямо в комнату отдыха и вытащил игрушку Оскара из своих волос. Потом притворился, что чувствую себя плохо, и ушел домой. После службы Колдвелл был вне себя от раздражения. Главное, чего он боится - это то, что я начну собственные выступления и лишу его части пожертвований. Телефоны в его офисе не смолкают круглые сутки, начиная с воскресного утра, с истовыми выражениями благодарности Джерри за то, что он позволил людям услышать, что Иисус говорит моими устами. Он знает то, какое впечатление я произвел на них, но не знает, что с этим делать. Все, что он смог сказать мне: «Черт подери тебя, Роджерс, твою мать, я рассчитаюсь с тобой, если ты только попробуешь воспользоваться всем этим, тысяча проклятий!» Он все еще

настолько безумен, что несет околесицу. Я постоянно получаю точные сведения от одной из его секретарш, которая поверила, что я - истинный голос Иисуса.

- Отлично, не разуверяйте ее в этом убеждении, - засмеялся Оскар. - Она может быть нам полезна. Теперь, Колин, расскажите нам, что вам удалось узнать о возможности получить для Сола время в эфире.

- Вашингтон был моим единственным большим успехом, - ответила она. - На станции «Дабл-ю-Зет-Уай-Ти-Ви» есть свободный промежуток вечером в воскресенье, и они согласны продать это время Солу. Еще я говорила с Карлом Холлисом, коммерческим директором Сети «Время Евангелия». Думаю, что мы сможем взять в прокат их спутниковый передатчик на один час их лучшего времени в неделю, хотя Холлис пока не дал мне твердого обещания. Он говорит, что сначала директора сети хотят побеседовать с Солом, но это единственная христианская сеть в стране, которой действительно руководят христиане, и я полагаю, что Сол может им подойти, тем более, что сейчас у сети серьезные финансовые проблемы, и им нужны деньги. Если это получится, то мы попадем примерно на 370 местных телевизионных станций по всей стране, хотя почти все они - очень маленькие станции, работающие на зрителей поселков и мелких городов. Они также имеют доступ почти к ста местным кабельным системам, по договору с компанией «Акме Кейблвизн» и с полдюжиной кабельных сетей помельче.

- Трудность состоит в том, как вывести Сола на мощные независимые станции в больших городах вроде Чикаго, Лос-Анджелеса, Нашвилла, Атланты, где находятся самые большие аудитории зрителей-фундаменталистов. Действительно, сейчас по всей стране есть интерес к Солу, но станции в большинстве крупных городов очень осторожны. Все они понимают, что Сол использовал какие-то сценические трюки. Это не значит, что они против трюков. У них выступает Нравственный Ричардс, а он изображает исцеление калек, возвращает зрение и творит разные «чудеса» во время своих передач. Просто Сол - неизвестная величина. Евреи знают, что Ричардс полностью управляет. Он - один из самых горячих сторонников Израиля. И он лично заинтересован в поддержке израильской линии. А Сола они не знают и не собираются выпускать его в эфир, пока не будут уверены, что он для них не опасен. Зеленый свет в «Дабл-ю-Зет-Уай» - просто счастливый случай. Я много лет работала с менеджером их станции и поручилась за Сола. С другими большими станциями это не пройдет. Именно это я и говорила вам с самого начала.

- О'кей, мы попробуем их убедить. Но я не понимаю, почему это должно быть так трудно. В конце концов, Сол проповедовал с Колдвеллом, который звонит в израильское посольство даже за разрешением сходить в туалет.

- Он работал с Колдвеллом меньше трех месяцев, - заметила Колин. - И у него нет видимого интереса продолжать следовать линии Колдвелла. Ведь евреям нужны люди, у которых те же самые интересы, что и у них самих. Только в этом единственном случае они поверят кому-либо.

- Ну, хорошо, мы сделаем для Сола пленку, в которой он будет ползать на брюхе перед евреями, как Колдвелл, Ричардс, Браггарт и все остальные. Мы подготовим для Сола проповедь, в которой он подробно объяснит свою богословскую позицию, и это будет позиция, еще более угодничающая перед евреями, чем у остальных в этой своре евангелистов. И вы сможете разослать эту пленку станциям, с которыми мы хотим заключить договоры. Мы сделаем Сола настолько прожидовленным, что сама мысль о его измене для них будет невообразима.

- А вы не боитесь загнать Сола в угол, если сделаете это? - спросил Гарри. - Я имею в виду, что если Сол будет действительно твердо придерживаться стандартной иудео-христианской линии и вдруг переключится, станет петь из другой оперы, то сразу потеряет к себе доверие.

- Сол не собирается переводить стрелки на евреев, - парировал Оскар. - Это сделает Иисус. Кроме того, действительно, не стоит беспокоиться о христианах-фундаменталистах, если вас тревожит идеологическая последовательность. Они, не моргнув глазом, могут спокойно воспринимать самые дикие несуразицы, которые только можно себе представить.

Сол задумчиво погладил свою бороду.

- Я думаю, что смогу написать разумный сценарий того, что вы имеете в виду. Но, по-моему, самым важным для нас сейчас является время. Мы должны получить эфир сейчас, пока я на слуху. Но тогда нам также очень скоро придется вернуть в действие Иисуса. Если же я буду подавать обычную колдвелловскую кашку слишком долго, то потеряю популярность. Мы не сможем постоянно платить за время в эфире, если не удержим простаков на краешке их стульев. Мы разоримся.

- Вы не очень верите в себя. Колдвелл и остальные удерживают внимание легковых с помощью той же самой старой каши и загребают сотни миллионов долларов.

- Миллиардов, - поправил Гарри Оскара. - Телевизионный евангелизм - это бизнес объемом больше шести миллиардов долларов.

- Теперь, предположим, что мы действительно подняли наше предприятие на уровень Колдвелла, а зрители пожелают продолжать платить за «кашу». - продолжил Сол. - Мы ничего не знаем о деловой стороне деятельности Колдвелла. Он же развернулся не за одну ночь. Колдвелл годами создавал свою организацию и овладел всеми тонкостями своего дела. Я может

быть и способен проповедовать, расхаживая вокруг него, но ведь нужно намного больше этого. Оборудование нашей собственной студии прекрасно подходит для того, что мы делаем, но оно не дотягивает до уровня Колдвелла; оно действительно не годится для коммерческих передач. Чтобы сделать пленку, которую вы хотите разослать евреям - владельцам станций, а она должна быть просто безукоризненной, нам нужно использовать коммерческую студию и ее персонал. Откуда мы возьмем на это деньги?

- У меня еще нет ответов на все вопросы, - ответил Оскар. - Поддерживайте связь с секретаршей Колдвелла. Она сможет нам что-то посоветовать. Я не понимаю, почему мы не можем нанять профессиональную студию для первой пленки, а затем достать дополнительное оборудование, которое нам нужно, чтобы использовать нашу собственную студию для съема пленок, необходимых для передач. В конце концов, нам все равно понадобятся собственные работники в студии, если мы хотим использовать больше специальных эффектов. Что касается нахождения денег для начала дела, есть люди, к которым я могу обратиться. - На самом деле таких людей у Оскара не было, а равно, не было никаких определенных идей, как занять эти деньги, но он хотел сделать все, что в его силах.

Совещание продолжалось еще три часа. Оно закончилось подробным распределением обязанностей. Оскар должен был найти не менее двухсот тысяч долларов на производственные расходы и покупку эфирного времени. Колин следовало продолжать вести переговоры с людьми из религиозной сети и независимыми владельцами станций. Гарри обязали договориться о студийном оборудовании и начать подбирать аппаратуру, которая будет нужна Солу в их собственной студии. Солу поручили подготовить несколько проповедей.

Оскар был настроен в течение следующих двух-трех месяцев продвигаться как можно дальше в завоевании для Сола основной части христианско-евангелистской телевизионной аудитории. Он считал, что прежде чем пытаться изменить представление слушателей о евреях и по другим вопросам, нужно увести их от остальных евангелистов и изменить их привязанности. Если Сол начнет действовать слишком напористо и поспешно, он сможет временно повлиять на многих людей, но Колдвелл и прочие евангелисты также будут услышаны и смогут убедить многих слушателей, что Сол - лжепророк. Оскар хотел как можно больше ослабить противников перед началом настоящей войны, так, чтобы Колдвелл и остальные проповедовали перед пустыми скамьями.

Кроме того, как только Сол возьмется за евреев, события начнут разворачиваться очень быстро и поглотят у Оскара все время. Сначала он хотел решить некоторые другие вопросы, кроме поиска начальных средств для Сола. Одним из этих дел было поручение Райана, которое тот дал ему по телефону за два дня до Пасхи.

Агентство Общественной Безопасности - «Агентство», как Райан всегда теперь его называл, так же, как раньше называл ФБР - «Бюро», добилось быстрых успехов после своего создания и назначения Райана чуть больше четырех месяцев назад. Он привел с собою из ФБР около восьмисот специальных агентов и почти 1000 человек технического и вспомогательного персонала - едва ли не весь Антитеррористический отдел - как ядро своей новой организации, что немедленно дало ему возможность действовать.

И он чрезвычайно умело использовал средства массовой информации, проводя еженедельные пресс-конференции, на которых приводил яркие описания своей работы. Они режиссировались почти как сообщения генштаба армии во время войны, когда Райан давал последние боевые сводки борьбы Агентства с терроризмом за прошлую неделю, а затем просил командующих боевыми подразделениями отчитаться по своим участкам работы. Сам Райан тщательно избегал любого проявления показухи и придерживался спокойной, почти мрачной манеры поведения, представляя себя на телеэкране скромным, но очень способным и деятельным главнокомандующим, ведущим жестокую войну на уничтожение со зловещными силами террора, угрожающими стране. Оскару было ясно, что ближайшей целью Райана является создание собственного образа и образа Агентства, как совершенно необходимых, и в то же самое время он стремится убедить всех и каждого, что они не представляют никакой угрозы благонамеренным, законопослушным гражданам или существующей власти.

Оскара поразило, насколько Райан уже преуспел в достижении этой цели. Всего за несколько месяцев он сумел расширить размах терроризма в общественном сознании до такой степени, что большинство людей восприняло необходимость в особом правительственном органе для борьбы с ним, подобно тому как воспринимается необходимость в отделе пожарной охраны для тушения пожаров. Для такого достижения он наилучшим образом использовал две из немногих подлинных возможностей подавления терроризма, которые уже существовали, и замечательную свободу от ограничений, которой пользовалось Агентство. И он выказал дипломатическую ловкость в выборе своих целей, а также учел интересы и предубеждения различных групп.

Райан организовал захватывающий штурм ночного клуба, который служил в Нью-Йорке пристанищем преступной банды, все члены которой были израильянами или советскими евреями-эмигрантами и до сих пор действовали безнаказанно под защитой продажных чиновников в Нью-Йорке и Вашингтоне. ФБР, вечно опасующееся обидеть евреев, воздерживалось от принятия мер против этой банды, даже при том, что она стала печально известной из-за размаха некоторых ее вымогательств, и отъявленной жестокости, с которой убивались свидетели и предполагаемые осведомители. Но так как банда была замешана в некоторых делах, которые Райан посчитал «террористическими» и потому оказалась ему подведомственной, его сотрудники разгромили ее, пристрелив попутно четырнадцать членов банды из многозарядных винтовок и автоматов и захватив живьем более тридцати человек, в то время как телевизионные группы снимали все происходящее для вечерних новостей.

Два дня спустя, когда жалоб о «чрезмерном применении силы» и «зверствах полиции» становилось все больше, агенты Райана арестовали в Детройте девять членов палестинской группировки, почти убив двоих из них во время задержания, а сам Райан в тот же вечер появился на телевидении с показом небольшого склада захваченного оружия, и заявил, что палестинцы готовили убийства еврейских лидеров в Соединенных Штатах. И скандал о предполагаемых нарушениях Агентством гражданских прав во время штурма в Нью-Йорке прекратился как по волшебству.

Затем в Чикаго произошла перестрелка с сильно вооруженным сторонником превосходства Белых, который разыскивался по подозрению в нападении на расово-смешанную пару. Он забаррикадировался в своем доме, и во время последовавшей перестрелки с людьми Райана он и его жена были убиты. На пресс-конференции, созванной по этому поводу, Райан утверждал, что у Агентства есть доказательства, что этот мужчина в последние месяцы несколько раз ездил в Вашингтон. Предполагалось, что он находился в Вашингтоне и во время убийства Горовица, и взрыва бомбы в Народном комитете против ненависти, и поэтому являлся главным подозреваемым в обоих этих террористических актах. Оскар отметил, как аккуратно Райан спрятал концы в воду. Мертвые - такие удобные козлы отпущения, ведь они не болтают.

В СМИ остались еще несколько постоянных критиков Райана и Агентства - обозревателей, которые все еще подвергали сомнению разумность передачи неограниченной полицейской мощи в руки федерального правительства, но человек с улицы не знал таких сомнений. Ни насилие в действиях Райана, ни его свобода от ограничений, которыми были связаны другие полицейские агентства, казалось, не беспокоили среднего гражданина; наоборот, ему это нравилось. Рядовому американцу казалось, что слишком долго плохие парни убивали безнаказанно, и теперь пришло время снять перчатки и сделать все необходимое, чтобы восстановить общественный порядок. Собственные чувства Райана по тому вопросу казались точным отражением настроений в обществе.

Конечно, Райан имел в голове нечто большее, чем просто расправиться с террористами. Теперь одной из его основных забот оказалась опасность исчерпать запас террористов, и, соответственно, потерять оправдание постоянному расширению Агентства. Решение этого вопроса он нашел в том, чтобы Оскар начал атаковать объекты разведки Моссад и оставил улики, которые указывали бы на палестинские группы. Когда Моссад нанесет ответный удар по палестинцам, что неизбежно произойдет, то Райан получит предлог для широкого наступления на эту израильскую организацию. Тем временем, война террора между израильянами и палестинцами, которая развернется на улицах американских городов, конечно, не помешает его планам.

Райан по телефону сказал Оскару, что ему следует выбрать с полдюжину агентов и офисов Моссада и уничтожить их привлекающим внимание способом, что обеспечит широкое освещение в печати. Напоследок Райан сказал ему:

- Можешь растянуть это дело на несколько месяцев, если нужно. Мне потребуется по меньше мере столько времени, чтобы укрепить свое положение и быть в состоянии взяться за Моссад. Но начни прямо сейчас. И еще, Егер! Будь осторожен, но сделайте все как можно грубее: большой материальный ущерб, случайные свидетели и так далее. Я хочу добиться возможно более громкого возмущения общественности. Не надо слишком стараться; пусть это выглядит по-любительски. Так эти тупые арабы делают дела.

Оскару не очень понравилось это поручение. Он обдумывал возможность завершения своего «сотрудничества» с Райаном. К сожалению, теперь было намного труднее проделать это безопасно, чем до того, как Райан стал главой Агентства. Райан мог убить его достаточно легко, а Оскару теперь стало совсем не просто добраться до Райана. Кроме того, Райан явно шел в гору, и в будущем связь с ним могла оказаться очень полезной.

Оскар обдумывал все в течение недели прежде, чем принять решение. И он решил выполнить операцию против Моссада как можно скорее, до того, как Аделаида переедет к нему и раньше, чем телевизионный проект с Солом начнет занимать все больше его времени. Он также решил, что пришло время для партнерства начать оказывать некоторую помощь его

собственными планам. Он сам позвонил Райану утром в пятницу и сказал ему, что готов начать действовать, но нуждается в средствах.

- Нет проблем, - ответил Райан. - Можешь получить 50 тысяч долларов.

- Этого мало, - ответил Оскар. - Мне нужно 250 тысяч долларов. - Он добавил к сумме, необходимой для раскрутки Сола, примерную сумму на операцию против Моссада.

На другом конце линии пару секунд было тихо, а затем Райан коротко ответил:

- Ты их получишь.

В тот же вечер по другому звонку Оскар получил сведения о тайнике, где нашел большой пакет с двадцатью пятью запечатанными пачками бывших в употреблении 100-долларовых банкнот, а также три радиоуправляемых взрывных устройств, десяток детонаторов с задержкой времени, подборку новейших приспособлений для взлома, большой набор отмычек для автомашин различных моделей и годов выпуска, а также несколько других полезных предметов и приспособлений. И, наконец, в пакете лежала шариковая ручка с надписью арабском языке, три сирийские монеты и рваный карманный Коран на арабском языке: предметы, которые следовало незаметно оставить в одном или нескольких местах операций. На Оскара произвели впечатление тщательность Райана и быстрота предоставления запрошенных денег.

К концу недели он подробно изучил досье, которое Райан передал ему раньше, и предварительно выбрал в качестве своей первой цели магазин канцтоваров в центре Вашингтона, который служил в этом районе местом связи для многих шпионов Моссада - израильтян, и, прежде всего, евреев с американским гражданством, работающих на федеральное правительство или правительственных подрядчиков, скопировавших или укравших документы или другую информацию, интересующую израильтян. Чтобы избежать подозрительно оживленного движения у посольства Израиля, шпионы несли свою информацию в здание, расположенное за магазином «Канцелярские принадлежности Джорджа» на улице «Кей», где десяток агентов Моссада трудились полный рабочий день, опрашивая осведомителей и раздавая им новые шпионские задания.

Как отметил Оскар во время своей разведывательной поездки в понедельник, это был большой современный магазин с множеством витрин из зеркального стекла. Было довольно легко незаметно оставить портфель, полный взрывчатки, в одном из переходов, но расположение здания было таково, что задние офисы, скорее всего, получили бы лишь небольшие повреждения. Более многообещающей могла бы стать установка бомбы в одной из контор Моссада, но Оскару не нравился связанный с этим риск. Несколько внимательных личностей в задней части магазина делали вид, что переключают товары на полках, но на самом деле тщательно следили за каждым, кто приближался к двери, ведущей в заднюю прихожую. В течение трех-четырех минут, пока Оскар делал вид, что изучает автоответчик на витрине, он отметил пять мужчин и трех женщин, вошедших в эту прихожую, у большинства из которых была явно еврейская внешность. Все они вошли с улицы, и из них четверо несли с собой дипломаты. Двоих остановили псевдо-сотрудники. Одному из них разрешили войти почти немедленно, но другому пришлось ждать, пока один из охранников у двери не зашел в заднее помещение и не возвратился, очевидно получив «добро» на проход посетителя.

Оскар был поражен размахом кипящей деятельности. Наглость израильтян, продолжающих свою шпионскую деятельность в таком масштабе прямо под носом своего гоюского благодетеля и предпологаемого «союзника», просто захватывала дух. Они должны были быть совершенно уверены, что все схвачено, и никто не призвет их к ответу. Оскар почувствовал, как крепнет его решимость научить этих самонадеянных чужаков некоторой скромности.

Он вышел наружу и, свернув за угол, пошел по узкой дорожке, которая проходила позади магазинов, расположенных в этом квартале. Пробираясь между огромными железными баками для мусора и грузовиками для доставки товаров с работающими двигателями, он нашел служебный вход для разгрузки в магазин Джорджа в нише, достаточно большой, чтобы разместить в ней грузовик среднего размера. Дверь была обшита стальным листом и заперта, и рядом с ней находилась кнопка для вызова сотрудника магазина. Слева от двери виднелось маленькое грязное окошко, защищенное стальной решеткой. Примерно в семи метрах вправо от стояночной ниши начинались восемь намного больших окон, также зарешеченных, все с плотно закрытыми оконными жалюзи. Он быстро заглянул в окошко. Внутри виднелись полки склада магазина, а также дверь, открывающаяся в обе стороны и ведущая в торговый зал. Справа он заметил стену склада, примерно там, где начинались большие окна. Они должны были открываться в помещения, занимаемые Моссадом; это было единственное разумное предположение. Оскару потребовалось всего пара секунд, чтобы закончить оценку обстановки и принять решение. Райан хотел побольше шума, ну так он его получит.

На следующий день Оскар занялся приготовлениями и к операции в магазине канцтоваров, и к выступлению Сола. Сначала, с прицелом на будущее, когда он будет делить свой дом с

Аделаидой, Оскар поехал в Манассас, в сельской местности Вирджинии примерно в сорока километрах к западу от Вашингтона, где снял хороший, прочный двойной гараж.

Потом он купил себе подержанный грузовичок «Шевроле». На нем он добрался до большого магазина кормов и удобрений на краю города и купил 15 мешков удобрений нитрата аммония. Он купил бы и больше, но 700 килограммов по его оценке были примерно тем грузом, который мог выдержать его грузовик. После разгрузки этого добра в гараже, он остановился в магазине сельхозтехники и купил два 50-килограммовых ящика «Товекса» и коробку электрических детонаторов. «Товексом» назывался алюминированный водногелевый динамит, обычно используемый фермерами и строителями для подрыва пней и валунов.

Оскар знал, что при последней покупке придется предъявить водительские права, а также указать свое имя, адрес и номер общественного страхования, и поэтому использовал водительские права, которые позаимствовал из бумажника Дэвида Каплана три месяца назад. Кроме того, он был в темном парике, который купил при подготовке к уничтожению Горовица, но Каплан на снимке на водительских правах все же мало походил на Оскара. Это несоответствие, впрочем,нисколько не насторожило продавца.

После всех приготовлений Оскар по телефону попросил Гарри назначить совещание и поехал назад в Вашингтон. Для изготовления бомбы потребуется большая часть дня, но сначала Оскару нужно было украсть подходящий грузовик, чтобы поместить туда бомбу. Вероятно, он сможет проделать все это завтра, если начнет пораньше. А тем временем он постарается продвинуть телевизионную карьеру Сола.

Когда Гарри заглянул в бумажный мешок, который вручил ему Оскар и увидел, что тот полон 100-долларовых пачек, он на несколько секунд потерял дар речи. Он вывалил деньги на кофейный столик, быстро подсчитал их и присвистнул.

- Как вам удалось так быстро собрать двести штук баксов? - спросил тоном, в котором смешались чувства страха, восторга и смутного подозрения.

- Один мой друг был должен мне за одну работу по договору, которую я для него делаю, и он, наконец, заплатил мне вчера вечером, - несколько неубедительно ответил Оскар.

- Он всегда платит вам наличными?

- Вообще-то, чем меньше говорить об этом, тем лучше. Даю честное слово: деньги настоящие. А как у нас дела с подготовкой вводной пленки Сола?

- Мы можем сделать ее через день-два, как только Сол и я сможем выкроить два-три часа в один из вечеров для записи на пленку. Возможно, завтра. Сол отрепетировал свой материал и готов к записи. Я договорился со студией «Кэпитал Продакшнз», и они могут включить нас в свое расписание едва ли не в любое время. Они делают работу высшего качества, и я знаю там народ много лет. Они стоят дорого, но, похоже, теперь мы можем спокойно им заплатить, - усмехнулся Гарри. Он, видимо, решил не беспокоиться о том, как Оскар достал эти деньги. - Финансирование - это все, чего мы ждали.

Почти час они обсуждали связанные с этим вопросы, и Оскар остался доволен достигнутыми результатами. Гарри посчитал, что часть денег, которые принес Оскар, позволит ему за десять дней поднять студию видеозаписи Лиги до уровня, требуемого для коммерческих передач. Он был настолько уверен в этом, что поручил Колин назначить первую передачу Сола на вашингтонском «Дабл-Ю-Зет-Уай-Ти-Ви» в течение двух воскресений подряд.

Одним из самых важных событий, о котором узнал Оскар, было то, что Сола стали осаждают репортеры бульварных газет. Секретарь Колдвелла получила больше десятка запросов из журнала «Нэшнл инкуайрер» и трех-четырех других газет, которые пишут на необычные и сенсационные темы и продаются у касс магазинов. Пока Сол им не перезванивал.

Оскар позвонил Солу из дома Гарри.

- Слушайте, это - отличная возможность для нас. Вы подумали о том, что сказать журналюгам?

- Вы серьезно считаете, что я должен поговорить с этими уродами? - Разве вам не кажется, что это подорвет доверие к нам, если о нас напишут большие обзоры в идиотских газетах?

- Послушайте, Сол. Люди, которые верят историям в «Нэшнл инкуайрер», именно те, кто поверит в возвращение Иисуса, решившего очистить страну. Если вы правильно все разыграете, то получите рекламу на обложках, где это принесет большего всего пользы, и в достаточной мере сохраните свое достоинство. И эти статьи, безусловно, никак не повредит нашей кампании продвинуть вас на как можно большее количество станций.

- Так вы полагаете, что я должен выступить как простой, здравомыслящий верующий, который все еще потрясен своим опытом в то пасхальное утро и не знает, почему Иисус выбрал именно его своим посредником?

- Именно! Вы можете даже подробно описать им свои чувства, когда Иисус вселился в ваше тело. Только держитесь немного застенчиво и смущенно из-за всего этого, однако покажите, что постараетесь рассказать все этим болванам, и даже готовы позволить Иисусу говорить через вас снова, если Он того захочет. Вы знаете это сочетание: «Почему я, Господи?» и «Да будет воля Твоя».

- Хорошо. Я перезвоню им сегодня вечером. Скажу им, что я не мог позвонить раньше, потому что постился и молился. Как вам это?

- То, что нужно!

Позже вечером вместе Аделаидой он смотрел по телевизору национальные новости. Только что обнародованные последние показатели безработицы вызвали волнение: в прошлом месяце она возросла на семь десятых процента - до 7,9 процента. Некоторые члены Конгресса утверждали, что подлинный уровень безработицы был еще выше и что правительство Хеджеса подделало цифры, чтобы общественность не поняла, насколько плохо обстоят дела. Экономисты предсказывали, что к разгару лета целых десять процентов рабочей силы останутся без работы и никаких улучшений не предвидится. Кроме того, и торговый дефицит, и инфляция резко пошли в гору, дополняя чрезвычайно мрачную общую картину.

И Райан появился в новостях снова. Он объявил об арестах сорока двух членов воинственной группировки «Бойцы за жизни», выступающей против абортов, которые подозревались во взрывах бомб в нескольких больницах, проводивших аборты, и в конторе организации «Управление рождаемостью». В других местах на террористическом фронте неизвестный снайпер в Чикаго расстрелял расово-смешанную пару, а черные начали беспорядки в пригороде Майами, убив из засады двух Белых полицейских.

Будет любопытно посмотреть, как Райан справится с таким поворотом дел. До сих пор он действовал против отдельных лиц и организованных групп, и ему не приходилось противостоять стихийному насилию толпы. Однако Оскар был уверен, что очень скоро бунтующие черные в Майами будут задавать себе вопрос, что это за напасть случилась с ними. Райан действительно был полицейским, который знает дело и добивается нужных результатов. Оскара удивляло, каким предвидением обладает этот человек. В течение многих лет разные люди делали мрачные экономические прогнозы, но не с той определенностью, как Райан, который еще в конце прошлого ноября сказал Оскару, что к следующему лету экономика выйдет из-под контроля. Теперь выходило, что он точно попал в цель. «Знать бы наперед, я спросил бы его, в какие ценные бумаги мне вложить деньги», - с сожалением подумал Оскар.

На следующий день Оскар понапрасну потратил четыре часа, безуспешно высматривая транспортный фургон или легкий грузовик, который можно было украсть для перевозки своей бомбы, но сумел подготовить все остальное, что было нужно. Он также снова изучил пачку досье на Моссад и начал думать о следующих объектах для нападения.

Оскар пообедал на квартире Аделаиды, затем ушел в десять часов и возобновил поиски грузовика. Наконец, к полуночи, он заметил подходящий фургон на автомобильной стоянке у торгового центра с круглосуточным универсамом. Оставив свою машину за несколько рядов от фургона и используя набор отмычек, который передал ему Райан, Оскар быстро открыл фургон и уехал. Места в задней части было достаточно для задуманного дела, но кричащая, красная надпись на боку ярко-желтого грузовика - «Особые покрытия стен от Дино» - несколько смущала Оскара. Он решил немедленно уехать в Манассас, а не рисковать оставлять такой заметный фургон под открытым небом на ночь.

В снятом гараже он выгрузил из задней части фургона несколько 20-литровых канистр с клеем для обоев и множество рулонов обоев и заменил их четырьмя 150-литровыми пластмассовыми бочками для мусора, которые он купил днем раньше, и провел три следующих часа, перегружая мешки с нитратом аммония в эти бочки и смешивая в них активатор из дизельного топлива в белые шарики. Бочки он поставил вокруг одного из 20-ти килограммовых ящиков с шашками «Товекс». Было уже четыре часа утра, когда Оскар наконец был готов вставить в «Товекс» детонатор замедленного действия.

После этого он устроился, как мог, на переднем сиденье фургона и беспокойно проспал до 8:30 утра. Затем он выехал из гаража и влился в утренний поток машин, идущих в Вашингтон. В 9:50 утра он свернул в переулок, который проходил за магазином «Канцтовары Джорджа». Он подъехал как можно близко к кирпичам, прямо за двумя плотно закрытыми окнами в задней стене магазина. Наклонился назад в грузовое отделение, чтобы установить детонатор на пятиминутную задержку и включить отсчет времени. После этого Оскар вылез из машины, закрыл в ней дверь и направился к оживленному переулку. Свернул за угол и пошел назад к главному входу магазина, остановился за две двери до него и стал смотреть на проходящие машины.

Взрыв произошел в 9:57 по его часам. Удар оказался сильнее, чем ожидал Оскар, и его шатнуло так, что он едва не упал. Витрины из зеркального стекла в магазине Джорджа разлетелись смертоносным градом блестящих осколков, которые срезали четырех прохожих на тротуаре перед магазином. Плотный дым валил изнутри здания. С замиранием сердца Оскар понял, что внутри никого в живых не осталось; если все люди не погибли от взрыва мгновенно, то

они быстро задохнулись от дыма. Сколько их там было? Если понедельник был обычным днем, в магазине должно было находиться около десятка покупателей и продавцов.

Дым и пыль все еще так плотно стояли в воздухе переулка, что Оскар, даже закрыв носовым платком нос и рот, кашлял и чувствовал тошноту, пока шел назад к месту взрыва, чтобы оценить разрушения. На месте фургона зияла воронка шириной три метра. Подвал магазина, который проходил под переулком, обнажился. Примерно 12 метров задней стены магазина исчезли, как и большая часть внутренних стен офисов Моссада. Он насчитал останки шести или семи тел в развалинах офисов. Несомненно, что под обломками были завалены и другие люди.

С неба падали бумаги и разлетались по переулку. Оскар поднял один лист и отметил, что он был напечатан на иврите. Расследованием взрыва вместе с ФБР и Агентством будет заниматься столичная полиция, поэтому будет трудно скрыть характер дел, которые творились в задних офисах магазина Джорджа. Это еще одна небольшая загвоздка для тех, кто полагает, что «избранный народ» не может делать ничего дурного.

Второй взрыв качнул Оскара, и он спиной почувствовал волну раскаленного воздуха. На расстоянии метров в тридцать взорвался топливный бак горящего грузовика. Кашляя и спотыкаясь, Оскар отошел на тротуар и быстро зашагал прочь с места разрушений. Потом поймал такси. Во время обратной поездки в торговый центр в Вирджинии, где он оставил свою машину, Оскар чувствовал себя потрясенным тем, что он натворил. Он не жалел, что взорвал Народный Комитет, но здесь, напротив, многие из жертв были случайными прохожими. Оскар знал, что в любой войне большинство жертв приходится на гражданское население, но все же это было ему не по душе. С другой стороны, Райан, видимо, будет очень доволен.

Оскар подумал о том, что чувствовали летчики бомбардировщиков во время ковровых бомбежек немецких городов во время Второй мировой войны? Были ли они настолько оболванены еврейской пропагандой ненависти, что радовались гибели всех Белых гражданских жителей Германии, убитых ими, или они все же ненавидели себя за то, что делали: за подчинение приказам, которые, как они знали, противоречили законам нравственности, и за то, что у них не хватало смелости высказаться против? С другой стороны, наверное, Райан и Келлер были правы: может быть, почти все летчики были просто животными, и их не волновали высокие чувства; возможно, их интересовало лишь то, как относятся к ним их товарищи, и у них не было никаких собственных моральных устоев. Возможно более чувствительные из них просто запомнили одно из оправданий, которое им подсунили евреи: «Нет, я не испытываю ненависти к немецким женщинам и детям, которых убиваю и калечу своими бомбами, но мы должны делать это, чтобы остановить Гитлера», а менее утонченных оправдательные отговорки даже не волновали.

Дома Оскар проспал полдня. После позднего завтрака он обдумал свои различные обязанности. Хотя он тратил около десяти часов в неделю на телевизионный проект Лиги, в настоящее время было похоже, что Сол находится в хороших руках Келлеров. Скорее всего, пройдет шесть-восемь недель до того, как ему придется снова гораздо плотнее заняться этим проектом.

Оставалось пять недель до того дня, когда к нему переедет Аделаида; она была очень деловой девушкой и сама вполне справлялась с большинством вопросов, связанных с переездом. Она даже сказала ему, какую часть его мебели придется выбросить. Ему едва ли придется сделать больше, чем применить свою физическую силу, когда придет время двигать привезенные тяжелые вещи.

Военно-воздушные силы также пока были довольны и не будут ничего требовать от него до середины августа. Он начнет волноваться об этом с 10 августа. «Боже, какая удобная штука - работа консультантом Министерства обороны», - подумал Оскар. Если бы он захотел, он мог бы работать намного больше, заключать больше контрактов и зарабатывать больше денег, но до тех пор, пока ему хватало пятидесяти тысяч долларов в год, которые он теперь получал, он мог девять десятых своего времени свободно заниматься другими делами.

Поручения Райана все еще были его первой заботой. Но еще больше его волновала собственная ответственность. Опасность этой работы была еще одним соображением, как и проблема сохранения всего происходящего в тайне от Аделаиды. Оскара также тревожило то, что он не мог никак влиять на все эти дела, потому что у него были серьезные сомнения относительно их и куда они могли его завести. Однако, его восхищение способностями Райана, само по себе большое, продолжало расти, и он в чувствовал большое расположение к этому человеку.

Уничтожение агентов Моссада, конечно, было нужным делом. Даже стратегия Райана провоцирования террористической войны между арабами и израильтянами на американской территории могла быть оправданной: конечно, это жестоко в отношении бедных арабов, но после решения израильской проблемы, их так или иначе нужно было вышвыривать. Оскар был бы только рад видеть, что все эти грязные сальные ближневосточные типы убралась к дьяволу.

Через некоторое время, подумав об этом и привыкнув к самой идее, он даже обнаружил у себя некоторую сдержанную приязнь к программе Райана по улучшению характера американского народа, состоящей, так сказать, в «исправлении-через-потрясение».

Договоренность между ним и Райаном имела бесспорную ценность для его работы в Лиге, не говоря уже о дополнительных 200 тысячах долларов, которые он только что получил - и эта договоренность могла стать еще более ценной в будущем. Но все же, этот человек внушал ему тревогу. Для Оскара, чтобы быть довольным их отношениями, необходимо было иметь более ясное представление о том, к чему стремится Райан, и действительно ли он намерен двигаться в этом направлении.

Однако теперь он был намерен ускорить операцию против Моссада и провести ее как можно быстрее. Предварительно Оскар выбрал своей следующей целью некоего Шелдона Шварца, советника Конгресса, руководителя аппарата лидера меньшинства в Сенате. Этот человек был американским евреем, но в 1970-ых годах он пять лет прожил в Израиле. Считалось, что он имеет звание полковника Моссада.

Его формальный руководитель в штате сотрудников американского правительства, сенатор Говард Картер, был белым протестантом англо-саксонского происхождения из очень богатой и известной в Новой Англии семьи. Он также был одним из самых влиятельных политиков страны, и, помимо прочего, возглавлял Сенатскую комиссию по иностранным делам. Картер объявил, что не будет принимать участие в выборах президента на следующий год в качестве кандидата от республиканцев, но считался наиболее вероятным соискателем на высшую должность через пять лет. Репутация Картера в глазах общественности была достойной той власти, которой он обладал, но его досье в ФБР показывало, что он, хотя и был женат, в действительности являлся гомосексуалистом и растлителем детей.

Оскар был потрясен этим разоблачением. Неудивительно, что Райан был таким циником!

Картер очень боялся, чтобы его извращение не стало достоянием гласности, но явно был в его власти. Шварц служил ему не только в качестве помощника законодателя, но также и как тайный поставщик маленьких мальчиков. Эта двойная роль, несомненно, давала Шварцу сильный рычаг воздействия на Картера и позволяло агенту Моссада быть посвященным в наиболее строго охраняемые государственные тайны, и он мог оказывать решающее влияние на принятие ключевых законов в интересах Израиля. Возможно, именно в этом лежало объяснение 100-процентного одобрения Картера израильским лобби.

Оскар внимательно изучил личное досье Шварца и стал думать над способами его устранения. После сегодняшнего взрыва Моссад обязательно примет чрезвычайные меры для защиты своих ключевых сотрудников, так что место жительства Шварца, вероятно, будет под наблюдением. Возможно, будет проще добраться до него во время работы. Шварц вряд ли решится привлечь к себе внимание, если агенты Моссада будут охранять его в канцелярии Сената. Или все же рискнет? Наглость этих израильтян, похоже, переходит все пределы.

Оскар заметил, что уже почти 15:30, и сегодня поздно вато ехать к Капитолийскому холму. С другой стороны, ему было крайне неприятно напрасно потратить даже часть дня. Сделав три телефонных звонка, изображая газетного репортера, он узнал, что кабинет Шварца находится на третьем этаже административного здания Харта, что Шварц вышел на некоторое время, но вскоре вернется, и что он, видимо, будет на работе до шести часов.

Оскар потратил полчаса, подгоняя свой парик и нанося грим на лицо; потом надел костюм, засунул свой бесшумный пистолет в кобуру и поехал на Капитолийский холм. Там он заметил, что у большинства людей, входящих в офисное здание Харта, были приколоты личные пластмассовые значки или посетители доставали их из сумочек или карманов.

Чтобы получше изучить меры безопасности Оскар подошел к двери и спросил у двух черных охранников, сидящих за столом внутри.

- Извините, это - административное здание Дирксена? - Он заметил, что там стоял металлоискатель, и что все люди, входящие в здание, должны были проходить через него. Охранники болтали друг с другом и казались усталыми и невнимательными. Один из них неопределенно махнул на запад и нетерпеливо ответил: - Следующее здание по Конститушн-авеню, - потом отвернулся и снова начал перебрасываться шутками со своим товарищем.

Пока Оскар был у дверей, три человека обогнули его и прошли через металлоискатель. Охранники только мельком глянули на их значки. Одна подошедшая женщина несла сумочку, которую просто открыла, чтобы охранники, если захотят, могли заглянуть внутрь, пока она будет проходить мимо них.

Оскар понял, что, если бы он мог бы пройти в здание, то легко добрался бы до Шварца без дальнейших проблем. Но как туда пробраться? В другом конце здания был еще один вход, но там, конечно, действовали те же самые меры безопасности, как и здесь. Он вернулся к своей машине, оставленной в трех кварталах, чтобы обдумать положение. По пути он наблюдал за потоком машин, идущих со стоянки под зданием, который в час пик регулировался полицейскими. Видимо, там оставляли свои машины все большие шишки, и, похоже, что туда нелегко попасть.

Когда Оскар приблизился к своей машине, неправильно припаркованной за последним размеченным местом перед перекрестком, то увидел, что автомобиль, плотно зажатый сзади его машиной, пытается выехать со стоянки. Водитель выглядывал из окна и смотрел назад на машину Оскара, пытаясь подать собственную машину назад и вперед, и ругаясь про себя. Оскар подошел к другому окну водителя сказать ему, что пришла помощь.

- Простите, я вас зажал. Сейчас я отгоню свою машину.

Мужчина с болезненным, рябым лицом зло посмотрел на Оскара, и тот внезапно заметил, что у мужчины к нагрудному карману прицеплен пластмассовый значок. Взгляд Оскара задержался на надписи под фотографией: «Сотрудник Сената США».

- Вы тоже работаете в здании Харта? - дружелюбно спросил Оскар. - Хреново здесь парковаться, правда?

- Да, - ответил другой мужчина, несколько смягченный впечатлением, что Оскар тоже штатный сотрудник Сената. - Я здесь недавно, но в следующем месяце мне дают место на стоянке на Третьей улице.

Быстро проверив, что на его стороне улицы в этот момент не было других пешеходов, Оскар принял мгновенное решение. Открыв дверь машины левой рукой, правой рукой он выхватил пистолет и, держа его близко к автомобилю так, чтобы его действие нельзя было заметить с улицы, дважды выстрелил мужчине в лоб. Когда водитель молча свалился на рулевое колесо, Оскар ловко отцепил его значок, а затем свалил тело с сиденья головой под «бардачок», где оно будет менее заметно.

Оскар перегнал свою машину на размеченное место, которое освободилось в другом конце квартала. Он спрятал пистолет в кобуре под сиденье и вытащил из противосолнечного щитка длинный пластмассовый нож для вскрытия писем, который был зажат в нем. Это был острый как бритва нож, сделанный из твердой, прочной смолы, упрочненной волокном. Оскар сунул нож за пояс там, где он будет закрыт пиджаком, а затем зашагал назад к офисному зданию Харта. По пути он посмотрел на личный значок, который забрал у мужчины. Имя убитого было Джозеф Айзексон, а его выговор напоминал нью-йоркский. Означало ли это, что он был евреем? Оскар не знал. Он заставил себя убить человека, и, вероятно, сделал бы это в любом случае, но внешность мужчины и его акцент, возможно, сделали это немного более легким делом.

Проходя через металлоискатель, Оскар взглянул на свои часы. Было ровно 4:30, и зал был полон людей, направлявшихся к выходу. Он не смотрел прямо на охранников, но уголком глаза мог заметить, что они лишь мельком глянули, когда он проходил мимо.

К тому времени, когда Оскар поднялся на третий этаж и огляделся, коридоры были почти пусты, и лишь группа людей ожидала лифт. Кабинет Шварца, к сожалению, был частью большого ряда комнат, отведенных Картеру. Главная дверь зала была открыта, и в роскошной приемной за столами были видны две женщины. Три других двери вели из приемной во внутренние помещения. Одна дверь была открыта, но из коридора Оскару было не видно, что находится внутри. Он не знал, что делать, поэтому наклонился и сделал вид, что зазывает шнурок, чтобы получить несколько секунд на раздумье. Когда он снова встал, мужчина лет 30, явно не Шварц, вышел из открытого офиса и закрыл дверь за собой, надевая пальто. Оскар увидел, что мужчина кивнул головой в сторону одной из закрытых дверей и услышал, как он спросил одну из женщин:

- Сенатор уже уехал?

- Нет, - ответила она, - он все еще совещается с Шелли.

- Хорошо, доброй ночи. Не давайте ему держать вас здесь допоздна, - весело сказал мужчина, выходя в зал.

Оскар уже шел по боковому коридору, который пересекал главный зал приблизительно в пятнадцати метрах от входа в ряд офисов. Безусловно, важная шишка, вроде Картера не должен входить и выходить из своего офиса через входную дверь, где он будет соприкасаться с престономародьем. Где-то должна быть его личная задняя дверь.

И точно, в десятке метров за углом в стене бокового коридора стороны, который ограничивал ряд офисов Картера, оказалась непомеченная дверь. Сразу за ней следовала дверь лифта, с табличкой, которая гласила: «Только для сенаторов».

Решиться? Оскар почувствовал ледяной пот подмышками. Он подошел к двери и подергал ручку. Дверь была заперта. Он вытащил свой смертоносный нож для писем из-за пояса и постучал по одной из твердых дубовых панелей костяшками пальцев.

Никакого ответа не последовало. Оскар заметил корзинку для мусора в нескольких метрах от себя и вынул из нее пустой конверт. Он снова негромко постучал в дверь и сразу же просунул под нее конверт. Это обязательно должно было привлечь внимание любого человека в комнате за дверь. Через пару секунд дверь открылась внутрь, и на Оскара уставились раздраженные и подозрительные глаза мужчины, черты которого были знакомы ему по снимку в досье, которое он изучал совсем недавно.

Нож легко вошел в живот Шелдона Шварца, и Оскар свирепо рванул лезвие вверх, вывалив внутренности жертвы на ковер. Выпотрошенный Шварц не смог выдать из себя ничего, кроме долгого хрипа, его колени подкосились, и он упал головой вперед.

Оскар схватил его левой рукой, чтобы опустить умирающего на пол, но все же недостаточно быстро, чтобы его брюки спереди не измазались кровью. Он быстро вошел в комнату и закрыл дверь за собой, одновременно говоря:

- Помогите мне, ну же, сенатор! Я думаю, что Шелли плохо.

Дверь находилась в нише, закрытой парой стратегически расположенных подставок для флагов. Оскар отодвинул в сторону флаги и увидел спину Картера, когда законодатель поднялся с кресла за своим столом примерно на расстоянии в десять метров. Картер был высоким мужчиной плотного телосложения с большой гривой серебристых волос и массивной челюстью. Он медленно, с имперским достоинством нес свое тело. Он и Оскар были всего на расстоянии 3 метров, когда Картер заметил нож в руке Оскара. Вопросительная улыбка на его величественном лице сменилась выражением ужаса, и он замер на ходу. Последними его словами были: «О, дерьмо!»

- Да, и это все, что она написала, пидор, - ответил Оскар, вонзая 25-сантиметровое лезвие прямо в грудь Картера. Он подхватил падающего мужчину, чтобы его тело не упало на пол с заметным шумом. Нож он оставил в теле и быстро проверил пульс жертвы, чтобы убедиться, что сердце остановилось. Уходя, Оскар аккуратно положил шариковую ручку с арабскими надписями в кровавое месиво в нише.

Он задержался дома только на время, достаточное, чтобы принять душ и сменить одежду, а затем уехал на квартиру Аделаиды к обеду. Только после полуночи Оскар снова въехал в свой гараж. Как только Оскар выключил зажигание, он услышал телефонные звонки в доме. Это был Райан.

- Где ты был, черт побери? Я не могу до тебя дозвониться уже четыре часа, - раздался сердитый голос на другом конце линии. - Бога ради, не делай больше ничего, пока я не скажу! Кем ты себя возомнил - гребаной армией из одного солдата?

- Но я думал, что вы хотели, чтобы...

В середине предложения Оскара прервала другая вспышка Райана:

- Черт побери, когда я сказал, что хочу, чтобы ты вызвал некоторое возмущение в обществе, я же не просил тебя ставить вверх дном всю страну. Ты смотрел вечерние новости?

- К сожалению, я был слишком занят. Много внимания мне уделили?

- Внимания? Да они все походили с ума. Все в истерике. Президент взбешен. Вице-президент на ушах. Спикер Конгресса в бешенстве. Десяток сенаторов бушуют. Они призывают ввести военное положение. В нашей стране никогда не случалось раньше ничего подобного тому, что ты натворил сегодня, то есть вчера. Проклятье, парень! Это действительно навело шороху!

Знаешь, я думал, ты шлепнешь из своей пушки одного-двух этих жидов, может, привяжешь одну-две динамитные шашки к стартеру, забросишь ранцевый подрывной заряд в чей-нибудь кабинет. Вот на что я рассчитывал. На медленное наращивание враждебных действий между жидами и верблюжьими водилами. Я собирался немного поработать с печатью и затем жестко ударить по тем и другим. Так нет, ты начал утром со взрыва своей сверхмощной бомбы у главного центра Моссада, стерев в пыль треть их агентов в области Вашингтона, причем использовал оружие с мощностью, избыточной на тысячу процентов. Потом, не дав им опомниться, ты убиваешь их главного, повторяю, главного агента в нашей стране и их главного гойского политика, не говоря уж о разных правительственных служащих. Ты обострил конфликт до термоядерной стадии прежде, чем я просто смог вмешаться.

Оскар не ответил, и на линии в течение нескольких секунд стояла тишина прежде, чем Райан продолжил, немного спокойнее.

- Я рассчитывал, что этот сценарий будет развиваться намного медленнее, пока я занимаюсь некоторыми другими делами, вроде черных бунтовщиков. Хотя есть один хороший итог навороченных тобою дел - израильтяне запаниковали. Они обычно довольно хладнокровны, и я боялся, они вычислят, что на самом деле их людей поубивали не палестинцы. Но теперь ты превратил жидов в таких параноиков, что они чувствуют себя вынужденными немедленно дать решительный ответ, и это станет их концом.

Агентство перехватывает большую часть их передач, и мы знаем, что они уже вызвали из Израиля группу из двадцати опытных киллеров, которые должны прилететь сюда в воскресенье. Еще того лучше, они планируют похитить Абу Карима, руководителя миссии Организации освобождения Палестины при ООН в Нью-Йорке. Накачают его наркотиками, упакуют в ящик и отправят обратно в Израиль авиарейсом «Эл Ал» точно так же, как в свое время они это сделали с Адольфом Эйхманом, чтобы без помех попытаться Карима и узнать, кто шлепнул Шварца и взорвал их разведцентр на улице Кей. Если нам повезет, то оба эти действия произойдут одновременно, и мы сможем повязать их на месте преступления. Потом, если я поработаю со СМИ как надо, то сможем схватить и остальную часть их шайки. Но я не могу позволить себе больше неожиданностей, пока это не сделано, Егер, так что возьми ту четверть миллиона, которую ты из меня выжал и устрой себе хороший, длинный отпуск. Понятно? Ничего сейчас больше не делай.

- Понял, партнер. Скажите, они нашли мой Коран? Я оставил его в бардачке, но мне показалось, что от того фургона не осталось ничего - даже на спичечную коробку.

- Да. Мы нашли двигатель и большую часть переда фургона у фундамента, и один из наших людей заметил твой Коран, как только мы подняли обломки, опустили на тротуар и начали их осматривать. Конечно, израильтяне все время заглядывали нам через плечо.

Тут Райан тихо засмеялся:

- Вероятно, лучшее, что ты сегодня сделал, и что даже не входило в твою задачу, - это убийство Картера. Это больше, чем что-либо еще, обеспечит мне свободу рук и невмешательство сердобольных либералов из Конгресса. Не, что бы Картер был большим либералом, но если есть преступления, с которыми эти ублюдки потребуют покончить как можно быстрее, так это преступления против них самих - любимых. Если вас или меня зарежет черный грабитель, их главной заботой будет, как бы полицейские не нарушили гражданские права грабителя. Но если один из них получит ножом - ну, тогда совсем другое дело.

Оскар более или менее следовал совету Райана в течение следующих четырех недель. Тем не менее, вместо того, чтобы взять отпуск, он сосредоточил свое внимание на проекте Сола и начал проводить с ним намного больше времени. Первое выступление на «Дабл-ю-Зет-Уай-Ти-Ви» 10 мая имело огромный успех. Почти сразу после этого несколько больших станций Среднего Запада, которым Колин ранее пыталась продать Сола, прислали свое согласие.

Оскар все больше и больше участвовал в составлении посланий Сола, пытаясь увязать планы усиления влияния Сола на зрителей с другими событиями, находившимися во многом вне его контроля, то есть связанными с Райаном. Теперь Оскару стало гораздо яснее, чем шесть месяцев назад, что страна идет к серьезным переменам в ближайшем будущем. Он хотел добиться для Сола такого положения, чтобы в подходящий момент тот смог сделать решающий ход. Тем не менее пока он вел себя осторожно, чтобы ощущение грядущих событий не занесло его слишком далеко и слишком быстро.

Тема Сола была более простой, чем у Колдвелла, но коренным образом они не различались. Сол проповедовал об опасности скорой Божьей кары, которая постигнет Америку за ее грехи. Он клеймил правительство за коррупцию и неспособность обуздать длительный спад в стране. Другие евангелисты в прошлом играли в основном на той же площадке, но в последние годы приспособились к общему настроению сытости и довольства, царящему в стране, меньше грозили адскими муками и больше касались материализма и погони за удовольствиями среднего класса. Они не были посвящены в информацию Оскара относительно внезапности и серьезности вероятного наступления трудных времен, а также не успели осознать новую волну предчувствий и беспокойства, которая постепенно проникала в сознание общества.

Настоящее различие между Соллом и кучкой евангелистов состояло в оттенке неизбежности перемен и повторяющихся намеках на грядущие большие события, которые пронизывали его проповеди. Несколько из более критичных евангелистов, действующих далеко на краю общества, иногда предсказывали, что день Страшного суда близок, или что какая-то страшная катастрофа разрушит весь мир, но Сол нес мантию пророка по-иному, не только с большим достоинством, но и с большим правдоподобием. Доверие к нему было отчасти связано с неопределенностью его проповедей и отчасти - с притворным смирением. Сол не делал никаких определенных предсказаний, и даже не утверждал, что знает, что произойдет. Вместо этого, в соответствии со своей ролью посредника, он просто утверждал, что большой поворот в делах человеческих уже близок, и что очевидность его утверждений подтверждается его собственным опытом в Пасхальное утро, и что он вместе со всеми и каждым узнает подробности только, когда Иисус пожелает еще раз использовать его как посредника: «Я не знаю, что наш Господь возвестит нам или потребует от нас. Я знаю только, что скоро он вновь будет говорить с нами, и что мир после этого изменится».

Ораторское искусство Сола облекало в покров тайны и напряженного интереса это простое утверждение, которое держало в напряжении его телезрителей во время передач. Оскар беспокоился, что намеки на грядущее откровение могут заставить еврейских заправил СМИ наострить уши и быть настороже относительно предоставления Солу телевизионного времени, но предварительные зрительские оценки, вместе с откровенно проеврейской и произраильской вводной пленкой, похоже, перевесили любые сомнения с их стороны. Колин смогла купить столько телевизионного времени, сколько позволил их начальный бюджет. К 24 мая доля Сола от всей аудитории зрителей-евангелистов достигла почти пятидесяти процентов. По почте поступало все больше пожертвований, и было очевидно, что дело находится на подъеме.

И Оскар и Аделаида взяли за дело и помогли справиться с быстро растущим объемом секретарской работы. Эмили, которая пару недель назад была на грани развода, ушла с прежней работы и посвятила все свое время стараниям разгрести поток писем, поступающих мужу. Но настоящий прорыв наступил, когда Сол смог убедить секретаршу - свою союзницу из лагеря Колдвелла - оставить прежнего хозяина и взять на себя работу в офисе Сола.

В тоже время Оскар не забывал о Райане и другой части своей деятельности. Да и мало кто в Америке мог об этом забыть. Почти непрерывно с конца апреля Райан и его действия находились в центре внимания общественности. Одно из самых сильных впечатлений он произвел спустя четыре дня после двух атак Оскара на Моссад. Громкой новостью в тот понедельник вечером оказался отмеченный автоматным огнем рейд Агентства на самолет компании «Эл Ал» в международном аэропорту имени Кеннеди, во время которого был обнаружен ящик с телом Абу Карима, накачанного наркотиками, захваченный после перестрелки, в ходе которой были убиты восемь оперативников Моссада и четверо других авиапассажиров-евреев. Райан превратил эту операцию в настоящее шоу, когда телевизионные камеры снимали вскрытие ящика и извлечение скрученного по рукам и ногам палестинца, находящегося без сознания. Затем камеры показали шприцы для подкожных инъекций и емкости с наркотическими препаратами, обнаруженными на теле одного из убитых агентов Моссада. Это было ужасающее зрелище, которое пробило огромную брешь в мифе о «евреях - невинных жертвах», который так тщательно поддерживался большей частью СМИ до этого момента, что сделало очень сложным даже для самых раболепных и горячих сторонников Израиля гоев-неевреев жаловаться на жестокие методы проведения этой операции.

В тот же вечер Райан развил свой успех, проведя множество одновременных арестов агентов Моссада из команды убийц, которая прилетела предыдущим днем. Как и в операции с «Эл Ал» аресты были жестокими настолько, насколько Райан мог добиться этого, не будучи при этом заметным, а телеоператоры новостей сопровождали все группы захвата. Для показа своей беспристрастности Райан также приказал, чтобы его агенты схватили десяток несчастных палестинцев. Позже он показал ряд израильтян и палестинцев, которые остались в живых после арестов. Когда камера шла вдоль ряда арестованных и приостанавливалась на каждом задержанном, экран заполняли разбитые отвратительные физиономии с висящими на шее табличками с номерами, а представитель Агентства зачитывал список их кличек и террористических действий, в которых они обвинялись. Затем камера перешла к столу, на котором было выложено оружие, захваченное у агентов Моссада. Представитель Агентства подробно показал глушители, отравленные стрелы и другие зловещие орудия профессиональных убийц.

Наконец, появился сам Райан и решительно подвел итог событий. Он заявил, что слишком долго американцы терпели террористическую войну, ведущуюся среди них безжалостными наймитами иностранных держав. Он живо описал несколько взрывов в арабских офисах в Соединенных Штатах, которые произошли за последние пять лет, ни один из которых подробно не освещался в новостях в свое время. Во всех случаях, чтобы подчеркнуть тяжесть этих преступлений, показывались места их совершения и назывался причиненный ущерб. Затем Райан плавно перешел к недавним событиям: взрыву офисов Моссада в задней части магазина «Канцелярских принадлежностей Джорджа», убийству кинжалом сенатора Картера, похищению Абу Карима и наплыву профессиональных убийц из Израиля. Он показал взаимосвязь этих случаев, которые оставили у зрителей ясное впечатление, что последние безобразия были итогом более ранних взрывов, и что агенты Израиля действительно первыми начали весь этот процесс. Свою краткую речь Райан закончил словами, что на нем лежит ответственность прекратить эту террористическую войну, и он намерен добиться этой цели, используя любую силу, которая будет необходима.

Оскар представил себе, какой шквал одобрительных восклицаний и аплодисментов пронесся по всей Америке после этого заявления - в барах для рабочего класса и в гостиницах средних американцев. Райан четко руководил делами из-за кулис, аккуратно выдергивая коврики из-под всех, кто в противном случае, возможно, выступил бы против облав на израильскую агентуру, которые Агентство провело в течение следующих нескольких дней.

Агентство удерживалось от вмешательства в беспорядки черных в Майами более недели. Губернатор Флориды ввел отряды Национальной гвардии для патрулирования района беспорядков. Они смогли задержать некоторых грабителей и разогнать несколько толп, но стрельба снайперов и поджоги продолжались.

На восьмой день беспорядков группа молодых черных остановила машину на шоссе, граничащем с районом беспорядков, бросив кусок бетона в ветровое стекло с перехода. Затем они облепили машину и почти до смерти избили Белого мужчину-водителя, вытащили с задних мест машины двух плачущих Белых девочек-подростков и затащили их в близлежащий многоквартирный дом.

После слезной мольбы матери девочек вечером по телевизору, губернатор обратился к Федеральному правительству за помощью.

На следующее утро более 600 сотрудников Агентства появились на месте беспорядков в шлемах, бронжилетах и со штурмовыми винтовками «М-16». С ними был сам Райан, направляя действия из срочно оборудованного полевого штаба. Агенты зачищали квартал за кварталом, взрывая замки дверей и стреляя в любого, кто немедленно не подчинялся их приказам. К вечеру они арестовали больше 400 черных, убили 123, серьезно ранили около 200 и полностью

подавили беспорядки. Позже оказалось, что Райан, как только начались беспорядки, заслал в этот район десяток тайных агентов-негров, по-существу, всех черных, кто перешел в Агентство из старого Антитеррористического отдела в Бюро; затем в ожидании наиболее политически целесообразного времени для применения силы он собрал всю информацию о местной черной общине, в том числе о ключевых фигурах, которые руководили беспорядками, необходимую для убедительного использования этой силы своих сил.

Далеко не только одобрение последовало за действиями Райана. Организации черных стенили долго, нудно и громко, и к ним, понятно, присоединилась большая часть белых церковников. Евреи необычным образом разделились: многие небольшие организации, особенно с левой ориентацией, и отдельные еврейские комментаторы и редактора осудили репрессии Агентства во время подавления беспорядков, но влиятельные еврейские круги, включая заправил СМИ, или молчали, или сдержанно приветствовали восстановление порядка. Реакция же Белой общественности была такой решительной и восторженной, что осуждающих голосов было совершенно не слышно. В глазах Белых правительство впервые обошлось с черными мятежниками так, как они того заслуживали.

Райан превращался понемногу в своего рода Белого героя, как бы ни старался он избежать этой роли. Оскару было понятно, что Райан осознавал недостатки того, чтобы его воспринимали как человека с политическими замашками. Райану было нужно сотрудничество со СМИ, и он хотел общественного одобрения, но больше всего он должен был сохранять доверие власти. И он должен был казаться лучшим защитником их собственных интересов и никем иным, по крайней мере, на данной стадии игры.

Спустя десять дней после событий в Майами Райан сделал следующий шаг для подтверждения своей беспристрастности, арестовав тридцать пять Белых членов «Движения за выживание» в отдаленной части штата Айдахо. На рассвете люди Райана ворвались в район на бронированных машинах под рев боевых вертолетов, круживших в воздухе. Повсюду сновали телевизионщики и газетчики, в то время как сонных людей грубо вытаскивали из их домишек и заковывали в наручники. Агенты Райана раскопали перед камерами обернутый в пластиковую пленку ящик, полный огнестрельного оружия и боеприпасов, в то время как на заднем плане прятался осведомитель, он же - бывший член общины, показавший агентам, где нужно копать.

Против арестованных членов сообщества не было выдвинуто никаких прямых обвинений в терроризме, или даже в нарушении законов; дело не шло дальше намеков. Один из агентов, который вскрывал ящик, взял из него оружие и держал его перед камерой. «Вот автомат, который уже никогда не будет использован террористами», - сказал он. Опытный глаз Оскара сразу узнал эту полуавтоматическую винтовку обычной модели, но миллионы других телезрителей наверняка посчитают, что это был автомат, предназначенный для террористических актов. Люди из СМИ в своих обзорах оказались даже более предвзятыми и постоянно называли членов общества «террористами». Местный шериф и представитель еврейской организации в Бойсе в интервью поблагодарили Агентство за помощь в предотвращении опасности терроризма в штате Айдахо, опять-таки не назвав ни одного конкретного преступления, в котором обвинялись члены общества. Как показалось Оскару, их настоящим преступлением, было то, что они были Белыми, владели оружием и отвергли многорасовый общественный эксперимент, в котором вынуждены были участвовать остальные граждане страны.

Показатели безработицы за апрель были обнародованы 1 июня. В целом, она выросла до 9,2 процента, что стало вторым наибольшим ее месячным приростом, начиная со Второй мировой войны.

Оскар определенно размягчился, когда Аделаида стала жить вместе с ним. Он не мог не смотреть на мир более добродушно, когда ее гибкое, теплое тело прижималось к нему семь ночей в неделю вместо двух-трех, как раньше, а за едой всегда радовали ее смех и прелесть.

Потерял ли он часть своих преимуществ? - спрашивал себя Оскар. Он снова вспоминал некоторые дикие поступки, совершенные им в прошлые месяцы и удивлялся собственной дерзости. Теперь он горячо надеялся, что Райан не обратится к нему снова с каким-нибудь особым заданием. Стала ли Аделаида причиной его излишней осторожности? Боялся ли он потерять радость, которую она внесла в его жизнь?

Вероятно. И возможно дело было еще вот в чем: прежде всего, он избавился от ощущения беспомощности, расстройства от неспособности сделать что-нибудь со всеми этими ненавистными событиями, происходящими вокруг у него на глазах; он жил в мире, который стал настолько невыносимым, что действительно не имело значение, что бы он ни делал. Но теперь у него появился план, или хотя бы наметки к нему; теперь у него забрезжила надежда, что он сможет внести свой вклад в создание лучшего мира. И эта надежда делала его осторожным. Даже самая призрачная возможность, что он сможет добиться чего-то, имеющее непреходящее значение, была слишком драгоценна, чтобы подвергать ее опасности своим безрассудством.

Разумеется, новые возможности в будущем были связаны с Солом. Через Сола Оскар говорил с миллионами людей; через Сола их можно было в критический момент поднять на решительные действия. Но даже до этого момента Сола можно было использовать осторожно как средство распространения созидательных идей, средство с гораздо большими возможностями передачи, чем что-нибудь еще, что он или Лига могли реально надеяться создать с имеющимися у них средствами. Неделями Оскар обдумывал идеи, которые можно распространять через Сола, с учетом не только возможности для этих идей проскользнуть мимо внимания евреев, не насторожив их и не приведя к отлучению Сола от его зрителей, но также и ради их собственной ценности: какие идеи действительно важно внедрить в общественное мнение, или в ту его часть, к которой Сол имеет доступ?

Эти идеи он также обсуждал с Гарри. К концу июня, когда деловую часть операции с Солом удалось более-менее отладить, они нашли время для нескольких бесед. Одна из них происходила в доме Оскара в воскресенье днем после того, как все они вместе с Аделаидой, Колин и Солом предварительно просмотрели пленку с проповедью Сола, передача которой намечалась на тот же вечер. Оскар высказал мысль, что настало время начать использовать проповеди для повышения расовой сознательности аудитории Сола.

Гарри был настроен скептически.

- А какой в этом смысл? Я имею в виду, чего вы хотите этим добиться?

Вопрос разозлил Оскара, и его голос выдал раздражение.

- Смысл в том, что наша раса исчезает, и одна из основных причин этого в том, что Белые имеют страшно низкий уровень расового сознания. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы исправить это положение.

Гарри вздохнул, как будто собрался в десятый раз объяснять что-то тупому ученику.

- Конечно. Наша цель состоит в том, чтобы не дать нашей расе погибнуть, если это возможно. Более того, надо снова вернуть нашу расу на путь успешного развития, чтобы подготовить появление высшей расы. Сознание - одна из предпосылок для достижения этого. Но сознание должно основываться на знании, а в аудитории Сола поразительно много невежд. Даже не знаю, стоит ли пытаться сделать что-нибудь в этом отношении. Я имею в виду, что они - христианские фундаменталисты. Конечно, они легко возбудимы, но обучаемы ли они? Думаю, что едва ли. По-моему, мы должны попробовать использовать в своих интересах их возбудимость и даже не стараться подучить их.

- А я не разделяю вашего пессимизма, - ответил Оскар. - Я знаю, что среди них много суеверных болванов, но наверняка их можно кое-чему научить. В конце концов, большинство из них знакомо с Библией, так что нам следует немного рассказать им о расовой истории и нынешней расовой обстановке. И все же мне неясно, чем, по-вашему, отличается знание от сознания.

- Знание есть набор данных, упорядоченных данных, в чьей-нибудь голове, а также система извлечения смысла из всего этого. Знание приобретается каждым, например, при изучении французского языка, обучении работе с компьютером или на лекции по истории расы. Если есть способности, то приобретается и некоторая степень понимания, а не только сырой материал.

Но сознание - более высокий уровень развития. Сознание - это знание плюс понимание плюс побуждение. Знание предусматривает только умственные способности; сознание предполагает объединение умственных и духовных способностей. Знание заключается в разуме, в его глубинах; сознание становится частью личности; оно находится как на поверхности, так и в глубинах; оно пронизывает все существо.

Если я изучаю историю своей расы, то через некоторое время могу стать хорошо осведомленным в расовом отношении. Я смогу процитировать вам много фактов, рассказать вам про этнический состав армий противников на Каталаунских полях в 451 году и при Туре в 732 году, или дать перечень двух десятков генетически обусловленных различий между черными и Белыми кроме цвета кожи. Но это не делает меня расово сознательным. В наших университетах множество людей, хорошо осведомленных в расовом отношении, но буквально ни одного расово сознательного человека. Чтобы стать расово сознательным, человек должен поднять расовое знание на такой уровень, что оно на деле будет управлять его мыслями и поведением; нужно иметь постоянное понимание расы; нужно чувствовать ее. Человек может получить знания, читая книги или слушая проповеди, но достижение и поддержание сознательности, в общем, предполагает изменение всего образа жизни человека.

- Ничего себе! - ответил Оскар. - Вы, наверное, уже читали раньше эту небольшую лекцию. - Оскар немного подумал над тем, что сказал Гарри, и затем продолжил. - Думаю, что соглашусь с вашим разделением, но все-таки непонятно, почему мы не должны стремиться просветить зрителей Сола и постепенно поднять, по крайней мере, часть их до определенного уровня расового сознания. Может быть они - не такие ученики, которых нам хотелось бы иметь, но именно с ними нам придется работать. Проповедники Истинного христианства перевоспитали людей точно такого же склада и затем выработали у них определенную сознательность. Почему же мы не можем вставить несколько уроков о расе в проповеди Сола и затем побудить его

аудиторию принять их достаточно близко к сердцу так, чтобы они стали теми, кого вы называете «сознательными»? Нам вообще ничего не надо говорить о евреях. Евреи могут решить, что Сол - «расист», но пока для них нет никакой прямой угрозы, они, вероятно, не пойдут на то, чтобы закрыть его.

- Оскар, невозможно так просто сделать людей сознательными. Евреи сознательны не только благодаря изучению реальной истории своего народа. Сознательными евреев делает и поддерживает постоянная напряженность между ними и нееврейским миром. Большая часть того, что их учат по еврейской истории семьи и раввины, еврейская периодика и книги, рассчитаны на усиление этой напряженности. Это и преднамеренное искажение истории: например, их известный миф о «газовых камерах» во время второй мировой войны. Евреев учат, что весь мир против них, и что единственный способ выжить для них состоит в том, чтобы первыми захватить этот мир. Основная мысль, которую они многократно вбивают в головы своих детей - гонения, гонения, и еще раз гонения. История, которую выдумали евреи - это записи о том, как они переживали одно гонение за другим, побеждая народы-хозяева, среди которых они жили; их основные праздники - праздники выживания после того или другого гонения и способы мести предполагаемым гонителям. Молодые евреи вырастают, относясь к окружающим неевреям как к врагам, которых нужно перехитрить, иначе будет плохо. Их учат, что весь мир их ненавидит. И, конечно, при таком отношении их худшие подозрения и опасения имеют свойство сбываться. Именно это делает евреев сознательными. Именно это делает их столь сильными.

А Истинные христиане, в той мере, в какой они обладают сознательностью, приобрели ее довольно похожим способом. То есть они, как и евреи, считают себя «богоизбранным народом», наследниками древних израильтян, которые заключили договор с Яхве. Они верят, что были обмануты при наследовании евреями, которые, на самом деле, являются слугами Сатаны. Евреи в свою очередь используют СМИ, чтобы клеветать на Истинных христиан; они науськивают на них правительство и стремятся превратить их в отверженных. Это заставляет Истинных обороняться и чувствовать себя гонимым меньшинством, по крайней мере, до некоторой степени, хотя конечно не таким, как евреи. А возникшая напряженность придает группе определенную сознательность. Тот же самый путь прошли и мормоны, по крайней мере, в самом начале. Точно также это сработает с любой группой уверовавших, если они сумеют сделать себя достаточно непопулярными. Но такую работу трудно проделать с большинством, ведь слушатели Сола ощущают себя частью большинства. Они могут чувствовать в некоторой степени, что их окружают грешники, но они не ощущают себя гонимыми, и у них нет ощущения вражды и опасности, что требуется для приобретения групповой сознательности.

- Ну, хорошо, а как насчет нас самих? - с огорчением выпалил Оскар. - Как мы-то развили свое расовое сознание?

Гарри рассмеялся.

- Мы действительно обладаем определенной сознательностью. Мне лишь хочется, чтобы она была также высока, как у евреев! Наша сознательность, основана не на чувстве личной опасности, личной угрозы, а на нашей способности мыслить обобщенно. Мы ощущаем угрозу всему, что есть в мире прекрасного и достойного. Возможно, кто-то из нас может выразить эту мысль немного по-другому, чуть более лично, и сказать, что мы ощущаем бессмысленность движения ко все более поглощающему равенству, все более поддельной демократии и всем последствиям этих событий - все большему уродству, дисгармонии и расовому вырождению, которые угрожают самому смыслу нашего существования. Это угроза для нас не личная и физическая, но угроза самому важному, с чем мы себя отождествляем, чувствуем частью самих себя, с тем, что придает значение и смысл нашим жизням. Мы не отделяем себя от нашей расы, идеала нашей расы, и, более того, от процесса, в котором наша раса является основной движущей силой, процесса создания более высокой организации, процесса, который является действующим началом Бога.

Гарри даже немного покраснел, возможно, потому что раскрыл свою душу перед слушателями больше, чем хотел. Оскар пристально посмотрел на него и затем тихо сказал:

- Я и не знал, что вы - верующий человек, Гарри.

Гарри снова засмеялся, на сей раз, чтобы скрыть смущение.

- В нашей борьбе не бывает неверующих, если использовать слова одного писателя. - И потом продолжил серьезным тоном: - Я не хочу сказать, что люди, которые смотрят передачи Сола, не способны стать в какой-то мере расово сознательными, даже не чувствуя личной угрозы.. Я просто думаю, что это будет очень трудным делом, и его результат не будет иметь большого значения. Вспомните, что они были зрителями программы Колдвелла. Их вера основана не на идеализме, а на стремлении попасть в рай и получении вскоре своей доли пирога на небе. Их учили, что Иисус ненавидит расистов, что расисты не попадут на небо. Вам нужно не только преодолеть эту веру, но и превратить в идеалистов людей, которые являются материалистами, чрезвычайно снисходительными к своим слабостям.

И не только это. Чтобы стать полезными нашему делу, люди должны иметь не только знания и сознательность; им также требуется дисциплина. У Сола нет никакой возможности приучить к

дисциплине людей, которые выросли не зная ее. Самодисциплина, самообладание в течение всей жизни, в процессе, который требует не только закалки воли, но и почти всегда, чтобы человек рос в среде, которая налагает на него некоторую внешнюю дисциплину. Без дисциплины люди могут хотеть служить делу, но не умеют в достаточной степени управлять собственными возможностями, чтобы выполнить это с пользой.

Все это ведет к тому, что в некоторых случаях зрителей Сола можно будет естественно и легко подтолкнуть в определенном направлении - именно теми способами, которые отвечают их природе. Их легко можно будет убедить голосовать за какого-нибудь кандидата, то есть, за того, на которого укажет им Иисус. Их можно убедить бойкотировать определенные товары в магазинах. Они охотно напишут кучу писем в Вашингтон против или в поддержку определенного закона, по которому Сол настойчиво выразит им чувства Иисуса. Их можно даже призвать к какому-нибудь гражданскому неповиновению, если Иисус через Сола убедительно потребует этого.

Но пытаться изменить их и заставить их делать то, что для них трудно и неестественно - это задача совершенно иного масштаба. Мы должны понять, как нам использовать влияние, которым обладает Сол. Хотим ли мы изменить ход выборов? Или создать армию воинов Белой расы? Но прежде, чем мы попробуем сделать последнее, давайте убедимся, что это имеет смысл и вписывается в нашу общую стратегию.

Больше минуты стояла тишина. Оскар еще раз поразился удивительной схожести взглядов, которые высказывали двое таких разных мужчин, как Уильям Райан и Гарри Келлер. Однако при размышлении над этим у Оскара возникало сильное ощущение, что между представлениями этих двух мужчин имеется серьезное различие, которое он не мог легко распознать, но для него легче было проглотить то, что говорит Гарри, чем принять ту же самую или очень похожую правду, высказанную Райаном.

- Ну, хорошо, - наконец прервал молчание Оскар. - Хорошо. Возможно, я действительно иногда немного забегая вперед. Я думаю, что дело, которое меня волнует, заключается в том, что, в конечном счете, мы должны изменить настроения в обществе; мы должны развить у среднего гражданина расовое сознание. Иначе выигрыш выборов или начало восстания не окажут длительного действия.

- Конечно, вы правы, - ответил Гарри. - Но вспомните, что евреи, прежде чем достичь нынешнего положения, десятилетиями добивались сдвигов в общественных отношениях, и для этого в их распоряжении было намного больше возможностей, чем одна-единственная телевизионная программа раз в неделю. Для новой ориентации общественности нам понадобится сделать собственный сопоставимый вклад. Возможно, если мы используем Сола с умом, то сможем добиться большего влияния. Вероятно, в конечном счете, мы сможем достичь большего в успешной борьбе с евреями за сердца и умы нашего народа. Я боюсь использовать Сола сегодня для маленького и незначительного результата, но потерять возможность достичь позднее намного большего влияния.

- Кроме опыта, который мы приобретаем теперь, используя телевидение, как еще, по-вашему, мы можем использовать передачи Сола для достижения большего влияния на общественность?

- Не знаю. Можно подумать о нескольких возможностях, но прямо сейчас я считаю, что мы должны осторожно разведывать наш путь вперед и быть готовыми использовать в своих интересах новые возможности, которые могут возникнуть. Тот факт, что после передач Сола приходит так много денег, открывает перед нами более широкие возможности и новые подходы, чем у нас были раньше. Если дела пойдут так же, как сейчас, то меньше чем через год у нас в банке вполне может накопиться сто миллионов долларов. Тогда мы сможем серьезно думать о покупке нескольких газет в больших городах. Но это - непростой бизнес. Мы можем потратить сто миллионов долларов на газеты и затем остаться с убытком в пятьдесят миллионов долларов в год, если евреи разгадают нашу затею и объявят бойкот нашим газетам среди рекламодателей. И нам придется распродавать все с огромными убытками. Преимущество евреев состоит в том, что они организованы на всю глубину своей общины. Прежде, чем евреи захватывают СМИ, они создают фирму, которая держит источники большей части рекламных доходов от СМИ. Мы не можем даже надеяться повторить это.

- Вот почему, мне кажется, мы должны работать, чтобы донести наши идеи до общественности именно теперь, - ответил Оскар. - Мы не можем действовать как евреи. Нам не удастся добиться своего только с помощью денег. Но мы могли бы добиться этого с помощью идей и вдохновения. Конечно, я понимаю, что сейчас мы доносим наши идеи до отдельных личностей с помощью наших книг и видеозаписей. Я признаю важность этого; люди, на которых мы выходим теперь, умнее, лучше образованы и более способны участвовать в наших усилиях по сравнению с любым из людей в аудитории Сола. Но мы не можем позволить себе, чтобы общественное мнение продолжало сдвигаться в направлении, возглавляемом евреями.

Он на мгновение сделал паузу, затем наклонился вперед, потому что у него в голове забрезжили смутные очертания плана.

- Предположим, что мы начнем с чего-то достаточно тонкого, что не может представлять никакой опасности для выступлений Сола, но одновременно позже может послужить основанием для более конкретных идей. Например, мы можем побудить слушателей поразмышлять о своих корнях. Мы могли бы начать борьбу против еврейской присказки, что каждый человек - только личность, без корней, не несущий никакой ответственности ни перед кем, кроме самого себя.

Сол, который до этого момента только слушал, внезапно заговорил.

- Примерно так? - спросил он, а затем начал декламировать: - Братья и сестры, ужель человек - только песчинка? Плывете ли вы в этом мире по течению сами по себе? Нет, мои братья и сестры, это не так. Бог учит нас в Библии, что человек похож на звено в цепи. Вы - звено, которое соединяет прошлое с будущим. Вы - звено между всеми поколениями, которые прошли прежде и те, которые придут после нас. Вы таковы благодаря тому, какими были ваши предки, тому как они жили и как они выбирали своих жен и мужей. На кого будут походить ваши потомки, будет зависеть от того, как вы ведете себя сегодня. Другими словами, братья и сестры, Бог возложил на вас ответственность определить, на что мир будет похож в будущем. Он ожидает, что мы отнесемся к этой ответственности очень серьезно. Ведь Бог любит мир, и он хочет, чтобы мы позаботились о нем во славу Его. Да, он этого желает, мои братья и сестры. В самой Библии Иисус говорит нам: «Бог так любит мир, что отдал своего единственного Сына». Так говорит Иисус. И поэтому, когда мы приносим в этот мир наших собственных детей, нам следует обратить внимание на то, что мы делаем. Мы должны быть уверены, что они окажутся светлыми в глазах Бога, что они будут детьми, угодными Богу, и он почувствует, что мы относимся к нашей ответственности серьезно.

- Точно, Сол, точно! - взволнованно воскликнул Оскар. - Этот кусочек о «светлых» детях может вызвать крики расосмесителей и более темнокожих братьев, но я думаю, что мы сможем найти что-нибудь не менее тонкое, чем это.

- Конечно, я должен буду придумать кучу притч, чтобы пояснить это послание. Братья и сестры ничего не поймут, если это не сопровождается множеством притч. Но мне нравится основная идея. Вы знаете, я вырос в среде фундаменталистов. Люди эти, в основном простые, но неплохие. Мне несколько неприятно, что вы их всех считаете чем-то вроде стада животных, которое мы погоним в нужном направлении, когда придет время. Мне гораздо больше по душе отнесение их к одной расе с несколько более развитыми людьми, которым мы продаем наши книги. Я уверен, что при наличии времени и терпения мы сможем устранить вред, нанесенный им, и снова пробудим их лучшие чувства. Просто позор, что мы вынуждены использовать для этого иудаизм и еврейское священное писание, вместо того, чтобы вообще вытащить их из этого болота.

- Хорошо, сначала главное, Сол, - ответил Оскар. - Прежде, чем эти люди смогут освободиться от целой жизни, прожитой в путине чужеродных религиозных предрассудков, они должны научиться думать по-новому. Мы должны дать им новую основу отношения к миру и самим себе. Мы должны помочь им приобрести ощущение расовой принадлежности, дать лучшее понимание их отношения к остальной части мироздания и смысла жизни.

Пока Сол и Оскар беседовали, Гарри сидел задумавшись. Тут он заговорил снова.

- Я не вижу ничего неверного в том, что вы имеете в виду. Может пройти лет пять или больше, прежде чем мы сможем сделать что-нибудь стоящее со слушателями Сола. За это время мы можем сильно повлиять на некоторых из них. Конечно не на всех, и даже не на большинство. Христианство - религия рабов, и она, к сожалению, соответствует природе многих Белых людей. Они не могут обойтись без представления о Большом Папочке на небе, который присматривает за ними. Эти люди никогда не научатся стоять на собственных ногах, мыслить как аристократы и иметь свою аристократическую религию. Но некоторые из них смогут, и именно они обещают стать для нас важным источником пополнения. Нам нужно быть очень осторожными при выборе способа, с помощью которого мы постараемся склонить их на свою сторону, так, чтобы не потерять их большую часть, или не пробудить подозрение у евреев.

- Евреи должны быть подозрительными, - заговорил Оскар. - Они останутся подозрительными, даже если мы не попытаемся внести расовое послание в проповеди Сола. Быть подозрительными - в их природе. Но если мы будем воздействовать на подсознание и будем осторожны, чтобы не задеть какой-либо из жизненных интересов евреев, вроде Израиля, я думаю, что сможем избежать осложнений. Рейтинги Сола сейчас настолько высоки, что евреи уже любят его. Он притягивает зрителей и приносит деньги, как для них, так и для нас. И помните, мы планируем развить Сола в проект с использованием многих средств распространения информации, как у Колдвелла и остальных. А тех, кто хорошо воспринимает телевизионные послания Сола, можно вести дальше, отправляя им по почте печатные материалы. Это позволит нам постепенно отделить козлиц от овец, занимаясь в дальнейшем только овцами, способными к развитию.

Три дня спустя, 1 июля, были обнародованы показатели безработицы за май. Она возросла с апреля на полпроцента, до 9,7 процента, но ее рост в течение месяца составил менее половины

скачка в предыдущем месяце, и представители правительства заявили, что безработица «под контролем» и уверенно предсказывали, что она скоро снова пойдет на спад.

На самом деле, правительство не контролировало события в той мере, как этого ему хотелось. Уровень преступности и безработица росли рука об руку. От месяца к месяцу происходило все больше грабежей с применением насилия, краж со взломом и угонов автомобилей. Волнения среди рабочих также были на подъеме. В основном, они носили ограниченный характер, но четвертого июля прошли огромные выступления безработных в Нью-Йорке, Вашингтоне, Детройте, Сан-Франциско и ряде других крупных городов. И в Вашингтоне и в Сан-Франциско выступления ознаменовались насилием, разбитыми стеклами витрин и перевернутыми, сожженными автомашинами. Грабежи магазинов черными в Вашингтоне стали хроническими. Когда полиция попробовала остановить их, негры начали поджигать дома. К вечеру пятого числа, двадцать кварталов столицы были в огне, а снайперы не подпускали пожарных.

Райан снова сдерживался, выжидая подходящего времени для применения силы, с тем, чтобы рассчитывать на одобрение своих действий и правительством, и обществом. Этот момент настал после того, как в течение ночи ветер переменялся и понес дым с района пожаров на запад к населенным Белыми частям города. Тепловая инверсия - редкость для Вашингтона - прижала дым к земле. Черное удушающее облако было особенно убийственным в Джорджтауне, где располагались квартиры и городские дома многих законодателей, дипломатов и чиновников. Попытка всеобщего отчаянного бегства на автомобилях быстро привела к пробкам на узких улицах, и кашляющие водители побросали свои машины, вынудив других сделать то же самое. Спасательные отряды должны были пешком и в противогазах выводить тысячи других жителей в безопасное место. На следующее утро лидеры Конгресса были буквально разъярены и потребовали немедленного применения силы. В одиннадцать часов Райану позвонил президент.

Райан уже был готов. Как и в Майами, он с самого начала волнений получал сведения от своих тайных агентов. В его «военном зале» в штабе Агентства на огромной электронной настенной карте города были обозначены места всех пожаров, уличных баррикад, сборищ черных мятежников и сообщений о снайперах, которые обновлялись каждую секунду.

Перед полуднем он бросил в бой десяток боевых вертолетов с отрядами вооруженных до зубов агентов и служб телевизионных новостей в каждом из них. Здания, с которых велся снайперский огонь, сначала обстреливались ракетами и несколько раз обрабатывались из 20-мм орудий, прежде чем на их крыши высаживались агенты в бронжилетах и со штурмовыми винтовками.

Другие вертолеты пикировали на группы черных на улицах и сбрасывали в середину толп особые кассетные шоковые гранаты. Эта тактика дала потрясающие результаты и была особенно интересной для зрителей, которые «живьем» наблюдали по телевизору наступление Агентства на мятежников. Вначале на экранах телевизоров было видно, как сотни черных на улице внизу вызывающе грозили кулаками вертолету над ними и выкрикивали ругательства. Потом почти одновременно среди толпы сверкнули сотни вспышек, и раздалась череда оглушительных взрывов. После этого кругом, насколько хватывал глаз, стали видны лежащие тела черных, разбросанные в нелепых позах. И, наконец, примерно половина этих «тел» с трудом встала на ноги и начала разбегаться во всех направлениях, со скоростью, на какую только были способны их ноги. Несколько других черных пытались ползти или встать на карачки и убраться подальше, тогда как остальные лежали неподвижно. Представитель Агентства назвал устройства для сброса гранат, которыми были оборудованы вертолеты, «укротителями мятежников». Они были недавно разработаны Агентством и, как ожидалось, в будущем должны были стать стандартным вооружением.

В течение двух часов десант Агентства полностью подавил стрельбу снайперов и практически очистил улицы в районе беспорядков от черных, кроме двух больших открытых площадок, где содержались более тысячи задержанных, пока их не увезли на автобусах. К вечеру все пожары были потушены.

Подавление Агентством беспорядков в Вашингтоне произвело на население впечатление своей решительностью, профессионализмом и непреодолимой силой. Сравнение с бездарной работой полиции Вашингтона было неизбежно. Также как и после беспорядков в Майами двумя месяцами ранее, по опросам общественного мнения абсолютное большинство Белых одобрило действия Агентства, и единственным недовольными среди них оказались церковники. В письмах редакторам газет и в беседах на радио высказывались самые разные мнения от ханжески консервативных вроде «правительство должно быть твердым в отношении правонарушителей», до таких здравых как «наконец-то у нас есть кто-то в Вашингтоне, кто знает, как поступать с черномазыми». 312 черных, убитых агентами Райана при подавлении беспорядков, оказались просто статистикой, приводимой на внутренних страницах газет только

озлобленными негритянскими вожаками, которые сравнивали эти события с расстрелом черных мятежников южноафриканской полицией в Шарпвилле в 1960 году.

22 июля Конгресс одобрил выделение Агентству дополнительных средств, позволяющих нанять и подготовить еще 2500 агентов и 1500 человек на вспомогательные должности, то есть более чем удвоить его численность.

Статистическое управление Министерства труда США 24 июля объявило о пересмотре своих показателей безработицы на апрель и май, увеличив общие цифры почти на один процент. Показатели за июнь были опубликованы 3 августа: итоговая цифра на этот месяц составила 13,6 процентов. По оценкам, цифра на июль могла возрасти до 15 процентов.

В тот же день Президент подписал Указ, на неопределенное время приостанавливающий гражданские права лиц, подозреваемых в заговорах по участию в действиях, которые могут вести к беспорядкам или другим гражданским волнениям.

Хотя в июле внимание общественности приковывали и другие новости, но первые сообщения о конфискации и судебных преследованиях на основании закона Горовица начали появляться как раз тогда. Как и предсказывал Гарри семь месяцев назад, именно Ку-клукс-клан и несколько мелких неонацистских группировок оказались первыми целями Наблюдательного Совета, созданного для изучения и одобрения или неодобрения сомнительных книг и других печатных изданий. Борцы за гражданские права словно воды в рот набрали, а управляемые СМИ создавали впечатление почти единодушного одобрения общественностью преследования распространителей «ненависти» и сжигания их литературы.

Единственный примечательный раскол во взглядах произошел в августе, когда Совет предложил запретить недавно вышедшую книгу о СПИДе - «Растущая угроза СПИДа в Америке» - и начать уголовное преследование ее автора и издателя. Книга, написанная доступным языком доктором Харви Кросслендом, видным ученым-медиком из университета Джона Хопкинса, исследовала пути заражения этой болезнью обычных, не имеющих отклонений Белых, которые до недавнего времени почти с нею не сталкивались. Основную вину за распространение болезни Кроссленд возложил на бисексуалов, которые выступали как переносчики вируса иммунодефицита человека из гомосексуальной среды в относительно незараженное обычное население, и на неразборчивых Белых, которые занимались сексом и с Белыми, и с черными, создавая, таким образом, еще одну питательную среду для вируса. Он утверждал, что единственный действительно надежный способ предотвращения дальнейшего распространения смертельной болезни заключается в проверке на вирус каждого человека и последующей изоляции носителей болезни.

Книга уже стояла в списке научных бестселлеров «Нью-Йорк Таймс», когда был издан запрет Наблюдательного Совета и разразилась настоящая буря протестов. Несколько недель эта буря только усиливалась, так как и с той, и другой стороны вступали в сражение публицисты, педагоги, авторы, профессиональные правоведы, политики и представители различных национальных меньшинств. Многие более трезвые головы из первоначальных сторонников закона Горовица пытались потихоньку убедить Совет отозвать свой запрет, но их первые попытки оказались бесполезными.

Двенадцать членов Совета были отобраны сотрудником Белого дома из сохранившихся членов Народного комитета против ненависти, на основе неприкрытого политиканства: там был католический епископ, раввин, протестантский священник, защитник гражданских прав черных, воинствующая феминистка, американский индеец, цыган, представитель содомитов мужского пола и так далее. Именно последний член Совета настоял, чтобы Совет выступил против книги о СПИДе. Он пришел в бешенство от вывода книги, что гомосексуалисты представляют собой угрозу здоровью остальной части общества и что многих из них необходимо изолировать. Он смог убедить черного члена Совета, что все негры также были опорочены этой книгой. Феминистка, которая, по слухам, занималась и разнополой, и однополой «любовью», оказалась естественным союзником гомика. Как и протестантский священник - по той же самой причине. Эта четверка вынудила трех других членов Совета проголосовать за запрет на том основании, что книга разжигает ненависть, осуждая межрасовые половые связи.

Наконец, скандал был улажен, когда вмешался сам президент и оказал давление на двух из членов Совета с целью изменения их мнения. Но перед этим, ежедневно у нью-йоркского офиса издательства «Хармон Хаус», выпустившего книгу, проводились безобразные выступления извращенцев. Особенно мерзкий случай произошел на вторую неделю демонстраций, когда два гомосексуалиста облили из упаковок с зараженной СПИДом кровью секретаршу издательства «Хармон Хаус», выходящую из здания.

На следующее утро на мостовой оказалось намного больше зараженной СПИДом крови, когда муж секретарши подъехал на машине к обочине в десяти метрах от группы демонстрантов, высунул из окна ствол автоматического охотничьего ружья 12-го калибра из окна и выпустил в толпу семь зарядов картечи номер 4, затем перезарядил дробовик и выстрелил еще семь раз.

Удивительно, но пока как муж-мститель заряжал свой дробовик новыми патронами, около тридцати полицейских, которым было поручено поддерживать порядок на месте, отведенном для

демонстрации, не спешили вмешаться. Когда один новичок-полицейский принял боевую стойку, нацелил пистолет в голову мужчины и начал кричать ему, требуя бросить оружие, сержант-командир отвел руку молодого полицейского в сторону и сказал ему пару слов, после которых парень сильно покраснел и быстро засунул свой пистолет в кобуру. Сержант также сердито махнул другому полицейскому, который целился в стрелка с ружьем, с тем же самым результатом.

Несколько полицейских направили свое оружие на окровавленных демонстрантов, которые пытались убежать, и, стараясь с ними не соприкоснуться, заставили их лечь прямо на тротуар. Другие убегающие демонстранты спотыкались о лежащих и падали. Когда несколько секунд спустя стрельба возобновилась, образовавшиеся груды тел представляли собой удобные цели.

После второго залпа сержант вздохнул, медленно подошел к машине, осторожно забрал у мужчины ружье и надел на него наручники.

Пять содомитов умерли на месте, но одиннадцать других визжали и истекали кровью больше часа, потому что работники санитарных машин отказались прикасаться к ним, пока им не привезли особые защитные костюмы с перчатками и капюшонами. Газета «Нью-Йорк Таймс», отражая чувства гомосексуального сообщества, пришла в ярость и потребовала уголовного преследования полицейских, но на это нельзя было даже надеяться. Официальное объяснение состояло в том, что главной задачей полиции являлась защита общественности, поэтому она препятствовала окровавленным гомосексуалистам покинуть место стрельбы, чтобы они не заразили других своей кровью.

Как показали неофициальные опросы и последующие события, общественность без колебаний и почти единодушно согласилась с этим выводом. Когда представитель гомосексуалистов объявил о планах проведения марша протеста против поведения полиции и ее отношения к гомикам, кто-то бросил зажигательную бомбу в его офис. Когда же десяток его поделщиков появились перед зданием муниципалитета с плакатами, толпа уличных рабочих напала на них с трубами и лопатами, избив до бесчувствия. Зараженная кровь, вылитая на секретаршу, захватила воображение общественности так, как сами гомосексуалисты, возможно, и не предполагали; это событие пробудило глубокий ужас и отвращение, которое будет нелегко загладить причитаниями СМИ против «нетерпимости». Одновременно это отразилось в резком росте по всей стране числа нападения на гомосексуалистов со стороны бритоголовых и других лиц.

Звучали также призывы предъявить обвинения Кроссленду и издательству «Хармон Хаус» в заговоре с целью организации беспорядков около издательства, но из этих требований также ничего не вышло.

Однако события все же имели некоторые официальные последствия. Среди прочего, президент без лишней огласки перешерстил Наблюдательный Совет, заменив всех, кто голосовал за запрет книги Кроссленда большим числом прагматичных назначенцев.

Но в Конгрессе наиболее бешеные сторонники закона Горовица пошли противоположным путем, вводя новое законодательство, наделяющее Совет расширенными полномочиями. Вместо того чтобы просто отвечать на жалобы по определенным книгам, которые уже вышли, Совет мог осуществлять предварительную цензуру, а все издатели были обязаны представлять тексты новых книг в Совет на одобрение перед их изданием.

Возможно, что до суматохи с книгой доктора Кроссленда такое законодательство и было бы принято, но теперь на это не было никаких шансов. Пелена спала с глаз людей. Прежде всего, утихла организованная СМИ истерия, которая позволила принять закон Горовица. Люди осмелились высказываться против деспотичной цензуры Совета, даже рискуя показаться сторонниками «ненависти». Не было никаких попыток отменить этот закон или восстановить права таких отверженных как ку-клукс-клановцы и неонацисты, но опять нужно было заколдовать общественность, так сказать «заштопать» пелену прежде, чем правительство сможет добиться, что не появится никаких новых книг, задевающих чувства какого-нибудь привилегированного нацменьшинства.

И все же сторонники закона Горовица добились одной победы. По их настоянию проведение в жизнь этого закона было переложено с ФБР на Агентство. Их аргумент заключался в том, что литература «ненависти», как и организации «ненависти», связаны с терроризмом и поэтому должны быть подведомственны Агентству. Они указывали на недавнюю стрельбу по гомосексуалистам-демонстрантам как террористическое последствие публикации книги, которую следовало запретить. На самом деле, они ожидали от Агентства Райана более энергичного применения этого закона, чем от ФБР.

- Разве эти пидоры не понимают, что вся ненависть, которую они вызывают, может обратиться против них самих, и доведенная до точки кипения общественность однажды взорвется и «сварит» всех их до смерти? Они действительно думают, что могут до бесконечности

продолжать тыкать рядового американца носом в свою мерзость и никто никогда им не отплатит? - спросил Оскар.

Он, Гарри, и Сол сидели в комнате отдыха в доме Келлеров, проводя после обеда второе воскресное совещание, посвященное программе Сола. За прошедшие десять недель Сол прочитал проповеди, поднимающие расовое сознание, очень тщательно готовя их, чтобы воплотить расовое послание, но не упоминать самое расу. Зрители восприняли послание на удивление хорошо, и оценки Сола продолжали повышаться. Уже через два воскресенья после объявления последних рейтингов Нильсена, показавших, что доля фундаменталистской аудитории Сола повысилась до 55 процентов, Колдвелл, Браггарт и Ричардс хором обвиняли Сола в том, что он «расист» и осудили его проповеди как «нехристианские» и «разжигающие рознь».

Конечно, Сол резко отрицал эти обвинения и уверенно стоял на своем в проповедях. Через неделю после того, как начались нападки на Сола, он произнес свою самую смелую проповедь, начав со свидетельства Ветхого Завета о мерах Ездры, запрещавших его соплеменникам евреям, вступать в брак с их соседями-неевреями, и закончив предостережением слушателям не разрушать то, что с таким старанием создавал Иегова: «Бог не зря создал тысячи поколений, создавая вас такими, каковы вы есть, только затем, чтобы все это пустило по ветру. Он хочет через меня высказать вам то же самое сегодня, что он приказал Ездре сказать израильтянам 1500 лет назад. Он заставил их избавиться от всех этих «чужих жен» и даже детей, которых им родили эти жены. Если они не были чистокровными израильтянками, то должны были убираться прочь. Так пожелал Господь. Вы, молодые люди, подумайте о том, на кого похожи ваши родители и бабушка с дедушкой. Подумайте, как они выглядят и поступают, и затем выбирайте себе пару, которая выглядит и ведет себя так же, как вы». По-прежнему, Сол не упоминал о расе. Его слова можно было отнести и к черным слушателям, и к Белым. Споры, возникшие после обвинений Сола «товарищами по цеху» - евангелистами, еще больше повысили его известность.

Оскар сделал свое замечание о гомосексуалистах после обсуждения статьи в новостях газеты «Вашингтон Пост» за этот день. Национальная ассоциация просвещения только что поддержала примерный законопроект, который потребует от школ в тех штатах, где он будет принят, ввести курс «Возможные сексуальные ориентации» для всех учащихся. Предлагаемой целью закона, подготовленного сообществом гомосексуальных групп совместно с Антиклеветнической Лигой при Б'най Б'рит провозглашалась «борьба с нетерпимостью» и уменьшение вероятности повторения «трагедий», подобных недавней бойне на тротуаре в Нью-Йорке. Уроки, предлагаемые законопроектом, должны были «помочь молодым людям понять, что люди с сексуальной ориентацией, отличной от их собственной», такие же «обычные», как и все остальные, и что никакая определенная «ориентация» не является более нравственной или более желательной, чем любая другая.

- Некоторые из них должны понимать что к чему, - ответил Гарри, - но гомосеки действительно плохо соображают. В некотором отношении они похожи на евреев: не понимают, когда надо остановиться, чтобы не перегнуть палку. И на самом деле, многие из гомосексуалистов - евреи. Но вы чересчур обнадеживаете себя, если считаете, что общественность уже почти готова начать искоренять этих вредителей. Этот случай с обливанием зараженной кровью в Нью-Йорке дал большую пищу СМИ и ужаснул многих людей, но это было только чистое везение. Вот увидите; они едва ли поднимут крик через полгода или год, когда их детям придется ходить на уроки, на которых который им скажут, что неважно, какой пол у их половых партнеров и что самый худший поступок, который они могут совершить - это задеть чувства какого-нибудь зараженного СПИДом.

- Ну, Гарри, - раздраженно ответил Оскар. - Вы же не верите, что мы - единственные люди в стране, кого это волнует.

- Конечно, нет. Миллионам людей, возможно четверти Белого населения, очень не нравится, как идут дела. Не каждый верит тому, во что его заставляют верить. Многие из них обрадуются, если земля разверзнется и поглотит всех геев, евреев и черных, но даже у одного из десяти тысяч не хватит сообразительности или духа, чтобы сделать хоть что-нибудь, чтобы это произошло. Они не станут ничем жертвовать и рисковать, поэтому совершенно не важно, во что они верят. Наша раса гибнет вовсе не из-за отсутствия правильных идей; это происходит из-за отсутствия у людей силы духа.

- Не буду спорить с вашим последним утверждением, - заметил Оскар, - но я не согласен с вашей статистикой. Я не думаю, что мужчин вроде мужа этой секретарши, взявшегося за оружие, так мало, как вы думаете. По-моему, есть тысячи похожих на него, и что их ответ был бы таким же мощным, если бы мы смогли их убедить. И затем, после того, как эти тысячи подадут пример, встанут сотни тысяч.

- Согласен, может быть я немного пессимист, но вы слишком большой оптимист, - ответил Гарри. - Единственный раз, когда вы увидите сотни тысяч Белых американцев, бросающихся на врагов, произойдет в том случае, если они будут уверены, что могут поступать так совершенно безопасно для себя. Когда на каждом фонарном столбе будет висеть по еврею, и они будут

уверены в своей безнаказанности, они выйдут и будут плевать на тела евреев, но это все, что от них можно ожидать.

- Знаете, - сказал Сол, - у скольких Белых мужчин все еще есть характер, потому что это - не главный вопрос. Нужные обстоятельства, как и настоящий дух в мужчине, заставляют его поступать правильно. В подходящих условиях самый жалкий трус может стать героем, и эгоист из эгоистов пожертвовать собою за правое дело. За время, которое нам отпущено, мы не слишком много можем сделать для улучшения характера американцев. Эта работа на поколения, но - после революции. Однако мы можем кое-что сделать для изменения условий, и, по-моему, об этом мы и должны думать.

- Возможно, вы знаете что-то, чего остальные не знают, но мы считаем, будет так же тяжело изменить условия в стране, как и характеры людей, - ответил Гарри. - Как вы думаете, что мы можем сделать?

- Ну, я не уверен, - последовал ответ Сола. - Хотя, мы уже немного изменили идеологическую обстановку. Кто бы мог подумать всего три месяца назад, что мы заставим почти девять миллионов христиан-фундаменталистов, которых прежде тридцать лет учили, что Бог хочет, чтобы они спали с черномазыми, начать гордиться тем, что они - Белые, и пробудим у них интерес к их расовым корням в Европе? Вы смотрели письма, которые мы получаем?

- Да. Я удивлен тем, как хорошо эти одержимые восприняли ваше послание. Думаю, что есть и противники, и они скоро оправятся от неожиданности и начнут принимать ответные меры. Я не люблю стучать по дереву, чтобы не сглазить успех, но думаю, мы действуем слишком быстро. Нам бы затратить года два на то, что мы сделали за десять недель, и быть при этом намного хитрее. Большая часть ваших зрителей может поглощать ваши сообщения, не понимая, к чему вы клоните, но будьте уверены, что вы черта с два одурочите евреев. Боюсь, что теперь мы потеряли свою маскировку, и нас ждет гораздо более трудное время в развитии наших СМИ. На самом деле, нам будет трудно удержать даже то, что у нас есть. Послушайте вот это. - И Гарри начал читать вырезку из последнего выпуска газеты «Еврейская Неделя». Она разносила Сола не только за скрытый расовый смысл проповеди по Ездру, но и ее так называемый «антисемитский подтекст».

- Черт побери, я не сказал ничего близкого к антисемитизму, - возмутился Сол.

- Сказали, не сомневайтесь, - ответил Гарри. - В сущности, вы заявили, что, если для евреев хорошо избегать смешанных браков, тогда это хорошо и для нас. Вы подняли нас, гоев, на такой же высокий уровень, что и «богоизбранный народ». Они считают это *lese majeste* - государственным преступлением, самым худшим сортом антисемитизма, и они не простят вам этого.

Обсуждение продолжалось еще час, но Оскар принимал в нем меньшее участие, чем обычно. Он был согласен с мнением Гарри, что они двинулись слишком быстро. Конечно, он был бы более осторожен, если бы не чувствовал, что Гарри неохотно занимается всей идеей использования программы Сола для идеологической обработки. Гарри заставил его рассердиться и подтолкнуть Сола чуть сильнее, чем он должен был, чтобы доказать правильность своей идеи.

Программа едва ли могла рассчитывать на большой успех. Почта и деньги лились рекой. Пришлось нанять еще десяток женщин для обработки поступающей почты, а еще два местных члена Лиги теперь полный рабочий день были заняты подготовкой печатных материалов, которые рассылались в ответ, начиная от компьютерного благодарственного письма, похожего на написанное рукой Сола, и кончая более серьезными материалами для чтения тем телезрителям, которые казались готовыми к дальнейшему повышению своей сознательности. Одной из наиболее насущных хозяйственных забот Оскара было принятие решения о том, что делать со всеми этими деньгами. Временно он поместил большую часть средств в шестимесячные сберегательные вклады, одновременно изучая различные паевые фонды и инвестирование в акции.

Но подсознательно Оскара мучил ноющий страх, что все предприятие находится в опасности. Они раскрыли себя, не имея ясного представления о том, что делать дальше. Замечание Сола об изменении условий в стране заинтересовало его, но как и Сол, он был в затруднении, каким образом использовать их, помимо продолжения осторожного повышения расовой сознательности нескольких миллионов христиан. В тот вечер Оскар вернулся домой приунывшим и обеспокоенным.

Хотя Оскар уже три раза смотрел пленку с последней проповедью Сола на различных стадиях ее создания, он снова стал смотреть ее в программе «Дабл-ю-Зет-Уай-Ти-Ви» в восемь часов, сидя в кровати рядом с Аделаидой. На сей раз, по сравнению с передачей недель прежде, расовое послание было немного более скрытым. Своей темой Сол взял ухудшающуюся ситуацию с наркотиками и частично возложил вину за распространение наркотиков на отсутствие у американцев чувства расовой принадлежности, причем снова не упомянул расу как таковую.

Сущность его проповеди была такова: «Раньше люди чувствовали, что они относятся к группе других людей, которые связаны с ними некоторым образом, людей, которые были похожи на них самих и думали примерно также, людей, с которыми они чувствовали кровное родство, была ли это деревня или целая страна в старой Европе. Таким создал этот мир Господь Бог. И люди сознавали свой долг перед группой, частью которой они являлись и должны были придерживаться некоторых правил поведения. Вся группа имела во многом одинаковые ценности, те же самые нормы поведения. Именно этого желал Бог. К несчастью, в Америке это больше не так. Немногим злонамеренным, но влиятельным людям не нравился божий порядок. Они решили, что Америка должна стать «плавильным котлом» различных народов, со всеми видами поведения, какие только можно вообразить. Так случилось, потому что эти лукавые грешники смогли потянуть за веревочки, чтобы это сбылось. Они бросили вызов Богу. И вот итог: нет больше никаких правил. Никто не чувствует никаких обязанностей. Каждый делает только то, что ему хочется, или думает, что это можно делать безнаказанно. Сюда относится и употребление наркотиков. И пока мы остаемся «плавильным котлом», проблему наркотиков нам не решить. Наркотики будут нашей карой, пока мы не вернемся на пути Господни».

Эта тема была усилена выпуском общенациональных новостей, который шел сразу же за передачей Сола. Два сенсационных сюжета новостей были прямо связаны с наркотиками. Первый сообщал о произошедшей днем перестрелке в Вашингтоне между сотрудниками Управления по борьбе с распространением наркотиков и членами банды наркоторговцев - черными и колумбийцами. Когда началась операция против их логова, несколько членов банды сбежали на автомобиле, а правительственные агенты преследовали их по пятам. Преследование велось по улице Пенсильвания Авеню мимо Белого дома, где автомобиль банды с простреленными шинами проскочил ограждение и врезался в ограду Белого дома. Два бандита выпрыгнули из машины, захватили в заложники группу зевак-туристов и попытались через разрушенную ограду пробиться на территорию Белого дома, где тут же попали под огонь охранников из Секретной службы. В перестрелке, которая была полностью заснята телевизионными камерами, все бандиты и пять туристов были убиты.

Другая передача касалась задержания четырех высших офицеров полиции штата Флориды по обвинению в предоставлении за взятки «крыши» контрабандистам, перевозившим наркотики. Аресты увенчали длившееся год тайное расследование, проводимое Управлением по борьбе с распространением наркотиков. Эти четверо помогали держать открытым маршрут, приносящий около трех миллиардов долларов в год на наркотиках, ввозимых в штат из Карибских стран, и обеспечивали контрабандистов полной информацией обо всех действиях против наркодельцов, а наркокартель платил им за помощь миллионы долларов.

Оскар с удовлетворением подумал, что выбор времени для этих новостей вряд ли мог быть лучше.

Заключительный сюжет вечерних новостей касался Ближнего Востока. Израильяне совершили очередное злодеяние. После того, как группа палестинских детей забросала камнями автомобиль, которым управлял еврейский поселенец, он позвал на помощь других вооруженных поселенцев и устроил суд Линча в близлежащей палестинской деревне, убив больше десятка ее жителей. Набег произошел днем, когда мужчины-палестинцы были далеко на работе, так что все жертвы оказались женщинами и детьми. Как всегда, евреи были настолько уверены в своей правоте, что заявили о решимости применять любую силу, которую сочтут необходимой, чтобы умиротворить своих палестинских жителей, и что остального мира это совершенно не касается.

Комментарии относительно этого злодеяния пытались получить у различных представителей власти. Белый дом и Государственный департамент, запинаясь, выдавили из себя, что сожалеют о любых насильственных действиях, и отказались осудить израильян. Потом, на удивление, взяли интервью у представителей двух групп противников политики Израиля. Первый был в прошлом сенатором США ливанского происхождения и представлял арабо-американскую группу; он просто повторил свой постоянный призыв к прекращению американской экономической и военной помощи Израилю. Вторым был британский церковник левых взглядов, представлявший христианско-исламскую межрелигиозную группу, которая объявила международный бойкот товаров американского производства, пока Соединенные Штаты будут снабжать Израиль деньгами и оружием. - «Добропорядочные мужчины и женщины, будь то христиане или мусульмане, больше не будут терпеть оскорбления их совести со стороны тех, кто поддерживает, хотя бы и косвенно, убийц и угнетателей оккупированных палестинцев. Пока американское правительство финансирует эту резню, все люди, у которых есть совесть, будут изо всех сил стремиться препятствовать этой финансовой поддержке Соединенных Штатов», - заявил этот религиозный деятель. Репортер, казалось, не считал эту угрозу бойкота сколько-нибудь серьезной: организация, которую представлял священник, видимо, не была ни большой, ни влиятельной.

Слова священнослужителя привлекли внимание Оскара, и он почувствовал, как смутная мысль зашевелилась в его голове, но в это время Аделаида, отбросив в сторону простыню,

потянулась к спинке кровати, чтобы выключить телевизор. При виде ее голых, гладко-округлых ягодиц в метре от его лица все мысли, кроме одной, тут же вылетели у него из головы.

Червячок мысли, однако, остался, и на следующее утро за столом во время завтрака он спросил:

- Как ты думаешь, малыш, что случится, если десять миллионов христиан внезапно заявят, что пока правительство не пообещает не посылать более Израилю ни одного цента, они не будут платить налоги и начнут покупать импортные товары вместо американских всякий раз, когда у них будет выбор; что они не будут заполнять налоговые декларации, если они занимаются собственным бизнесом; что они намерены требовать полного возврата всех удержаний, если они наемные работники и что они собираются покупать «Хонды» и «Дацуны» вместо «Фордов» и «Шевроле»?

- Я полагаю, что ты говоришь об аудитории Сола. Но откуда взялись десять миллионов? Я думала, что их около семи с половиной.

- Столько их было месяц назад, до того, как Колдвелл и остальные набросились на Сола. Думаю, что теперь число близко к десяти миллионам. В любом случае девять с половиной миллионов уже есть.

После краткого раздумья Аделаида ответила:

- Я сомневаюсь, что в обычные времена это оказало бы большое влияние. Но в нынешнее тяжелое время, если так много людей прекратят покупать американские машины, это может повысить безработицу еще на доли процента. Если они действительно не станут платить налоги, это также немного увеличит инфляцию. В общем, я не думаю, чтобы все это так повредит правительству, чтобы привести к изменению его политики в отношении Израиля. Но могут начаться волнения, особенно когда правительство начнет бросать в тюрьму так много людей за неуплату налогов.

- Хорошо, предположим, что это происходит одновременно с международным бойкотом американских товаров. Ты не думаешь, что шесть-семь миллионов американцев, присоединившихся к бойкоту, сильно поддержат его и убедят намного большее число иностранцев также подключиться к нему?

- Возможно... Вероятно. Если это уменьшит американский экспорт, скажем, процентов на 25, безработица подскочит еще на несколько пунктов, а вот это действительно повредит правительству. Но ты же не думаешь об этом серьезно, правда? Я думала, что вы так стараетесь убедить евреев, что Сол занимает произраильскую позицию, чтобы он мог остаться в эфире. Разве они не отключат его сразу же, как только он выступит против Израиля?

- Уверен, что отключат. Но они могут отключить его в любом случае. Я просто обдумываю различные возможности.

Оскар сменил предмет разговора и направил беседу на более насущные заботы:

- Лапушка, я думаю, что сегодня тебе надо подать в Пентагон двухнедельное уведомление об уходе. У меня так много дел, что теперь нужна твоя помощь, и тебе нет смысла оставаться на той работе.

- Я - с удовольствием. Но если ты считаешь, что программу Сола могут закрыть, разве, потвоему, это не рискованно для меня именно сейчас? Может, мне стоит подождать, пока мы не убедимся, что деньги будут продолжать поступать?

- В нынешние времена и при том, что мы делаем, никогда нельзя быть уверенным больше, чем на несколько дней вперед, малыш. Мы теперь ведем игру с высокими ставками, и тридцать тысяч в год, которые тебе платит правительство, значат немного. У меня больше восьми миллионов долларов вложено в компакт-диски с передачами Сола, и даже если евреи попробуют закрыть его со следующей недели, мы получим еще четыре-пять миллионов пожертвований прежде, чем они иссякнут.

- Но это деньги Лиги. Если у нас будет ребенок, было бы хорошо иметь какие-то собственные сбережения.

- Конечно, надо, любимая. Фактически, эти деньги принадлежат компании «Час Американской Веры, Инк.». Это - некоммерческая компания, которую мы основали только под программу Сола, и я - председатель ее правления. До сих пор я не получал никакой зарплаты, потому что мы в этом не нуждались. Но мы можем включить тебя в штат с той же самой зарплатой, что ты получаешь в Пентагоне, а затем ты сможешь положить всю ее в банк. Основное соображение состоит в том, что сейчас мы переживаем решающий момент истории и не можем позволить себе тратить наше время на что-нибудь постороннее, что-нибудь, что не помогает нашему делу. Сейчас у нас есть возможность, пусть очень малая, изменить ход событий и повлиять на конечный их исход. Мы должны отдать этому все, что у нас есть.

В течение дня, когда Оскар занимался своей работой, его голова была занята другими, более предсказуемыми и знакомыми вопросами: подписанием счетов, подготовкой записей на пленку для следующих нескольких передач, собеседованием с будущим новым сотрудником. Потребовался звонок Колин во второй половине дня, чтобы вернуть его в состояние крайней безотлагательности, в котором он находился раньше.

- Они закрывают нас, Оскар. В голосе Колин звучали отчаяние и безнадежность.

- Черт их побери! Расскажите, что вы узнали.

И Колин, и Гарри ушли с прежней работы и занимались только программой Сола и связанной с ней делами. Колин была агентом по связям с телевизионными станциями, которые передавали проповеди Сола. Она сообщила Оскару подробности:

- Сегодня я получила пока восемь звонков - из Лос-Анджелеса, от «Дабл-ю-Эй-Ар-Джей» в Чикаго, Сиэтле и других компаний; все они говорят, что расторгают договоры с нами. Евреи, очевидно, пошли на нас в согласованную внезапную атаку. Фактически они послали людей с личными угрозами к владельцам станций - неевреям. И все они сдались.

- А Сеть «Время Евангелия»? Они то хоть с нами, правда?

- Извините, Оскар. Я так расстроилась, что забыла сказать о них. Карл Холлис первый позвонил мне утром. Ему было слишком неловко говорить долго, но он был весьма определенным: Сеть «Время Евангелия» больше не будет передавать проповеди Сола. Он прямо сказал, что евреи угрожают разорвать сеть, если они не отключат Сола.

- Ну что за дьявольщина! Они же не могут односторонне разорвать договоры с нами. Мы оплатили большинство из них заранее.

- Технически большинство из них не может. Они обязаны предоставить нам остальную часть времени, указанного в договорах и потом могут их расторгнуть. Но боюсь, что они пойдут напролом и все-таки попробуют отключить нас уже сейчас, даже если мы будем угрожать им иском. Они действительно напуганы.

- Ладно, черт возьми! Мы надерем им зад, если они посмеют это сделать. Я сейчас же переговорю с Биллом.

Билл Карпентер был правовым советником Лиги. Во время их разговора он уже просматривал договоры, которые Оскар заключил с телевизионными компаниями. Оскар по телефону кратко объяснил Биллу ситуацию и затем поехал в его офис. Когда он приехал, Билл уже позвонил двум телекомпаниям и поговорил с их адвокатами.

- Я довольно жестко поговорил с ними. Сказал им, что мы используем все средства, имеющиеся в нашем распоряжении, чтобы заставить их выполнять договоры, и что мы будем преследовать их активы до края земли, если они нас обманут. Компания «Дабл-ю-Эм-Эй-Би» в Лос-Анджелесе вела себя довольно упрямо; их грубый адвокат-еврей буквально послал меня на три буквы. Люди сети «Время Евангелия» были более разумны. Их адвокат сказал, что, по его мнению, совет директоров согласится соблюдать существующий договор, который действует еще восемь недель. Он должен перезвонить мне до пяти. Тем не менее, в целом, я предполагаю, что нам будет трудно заставить станции придерживаться их обязательств; большинство из них предпочтет судебный иск от нас, чем бойкот евреев.

- Ну, что вы, Билл! Должна же быть возможность что-то сделать, чтобы заставить их согласиться даже в самых трудных случаях, - ответил Оскар.

- Хорошо, мы можем получить в отношении их судебные предписания. Я сомневаюсь, что кто-либо воспротивится такому предписанию, - засмеялся Билл.

- Тогда давайте сделаем это!

Билл насмешливо посмотрел на него.

- Вы это серьезно? Вы понимаете, на что вы идете?

- Меня не волнует, что здесь замешано. Слишком многое сейчас под угрозой. Мы должны сделать все, что требуется, и быть уверенными, что Сол получит, по крайней мере, еще одно воскресенье в эфире на каждой станции, с которой мы подписали договор. Давайте используем все средства, чтобы добиться этого результата. Пусть никакие соображения сложности или стоимости не заставят нас отступить.

- Черт, старина, у вас здесь 216 различных договоров. Вы ожидаете, что я получу для вас судебные запреты по всем договорам?

- Если это необходимо, наймите себе в помощь еще 215 адвокатов. Только выполните задачу. Мы не можем проиграть.

Билл вздохнул и подумал минуту. Потом сказал, больше обращаясь к самому себе, чем к Оскару:

- Конечно, мы можем сослаться на экстерриториальный федеральный закон. Если мы пойдем на это, то надо лишь подать здесь в Федеральный окружной суд требование признать подведомственность ему всех участников спора, потому что все они являются сторонами в договорах с нами. Мы также можем обвинить все телекомпании в заговоре. То, что они все выступили против нас одновременно, придает правдоподобность такому утверждению. Мы могли бы поразить их всех единственной жалобой. Это, конечно, будет сложная работа, но мы, наверно, сможем ее выполнить.

- Каковы наши шансы на получение судебных предписаний?

Перед ответом Билл еще минуту подумал.

- По правде говоря, довольно хорошие. Обстоятельства дела здесь бесспорны. Телекомпании хотят нарушить ясные, однозначные договоры с вами. Вы можете достоверно

утверждать, что потерпите непоправимый ущерб, если они это сделают. Они же едва ли могут сделать подобное заявление. Я имею в виду, телестанции, конечно, не посмеют заявить в суде об ответных мерах евреев против них, если они предоставят вам то, что обязаны согласно договорам. А что еще они могут сказать? Я думаю, что мы получим судебные предписания, если вовремя обратимся за ними. Также, надеюсь, вы понимаете, что требование предписаний против этих людей будет расценено ими как враждебный шаг. Если они уже не взбешены вашими действиями, то скоро будут. На кого конкретно вы хотите получить предписания?

- Давайте не рассчитывать на нерешительных людей, передумывающих в последнюю минуту. Запрещайте их всех. Если мы сможем выйти в эфир в следующее воскресенье, меня не волнует, насколько разозлятся они на нас после этого.

- Вы знаете, хорошо, что сегодня понедельник, а не пятница, - ответил Билл, наливая себе чашку кофе и готовясь к долгому рабочему вечеру. - Если бы евреи были умнее, они подождали бы до четверга или пятницы со своим нажимом на телекомпанию. Тогда у нас не осталось бы времени обратиться в суд.

Оскар от Билла позвонил Солу и назначил встречу на пять часов. Прежде, чем Оскар смог уехать из офиса Билла, ему позвонила Колин, чтобы сообщить, что им отказали еще четыре телестанции.

В доме Сола и Эмили он перечислил все, что он наметил на следующее воскресенье.

- Мы должны сразить их нашим лучшим выстрелом. Перед этим мы немного поспешили и попали в нынешнюю пробку, но теперь мы должны разгромить их. Мы сможем заставить большинство телестанций позволить нам остаться в эфире, пока действуют наши договоры, и будем использовать любое полученное время как можно с большей пользой. Но это воскресенье - единственное, в котором мы можем быть достаточно уверены. А поскольку мы можем больше не получить возможности для продолжения, нужно использовать немного дзюдо: по возможности нам надо заставить других людей активно действовать за нас. Думаю, что Ближний Восток - именно та проблема, которая дает нам для этого наилучшую возможность.

- Так вы думаете, что настало время для Иисуса призвать верующих в него прекратить посылать их налоговые доллары Израилю в поддержку христубийц? - догадался Сол.

- Что-то вроде этого, - согласился Оскар. - Чертовски много людей, которые уже хотят перекрыть эту трубу в Израиль. До сих пор евреи могли заглушать их голоса через своих представителей в Вашингтоне. Мы хотим попробовать достаточно жестко поставить этот вопрос, чтобы вдохновить заговорить некоторых людей из запуганных миллионов. Также было бы хорошо, если бы мы смогли подключить их к бойкоту, который поддерживает часть более либеральных христиан в Европе.

- Я все-таки немного опасюсь лезть в экономические и политические дебри с моими слушателями, - ответил Сол. - Не уверен, что смогу без больших рассуждений объяснить им, как покупка японских автомобилей повредит христубийцам, и не думаю, что Иисус, читающий лекцию по экономике, будет хорошо смотреться. С другой стороны, я могу сделать часть Иисуса простой и непроверяемой, а затем добавить небольшое объяснение от себя. Позвольте мне поработать над этим. Сколько времени у нас есть?

- Часы, друг мой, часы, - мрачно ответил Оскар. - К счастью, мы немного выбились из расписания с пленкой, которую вы уже записали для следующего воскресенья, и не отправили копии с нее в прошлую субботу, как обычно. Колин собиралась отвезти их на почту сегодня утром, как вдруг начали поступать отказы. Мы действительно должны сделать запись сегодня вечером и отправить по почте утром, хотя я полагаю, что мы можем сделать запись уже завтра утром, а отправить завтра днем. Помните, нам требуется примерно четыре часа, чтобы сделать все копии и подготовить их к отправке по почте.

- Это немного напряженно, но я сделаю все, что могу. У меня уже есть пара соображений.

- Я уверен, что вы сможете сделать это, Сол. Сейчас именно то время, когда вам не надо будет кисейничать. Используйте как можно меньше скрытых намеков и нажимайте побольше на актерскую игру, которая является вашим коньком. Чем сильнее вы ударите по евреям, тем лучше. Нам нужно их разозлить, и вряд ли есть вопрос, обсуждая который будет труднее вывести их из себя.

Вечером Оскар и Аделаида вместе смотрели новости. Большим событием были беспорядки черных в Чикаго. На самом деле, они начались в воскресенье днем, но не попали в вечерние новости телесетей в воскресенье. Войска Райана уже вступили в действие и держали бунт под контролем, но чернокожие устроили гораздо больше стрельбы, чем раньше в Вашингтоне. У них явно было какое-то танковое оружие, потому что они сбили один из боевых вертолетов Райана. Оскар не сомневался, что Райан довольно быстро разобьет мятежников, но положение усложняло то, что Белые добровольцы ответили на беспорядки самостоятельными действиями. Были построены заграждения, препятствующие движению транспорта через отдельные Белые части города, и автомобили, которыми управляли черные, были там под прицелом. Кроме того, другие Белые проявили почин по снижению возможности черных беспорядков рядом со своими домами, выжигая дома в которые недавно вселились негры. Первыми с помощью бутылок с

зажигательной смесью подожгли здания, населенные небелыми в смешанном районе, подвижные группы скинхедов. Идея понравилась другим Белым, которые решили, что пришло время создать ничейную полосу вокруг их собственного места проживания. И в пограничных областях запылали сотни домов.

- А теперь, мои братья и сестры, я должен сказать вам вот что, хотя это очень трудно для меня. Наш Господь и Спаситель снова явился ко мне семь ночей назад, сразу после моей передачи в прошлое воскресенье.

Сол почти 40 минут своей передачи готовил почву для этого заявления. Полная достоинства, почти строгая манера поведения Сола внушала зрителям больше доверия, по сравнению с его более цветистыми и нарочито простоватыми конкурентами. Их сверхъестественные утверждения о видениях, чудесных исцелениях и тому подобном почти всегда соединялись с просьбами о пожертвованиях, что скорее производило впечатление продажи у задней двери чудо-средств «от всех бед». Сол избегал любых таких заявлений начиная со дня «посещения», случившегося с ним во время Пасхальной передачи Колдвелла и по сегодняшний вечер. И теперь он выглядел почти страдальчески, когда продолжил:

- Я вошел в свою библиотеку, чтобы подготовиться к нашему вечернему разговору, и внезапно почувствовал присутствие в комнате таинственной силы. И не успел я понять, кто это, как комната наполнилась настолько ярким светом, что я ничего не видел, но почувствовал, как Он возложил руку на мое плечо, и услышал Его голос.

При этих последних словах голос Сола дрогнул. Он всхлипнул, пытаясь овладеть собой, а затем продолжил дрожащим голосом.

- Он сказал мне, что на сердце у него тяжесть. Он сказал, что умер за нас на кресте, чтобы мы могли иметь вечную жизнь. Но почти все мы отвергли сей бесценный дар. Мы отвергли его, отвергли правосудие, милосердие, благопристойность и объединились с теми самими, кто послал Его на крест - теми самими, кто сегодня мучает других невинных на земле, где Он жил когда приходил в наш земной мир. Он сказал мне, что наши грехи могут быть нам прощены, если мы примем Его любовь, но что нет никакого прощения тем, кто отвергает Его жертву и поддерживает Его врагов и даже помогает им в том же самом виде зла сегодня, что они преследовали две тысячи лет назад.

Здесь Сол остановился надолго, чтобы дать время зрителям осознать услышанное, а затем продолжил:

- Он сказал мне, что я нахожусь среди тех, кто отверг его любовь, потому что я держался Его врагов, поддерживал их ложь и их ложные заявления, и не высказывался против их незаконий. И, мои братья и сестры, ведь это правда! Это правда! - Мука и горечь в голосе Сола пересилили. Он полностью потерял самообладание и неудержимо зарыдал.

Это было великолепное исполнение, лучшее в жизни Сола. На глаза Оскара тоже навернулись слезы. Аделаида шмыгнула носом и потянулась к тумбочке за бумажными платками. Пленки для передачи были отосланы специальной почтой в предыдущий вторник днем, а Билл Карпентер добился успеха в получении судебных предписаний, которые они потребовали два дня спустя. Большинство телекомпаний не выдвинули в суде никаких серьезных возражений, а евреи все-таки были не готовы открыто проявить себя в качестве закулисной силы, подталкивавшей к расторжению договоров. Однако судебные предписания относились только к ближайшей передаче, и телекомпания имели на этой неделе возможность представить свои доводы против ее продолжения. Еврейские организации, конечно, также выйдут из-за кулис и используют всю свою юридическую мощь.

Но высший миг выступления еще не наступил. Сол, достаточно справившийся со своей печалью, чтобы продолжать, начал исповедоваться в своих грехах.

- Я действовал как все другие евангелисты и восхвалял Израиль, хотя знал, что это неправильно. Я старался никогда не критиковать тех, кто распял нашего Господа, хотя я знал, что их необходимо критиковать. Как и все другие, я говорил, что убийства евреями палестинцев, отнятие у них права жить на Святой земле есть исполнение пророчеств, и я знал, что богохульствовал, когда говорил это. Как и все другие изучающие Библию, я знал, что евреи нарушили свой завет с Богом тысячи лет назад и с тех пор были прокляты за это, и в Библии ясно говорится, что они давно потеряли любое право, которое они, возможно, имели на Святую Землю. Я знал это, но боялся говорить правду. Мы все боимся. Мы знаем: чтобы оставаться в эфире, нужно славословить Израиль, и мы вынуждены были богохульствовать, должны были лгать о слове Господа, и сами стали проститутками. Мы боимся евреев и их власти, власти их денег. И многие по-прежнему боятся, и для этого есть серьезные основания, скажу я вам! Как только на прошлой неделе появились слухи, что я не собираюсь больше лгать в защиту тех, кто замучил нашего Господа, они попытались отключить меня от эфира. Эта самая телевизионная станция, передачу которой вы сейчас смотрите, пыталась помешать мне говорить с вами сегодня вечером. Я вынужден был обратиться в суд, чтобы заставить станцию соблюдать договор со

мною. Потому что они также боятся евреев. И пока Иисус не возложил руку на мое плечо на прошлой неделе и не заговорил со мной, я боялся, как и все остальные. Я знаю их могущество. Но так как Иисус заговорил со мной, я стал бояться кое-чего другого, но не власти евреев. Я боюсь потерять дар любви, который Иисус обещал каждому мужчине и каждой женщине, которые примут Его. Я боюсь потерять свою бессмертную душу.

- Боже мой, какой актер! - воскликнул Оскар, выходя на мгновение из-под обаяния Сола. - Он - самый убедительный обманщик, которого я когда-либо встречал. Если бы Сол пошел в политику, теперь он, конечно, был бы президентом.

Аделаида, все еще в состоянии восторга, молча прижалась к Оскару, не отводя глаз от телевизионного экрана.

После паузы голос Сола, который произнес последние слова хриплым шепотом, зазвучал громче и напряженнее:

- Я жажду любви Иисуса. Я хочу вечной жизни, которую может дать только Он. Я больше не буду богохульствовать, защищая тех, кто ненавидит Его. Я больше не буду восхвалять тех, кто мучил Его. Я больше не буду оправдывать их тиранию и убийства. Я открыто выступлю против их порочности. И я не побоюсь их власти, потому что со мной Иисус. И я призываю каждого из вас, мои братья и сестры во Христе, встать со мной рядом. Отвернитесь от тех, кто ненавидит нашего Господа, откажите им в поддержке, осудите их зло вместе со мной. И я также призываю наше правительство разорвать цепи, которыми сковали его евреи. Я требую, чтобы наши представители в Вашингтоне прекратили посылать средства из наших налогов убийцам, тиранам и ненавистникам Иисуса. Я призываю их разорвать все отношения с мерзостью, называемой Израиль!

Голос Сола, наполненный справедливым гневом, теперь гремел.

- Теперь страх не скуёт мне язык, и те, кто служит врагам Христа, не заставят меня замолчать. Я скажу вам правду, которую вы должны знать, чтобы спастись. Я скажу вам, как мы можем свергнуть власть евреев над нашими жизнями и нашим правительством. Я... Я...

Внезапно на лице Сола появилось выражение удивления, и его голос прервался. И он выдохнул:

- Он снисходит снова! Наш Господь грядет!

Руки Сола вцепились в кафедру смертельной хваткой, как будто он боялся, что его унесет целиком. Затем его фигура преобразилась также, как и во время Пасхальной проповеди. Он расслабился и одновременно стал как будто выше ростом. Зрителям показалось, что они чувствуют чье-то присутствие. Тут начал сиять нимб вокруг головы Сола. На сей раз этого зрелища было намного легче добиться с собственным студийным оборудованием, и оно было еще более внушительным. Резко изменившийся голос Сола катился по студии, по телевизионной аудитории, по равнинам и горам, полям и лесам, городам страны как неодолимая волна мощи и ясности.

- Дети мои, я прошел через муки, что вы могли бы жить. Не верьте тем, кто преследовал меня. Не служите тем, кто ненавидит меня. Верьте в меня и следуйте праведными путями. Слушайте моего раба Сола и повинуйтесь ему, и вы будете вечно жить со мною на небесах.

Свет, сиявший в глазах Сола, погас одновременно с нимбом вокруг его головы, и он уронил свое тело на кафедру, как будто его покинули все силы. Несколько секунд он пытался усилить воли выпрямиться, а затем несколько раз пытался что-то сказать, но ни звука не слышалось из его горла. Наконец, Сол снова обрел голос и, изо всех сил пытаясь справиться со своими чувствами, запинаясь произнес:

- Я так доволен, что Он снова сошел к нам сегодня вечером и говорил с вами. Я боялся, что вы не поверите мне, но теперь Он явил себя и вам. Теперь вы знаете. И теперь, мои братья и сестры, мы должны поступать так, как повелел наш Господь.

Выбор времени, жесты, изменения осанки и голоса Сола были само совершенство. Ни один актер не сыграл бы лучше. В последние минуты проповеди Сол объяснил, чего хочет Иисус от верящих в Него. Они должны были в самых сильных выражениях выразить протест политикам в Вашингтоне против дальнейшей помощи Израилю деньгами и оружием. Если политики немедленно не отреагируют, то они должны перестать платить налоги. Они должны были оказывать давление на правительство любым возможным способом. Если они будут и дальше позволять использовать их налоговые доллары на оплату злодеяний тех, кто предал Иисуса на смертные муки, то души их самих обрекаются на муки в аду. Сол не просил, чтобы зрители бойкотировали автомобили американского производства, потому что они с Оскаром в последний момент посчитали, что это потребует слишком долгих объяснений. Они решили провести выступление попроще и посмотреть, как люди ответят. Тогда возможно, что бойкот можно будет провести позже.

- Стыдно, что нам приходится обманывать, чтобы убедить людей делать то, что является правильным, - недовольно заметил Оскар Аделаиде после проповеди Сола. - Из-за этого я чувствую себя неловко. Мой инстинкт подсказывает, что я должен прямо сказать им, что неправильно, и что требуется сделать. Я понимаю, что мы так не можем делать; я знаю, что это

не сработает. Этим людям, и их - большинство, нужно обхитрить. Они просто недостаточно развиты, чтобы распознавать правду или проводить различие между правдой и неправдой. Евреи их обманывают, правительство обманывает, церкви и всякие евангелисты обманывают, управляемые СМИ обманывают, и мы тоже должны их обманывать. Они рождены, чтобы их всю жизнь обводили вокруг пальца. Но я все же думаю, ведь это - позор, что у нас нет времени, чтобы постепенно привести их в чувство и научить правильно смотреть на вещи, обучая их, даже если мы вынуждены делать это на уровне подсознания. Кажется, Сол кое-чего добился своими проповедями, помогая зрителям привести в порядок их взгляды, прежде чем евреи заставили действовать нас раньше нужного.

Оскар пристально посмотрел на Аделаиду, засмеялся и сказал:

- Конечно, не только эти хитрости мне не по душе. Меня также волнует, насколько это сработает. А ты как думаешь? Ты веришь, что Сол сегодня вечером убедил своих зрителей?

Аделаида на мгновение задержалась с ответом.

- Да, я думаю, мы их убедили. Я не христианка и не верю в сверхъестественные силы со студенческих времен, да и до этого не была такой уж верующей. И все же Сол почти убедил меня сегодня вечером, что Иисус говорил его устами. Он был действительно неотразим. Я уверена, большинство людей, которые видели его сегодня вечером, были глубоко тронуты, и они действительно верят теперь, что Иисус хочет, чтобы они прекратили посылать свои налоги Израилю. Но...

- Какое «но»? - нетерпеливо потребовал Оскар.

- Но я только не знаю, сколько из них захочет сделать хоть что-нибудь в соответствии с их убеждениями. Люди такие пассивные. И они так непостоянны, их легко поколебать. Я не знаю, как долго они будут держаться своих новых взглядов, прежде чем другие евангелисты снова их не переубедят. Вот если бы Сол мог продолжать говорить с ними неделю за неделей! Тогда я уверена, что он смог бы побудить, по крайней мере, часть тех, кого он убедил, действительно сделать что-нибудь.

- Да, черт возьми, в этом вся беда. Мы действительно смогли «выстрелить» только раз. Я уверен, мы сможем удержать Сола на некоторых станциях еще некоторое время, но после сегодняшнего вечера евреи пойдут на все, чтобы заставить его замолчать. Мы просто не можем сравниться с ними по денежной мощи или политическому влиянию, и они непременно отключат нашу аудиторию. Но мы будем биться с ними за каждую пядь.

Ответ с еврейской стороны на передачу Сола 27 сентября последовал немедленно, а от зрителей Сола - в течение недели. Евреи буквально взбесились. Сознание того, что ненавистный гой обошел их; что кто-то, кому они позволили использовать одно из своих СМИ, направил его как оружие против них самих; то, что они были обмануты в своей вере, и прирученный христианин в овечьей шкуре подкрался и освободил миллионы других христиан, на дрессировку которых они потратили десятки лет, и теперь вбивает им в головы такие опасные идеи - это осознание привело многих евреев в такой безумный гнев и ненависть, что они отбросили всякую осторожность и сдержанность.

В понедельник утром толпа евреев в ярости ворвалась на студию станции «Дабл-ю-Эф-Кей-Зет» в Нью-Йорке, которая передавала программу Сола, и разгромила ее, уничтожая оборудование и избивая всех сотрудников, имевших несчастье попасть в их руки; одна 19-летняя секретарша была так избита бейсбольными битами, что ее пришлось госпитализировать с проломанным черепом и внутренними повреждениями. В понедельник ночью был взорван передатчик лос-анджелесской станции Сола. Оружие сквернословящие, плюющиеся евреи бесновались рядом с десятком других передававших Сола станций в крупных городах по всей стране, терроризируя сотрудников и громя собственность компаний.

Редакционные комментарии в общенациональных газетах были весьма предсказуемы: Сол был заклеймен как «ненавистник» и «неонацист», и были предложения, чтобы он превзошел допустимые пределы свободы слова, и что такие проповеди столь же недопустимы как и крик «пожар!» в переполненном театре. Редакционные искажения того, что сказал Сол, были повсеместны и явны; Оскар увидел в них холодный расчет, что читателей газет, которые не видели выступления Сола, было в 20 раз больше, чем тех, кто его видел, так что большинство читателей не поймет, что им лгут, когда говорят, что передача Сола была заполнена «гитлеровским бредом» и «антисемитской грязью». А те, кто видел передачу, могли только поражаться тем, что они читали в газетах, но осознание ими факта, что истории в них пишутся лгунами, было приемлемой потерей в бешеной кампании СМИ против вреда, причиненного передачей Сола.

И другие евангелисты наперегонки бросились осуждать Сола. Колдвелл был самым крикливым. У него взяли интервью в понедельник в вечерних новостях «Эн-Би-Си», где он напомнил о концентрационных лагерях и газовых камерах и оплакивал бедных невинных евреев, которых продолжают преследовать и травить антисемиты вроде Сола. Колдвелл заявил, что

выступать против постоянной поддержки Израиля - богопротивное дело, а обвинять евреев в смерти Иисуса значит богохульствовать.

Довольно интересно, что ни один из евангелистов не обвинил Сола в мошенничестве; ни один не подверг сомнению подлинность его опыта как посредника Иисуса. Они просто избегали говорить на эту тему; и Оскару было очевидно, что поддельных чудес они предпочли не касаться.

Политики также не теряли времени и перебежали на сторону сильных, хотя к концу недели некоторым из них пришлось снова менять ориентацию. Все кругом знали, что, по крайней мере, 75 членов американского Сената находились в кулаке у евреев: три четверти Сената подписали бы любое ходатайство по требованию евреев или проголосовали за или против любого законопроекта, не задавая вопросов и не возражая. Еще примерно 15 сенаторов обычно можно было приструнить при легком нажиме. Восемьдесят три из них подписали в понедельник резолюцию, осуждающую Сола и его передачу. В опросе новостей, проведенном в тот же день, было установлено, что ни один из них не видел передачи Сола.

Но тут пошли отклики зрителей. Фундаменталисты, которые смотрели выступление Сола, как один, выступили за него. Их письма начали приходить в Вашингтон в среду. К пятнице мешки с почтой завалили до потолка офисы многих законодателей от Средних и Южных штатов - так называемого Библейского Пояса. Восемь сенаторов, которые в понедельник подписали еврейское заявление против Сола, в пятницу публично отозвали свои подписи, объяснив это тем, что понедельника они посмотрели запись передачи и нашли ее не столь предосудительной, как это им внушали.

Было ясно, что евреи все еще удерживают политическое равновесие по управлению политиками со значительным запасом. Но также стало ясно, что среди народа Сол пользуется достаточной поддержкой, чтобы вести настоящую борьбу. Признание этого последнего обстоятельства довело страхи евреев до грани срыва. Всю неделю после передачи Сола сообщения различных еврейских организаций были полны страшных предсказаний ужасов, которыми чревато изменение отношения к Израилю, к чему Сол призывал своих зрителей, если позволить ему охватить другие слои населения. Длительная борьба в отношении поддержки Израиля, конечно, приведет к Солу многих других гоев, и этого следует избежать любой ценой. Сола нужно было немедленно заставить замолчать, а вопросов, которую он поднял, некоторое время не стоит касаться, спокойно отложив их в сторонку.

Газета «Еврейская Неделя» предупредила, что растущие общественные волнения из-за спада в экономике могут легко вылиться в массовый всплеск чувств и действий, направленных против евреев. Все это приведет к таким переменам, в итоге которых массы неевреев осознают, что, в то время как они изо всех сил пытаются свести концы с концами, управляемые евреями политики в Вашингтоне дерут с них налоги, идущие на содержание евреев в Израиле. При общей экономической и военной помощи еврейскому государству почти в пять миллиардов долларов, это составляет примерно 5 тысяч долларов в год на израильскую семью из четырех человек, то есть более чем достаточно, чтобы это почувствовала на себе средняя американская семья.

После этого изменение в отношении к данному вопросу со стороны основных средств массовой информации произошло столь же резко, как и быстро. Имя Сола исчезло из газет. Жесткая битва, бушующая в судах по его праву оставаться в эфире, очень скупо освещалась на внутренних страницах газет, и даже там единственным приводимым объяснением было то, что телекомпания возражает против «расизма» в проповедях Сола. Не было даже и намека на причастность евреев к тяжбе.

Другой стороной той же самой монеты стал потоп новых душешипательных историй о «холокосте» и повторных показов старых сюжетов - уловка, к которой всегда прибегали хозяева СМИ, когда думали, что нееврейской общественности следует напомнить, сколько бедные евреи перенесли, и каков долг всего мира перед ними.

В воскресенье после ошеломляющей проповеди Сола его программу передавали почти две трети обычных станций, а в следующее воскресенье - чуть больше половины из них. Билл Карпентер призвал подкрепление и вел жесткие бои в судах, но было ясно, что лучшим итогом, на который можно было бы надеяться, будет задержка полного отключения передачи в течение еще нескольких недель. Евреи просто имели огневое превосходство. Судебная система Америки давно опустилась до уровня, когда буква и дух закона больше не были решающими: в зале суда в наши дни деньги и политика имеют намного больше веса, чем правосудие. Группировка с большим политическим влиянием или с более громкой, хвалебной прессой имела значительное преимущество перед теми, на чьей стороне просто справедливость. Адвокаты всех группировок были на редкость бессовестными, а сами судьи были гораздо больше адвокатами-политиками, нежели судьями. Постановления, которые они выносили на своем месте, основывались на соображениях личной карьеры, а не на судебных решениях.

Однако пока борьба продолжалась, Оскар и Сол использовали свое положение наилучшим образом. Сол кратко рассказал зрителям о делах на Ближнем Востоке: о махинациях, с помощью которых евреи, почти полностью отсутствовавшие в Палестине с римских времен, использовали пожар первой мировой войны в своих целях, а политическое влияние - для

втягивания Соединенных Штатов в войну на стороне Великобритании в обмен на обещание британского правительства («декларация Бальфура») создать после войны еврейскую «родину» в Палестине; о предательстве, придирах и массовых убийствах, которые евреи использовали, чтобы с плацдарма, полученного по декларации Бальфура занять господствующее положение в Палестине после Второй мировой войны (в подстрекательстве к которой они сыграли немалую роль); и о политике истребления, которую они ведут с тех пор против местных палестинцев.

Но наибольший упор был сделан на разоблачении того, что евреи творили в Соединенных Штатах. История и иностранные дела были довольно далеки для большей части зрителей Сола. Налоги, политическая и судебная продажность, нравственное и общественное разложение, предубеждение управляемых новостных и развлекательных СМИ, надвигающийся экономический застой - со всем этим зрители Сола были знакомы на собственном опыте, хотя и не до конца понимали - в проповедях Сола были прямо увязаны с властью, которой обладало в Соединенных Штатах племя, убившее Христа. Он нес свое слово просто и убедительно, и зрители воспринимали его всем сердцем. Число их постоянно росло, несмотря на прекращение передач Сола многими станциями, потому что миллионы нефундаменталистов подключились к ней из любопытства после начального взрыва осуждений его в СМИ, а затем, войдя во вкус, взволнованно обращались к своим друзьям, также подключиться. Обнародованные в середине сентября опросы Нильсена показали, что число зрителей Сола возросло с примерно девяти миллионов в предыдущем месяце до почти 12 миллионов, несмотря на потерю им 45 процентов станций.

Беснование евреев не знало пределов. Хотя средства массовой информации хранили молчание по этому вопросу, само еврейское сообщество и его печатные издания бились в истерике.

Безработица в октябре превысила 17 процентов. ФБР отказалось сообщить последние данные по преступности по стране, но местные данные там, где они были опубликованы, отражали ее стремительный рост. Грабежи с насилием, кражи и вооруженные ограбления стали такой постоянной опасностью в городах, что Белые почти не появлялись на улицах ночью, оставив их бандам нацменьшинств и полиции. Те Белые, чья работа вынуждала их находиться на улицах в темное время суток, старались передвигаться группами, держа двери машин на замке и боясь какой-нибудь поломки, а также постоянно беспокоясь о безопасности своих оставленных неохраняемых домов. Магазины и склады, которые раньше работали ночью, с наступлением сумерек надежно закрывались на все засовы и стальные ставни на окнах. Люди, которые занимались установкой сигнализации, засовов, укрепленных ставней, оконных решеток и других устройств безопасности, пользовались спросом как никогда раньше.

Гражданские беспорядки также стали почти повседневностью, несмотря на драконовские меры правительства по удержанию их под контролем. Частые марши и демонстрации протеста против экономических условий очень часто заканчивались столкновениями с полицией или другими актами насилия. Группы безработных бездомных захватывали свободные здания, и их изгнание полицией редко проходило мирно.

Мелкие расовые бунты также случались все чаще. Многие Белые, которые в прошлом при столкновении лицом к лицу с мрачной необходимостью жизни рядом с цветными братьями просто собирали вещи и переезжали подальше в пригороды, больше не имели средств на отступление; теперь им приходилось держаться за свою землю и бороться. В прошлом месяце не случилось ничего равного по размаху с сентябрьскими беспорядками и пожарами в Чикаго, зато вспыхнуло множество меньших по размаху расовых столкновений.

И вдобавок, похоже, вновь стал входить в моду подлинный политический терроризм. В последние недели число взрывов бомб в банках и правительственных зданиях, невиданное начиная с начала 1970-х годов, сопровождалось появлением поразительного множества организаций в стиле 1960-х годов, и все они требовали признания и издавали воззвания и ультиматумы.

Без сомнения, положение было бы намного более хаотичным без усилий со стороны Агентства Общественной Безопасности, и Оскару было любопытно наблюдать за бешеной деятельностью, которая теперь выпала на долю Райана. Он задавал себе вопрос, действительно ли Райан верит, что сможет удержать крышку на котле, пока экономика не улучшится, если она вообще улучшится.

Оскар только включил последние известия, когда позвонил Райан.

- На сей раз для тебя есть легкая работенка, Егер. Карандаш и бумага под рукой?
- Конечно. Что случилось?
- Ты мне должен шлепнуть телепроповедника.

Оскар почувствовал, что внутри у него все перевернулось: прежде, чем Райан заговорил снова, он уже понял, какого телепроповедника ему нужно убрать. Оскар онемело слушал, как Райан продолжал.

- Его зовут Сол Роджерс. Он живет в доме 1202 на Саут Глендейл в Александрии. Никаких телохранителей и других мер безопасности, и мужика легко узнать - он достаточно необыкновенно выглядит. Я оставил пакет со сведениями о нем, включая снимок, в старом тайнике. Ты должен забрать все сегодня вечером. Задание надо выполнить немедленно, до того, как у него будет возможность записать на пленку следующую проповедь. И тебе не надо стараться обставлять это как несчастный случай. Смерти этого человека хотят так много людей, что полиция еще пять лет будет заниматься проверкой подозреваемых.

Оскар, наконец, овладел голосом и пробормотал в ответ:

- Я... Я не понимаю. Почему вы просите меня убивать проповедника? Это что имеет отношение к национальной безопасности?

- И еще какое. Во-первых, он заварил большую кашу; замутил голову правоверным христианам, которые действительно думают, что он - голос Иисуса. Многие из них пишут письма своим конгрессменам, говоря, что не собираются больше платить налоги. Если их кто-нибудь организует, нам на шею может свалиться налоговое восстание.

- Боже мой, но за это людей не стреляют! Если он что-то сделал что-то незаконное, подстрекал к беспорядкам и тому подобное, у вас есть право арестовать его. Вы же с вашими новыми полномочиями можете полгода держать его в заключении без залога. Это положит конец любым неприятностям, которые он причиняет.

- Я могу арестовать его, Егер, но не хочу. Я могу легко обвинить его согласно недавнему президентскому приказу, но мне не хочется выступать в роли врага Иисуса. Этот мужик имеет большую поддержку в народе, и я не хочу, чтобы люди выступили против меня. Кроме того, есть другие причины, почему мы должны его ликвидировать.

- Какие причины? - настаивал Оскар.

- Ты, должно быть, знаешь, что вся еврейская верхушка в нашей стране требует крови этого проповедника. Они требуют заткнуть ему рот и оказывают страшное давление на президента. Мы зависим от этих людей в поддержании спокойной обстановки, чтобы контролируемые ими СМИ не призвали к беспорядкам или не начали критиковать правительство.

- Евреи? Что за черт? Вы переметнулись на их сторону, Райан?

В голосе Райана, когда он ответил, звучал металл:

- Слушай, Егер, у меня нет времени все тебе объяснять. Просто поверь мне на слово. Мы вынуждены сотрудничать с еврейской верхушкой, интересы которой сегодня случайно совпали с интересами правительства и лично с моими.

- Ладно, пусть я покажусь вам туповатым и упрямым, - точно также ответил Оскар, - Но раньше вы убеждали меня, что вся ваша игра имеет целью перехитрить евреев и помешать им захватить всё и вся. Теперь же всё выглядит, как будто вы выполняете их приказы. Я не очень возражаю против убийства людей, проповедников или еще кого угодно, но мне действительно хочется получить объяснение тому, что я делаю. Мне нравится чувствовать, что для этого есть стоящая причина, если вы понимаете, о чем я говорю.

- Ты начинаешь меня раздражать, Егер. Я не выполняю приказы евреев. Я стараюсь поддерживать порядок в этой проклятой стране в очень трудных условиях. Верхушке евреев хватает ума понять, что если мы позволим экономическому спаду перейти во всеобщий бардак, главную ответственность свалят на них, произойдет всплеск антисемитизма, возможно, даже насилие, направленного против евреев. В некотором смысле сейчас мы держим их за одно место; на этот раз мы можем заставить их вести себя прилично и держать других евреев в узде согласно нашим интересам.

- В их же интересах, разве нет? Райан, как и я, вы понимаете, что евреи время от времени должны проходить через период объединения. Евреи обычно процветают при беспорядке; они создают беспорядок любыми доступными способами, чтобы ослабить общество, и они могли бы его пожирать, как стервятники. Начиная со Второй мировой войны, они подрывают наше общество, стирая чувство нашей самобытности, переворачивая его нравы с ног на голову и пропитывая его духовным ядом. Сейчас для них пришло время объединяться. Разработаны новые законы, отнимающие наши гражданские свободы, чтобы закрепить изменения, которых они добились, и помешать Белым отказаться от них. Им нужен человек вроде вас, чтобы удержать людей вроде меня в узде на срок жизни одного поколения, пока не угаснет последнее сопротивление, и народ будет думать, что такое положение - естественный порядок вещей.

Теперь голос Райана был холоден как лед, и он с трудом сдерживал себя:

- Я не намерен с тобой спорить, Егер. Я сказал тебе, чего я хочу, и теперь ты должен исполнять. - Затем, как бывало прежде, Райан немного смягчился и продолжил: - Мне кажется, я могу гордиться тобой и тем, как далеко ты продвинулся в своем понимании евреев, после того, как я дал тебе первый толчок. Но не ошибись, думая, что ты знаешь всё. Давным-давно я сказал тебе, что собираюсь навести порядок в этой стране, и я делаю именно это. И я не за еврейский порядок. Это - мой порядок. Они - не единственные люди, которые дергают за веревочки. У меня есть хорошая возможность победить, если мне удастся сохранить порядок. В любом случае нет смысла плакать по пролитому молоку. Евреи разрушили нашу страну. И мы должны признать,

что страна разрушена. Уже не имеет большого значения, кто это сделал. Белые, которых, по твоему, новые законы лишают надежды снова восстановить порядок, имеют не больше шансов добиться этого, чем Дон-Кихот, сражаясь против ветряных мельниц. Все, что они могут сделать - вызвать необратимый и полный хаос, а из хаоса ничего хорошего не выйдет. По крайней мере, я удерживаю вместе то, что еще осталось и даю американскому народу шанс пострадать организованно и, возможно, и тем самым немного закалить себя. И, поверь мне, если кто-то и намерен в будущем оставить евреев «с носом», то это буду я. Просто подумай, дружок: когда ты шлепнешь этого проходимца Роджерса, вину за это возложат именно на евреев. Он ругает евреев в своей программе, и все подумают, что они его убили, чтобы заткнуть ему рот. Миллионы протестантов, которые думают, что он - какой-то особенный, будут ненавидеть евреев за убийство их духовного наставника.

После того, как Оскар повесил трубку, Аделаида, которая слышала часть его разговора с Райаном, с беспокойством спросила о «стрельбе по людям».

- Ничего страшного, голубушка. Просто я спорил со знакомым на отвлеченные темы. Оскар извинился перед ней и вечером поехал за информационным пакетом. Ему было нужно время подумать, и он хотел точно знать, какую информацию Агентство имеет на Сола.

Скоро Оскар обнаружил, что эта информация была скудной: имя и фамилия, адрес, место и время рождения, прежние занятия, описание внешних данных. Все это на стандартном бланке Агентства, с приложенным фотоснимком из личного дела Сола в школе, где он работал. Там также была ксерокопия анкеты для школьного персонала, которую Сол заполнил несколько лет назад. Но в графе на бланке Агентства, в которую заносится членство в организациях, было напечатано «не установлено». Очевидно, в Агентстве не знали о членстве Сола в Лиге.

Ночью Оскар спал плохо. Меньше всего ему хотелось ссориться с Райаном. Если он откажется убивать Сола, Райан, вероятно, рискнет послать на это дело сотрудника Агентства. Но тогда будут безнадежно испорчены не только отношения с Райаном, но и его собственная жизнь окажется в опасности. Кроме того, при подготовке убийства Сола, Агентство могло установить за ним слежку и обнаружить связи с Лигой, что подвергнет опасности других людей. Положение было скверным до невозможности.

Одна особенно неприятная вещь заключалась в том, что все было не так просто. Оскар не мог сказать, что ему действительно нравился Райан, но он испытывал к этому человеку большое уважение. Наряду с преторианским честолюбием у Райана были и подлинные идеалы. И в борьбе с евреями, чтобы решить проблему расового выживания, Оскару казалось, что стратегически имело смысл бороться не только на одном фронте. Конечно, Райан уже находился в намного лучшем положении, чтобы повлиять на исход этой борьбы, чем та же Лига, даже если у него была несколько другая цель. Как таковое, положение Райана давало ему возможность влиять на историю мира, и несерьезно относиться к этому для Оскара казалось худшим видом безответственности. Общая обстановка, помимо неотложного вопроса с Солом, могла бы стать намного, намного хуже, если бы на месте главного преторианца оказался не Райан, а кто-нибудь другой.

Это была одна сторона медали. Другая сторона заключалась в том, что Оскару гораздо больше по душе был подход к борьбе Лиги, а не Райана. Характер Оскара был таким, что ему казалось правильным и естественным бороться, как они боролись с помощью проповедей Сола, пытаясь пробудить и перевоспитать как можно больше Белых, спасти каждого, кто может быть спасен, и затем привлечь их к общему делу расового выживания; или, в случае неудачи на этом направлении, взяться за оружие и сражаться так, как он сам это делал, пока Райан не поймал его. Он просто не был готов, как Райан, выбрать застой и отказаться от возможности провести расовую чистку и начать с нуля. Если бы пришлось выбирать между застоєм «самодержавия» Райана и неуверенностью и превратностями гражданской войны, Оскар выбрал бы последнее.

Наконец, около трех часов утра Оскар уснул беспокойным сном. Аделаида разбудила его в восемь утра. После чашки крепкого, горячего кофе за кухонным столом в его голове постепенно начала складываться идея. Предположим, он изобразит попытку убийства Сола, неудачную, но очень громкую попытку. Это предоставит Солу убедительное оправдание внезапно окружить себя охраной, а шумиха сделает намного более опасным для Райана подослать к нему убийцу из Агентства. Кроме того, это позволит Оскару соскочить с крючка, отчасти. Его не привлекала мысль показать небрежную работу; его гордость страдала при одной мысли об этом. И неудача могла внушить Райану подозрения. По меньшей мере, это страшно подорвало бы веру Райана в него. Но такой замысел должен был дать Солу некоторое время, возможно, достаточное для того, чтобы продолжить свои выступления до того момента, когда евреи, наконец, добьются окончательного отключения всех его станций.

После завтрака он позвонил Гарри и попросил его позвонить Солу из уличного телефона и под каким-нибудь предлогом, не упоминая имени Оскара, немедленно вызвать его в студию видеозаписи. Оскар не беспокоился о прослушивании своего телефона, так как Райан менее всего желал, чтобы кто-либо еще в Агентстве следил за Оскаром, но он боялся, что телефон

Сола небезопасен. Оскар подъехал к студии раньше Солу и Гарри и сразу начал прикидывать как им все объяснит. Он должен был открыть им часть правды, но не всю правду.

Он начал так:

- Слушайте, Сол, не спрашивайте у меня подробности, но я случайно узнал, что вас «заказали». Есть люди, которые хотят убить вас как можно скорее. Мы хотим заставить их немного отступить, надеюсь, на время, пока мы можем удержать вас в эфире, и я думаю, что знаю, как это сделать.

Гарри внимательно посмотрел на Оскара:

- Эй, приятель, у вас есть связи в мафии?

- Вообще нет. Но до меня дошли кое-какие слухи. Я действительно не могу сказать намного больше этого. Вам просто придется поверить мне на слово. Люди, которые заказали Сола - очень серьезные, и они не шутят. Но они также боятся гласности. И они будут действовать, только если будут уверены, что вина падет на кого-нибудь другого; они не будут рисковать сами попасть под подозрение. Солу теперь для безопасности нужны две вещи. Ему нужна лучшая охрана, какую только мы сможем нанять, и большой шум об угрозе его жизни. В связи с этим нам кое-что предстоит сделать.

- Гарри, вам надо сесть за телефон и найти команду телохранителей. Найдите профессионалов, а не добровольцев из Лиги. Не менее десятка, чтобы двое из них всегда находились в доме Сола, двое сопровождали его повсюду, кто-то оставался днем и ночью в любой машине, которой он будет пользоваться, а кто-то спал в студии и в любых других местах, где он постоянно бывает. Подберите их сегодня, но они не должны выходить на работу до завтрашнего утра.

- Сол, сегодня не меняйте свой распорядок дня, как будто всё идет своим чередом, а вечером я сделаю попытку покушения на вашу жизнь. Точнее, я взорву ваш автомобиль. Я хочу сделать это зрелищно и шумно, чтобы привлечь как можно большее внимание СМИ. Смотрите, в семь стемнеет. Вечером вы оставляете любой из ваших автомобилей - чем дороже он застрахован, тем лучше - около своего гаража, достаточно далеко от своего дома и всего, что вы не хотите повредить. В семь часов я прикреплю бомбу с радиоуправляемым взрывателем к днищу машины. В семь тридцать вы говорите Эмили, что собираетесь на часок заскочить в студию, чтобы проверить кое-какой реквизит для вашей следующей проповеди. Вы садитесь в машину, заводите двигатель, включаете огни, затем вспоминаете, что кое-что забыли. Оставьте двигатель работающим, а огни включенными, и вернитесь в дом как можно скорее. В этот момент я нажму кнопку. Всё ясно?

Сол посмотрел на него с сомнением.

- Оскар, Вы уверены, что понимаете, о чем говорите?

Райан был недоволен. Оскар выполнил план, который он изложил Солу и Гарри, намеренно применив бомбу намного большей мощности, чем необходимо. Мало того, что искореженные половины «Мерседеса» Сола разбросало на расстоянии пятнадцати метров, но и почти все стекла были выбиты в домах в двух кварталах вокруг. Через несколько минут полиция и агенты ФБР буквально кишели на месте происшествия, а на следующее утро газеты и телевизионные новости были полны рассказами об этом событии.

Сол, лицо которого было перевязано в местах порезов от разлетевшихся стекол, рассказал в интервью телевизионным новостям, как он чудом спасся из-за того, что оставил дома свою Библию.

- Когда я завел машину, то почувствовал рядом Иисуса, и услышал, как голос произнес: «Твоя Библия, Сол». Если бы не это напоминание, меня разорвало бы на клочки. Потом он добавил: - Я знаю, что сторонники Израиля хотят заткнуть мне рот. Они шантажируют все станции, которые передают мои проповеди, угрожая им разорением, если те не разорвут договоры со мной. Но я не представлял себе, что они зайдут так далеко, чтобы заставить меня замолчать. Я знаю, что страх перед евреями заставил замолчать многих других, которые хотели донести правду до людей, но я не боюсь, потому что верю, что Иисус хранит мою жизнь, и он сотворит столько чудес, сколько нужно, пока я служу ему.

Настоящим же чудом было то, что это заявление Сола действительно прошло в программах новостей без цензуры.

- Черт возьми, Егер, ты действительно всё запарол! - язвительно сказал Райан вечером по телефону.

- Виноват, Райан. Я подумал, что он собирается куда-то ехать на машине вчера вечером, когда увидел, что он оставляет ее у своего гаража. Прикрепил магнитом 7 кило «Товекса» под днище. Привязал к нему один из тех радиоуправляемых взрывателей, что вы дали мне. Потом я вернулся к своей машине, которую оставил примерно в 200 метрах на улице, и стал ждать. Когда я увидел, что его огни засветились, то нажал кнопку. Оттуда, где я был, было не видно, что он

выскочил из своей машины и вернулся в дом сразу после того, как включил огни. Я действительно старался выполнить задание хорошо, но иногда такие вещи случаются.

- Что ж, только теперь тебе придется попытаться снова, а дело будет намного труднее. Теперь у этого ублюдка кругом охранники.

Оскар надеялся, что Райан отступит перед лицом всей этой шумихи о взрыве бомбы и даст ему передышку. Это было его главной целью при инсценировке взрыва бомбы. Он крайне хотел избежать решающей схватки с Райаном, и когда услышал, что Райан настаивает на продолжении, его сердце сжалось. Однако он ожидал такого поворота и подготовился к нему.

- Как скажете. Но мне придется придумать другой способ, как к нему подобраться. Да, слушайте, я чуть не забыл сказать. Я нашел в машине Роджерса кое-что действительно интересное. Когда я проверял её, то увидел портфель на заднем сиденье. Портфель не был закрыт на ключ, так что я заглянул в него. Схватил пачку бумаг и сунул их в свой карман. Когда я добрался домой, то просмотрел бумаги и представьте себе: Роджерс намерен ударить по вам в одной из проповедей! У него куча материалов на вас. Похоже, что ему передали их из ФБР.

- Черт возьми, о чем ты, Егер? Какие материалы? - В голосе Райана слышалась явная тревога.

- Бумаги лежат в моем подвале. Я не помню все, что в них есть, но там есть несколько любопытных сообщений ФБР о нарушениях гражданских прав вашим Агентством, видимо, совершенных при подавлении бунтов чернокожих в Вашингтоне и Чикаго. Роджерс пробежался по сообщениям «частым гребешком», подчеркнул некоторые места и пометил на полях, что-то вроде «использовать» и т.д. Он, очевидно, получает информацию от кого-то в ФБР, кто хочет вас достать. Я помню, что в одной пометке на полях было, кажется, написано «Встретиться с Торстейном в черверг в здании Гувера для уточнения».

- Торстейн?

- Торстейн, Терстейн, кажется так.

- Тонстейн! Джулс Тонстейн! Вот ублюдок! - взорвался Райан.

Незнание Оскаром написания и произношения этого имени было притворным. Он очень хорошо знал, что Джулс Тонстейн был в Бюро директором отдела по борьбе с рэкетом. Он не забыл имя человека, увиденного в новостях во время формирования Агентства; его упоминали как возможного кандидата на пост главы новой организации. Оскар рассчитал, что одно это обстоятельство делает этих двух мужчин соперниками, и он рассчитал точно. Райан повел себя почти так как и предполагал Оскар.

- Хорошо, послушай, Егер. Ты должен немедленно передать мне эти бумаги. Я не могу рисковать, чтобы они попали к кому-нибудь еще. Я зайду в «Капри», ты знаешь этот ресторан в Джорджтауне?

- Да, я слышал о нем. Думаю, что я знаю, где это.

- Хорошо, я буду там через полчаса. Ты тоже подходи туда со всеми этими бумагами. Точно в 8:30 я войду в мужской туалет. Ты зайдешь туда в 8:25 и передашь бумаги мне, когда я войду.

- Нет, нет, Райан. Если я должен встретиться с вами снова, я хочу, чтобы это было место, где мы можем сесть и поговорить несколько минут наедине. Если эти бумаги так важны для вас, как я понимаю, то вы можете найти способ отделаться от ваших телохранителей на час и встретиться со мной там, где мы сможем говорить с глазу на глаз.

- Что ты задумал? Не хочешь ли ты меня шантажировать, Егер? - Голос Райана был полон явного подозрения.

- Этого я хочу меньше всего. Но с тех пор, как мы образовали наше маленькое товарищество, многое изменилось. Я должен получить ваши разъяснения по некоторым делам, чтобы точно знать, каковы будут наши отношения в будущем.

В трубке стояла тишина, пока Райан обдумывал проблему, и, наконец, он сказал:

- Хорошо, Егер. Моя лодка стоит на пристани для яхт, вниз по Мэн-Авеню. Знаешь, где это?

- Да.

- Моя лодка стоит у причала К-2, большая белая с синей отделкой. Ты ее не пропустишь. Я сейчас пойду туда. Ты прибудешь на борт между 8:30 и 8:40, и мы поговорим. Я могу уделить тебе полчаса. Хорошо?

- Да. Этого, наверное, будет достаточно.

- Только убедись, что взял с собой все бумаги, которые нашел - все до одной.

Когда Оскар повесил трубку, у него вырвался вздох. Райан легко угодил в его ловушку. Оскару было почти жаль, что она сработала.

- Проходи, Егер. - Райан махнул Оскару в сторону просторной, но неярко освещенной каюты своего 17-метрового крейсера. Оскар заметил, что иллюминаторы были плотно зашторены. Это, конечно, было наилучшее место для неофициальных встреч.

Пока Оскар осматривался, он почувствовал, как пистолет Райана подтолкнул его в спину. - Спокойно, Егер. Я не знаю точно, что у тебя на уме сегодня вечером, а как я уже говорил тебе, я - человек осторожный.

Оскар позволил себя деловито обыскать. Райан вытащил револьвер Оскара из-за его пояса, закончил поиск, а затем потребовал:

- Ну, Егер, где бумаги?

- Нет никаких бумаг.

- Не морочь мне голову, сукин сын! - Теперь Райан разозлился.

Оскар повернулся и встал перед Райаном, не обращая внимания на оружие в его руке, и спокойно произнес:

- Я сказал, что хочу поговорить с вами, Райан. Я придумал историю о находке бумаг в машине Роджерса только чтобы убедить вас встретиться со мной на несколько минут.

- Ты действительно рискованный парень, Егер! Мне надо убить тебя прямо сейчас и покончить с тобой раз и навсегда. Тогда я почувствую себя хорошо. Что тебя заставило отколоть такой глупый номер? Ты хоть понимаешь, насколько я занят?

- Да, я уверен, что вы - очень занятой человек. - ответил Оскар. - И я уверен, что в будущем вы будете заняты еще больше, учитывая, куда катится наша страна. Так что будет лучше, если мы выясним некоторые вещи прямо сейчас, а не позже. Я подставляю свою шею за вас, Райан. Вы не были бы тем, кем вы стали сегодня, если бы я не выполнил для вас несколько заданий. И вы можете захотеть, чтобы позже я сделал для вас что-нибудь еще. И мне кажется, что несколько минут спокойного обсуждения время от времени вы должны считать временем, потраченным с пользой.

Глаза Райана вспыхнули, и его ноздри раздулись при утверждении, что он обязан своим положением Оскару.

- Ты слишком вырос из своих штанов, сынок, - резко ответил он Оскару. - Ты - просто проклятый мальчишка на побегушках, сидел бы сейчас в камере смертников и ждал очереди на электрический стул, если бы я не решил спасти твой зад для большей пользы. Конечно, я все помню о сражении, проигранном из-за потери гвоздя в подкове, но ты должен иметь в виду, что ты - не единственный гвоздь в подкове.

Выпустив немного пара, Райан сменил свой угрожающий тон на бесцеремонный и спросил:

- Ну ладно, что у тебя на уме сегодня вечером? - Он махнул Оскару в сторону кресла для отдыха с одной стороны каюты, а сам занял место на кушетке с другой стороны. Теперь этих двух мужчин разделяли четыре метра и кофейный стол. Райан поглядел на часы и затем положил пистолет поблизости на подушку рядом с собой.

- Действительно ли необходимо убивать Сола Роджерса? - начал Оскар.

- Так вот, что тебя беспокоит? Ты не хочешь прикончить этого проповедника? В чем дело, Егер? Раньше ты убивал проповедников. На тебе висит целая дюжина проповедников, после того как ты взорвал Народный комитет против ненависти. Может ты веришь, что этот Роджерс действительно голос Иисуса, а?

- Да ладно, Райан. Вы знаете, что я не суеверный. Я видел несколько передач Роджерса. Мне ... дал пару записей друг, который записывает его проповеди. Роджерс говорит вещи, которые должны быть сказаны. Он действительно находится на нашей стороне и может многое сделать, чтобы помочь нейтрализовать евреев. Я просто не понимаю, зачем его надо убивать. Никто никогда еще не настраивал так многих рядовых американцев против евреев, как он.

Райан вздохнул и затем заговорил примирительным тоном.

- Видишь ли, Егер, что до меня, то я склонен оставить этого мужика в покое, по крайней мере, пока. Если бы его последователи действительно доказали, что могут создать экономические проблемы для правительства, я прекратил бы его деятельность тем же методом, что мы обычно использовали еще в Бюро. Я подсунул бы ему агента, кажущегося идеалистом-добровольцем из христианской глубинки, который предложит поработать в его офисе почти даром. Мы нашли бы на Роджерса что-нибудь противозаконное - огрехи в бухгалтерии или заговор с целью подстрекательства к беспорядкам. А если бы нам не удалось найти то, что нужно, то мы состряпали бы что-нибудь сами. Потом наш человек пошел бы в местную полицию или в Бюро - не в Агентство - и сделал бы вид, что он возмущен тем, что обнаружил. Таким способом еще в семидесятых годах мы разгромили чертову уйму радикальных организаций, как левых, так и правых, и мы можем проделать это и с Роджерсом. И мы можем сделать это таким способом, что его последователи на меня даже не разозлятся.

Но, видишь ли, я - не единственный, кого беспокоит суматоха, которую вызывает Роджерс. Если я позволю ему продолжать нападать на евреев, они начнут отвечать. Они снова будут раскачивать лодку, а я не могу этого допустить. Уже сейчас умные евреи из их верхушки понимают, что в их лучших интересах, чтобы правительство могло контролировать события для поддержания порядка. И, поверь мне, только они могут удерживать в узде остальную часть жидков, естественная склонность которых состоит в том, чтобы создавать неприятности. Если верхушка евреев убедится, что правительство, то есть я, защитит их от таких людей как Роджерс, то они

останутся в рамках приличий, а также будут сдерживать своих более диких собратьев. Более того, они помогут мне удерживать население в рамках порядка. Ты заметил, как спокойно хозяева СМИ восприняли мои меры по умиротворению черных? Это не оплошность с их стороны, а продуманная политика. Несколько лет назад, если бы правительство грубо обошлось с их драгоценными черномазыми, все они закричали бы о кровавых убийствах. Но если они теперь посчитают, что я не могу или не буду защищать их и их интересы, начнется ад кромешный. Они раздуют бесконечные неприятности: бунты, забастовки, демонстрации, все, чтобы вывести Белое большинство из равновесия, все, чтобы удержать людей вроде последователей Роджерса от объединения и сплочения, когда они начнут оказывать влияние на более широкое общественное мнение и политику правительства. Понятно?

- Я все прекрасно понимаю, Райан. Я даже понимаю, почему вы выбрали убийство вместо провокации. Провокация могла бы занять несколько месяцев, а если Роджерс останется в эфире надолго, то положение евреев будет сильно подор...

Райан прервал его:

- Ты чертовски прав, провокация - слишком долгое дело. Этот вопрос должен быть улажен самое большее через пару дней.

Оскар продолжил:

- Как я сказал, если вы оставите Роджерса в покое, есть хороший шанс, что он нейтрализует евреев в ваших же интересах, и их возможности подстраивать неприятности будут существенно уменьшены. Почему бы не...

Райан снова прервал его.

- Хороший шанс недостаточно хорош, Егер. И даже если он действительно восстановит большинство народа против евреев, чего он не сможет сделать, их будет самое большее 20-30 процентов: в этой стране слишком много людей, чьи интересы связаны с интересами евреев - традиционные христиане, феминистки, извращенцы, многие крупные капиталисты - но даже если бы он действительно повел большинство против евреев, они все равно будут способны доставлять разные неприятности.

- Неприятности, с которыми вы и Агентство не справитесь?

- Да, черт побери! Смотри, я могу справиться организованной преступностью, с израильской секретной службой, теперь, когда я с твоей неоценимой помощью свел их число на нет; с черными мятежниками; и с политическими террористами любого вида, одиночками или в группах. Но я не могу взять на себя всю страну сразу. По крайней мере, я еще не готов сделать это. Население должно оставаться более или менее смиренным, и более или менее соблюдать правила. И именно это обеспечивают средства массовой информации. Это - мыльные оперы и комедии, телевизионные игры и спортивные передачи, их любимые обозреватели новостей. Пока СМИ говорят населению, что они должны без жалоб терпеть существующие экономические трудности, большинство из них подчиняется. Но если СМИ начнут твердить населению, что их обманывают, и что они должны начать протестовать, то начнется такой бедлам - только держись.

И я ничего не смогу с этим поделать. Как ты думаешь, что случилось бы, если бы я арестовал всех евреев из развлекательных и новостных СМИ? А я скажу тебе, что случится. Не будет никаких новостей и развлечений. У меня нет никакой возможности заменить всех этих евреев - редакторов, издателей и сценаристов, директоров, менеджеров программ и продюсеров - это невозможно. Вся эта сфера пронизана евреями, на всех уровнях, и потребуются годы, чтобы заменить их неевреями. Машина остановится. Экраны телевизоров погаснут. Местное население станет очень беспокойным. Мне это нравится не больше, чем тебе, но я считаю с фактами, а ты, кажется, не способен на это. И это факт, что, к лучшему или к худшему, но СМИ управляют подавляющим большинством народа в этой стране. СМИ говорят населению, что думать, и как вести себя, и, в основном, люди так и поступают. Сейчас это - к лучшему. И я не хочу, чтобы это изменилось к худшему.

Перед ответом Оскар на мгновение пристально посмотрел на Райана:

- Вы думаете, что это - к лучшему, что евреи, которые управляют СМИ, не только уговаривают публику смеяться и терпеть экономические трудности, но также приказывают им смеяться и терпеть расовое смешение, беспрепятственное нашествие небелых иммигрантов через наши границы, постепенное превращение Америки в трущобы третьего мира? Вы думаете, что это - к лучшему, когда американские школьники изучают подложную историю, и их учат подавлять всякое чувство расового единства и расовой гордости? То, что люди получают в лошадиных дозах вздор о «холокосте» и лживые рассказы о преступлениях, чтобы снять с евреев вину за нынешние дела? То, что пропаганда в пользу Израиля извергается во все больших количествах, невиданных прежде?

Оскар секунду помолчал, а затем продолжил:

- Разве вы не видите, Райан, что евреи не дают нам вырваться из существующего порядка вещей, и нам нельзя этого дальше терпеть? В обмен на помощь вам в поддержании общественного порядка они получают возможность проводить свой порядок, который очень скоро уничтожит нашу расу. Это действительно то, чего вы хотите?

- Егер, ты же знаешь, что это не так. Но, черт побери, парень, как ты не можешь понять: неважно, что хочу я или хочешь ты? Мы должны исходить из фактов, а не желаний и мечтаний. А факты таковы, что мы стоим перед выбором только одного из двух. Мы можем продолжать попусту терять время старым добрым демократичным способом, просто позволяя всему ухудшаться и ухудшаться, в то время в правительстве все стараются избегать делать хоть что-нибудь, за что им, возможно, придется нести ответственность. И тогда у нас по-прежнему останется все то зло, о котором ты только что говорил, и вдобавок наступит общий крах порядка и общественных устоев. Или мы можем сделать то, что я делаю теперь, то есть, достаточно крепко пинать в задницы, чтобы помешать преступным элементам выйти из-под контроля, пока народ в целом не научится дисциплинированно приносить жертвы и повиноваться. Страна может катиться в тартарары, но пока я руковожу Агентством, она будет катиться туда спокойно и дисциплинированно.

Райан хмыкнул и затем продолжил, прежде чем Оскар смог возразить.

- На самом деле, я не думаю, что все идет хотя бы наполовину так плохо, как ты воображаешь. Евреи могут считать, что они уверенно держат нас в своих руках, но я думаю по-другому. Позволь рассказать тебе, как всё видится глазами больших людей наверху пирамиды власти, людей вроде сенатора Хермана и президента. Сейчас они действительно встревожены. Они непрерывно получают данные о настроениях публики из постоянно проводимых опросов. Они знают, что народ почти полностью разочарован в правительстве, и что люди действительно не любят или доверяют никаким властям, а существующее спокойствие в обществе очень призрачно. Они знают, что это спокойствие может нарушить что угодно. Они сами понимают, что довольно плохо владеют ситуацией. И они осознают, что лишь две силы сохраняют положение дел и защищают их собственные бесполезные задницы: евреи с их СМИ, которые более или менее держат население под наркозом; и я, который готов, хочет и способен выбить дурь из любого, кто посмеет расстраивать наши планы. Так что, теперь они лижут обе наши задницы. Евреи получают больше денег и оружия для Израиля и больше законов «против ненависти», сдерживающих любого, кто посмеет указать на них пальцем. А у меня практически полная свобода действий в отношении антиправительственных элементов.

Райан склонился к Оскару и заговорил заговорщическим тоном.

- А теперь я открою тебе одну тайну, Егер. Очень скоро у меня будут еще больше развязаны руки, чем сейчас. Высокопоставленные ребята не любят постоянно нервничать. Им не нравится лизать задницы евреям и задаваться вопросом, когда эти ублюдки их предадут. Им также не нравится зависеть от меня, но, по крайней мере, они доверяют мне немного больше, чем евреям. Они хотят сместить равновесие сил больше в мою пользу, и меньше - в пользу евреев. Они хотят, чтобы общественное спокойствие больше зависело от моих полицейских полномочий и меньше от способности евреев управлять настроениями людей. Их чертовски волнуют выборы, которые пройдут в следующем году, потому что слишком многое может выйти из-под контроля. В особенности, их волнуют многие из их собственных коллег, которые пойдут на все, включая раскачивание обстановки в стране, лишь бы им переизбраться. Евреи с нетерпением ждут выборов, рассчитывая, что получат еще больше своих марионеток и изменят расстановку сил в свою пользу. Но только между нами: возможно, никаких выборов не будет.

- Что вы имеете в виду? Наверняка правительство получит много худшие проблемы, если оно попытается отменить выборы. СМИ подымут вой.

- Прямо сейчас проблемы возникли бы. Но не через полгода. Не после того, как я подавлю восстание.

- Какое восстание?

- То восстание, подготовку к которому я очень тщательно отслеживаю последние два месяца. Мы говорим об обществе и о том, как евреи управляют им, но правда такова, что в нем много беспокойных группировок, у которых собственные планы: мексиканские реваншисты хотят отобрать юго-запад у гринго и воссоединиться с Мексикой; многие христианские фундаменталисты, вроде тех, которыми управляет теперь Роджерс; сторонники превосходства Белых хотят уничтожить меньшинства; негритянские активисты хотели бы сделать то же самое с Белым большинством и многое другое. И вот, в следующие несколько недель, а возможно, в следующем месяце, негритянские деятели собираются поднять согласованное всеобщее восстание по всей стране, а я собираюсь разгромить его. Но прежде, чем я сделаю это, они натворят достаточно безобразий и напугают множество народу до потери сознания, так что население будет радо миру любой ценой. Частью этой цены будет отмена выборов, хотя наши еврейские друзья еще не подозревают об этом.

- Они знают о восстании?

- Вряд ли. Не в подробностях. Они действительно знают, что многие из черной верхушки что-то затевают. У евреев нет таких источников информации в негритянской общине, которое есть у меня. Я слежу за зарождением этого дела с самого начала, время от времени подталкивая подготовку в нужном направлении и оказывая содействие, когда это необходимо, причем черные, конечно, даже не догадываются об этом. Зато евреи знают, что среди черной верхушки

есть лица, адски враждебно настроенные по отношению к ним, я имею в виду настоящих вожаков, негритянских националистов, а не дядей Томов, которых евреи поставили, чтобы они служили их собственным интересам. Причем враждебность эта больше, чем среди любых других частей населения, и евреев это беспокоит. Все черные главари прекрасно знают о еврейском господстве в СМИ, хотя то было в новинку для большинства Белых, пока Роджерс не начал говорить им об этом, и главари действительно чувствуют себя как обделанные, из-за того, что СМИ не подняли шум, когда я расправлялся с мятежниками в Вашингтоне, Чикаго, Майами и других местах. Эти главари много лет проповедовали массам черных, что кажущиеся еврейские симпатии к ним всецело корыстны, что евреи предадут их всякий раз, когда это будет соответствовать их целям, и теперь черные поверили в это. Они выступают против евреев и еврейских предприятий с удвоенной силой, когда в следующем месяце начнут стрельбу и поджоги. Так что у меня не будет никаких помех, если говорить о СМИ, когда я раз и навсегда сотру в порошок движение негритянских националистов. Я ожидаю, что драка продлится довольно долго, президент введет чрезвычайное положение, приостановит действие многих гражданских свобод, и отложит выборы на неопределенное время. Когда пыль уляжется, евреи поймут, что потеряли свой шанс изменить ситуацию в свою пользу, но будут даже счастливы, что еще живы, так что они продолжат поддерживать правительство.

- Райан, я все-таки не понимаю, как это улучшит ситуацию. Негритянские националисты - это не те, кто нас должны волновать. Напротив, ручные ниггеры, расовые смесители, те, кто хочет вступить в брак и стать как можно больше похожими на Белых, - вот кто реально угрожает нашей расе. Если вы выведете националистов из игры, то в черном сообществе не останется никаких сепаратистских сил, никаких сторонников расового разделения. Мы страшно не хотим этого. И потом евреи по-прежнему сохранят контроль над СМИ, и будут продолжать вводить свой яд в умы и сердца Белого населения.

- Ты, должно быть, не слышал то, что я только что сказал, Егер: выборы будут отложены на неопределенное время. Понял? Больше - никаких выборов. Это будет самое лучшее событие, из всех, которые когда-нибудь происходили в этой стране.

- Ну, я, конечно, не защитник демократии. Но страной по-прежнему будет управлять свора преступников. Свора в Конгрессе, Белом доме и в судах - такая отвратительная банда жуликов, что и сравнить не с чем. Я не понимаю, как выборы могут намного ухудшить положение.

- Ты не понял одной вещи, Егер. Даже двух. Во-первых, мы не просто больше не будем каждые несколько лет менять жуликов наверху, а изменим всю систему. Мы устраним четырехлетний цикл, старую игру в «наперсток» со сменой республиканцев на демократов и наоборот. У нас появится шанс добиться действительной стабильности. Мы будем избавлены от безответственности, ненужных расходов и неумелого руководства, которые происходят, когда люди, управляющие правительством, могут думать и планировать на будущее не далее, чем до следующих выборов. И, во-вторых, не будет нынешней банды, которая правит сейчас, точно не будет. Это буду я.

- Как вы это себе представляете, Райан?

Райан ответил вопросом на вопрос:

- Что ты думаешь о президенте Хеджесе? Что он за человек, по-твоему?

- Ну, я думаю, что вы должны знать его лучше, чем я. Я видел его только по телевизору. Мне кажется, что он - довольно заурядная личность без особого характера.

- Ты хорошо его оценил. Он - хреновый актер, и ничего больше. Полная пустышка. Пирожок без начинки. Все на поверхности. Этого господина даже власть не интересует. Все, что ему нужно - видимость власти, ее побрякушки. Ему нравится быть важной шишкой: всеобщее уважение, внимание, привилегии, тешит сама мысль, что он - лидер нашей страны. И он довольно хорошо играет роль президента, но на самом деле правит не он, а правительство. В пользу Хеджеса я могу сказать только то, что он достаточно умен, чтобы осознавать собственные недостатки, и даже не пытается проводить собственную политику. Люди в правительстве - в большинстве неплохие администраторы, но характер, как у меня, есть только у одного из них.

- Госсекретарь Хеммингс?

- Точно. Хеммингс. Далеко не простой маленький ублюдок. И, конечно, он - человек евреев со всеми потрохами. Он руководит Государственным департаментом, как будто здесь Тель-Авив, а не Вашингтон. Но я, наконец, узнал, почему он - человек евреев. Я узнал то, что они имеют на этого ублюдка, и думаю, что смогу держать его под контролем. А если не смогу, то приму меры, чтобы какой-нибудь негритянский националист его шлепнул. Или, возможно, закажу его тебе. Но в любом случае, командовать буду я.

Оскар бросил взгляд на собеседника, а затем покачал головой.

- Райан, я не знаю, что вы пили сегодня за обедом. Вы просто говорите ерунду. Вы же знаете, что не сможете управлять страной в одиночку. Возможно, лет через двадцать, считая с сегодняшнего дня, вам это удастся, если потратить все это время на создание собственной системы управления. Но в данный момент, как вы сами признали пару минут назад, у вас нет

ничего, чем можно заменить средства массовой информации. Евреи могут покончить с вами в любое время, когда им заблагорассудится. Вы можете управлять только с их соизволения.

- А они могут выжить только с моего соизволения!

- Другими словами, вам придется заключить с ними союз. Вы будете вынуждены иметь с ними дело: они мешают стаду становиться слишком беспокойным и восставать против вас, а вы позволяете им продолжать распространять свой яд.

- Все не так просто, Егер. Я тоже буду пасти стадо. Я провожу свои собственные опросы общественного мнения, и у меня много сторонников. Среди Белого рабочего и среднего класса я пользуюсь наибольшим расположением среди всего правительства. Я вел себя довольно сдержанно, чтобы избежать чужой зависти, но когда черные сделают свое дело в следующем месяце, я не собираюсь скромничать. А когда все будет кончено, я не собираюсь оставаться закулисным начальником тайной полиции и буду постоянно показываться на людях. Я собираюсь говорить с народом. Я понимаю, что евреи будут искать случая воткнуть мне нож в спину, но не намерен доставить им такую радость. А яд, которым они будут пичкать народ, вряд ли будет хуже нынешнего. И я буду строить систему, о которой ты сказал. Как видишь, любые дела, которые я сегодня вынужден вести с евреями, не навсегда. Через 15-20 лет я смогу резко сместить равновесие сил в свою пользу.

Оскар снова покачал головой.

- Хорошо, Райан, в вашем плане есть некоторые привлекательные стороны. Но на вашем месте я немного больше, чем вы, беспокоился о том, чтобы заставить евреев вести себя хорошо. Но, несмотря на мои сомнения, я не вижу кого-либо еще, из всех кого я знаю, кто лучше вас сможет претворить ваш план и затем удержать события в руках.

Оскар замолчал, откинулся назад в кресле, потянулся всем телом, а затем продолжил:

- Дело в том, что меня просто не устраивает ни один сценарий, который допускает подержание существующей расовой обстановки и контроля евреев в СМИ. Вы можете обеспечить порядок. Вы можете получить более сильное и четко работающее правительство. Но правительство само по себе - не цель. Раса - вот что важно. Задача расы - самосовершенствование, создание более совершенного человека. Правительство должно существовать только для служения этой цели. Общественное спокойствие желательно, только когда оно служит этой цели. А я вообще не вижу ее присутствия в вашем представлении о будущем. Почему мы не можем бороться с евреями? Почему мы не можем позволить Роджерсу продолжить нести свою весть народу? Почему мы не можем поднять сознание Белых людей, или, по крайней мере, значительной их части, и затем послать евреев к черту? Ну и что, если некоторое время не будет никакого телевидения? И что с того, если толпа взбунтуется, когда экраны погаснут? Продолжайте с вашим восстанием черных, если хотите, но тогда используйте общественную поддержку, которую вы завоюете, когда подавите черноту, чтобы избавиться от евреев, независимо от того, чего это будет стоить. Позвольте Роджерсу оказать поддержку этому движению. Тогда я смогу поддержать вас полностью.

Райан в свою очередь покачал головой и затем ответил:

- Я должен признаться, Егер, что некоторые черты твоего представления тоже мне близки. Это - романтическое представление. Но я превратился из романтика в реалиста, когда стал взрослым мужчиной. Мне кажется, что с тобой этого не произошло.

Райан усмехнулся своему словесному выпадку, а потом уже серьезно продолжил:

- Если бы ты изучил историю так серьезно, как я, то, возможно, признал бы некоторые самые общие факты жизни, или, возможно, следует выразиться - некоторые общие факты исторического развития. История имеет инерцию. Любое историческое развитие, вроде того, что мы прошли в этой стране, когда она в этом столетии превратилась из чрезвычайно однородной Белой христианской страны, хорошо помнящей свое европейское наследие, в разрозненную, многонациональную, многоязычную, еретическую толпу, управляемую евреями и лживыми адвокатами-политиками в союзе с евреями, имеет огромную инерцию. Это тектонические сдвиги, схожие с движением материковых плит земли. Они происходят постепенно в течение долгого времени. Это движение приводят в действие законы истории. Обратить такие процессы вспять просто невозможно. Самое большее, на что можно надеяться, это понять их динамику и постараться наилучшим образом приспособиться к ним. Именно это я и намерен сделать. Ты же, наоборот, хочешь игнорировать законы истории и в лоб атаковать все силы, которые толкают Америку в направлении, в котором она движется. Особенно тебе хочется прямо напасть на евреев. Так победить ты не сможешь.

- Я не знаю ваших «законов истории», Райан. И я знаю, что гниль, которую все мы видим вокруг, пустила очень глубокие корни, но совсем не думаю, что мы должны сидеть, сложа руки, и наблюдать, как гибнет наша раса. Я могу согласиться с вами, что процесс распада зашел слишком далеко, чтобы можно было полностью повернуть его назад, но пока еще есть множество достойных людей, которых можно спасти. Я считаю, что есть способы, успешно провести «спасательную операцию». Например, вы могли бы позволить восстанию черных начаться, как задумано, но затем использовать Агентство, чтобы ликвидировать еврейскую

верхушку, еврейских боссов в СМИ и их финансистов, во время общей неразберихи, вызванной восстанием. Восстание послужит большим толчком для роста самосознания Белых, и мы сможем организовать «восстановимые» элементы в действенную силу для того, чтобы вырезать остаток гнили и отделить ее. Пусть погаснут экраны телевизоров, а города загорятся. Чем больше бесчинства толпы, тем лучше. В конце года мы получим совершенно четкое разделение элементов и сможем начать восстановление, даже продолжая устранять гнилой материал.

- Егер, ты снова мечтаешь. У тебя в голове образ идеального Белого мужчины. Это образ Белого мужчины, каким, по-твоему, он должен быть, а не каков он на самом деле, не тот, в кого он в действительности превратился. Ты воображаешь, что когда черные восстанут и начнут поджигать магазины, грабить, насиловать и убивать, встанут сотни тысяч этих героев - Белых мужчин, которые существуют в твоём воображении, вместе со своими героическими женщинами, а ты создашь из них сплоченную силу, чтобы «зачистить» страну от евреев, извращенцев, феминисток, либералов - любителей черномазых, политиков и других расовых предателей, чокнутых христиан, латиноамериканцев, косоглазых, баклажанов в полотенцах на головах, и от того, что останется от черных после того, как я разгромлю их восстание. Но этого не случится, Егер. Это - лишь мечта.

То, что у нас с тобой есть смелость и желание включиться в эту борьбу, не означает, что другие тоже этого хотят. Мы - исключение. Таких как мы в этом выродившемся веке больше не осталось. Ты нашел бы несколько сотен Белых добровольцев, да и тех было бы невозможно связать в одно целое. Остальные же будут сидеть по домам и ждать включения телевизоров, которые скажут им, что думать, бежать к черномазым и присоединиться к грабителям и насильникам, или молиться Иисусу, чтобы он их спас. Понятно? То, что ты придумал, не сработает. Белые из себя уже ничего не представляют. Они не знают, что такое дисциплина, жертвенность, сплочение во имя общей цели. Они слишком слабы, слишком робки, слишком испорчены, слишком эгоистичны, слишком недисциплинированы. Легионы СС Гитлера были последней силой Белых на земле, которая имела шанс добиться того, что ты хочешь сделать, но их просто было слишком мало. Толпа задавила их своим количеством. А тебя толпа задушит в тысячу раз быстрее. Ты думаешь, мое Агентство - единственная вооруженная сила в этой стране? Против вас бросят армию, и она раздавит вас, независимо от того, насколько лучше ваше расовое качество, и насколько выше у вас дисциплина.

В каюте повисла тишина, и двое мужчин пристально смотрели на друг друга. Наконец Райан взглянул на часы, а Оскар заговорил хриплым от волнения голосом.

- Несомненно, в ваших словах много правды. Несомненно, нас ждет отчаянная и опасная борьба. Но мы должны рискнуть, Райан. Мы должны остановить нынешнее развитие событий. По крайней мере, нужно дать нашему народу возможность спастись и начать с начала. Мы не можем позволить себе оказаться в новом застое, когда евреи будут продолжать управлять СМИ. Это - смертный приговор. Порядок и стабильность хороши, когда положение улучшается, когда народ полон созидательного духа и строит лучшее будущее для своих потомков. Но когда обстановка ухудшается, то порядок и стабильность становятся врагами жизни, врагами истинного развития.

Райан нетерпеливо фыркнул и ответил.

- Я скажу тебе, что мы должны делать, Егер. Мы должны закончить сейчас эти бесполезные споры. Я зря потратил с тобой больше часа сегодня вечером. Забудь о своей мечте и смиришься с фактом, что в этой стране будет порядок. Ты можешь или быть, или не быть частью этого порядка. Если ты хочешь стать частью этого порядка, тогда побыстрее избавь меня от Роджерса, и без проколов. Если ты не хочешь быть частью порядка, я могу решить эту твою проблему прямо сейчас.

Райан глянул направо и потянулся за пистолетом на подушке рядом с ним. В этот момент Оскар сильно сжал прищепку на авторучке, которую он вынул из кармана рубашки пару минут назад и крутил в руках, пока они разговаривали. Раздался слабый щелчок, тонкая струя жидкости ударила из кончика ручки, направленного на Райана, и разошлась узкой воронкой тумана у цели. Райан задохнулся, сдавленно выругался и споткнулся, опрокидывая кофейный столик.

Пока Райан, на мгновение ослепленный слезоточивым газом, кашляя и задыхаясь, нащупывал на кушетке свой пистолет, Оскар прыгнул. Он отшвырнул Райана в сторону и схватил пистолет, потом отскочил и быстро выстрелил два раза, когда другой мужчина бросился на него. Райан схватился за грудь, простонал и рухнул на пол. Оскар встал на колени и нащупал его пульс. Райан еще был жив.

- Мне жаль, Райан. Честное слово, я не хотел этого. Я действительно хотел работать с вами. Думаю, что у нас были бы намного лучшие возможности с вами, как главой Агентства, если бы вы изменили свои цели и выбрали расу, а не порядок.

- Тогда за что? - слабо выдохнул умирающий Райан.

Оскар с минуту подумал перед ответом.

- Мне кажется, что помимо всех наших споров, о том, что осуществимо, а что - нет, я сделал это за 14-летнюю дочь того куклуksклановца, о которой вы рассказали мне, Райан.

Оскар поднялся на ноги, тщательно прицелился в затылок Райана и сделал выстрел милосердия. Потом забрал свой пистолет и выскользнул в ночь.

Последствия ложной попытки убийства Сола сложились удачно. Два дня спустя, на следующее утро после того, как Оскар убил Райана, ФБР объявило об аресте руководителя и трех других членов сионистской Лиги защиты евреев и обвинило их в заговоре с целью взорвать автомобиль Сола.

Очевидно, воинственная еврейская группа в течение нескольких недель обсуждала возможность убийства Сола, и осведомитель в группе сообщил об этих разговорах в ФБР. Трудно сказать, насколько серьезными были разговоры членов Лиги об убийстве, но эта группа уже имела на своем счету множество случаев насилия, и в том числе ряд взрывов людей, которые высказывались против американской поддержки Израиля. При обыске дома руководителя Лиги был найден большой тайник с взрывчаткой и незарегистрированным оружием, и этого оказалось достаточно, чтобы убедить ФБР в ответственности группы за покушение на жизнь Сола.

В тот же вечер, когда новости были полны сообщений об арестах евреев и требований фундаменталистов - последователей Сола - покарать их, тело Райана было обнаружено на его яхте. Хотя не было ни малейших следов причастности евреев к смерти Райана, момент был крайне неудачен для них. Руководитель Агентства особенно нравился сторонникам законности и порядка, составлявшим значительную часть слушателей Сола, и, конечно, повсюду разлетелись слухи о том, что Райана убили евреи. В десятке городов библейского пояса были сожжены синагоги и разграблены еврейские универмаги.

Другим последствием этих слухов был выбор президентом нееврея в качестве преемника Райана, несмотря на тайное бешеное давление препоручить эту должность еврею. Президент Хеджес и его советники боялись, что назначение кандидата евреев Шермана Дэвидсона подтвердит слухи, в которые многие верили, и обратит гнев последователей Сола против администрации Хеджеса. Так что новым руководителем Агентства оказался Джордж Каррутерс, который был первым замечителем Райана. Каррутерс был превосходным управленцем, опытным дипломатом и переговорщиком, но у него совершенно отсутствовали преторианские качества Райана. Он привык действовать только после тщательного обдумывания и длительных совещаний со специальными комитетами, а не полагаться на смелость или интуицию, как Райан. По предположению Оскара этот человек разделял взгляды Райана на евреев, иначе Райан не выбрал бы его своим заместителем. Было еще неизвестно, как Каррутерс поведет себя при подавлении ожидаемого восстания черных, но Оскар подозревал, что его ожидают очень тяжелые времена.

Оскар достаточно верил предвидению Райана, чтобы сделать его предметом следующей проповеди Сола. Сол придал собственному предсказанию восстания загадочность, чтобы избезопасить обвинений в «расизме», которые могли осложнить продолжающуюся борьбу за то, чтобы остаться в эфире, а также свести к минимуму вероятность помешать предсказанному событию. Он снова позволил Иисусу говорить его голосом, светился нимб и все прочее, и точными словами Иисуса были:

«Смотрите, мои враги обманули вас и смутили вас и ввели вас в безумие, и вы приняли в свою среду страшного зверя. Они сказали вам отдать зверю ваших детей и возлежать со зверем, как женщина возлежит с мужчиной, и терпеть от зверя зло всякого рода. Они ослепили вас, так, чтобы вы видели не то, что зверь творит с вами. А теперь мои враги приказали зверю возвыситься против вас и убивать вас. И зверь должен возвыситься, он должен уничтожить ваши города, насилловать ваших женщин и осквернять ваших детей, он должен убить многих из вас. И кровь ваша побежит по улицам ваших городов из-за вашего безумия и из-за ненависти, которую мои враги испытывают к вам.

И, смотрите, все эти события наступят очень скоро. Но Отец мой пощадит вас, и Он сплотит вас среди ваших несчастий, и Он поведет вас против зверя и против моих врагов, которые обратили это зло против вас. И вы убьете их - и зверя, и моих врагов - и восторжествуете над ними и очистите землю от их присутствия и изгладите даже память о них под небесами.»

Это пророчество в течение следующих пятнадцати дней вызвало много предположений о его смысле среди верующих, но внезапно все прояснилось, когда черные подняли восстание и устроили День длинных ножей. Потери Белых в этот первый день были действительно большими лишь в самых больших городах. Больше двенадцати тысяч Белых были убиты в Нью-Йорке, чуть меньше трех тысяч - в Бостоне, почти четыре тысячи в Вашингтоне, две тысячи в Атланте, пять с половиной тысяч в Чикаго, девять тысяч в районе Лос-Анджелеса - примерно пятьдесят восемь тысяч по всей стране. Хотя это число не было большим, немного больше, чем гибнет в

автомобильных авариях каждый год, и составляло лишь шестую часть от числа людей, умирающих от сигарет, но психологическое воздействие событий было огромным.

Когда в первый день восстания в понедельник ровно в полдень по времени восточного побережья страны черные работники в конторах, магазинах и фабриках по всей стране вытащили оружие из под одежды и начали нападать на своих Белых сослуживцев, реакцией Белых были паника и ужас. Во многих случаях черные использовали не ножи, а пистолеты, иногда даже обрезы винтовок или дробовиков, но в умах большинства Белых свидетелей восстания остался образ забрызганных кровью черных с ножами, топориками для льда, колунами или топорами в руках, с которых капает кровь, бегущих от стола к столу, от прилавка к прилавку, от рабочего места к рабочему месту, полосуюя ножами, разбивая, рубя, разрезая и протыкая свои кричащие и стонущие жертвы.

В нескольких случаях, в основном на заводах, Белые рабочие смело защищались, разоружая нападавших и верша окончательный суд. Однако, как правило, Белые оказывались жертвами и легкой добычей. С мозгами, промытыми десятилетиями пропаганды «братства», вызвавшей у них сознание «вины», Белые были нравственно разоружены и неспособны к защите. Когда черные начали свою смертельную работу, некоторые Белые бросились наутек, но другие только смотрели и ждали, парализованные ужасом. Дикие и жуткие сцены того дня были засвидетельствованы многими.

В учреждении большой юридической фирмы в Бостоне, в которой работали всего четверо черных и более пятидесяти Белых, националистами были двое черных - секретарь и помощник адвоката. В полдень эти двое достали оружие и согнали всех остальных, кроме десятка Белых, которые успели уехать на обед, в большой зал заседаний и приказали им встать на колени на пол. Пока помощник адвоката размахивал пистолетом и вопил о «Белом расизме» и «несправедливости», черный секретарь по очереди шел от одного стоящего на коленях Белого к другому и перерезал опасной бритвой горло каждому из них. Белые просто ждали своей очереди, некоторые молча, а некоторые - плача. Свидетельские показания об этом дал один из двух черных, которые не участвовали в убийствах.

В Вашингтоне спустя несколько минут после полудня черные перекрыли один конец туннеля на дороге, проходящей под Капитолийским холмом, поставив машины поперек дороги. Испуганные Белые сотрудники правительственных учреждений, попытавшиеся бежать из города, быстро заполнили туннель и попытались дать задний ход. Банда из примерно двух десятков молодых черных мужчин, вооруженных мачете и топорами, начав с перекрытого конца, начала выбрасывать Белых водителей и пассажиров из машин и безжалостно убивать их на месте. Пока черные прокладывали свой путь дальше в туннель, большинство Белых оставались в своих машинах, в ужасе наблюдая, как на их глазах кричащих Белых вытягивают через разбитые ветровые стекла и приканчивают страшными ударами мачете. Несколько Белых пробежали через туннель к въезду и попытались вызвать полицию, но все полицейские были заняты в другом месте. Резня в туннеле продолжалась почти четыре часа, пока черные убийцы не устали и больше не могли убивать. За эти четыре часа в туннеле было убито более трехсот Белых.

В целом, лишь малая часть негров участвовала в первой волне насилия - меньше сорока тысяч на всю страну. Это были члены разных военизированных националистических организаций, проникнутые жалостью к самим себе и полные ненависти к «Белым угнетателям», внушенной многолетней болтовней в СМИ, те, кто готовил себя к восстанию в течение многих месяцев, и кому сообщили о будущем восстании и дали заключительные указания за 24 часа до его начала. Удивительно, что эта тайна была известна так многим людям, но Агентство оказалось единственным правительственным органом, которое заранее получило детальные сведения о мятеже.

Большинство черных бойцов составляли молодые мужчины, хотя в восстании участвовало удивительно большое число их женщин. Многие из них имели университетское образование, и именно они испытывали самое невыносимое чувство обиды. После бесконечных уверений в их «равенстве» в СМИ, от вербовщиков студентов и своих Белых одноклассников, чувствующих себя виноватыми, и товарищей по работе, эти черные, острее, чем их более скромные соплеменники, переживали унижительные удары по самолюбию, видя собственную врожденную ограниченность.

Однако на следующий день многие другие черные присоединились к восстанию. Все негритянские отбросы - уличные бандиты, хронические безработные, те, кто всегда готов на что угодно, лишь бы пограбить, ударить по «Беляку», хорошенько побуянить, хотя и не входили ни в одну из националистических организаций и не подчинялись их приказам, но служили делу очень хорошо, независимо участвуя в мародерстве и разрушениях.

Действительно, в первые недели побоища заводилы преуспели в привлечении многих черных к своему делу, но одни примкнули к ним, потому что были запуганы, а другие - из симпатии или злобы, которые уже расположили их к черному национализму. По мере того как начал проявляться ответ Белых, сопровождающийся всплеском антинегритянских чувств, раскол

между расами усилился, и многие черные, которые раньше надеялись избежать столкновения, были вынуждены выбирать, на чью сторону встать.

Оскару восстание казалось божьим даром, слишком хорошим, чтобы быть правдой. Далекий от неприязни Райана к негритянским националистам, Оскар надеялся, что их влияние на собственную расу после восстания еще усилится. Но судьба черных была лишь второстепенным вопросом. Подлинная ценность восстания заключалась в трех обстоятельствах. Во-первых, восстание сделало для поднятия расового сознания и восприимчивости еще здоровой части Белого населения больше, чем десять лет проповедей во всех СМИ, имевшихся в распоряжении Лиги. Во вторых, оно очень усилило влияние Сола на его Белых слушателей: мало того, что он, однозначно предсказав восстание, доказал, что является подлинным, божественно вдохновленным пророком и голосом Иисуса, но в течение многих месяцев он еще и проповедовал важность расы, пусть даже и несколько туманно, в то время как другие поддельные любимцы Иеговы нападали на него за эти попытки. И, в-третьих, восстание нанесло непоправимый ущерб престижу и доверию существующих властей и, прежде всего, правительству, управляемым СМИ и традиционной церкви, на которых возлагалась общая вина за случившееся.

Вечером на второй день восстания руководство Национальной Лиги по округу Вашингтона собрало срочное совещание в подвале дома Келлеров для выработки своей стратегии.

- Добралась без неприятностей? - спросил Гарри, когда Оскар и Аделаида вошли в комнату, опоздав на десять минут. В этот день президент объявил чрезвычайное положение и ввел военное положение в области столицы. С 18:00 действовал комендантский час, и военные патрули прочесывали улицы, обеспечивая его соблюдение. Кроме того, во многих местах было опасно из-за черных.

- Не особенно, - ответил Оскар. - Мы успели бы до комендантского часа, если бы я не натолкнулся на контрольно-пропускной пункт на Бульваре Вашингтона. Чтобы объехать его, я свернул в переулки. К несчастью, мой путь проходил через черный квартал, и кто-то сделал несколько выстрелов по автомобилю. Винтовочная пуля попала в заднее стекло и вышла через ветровое. Это было немного волнующе. Не хотел бы я возвращаться сегодня вечером по тому же пути. На всякий случай, мы взяли с собой спальные мешки, и я надеюсь, что у вас найдется для нас свободное местечко на полу.

Обсуждение сосредоточилось на методах использования восстания во имя собственных целей Лиги, несмотря на запрет правительства на публикации или действия, которые могут подстрекать к беспорядкам. Кевин Линден показал последний выпуск газеты «Вашингтон Пост». Главный заголовок кричал: «Черные отвечают насилием на расизм белых!» Под этим заголовком меньшим шрифтом было набрано: «Правительство должно удовлетворить жалобы черных и предотвратить ответ белых».

- Из этого совершенно ясно, какую линию будут проводить евреи в отношении восстания, - засмеялся Кевин. - До сих пор я думал, что они примкнули к Агентству, чтобы держать черных в рамках. Теперь, похоже, их главная забота - удержать нас. Они преуменьшают преступления мятежников и даже оправдывают их, точно также, как делали это до создания Агентства. Они даже не поднимают шума из-за факта, что черные, похоже, специально нападают на еврейские предприятия, чтобы разграбить и сжечь их.

- Это немного не так, - заметил Билл Карпентер. - У меня очень хорошие отношения с секретаршей из большой еврейской фирмы «Абрамовиц энд Коэн» внизу под залом моего офиса. Она рассказала мне, что вчера и сегодня еврейские бизнесмены весь день отчаянно названивали им, и что Абрамовиц просил их не волноваться, потому что правительство более чем покроет все их убытки по одному из положений закона Горовица. Я заглянул в этот закон, и конечно нашел в нем пункт, который предусматривает тройное возмещение всех потерь, понесенных в результате «расистских действий» любым лицом, относящимся к известным национальным меньшинствам. Обычно компенсация производится из конфискованного имущества преступника, но всякий раз, когда преступник неизвестен, или его нельзя заставить платить по любой другой причине, то вместо него потерпевшему платит правительство. Абрамовиц уверял звонивших, что все устроено так, что все убытки, понесенные евреями, будут списаны на преднамеренные нападения мятежников на евреев из «расистских» побуждений, которые, как члены известного нацменьшинства, получают тройную компенсацию. Забавно, сказала мне секретарша, что когда евреи услышали это от Абрамовица, некоторые из них расстроились еще больше. Один стонал, что только на прошлой неделе он представил данные инвентаризации своего ювелирного магазина. Если бы он знал, что произойдет восстание, то ценные бы свои запасы по крайней мере, вдвое выше. Он был безутешен. Другой плакал, что черные только разбили витрину его магазина одежды и утащили несколько пальто, вместо того, чтобы сжечь все дотла. А сам он боится вернуться и поджечь магазин!

- Превосходно! - воскликнул Оскар. - Едва ли можно желать более оскорбительного варианта. Представьте, что почувствуют Белые предприниматели, когда Федеральное казначейство в тройном размере возместит все убытки их конкурентам-евреям, в то время как большинство

Белых не получит ни цента даже от своих страховых компаний, потому что их страховки исключают убытки из-за войны или беспорядков.

- И все-таки я удивлен, - продолжил он. - Мой надежный источник информации в Агентстве говорил мне, что евреев очень беспокоит возможность, что они станут целью атак, если начнется восстание черных, и что при такой возможности это заставит их снова поддержать Агентство. Похоже, что евреи просчитали события немного по-другому, чем он думал. По крайней мере, они, конечно, были больше готовы к тому, что произошло, чем это казалось моему источнику, и даже обеспокоены вдвое меньше. Похоже, что все они готовы примкнуть к любой стороне, которая окажется для них наиболее выгодной. Должно быть, поздно ночью ко времени запуска в печать сегодняшнего выпуска «Вашингтон Пост» евреям стало ясно, что само это восстание не представляет для них никакой реальной угрозы, и что, пока Белые не стали слишком неуправляемыми, они могут спокойно вернуться к своей политике использования черных и других небелых в качестве своего основного оружия для уничтожения того, что осталось от Белого сопротивления их господству. А ненавидят ли их черные националисты или нет, не имеет для евреев никакого значения.

- Постоянная готовность двинуться в наиболее выгодном направлении - краеугольный камень живучести евреев в течение тысяч лет, - вмешался Гарри. - Надо всегда помнить, что в своих замыслах они никогда, именно никогда, не считаются ни с чьими интересами, кроме своих собственных. Многие политики и чиновники, которые думали, евреи - их союзники, убедились в этом на свое горе. Можете быть уверены - они продумали воздействие этого восстания черных на население, как извлечь из него выгоду, и как спасти свои задницы. Сначала евреи заставят СМИ создать впечатление, что на самом деле лишь они понесли потери; затем, когда все наперебой начнут требовать у правительства льготных возмещений ущерба, они прикажут своим марионеткам в Конгрессе и в христианских церквях начать кудахтать об ужасном «антисемитизме». Поверьте, лишь очень немногие бизнесмены наберутся смелости жаловаться в открытую, независимо от того, насколько это раздражает их лично.

- Хорошо, друзья. Хватит теорий, - резко начал Кевин. - Наша задача сегодня вечером - решить, что мы должны сделать, чтобы опрокинуть расчеты евреев и извлечь наибольшую выгоду из продолжающихся беспорядков в ближайшие дни и в последующие месяцы.

Обсуждение продолжалось до раннего утра. Общие выводы были таковы: правительство, видимо, обуздает восстание в течение одной-двух недель, даже при том, что множество армейских частей оказались неспособны справиться с мятежами черных, вспыхнувших в их собственных рядах; открытое обращение Лиги к Белым приведет к немедленному правительственному запрету Лиги; и что пришло время для Лиги бросить большую часть ее ресурсов в незаконную, подпольную деятельность.

Единственным исключением из этого последнего вывода были передачи Сола. Оскар и Сол успешно доказали, что Солу нужно оставаться в эфире, пока есть возможность, и продолжать склонять зрителей на свою сторону, чтобы Лига могла позже этим воспользоваться. В то же время Сол мог даже укрепить свои отношения с правительством, введя на следующей неделе в свои проповеди большую дозу «кесарю - кесарево» и другого красноречия о законе и порядке, когда правительство будет благодарно любой поддержке.

Однако другие намечаемые действия Лиги вряд ли могли вызвать любовь национальных политиков и правоохранительных органов. Лига решила использовать все доступные средства, чтобы предупредить Белое население страны не столько о расовой подоплеке идущего восстания, которая была более-менее очевидна, как о не столь явных целях евреев. Другими словами, они по существу решили распространять то же слово, что нес зрителям Сол, но через другие СМИ, без христианских атрибутов, и даже в более резких выражениях. Они будут использовать тайные радиопередатчики, сбрасывать с самолетов листовки, делать надписи краской в переходах над шоссе и запускать воздушные шары, чтобы возбудить как можно более сильные чувства против расовой политики правительства и возложить вину за эту политику прямо на еврейский контроль в СМИ. Это будет резкий разрыв с предыдущей политикой Лиги - строго законной, но все единогласно решили, что возможность, предоставленную восстанием, нужно использовать всеми доступными средствами, неважно, законные они или нет. В течение нескольких следующих недель правительство будет по уши занято попытками усмирения черных, так что умеренная осторожность в действиях должна была свести риск к минимуму.

В круг обязанностей Оскара, кроме его прежнего руководства программой Сола, вошло разворачивание передвижной пиратской радиостанции, с мощностью, достаточной для охвата столичной области Вашингтона и глубокого проникновения в соседние штаты. Перед тем как залечь в свой спальный мешок в ту ночь Оскар начал составлять список оборудования, которое Гарри должен будет достать для него на следующий день. Он прикинул, что должен начать вещание дня через три, если все будет в наличии.

Позже, когда Оскар и Аделаида лежали на полу в спальных мешках в углу темной комнаты, она сказала ему:

- Мы были слишком заняты, и я не могла сказать тебе раньше, но пока тебя не было, днем позвонила моя мама. Она смотрела какие-то новости о восстании в нашей области и встревожилась обо мне. Я спросила ее про дела в штате Айова, и она сказала, что у них довольно спокойно. Мама слышала сообщения по радио о стрельбе черных в Давенпорте и Сидар-Рапидс, но в утренней газете о этом ничего не было. Некоторые соседи заговорили о покупке большого количества ружей и патронов, но местный священник Мэлоун всем позвонил и попросил сохранять спокойствие и не делать ничего сгоряча. В прошлом были разговоры, что надо сжечь дотла лагерь вьетнамских переселенцев, который правительство построило два года назад как раз по дороге от нас, и он волновался, что кто-нибудь сделает это теперь.

- Чего еще можно ожидать от блаженного попа! - фыркнул Оскар. - Сейчас трудно сказать, как будут отвечать на все это люди в штате Айова и других частях страны, не очень затронутых восстанием, но спорю, что оно их немногому научит. Пока еврейство заправляет телевидением, которое они смотрят, и газетами, которые они читают, и пока приспешникам еврейства, вроде отца Мэлоуна, позволено делать их работу, овцы будут бодро шествовать на скотобойню.

- Ну, кроме банд вооруженных черных, рыскающих по сельской местности, есть вещи, которые могут расшевелить некоторых знакомых мне людей в Айове, - ответила Аделаида. На самом деле не всем им нравится правительство здесь, в Вашингтоне. Есть многое, что им не по душе. Но пока есть продукты в холодильнике, бензин в машине и передачи по телевизору, они ничего не будут предпринимать. Мой дедушка - не один в нашем округе, кто так думает, просто он - единственный, кто не боится, что скажет отец Мэлоун, и поэтому он говорит, когда другие молчат. Но если, например, несколько недель не будет электричества, и все продукты в холодильниках пропадут, и экраны телевизоров погаснут, у дедушки появится большая компания. Он мог бы даже собрать приличную толпу линчевателей и пойти судить отца Мэлоуна. Многие люди еще закипают от злости при мысли, что Мэлоун попросил Вашингтон поселить этих вьетнамцев в нашем округе.

- Надеюсь, ты права, любимая, - ответил Оскар. - Хочется надеяться, что у нашей расы еще осталось немного боевого духа. Теперь лучше поспи немного.

Он поцеловал ее, потом устроился поудобнее в своем спальном мешке, но заснул не сразу. Вместо этого он размышлял о новом положении, в котором он и его товарищи окажутся после восстания черных. Ему пришло в голову, как плохо, что черные столь скверно подготовили восстание. В конечном счете, они немногого добились, зарезав несколько тысяч «беляков», в то время как их осталось еще 150 миллионов. Вместо этого черные должны были ударить по экономической инфраструктуре страны: электростанциям, дамбам, заводам, узлам связи и транспорта, водо- и нефтехранилищам, всему, что можно сжечь или взорвать, затопить или отравить, должны были разорвать потоки товаров, остановить производство, выдернуть вилки холодильников по всей стране и заставить погаснуть экраны телевизоров. Возможно, тогда они довели бы Америку до настоящей гражданской войны; они смогли бы серьезно подорвать механизм еврейского влияния на умы людей и правительственную машину принуждения; они, возможно, достаточно надолго вывели бы Белых из равновесия, чтобы получить некоторые настоящие рычаги для выполнения своих требований.

Действительно, именно это Лига и должна сделать, а не просто ответить на восстание кратковременным всплеском новой пропаганды. Оскар надеялся, что сможет отказаться от своих одиночных диверсионных вылазок и их риска, заняться менее опасной и ненасильственной деятельностью, вроде руководства передачами Сола. Но он уже сделал свой выбор, когда Райан вынудил его, и выбрал движение вместо застоя. Действуя один, он не мог надеяться нанести большой ущерб экономической инфраструктуре, которого могли бы добиться сорок тысяч сплоченных и целеустремленных негритянских националистов, но он был способен на другое. Убив Райана, он значительно увеличил потенциал движения. Конечно, найдутся и другие лица на ключевых должностях, смерть которых также повлияет на ход событий. И ухудшающаяся экономика, и восстание черных ведут к все большей неустойчивости в стране, к такой обстановке, которую он должен обострять всеми доступными ему способами. Только в этой обстановке Лига могла надеяться на успех в борьбе с евреями за сердца и умы Белых соплеменников.

Он вздохнул. Да, следующие несколько дней он будет очень занят, выполняя порученные задачи. Но после этого придет время новой охоты.